

СЕРИЯ

Русская усадьба в мировом контексте

ВЫПУСК 10

В.Г. АНДРЕЕВА

*ЯСНАЯ ПОЛЯНА
ДО И ПОСЛЕ
УХОДА Л.Н. ПОЛСКОГО*

ЖИЗНЬ УСАДЬБЫ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВВ.

РУССКАЯ УСАДЬБА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Выпуск 10

RUSSIAN ESTATE IN A GLOBAL CONTEXT

Issue No. 10

Серия
РУССКАЯ УСАДЬБА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Редакционная коллегия серии:

*О.А. Богданова (председатель),
Е.Е. Дмитриева,
В.Г. Андреева, Г.А. Велигорский,
М.В. Скороходов, Е.Ю. Кнорре*

Ответственный редактор десятого выпуска:
М.В. Скороходов

Series
RUSSIAN ESTATE IN A GLOBAL CONTEXT

Editorial Board of Series:

*Olga A. Bogdanova (Editor-in-Chief),
Ekaterina E. Dmitrieva,
Valeria G. Andreeva, George A. Veligorsky,
Maxim V. Skorokhodov, Elena Yu. Knorre*

Executive Editor for Issue No. 10:
Maxim V. Skorokhodov

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.Г. Андреева

*ЯСНАЯ ПОЛЯНА
ДО И ПОСЛЕ
УХОДА Л.Н. ТОЛСТОГО:*

*ЖИЗНЬ УСАДЬБЫ
В
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
XX–XXI вв.*

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2026

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Valeria G. Andreeva

*YASNAYA POLYANA
BEFORE AND AFTER
LEO TOLSTOY'S ESCAPE:*

*LIFE OF THE ESTATE
IN
RUSSIAN
LITERATURE
OF THE 20th–21st CENTURIES*

MOSCOW
IWL RAS
2026

*Издание подготовлено и осуществлено
в ФГБУН «ИМЛИ им. А.М. Горького РАН»
за счет средств Российского научного фонда (РНФ),
проект № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.:
судьбы национального идеала»*

Рецензенты:

Толстой Владимир Ильич, генеральный директор, Государственный
музей-заповедник им. Л.Н. Толстого, Заслуженный работник культуры
Российской Федерации

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Андреева В.Г.

А 35 Ясная Поляна до и после ухода Л.Н. Толстого: жизнь усадьбы в русской литературе XX–XXI вв.: монография / отв. ред. М.В. Скороходов. — М.: ИМЛИ РАН, 2026. — 496 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 10).
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0859-2>
<https://elibrary.ru/OVNTWT>
ISBN 978-5-9208-0859-2
ISBN 978-5-9208-0635-2 (серия)

В новой книге В.Г. Андреевой рассмотрены противоречия во взглядах позднего Л.Н. Толстого на усадьбную жизнь: с одной стороны, привязанность к родовым усадьбам, с другой — резкая критика их владельческого статуса, связанного с эксплуатацией людей. На основе произведений великого писателя, мемуарной литературы его родных и помощников исследованы усадьбные традиции в семье Толстых в 1880–1910-е гг., выявлены и изучены усадьбные мотивы в позднем творчестве Толстого, показано формирование образа дома-усадьбы в непосредственной близости к природе.

Еще при жизни Толстого Ясная Поляна стала местом всемирного паломничества с целью увидеть русскую усадьбу как поле хозяйственных экспериментов и литературных трудов классика. Поток посетителей не иссякает до сих пор — усадьба-музей стала мощным транслятором творческой энергии одного из самых ярких создателей «усадьбного текста» русской литературы.

Особое внимание уделено топике Ясной Поляны в документальной и художественной литературе XX–XXI вв. Изучена рецепция толстовских мотивов и образов, составляющих «усадьбную» традицию отечественной литературы, в произведениях советских (М.А. Шолохов, М.М. Пришвин, Б.Л. Пастернак, К.А. Федин, М.А. Булгаков, К.Г. Паустовский, Б.Ш. Окуджава) и постсоветских (Г.Н. Владимов, В. Старой, В.О. Пелевин, П.В. Басинский) писателей. Установлено, что советские авторы зачастую утверждали усадьбные ценности имплицитно; постсоветские — актуализируют их с помощью художественных средств эпохи постмодерности.

Издание адресовано литературоведам, историкам и культурологам, а также учащимся и всем заинтересованным читателям.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Ясная Поляна, усадьба, «усадьбный топос», «усадьбный локус», рецепция, советская литература, усадьба-музей, паломничество, русская литература конца XX–XXI вв.

*The publication was prepared and implemented
in the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
at the expense of the Russian Science Foundation (RSF),
project No. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st centuries:
the Fate of the National Ideal”*

Reviewers:

Vladimir I. Tolstoy, General Director, Leo Tolstoy State Museum,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation

Dmitriy A. Romanov, DSc in Philology,
L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University

Valeria G. Andreeva

Yasnaya Polyana before and after Leo Tolstoy’s Escape: Life of the Estate in Russian Literature of the 20th–21st Centuries: Monograph / ex. ed. Maxim V. Skorokhodov.
Moscow, IWL RAS Publ., 2026. 496 p. (Series: “Russian Estate in a Global Context.”
Issue 10).

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0859-2>

ISBN 978-5-9208-0859-2

ISBN (books series) 978-5-9208-0635-2

V.G. Andreeva’s new book examines the contradictions in Leo Tolstoy’s late views on estate life: on the one hand, an attachment to family estates, on the other, a sharp criticism of their status as owners, associated with the exploitation of people. Drawing on the great writer’s works and the memoirs of his relatives and assistants, the book explores the estate traditions of the Tolstoy family from the 1880s to the 1910s, identifies and examines estate motifs in Tolstoy’s late works, and demonstrates the development of the image of the estate house in close proximity to nature.

Even during Tolstoy’s lifetime, Yasnaya Polyana became a place of worldwide pilgrimage, seeking to see the Russian estate as a site of the classic writer’s economic experiments and literary works. The flow of visitors continues unabated — the estate museum has become a powerful transmitter of the creative energy of one of the most prominent creators of the “estate text” in Russian literature.

Particular attention is given to the topic of Yasnaya Polyana in documentary and fiction literature of the 20th and 21st centuries. The reception of Tolstoy’s motifs and images, which constitute the “estate” tradition of Russian literature, is studied in the works of Soviet (M.A. Sholokhov, M.M. Prishvin, B.L. Pasternak, K.A. Fedin, M.A. Bulgakov, K.G. Paustovsky, B.Sh. Okudzhava) and post-Soviet (G.N. Vladimov, V. Staroy, V.O. Pelevin, P.V. Basinsky) writers. It is established that Soviet authors often implicitly affirmed the estate’s values, while post-Soviet ones update them using the artistic tools of the postmodern era.

This publication is intended for literary scholars, historians and cultural studies scholars, as well as students and all interested readers.

Keywords: L.N. Tolstoy, Yasnaya Polyana, Estate, “Estate Topos”, “Estate Locus”, Reception, Soviet Literature, Estate-Museum, Pilgrimage, Russian Literature of the Late 20th–21st Centuries

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Л.Н. Толстой и его яснополянская «вселенная»	18
--	----

Часть I.

Образ усадьбы в позднем творчестве Л.Н. Толстого

Глава 1

Помещики, землевладельцы и усадебная жизнь в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»	28
--	----

Глава 2

Усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле	49
--	----

Глава 3

Экспликация «усадебно-дачного топоса» в «Круге чтения» Л.Н. Толстого	72
---	----

Глава 4

Эпистолярное наследие Л.Н. Толстого рубежа XIX–XX вв.: мотив чтения в усадьбе	93
--	----

Глава 5

Л.Н. Толстой об усадьбе XX в.: от «цивилизации машин» к новому природному дому восточного типа	116
---	-----

Часть II.

Ясная Поляна в воспоминаниях современников

Глава 1

Ясная Поляна — второй дом Т.А. Кузминской: образ усадьбы в книге свояченицы Л.Н. Толстого	146
--	-----

Глава 2

«Наконец пришла мне мысль убежать... И убежать прямо в Ясную»: усадебный мир в мемуарах Т.Л. Сухотиной-Толстой.	160
--	-----

Глава 3

Усадьбная жизнь в «Яснополянских записках»

Д.П. Маковицкого. 174

Глава 4

Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909–1910 гг.

(мемуаристика В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева,

А.Б. Гольденвейзера) 196

Часть III.

«Усадьбный топос» Л.Н. Толстого

в произведениях советских и постсоветских писателей

Глава 1

Помещичья усадьба в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»:

творческое освоение художественных открытий Л.Н. Толстого . . . 220

Глава 2

Трудный путь познания себя и мира: «усадьбное» родство

автобиографических героев Л.Н. Толстого и М.М. Пришвина . . . 237

Глава 3

От утраченного «усадьбного рая» к обретению нового дома:

толстовские мотивы в романе Б.Л. Пастернака

«Доктор Живаго» 261

Глава 4

Усадьбный мир русской классики

в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского. 286

Глава 5

Поэтика усадьбы в романе В. Старого «Пьер и Наташа» —

современном «продолжении» «Войны и мира» 312

Часть IV.

Локус Ясной Поляны в русской литературе XX–XXI вв.

Глава 1

«Усадьбный миф» и локус Ясной Поляны

в «Записках на манжетах» М.А. Булгакова 338

Глава 2

Ясная Поляна как «сердце России» в романе

К.А. Федина «Костер»: «усадьбный текст»

в литературе соцреализма 351

<i>Глава 3</i>	
Топика Ясной Поляны в романе Б.Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Странный водевиль»	388
<i>Глава 4</i>	
Генерал Гудериан в усадьбе Л.Н. Толстого (по роману Г.Н. Владимова «Генерал и его армия»)	402
<i>Глава 5</i>	
Деконструкция яснополянского мифа в романе В.О. Пелевина «Т»	421
<i>Глава 6</i>	
Книга П.В. Басинского «Л.Н. Толстой: бегство из рая»: беллетризированная биография как литературное «расследование».	436
Заключение	
Л.Н. Толстой и современность: возвращение в Ясную Поляну	456
Список иллюстраций	460
Список использованной литературы	464
Список принятых сокращений. <i>Составитель Е.Ю. Живица</i>	484
Указатель имен. <i>Составитель Е.Ю. Живица</i>	486

CONTENTS

Introduction

L.N. Tolstoy and His Yasnaya Polyana “Universe”	18
---	----

Part I.

The Image of the Estate in L.N. Tolstoy’s Late Works

Chapter 1

Landlords and Landowners in Leo Tolstoy’s Novel “Anna Karenina”	28
--	----

Chapter 2

Estates in Leo Tolstoy’s Novel “Resurrection”: from the Denunciation of Luxury to Life on the Land.	49
--	----

Chapter 3

Explication of the “Estate-Dacha Topos” in Leo Tolstoy’s “Circle of Reading”	72
---	----

Chapter 4

Leo Tolstoy’s Epistolary Legacy at the Turn of the 20 th Century: the Motif of Reading in the Estate	93
--	----

Chapter 5

Leo Tolstoy about the Estate of 20 th Century: from the “Civilization of Machines” to a New Natural Home of the Eastern Type.	116
--	-----

Part II.

Yasnaya Polyana in the Memoirs of the Contemporaries

Chapter 1

Yasnaya Polyana as T.A. Kuzminskaya’s Second Home: the Image of the Estate in the Book by Tolstoy’s Sister-in-Law. . . .	146
---	-----

Chapter 2

“Finally, the Thought Came to Me to Escape... and Escape Straight to Yasnaya”: the Estate World in the Memoirs of T.L. Sukhotina-Tolstaya	160
---	-----

Chapter 3

Estate Life in D.P. Makovitsky's "Yasnaya Polyana Notes". 174

Chapter 4

Leo Tolstoy and Yasnaya Polyana in 1909–1910:

Memoirs by V.F. Bulgakov, N.N. Gusev and A.B. Goldenweiser . . . 196

Part III.

L.N. Tolstoy's "Estate Topos" in the Works of Soviet and Post-Soviet Writers

Chapter 1

The Landowner's Estate in M.A. Sholokhov's Novel "Quiet Flows
the Don" as Reflected in L.N. Tolstoy's Artistic Discoveries 220

Chapter 2

The Difficult Path of Understanding Oneself and the World:
the "Estate" Relationship of Autobiographical Heroes
of L.N. Tolstoy and M.M. Prishvin 237

Chapter 3

From the Lost "Estate Paradise" to the Acquisition of a New Home:
Tolstoy's Motifs in B.L. Pasternak's Novel "Doctor Zhivago" 261

Chapter 4

The Estate World of Russian Classics
in K.G. Paustovsky's "A Tale of Life" 286

Chapter 5

The Poetics of the Estate in V. Staroy's Novel "Pierre and Natasha" —
a Modern "Continuation" of "War and Peace" 312

Part IV.

The Locus of Yasnaya Polyana in Russian Literature of the 20th–21st Centuries

Chapter 1

The "Estate Myth" and the Locus of Yasnaya Polyana
in M.A. Bulgakov's "Notes on the Cuffs" 338

Chapter 2

Yasnaya Polyana as the "Heart of Russia"
in K.A. Fedin's Novel "The Bonfire":
"The Estate Text" in Socialist Realist Literature. 351

<i>Chapter 3</i>	
The Topics of Yasnaya Polyana in B.Sh. Okudzhava's Novel "The Adventures of Shipov, or the Old Vaudeville".	388
<i>Chapter 4</i>	
General Guderian at Leo Tolstoy's Estate (Based on G.N. Vladimov's Novel "The General and His Army") . . .	402
<i>Chapter 5</i>	
Deconstructing the Yasnaya Polyana Myth in V.O. Pelevin's Novel "T"	421
<i>Chapter 6</i>	
Yasnaya Polyana in P.V. Basinsky's Book "L.N. Tolstoy: Escape from Paradise": Fictionalized Biography as Literary "Investigation".	436
Conclusion	
L.N. Tolstoy and Modernity: Return to Yasnaya Polyana	456
List of Illustrations	460
References	464
List of Accepted Abbreviations . <i>Comp. by E.Yu. Zhivitsa</i>	484
Index of Names . <i>Comp. by E.Yu. Zhivitsa</i>	486

BBEDEHME

Л.Н. Толстой и его яснополянская «вселенная»

Л.Н. Толстой уже при жизни стал писателем, известным всему миру, и популярность его продолжает расти. Прозу и публицистику Толстого переводят в большинстве стран мира, на разных континентах. Стремление писателя к гармоничной жизни, путь самоусовершенствования и борьбы с пороками, который он утверждал личным примером, мечта о счастье всех людей, не покупающемся мучительным страданием, а достижимом благодаря чуткому, бережному отношению людей друг к другу, находят отклик в сердцах не только наших соотечественников, но и представителей многих национальностей.

К концу XIX – началу XX в. Толстой был в России одним из самых ярких и известных литераторов, мыслителей, общественных деятелей, не скрывавших своей позиции, выступавших против угнетения простого народа. Мнение Толстого в 1890–1910-е гг. становится одним из самых авторитетных в России. Некоторые произведения классика, особенно публицистические, попадали под запрет цензуры, Толстого предавали анафеме, многих единомышленников, секретарей, переписчиков его статей подвергали ссылкам и заключению, однако толстовский голос правды и совести продолжал звучать.

Толстой не стал эмигрантом, хотя мог бы им быть. Уместно привести замечание П.Д. Боборыкина, который условно назвал Толстого «типичным эмигрантом», вспоминая « всю совокупность его деятельности за последние двадцать лет его жизни, его пропаганду, его credo неохристианского анархиста чистой воды »¹. П.Д. Боборыкин писал:

¹ Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 2. С. 539.

И если его не судили и не сослали без суда, то потому только, что власть боялась его популярности и прямо не преследовала его, но все-таки он умер официально отлученным от государственного-полицейской православной церкви².

Как мы покажем далее в этой книге, писатель был готов покинуть Россию после жандармского обыска, проведенного в усадьбе Ясная Поляна в июле 1862 г. в его отсутствие. Тогда против мысли о решительном отъезде за границу, которую Толстой был готов реализовать, выступил его будущий тесть А.Е. Берс, а к мнению последнего писатель прислушивался. В поздний период творчества Толстой ведет борьбу с несправедливостью на страницах своих произведений. Российское правительство опасалось силы классика русской литературы, но, к счастью властей, известный писатель, наряду с антиправительственными высказываниями и максимальным снижением авторитета власти, проповедовал принцип непротивления злу силой.

Однако борьба за народ и его права, за рост и распространение просвещения и образования, за мир велась Толстым именно потому, что он бескорыстно любил Россию и свой дом. Вряд ли найдутся образованные люди, которые не слышали о *Ясной Поляне* — усадьбе Толстого. Усадебная тема, проблема правильного хозяйства в творчестве Толстого является одной из центральных, поскольку именно к форме лучшего усадебного устройства всю жизнь стремился сам писатель, начиная с ухода из Казанского университета и определения плана собственного развития в 1847 г. и до конца первого десятилетия XX в. Наверное, лучше всего о своей усадьбе и ее роли в жизни сказал сам Толстой в незавершенном очерке «Лето в деревне», где он представил итоги своего лета в Ясной Поляне 1858 г.:

Много все говорили о будущем освобождении крестьян, и я говорил не меньше других. Понятно, что этот вопрос занимает

² Там же. С. 507.

всех, в особенности же нас, маленьких помещиков, живавших в деревне, родившихся в деревне и любящих свой уголок, как свою маленькую родину. Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его³.

При всей значимости усадебной темы для творчества Толстого и при осознаваемой всеми неразделимости фигуры писателя и образа его усадьбы до сих пор в литературоведении отношение классика к усадебной жизни остается недостаточно освещенным. Изданы важные и интересные монографии и статьи, посвященные быту Толстых, жизни в Ясной Поляне, самой усадьбе и затем — усадьбе-музею⁴. Однако усадебной теме в прозаическом и публицистическом творчестве Толстого посвящены лишь отдельные работы о 1850–1870-х гг. в жизни Толстого⁵. Внимание ученых, в том числе зарубежных, уделяется рассказу «Утро помещика»⁶. Е.В. Подарцев прослеживает определенную эволюцию в описании усадеб в произ-

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958. Т. 5. С. 262. В дальнейшем ссылки на все тексты Толстого приводятся по данному изданию и даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.

⁴ Семенов К.С. Музей-усадьба Ясная Поляна. Заповедник. Очерк-путеводитель. Тула: Кн. изд-во, 1956. 96 с; Пузин Н.П. Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 1998. 133 с; Никитина Н.А. Ясная Поляна. Путешествие с Львом Толстым. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 2002. 208 с; Алексеева Г.В. Личная библиотека Л.Н. Толстого как музейная коллекция и как объект научных исследований // Литературные музеи в контексте истории и культуры. М.: Литературный музей, 2019. С. 116–125; Кулешова М.Е. Русская усадьба как перспективный объект Всемирного наследия ЮНЕСКО: на примере «Ясной Поляны» Л.Н. Толстого // Наследие и современность. 2020. Т. 3, № 4. С. 109–127.

⁵ Подарцев Е.В. Мир русской усадьбы в творчестве Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2008. 171 с; Подарцев Е.В. Русская усадьба в произведениях Льва Толстого // Литература в школе. 2010. № 5. С. 16–20; Сафонова Т.В. Усадебная культура в художественном сознании Л.Н. Толстого // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2014. № 3 (11). С. 69–76.

⁶ Annunziata A. Tolstoy, Rousseau, and the Russian Estate: The Search for Paradise in Landowner's Morning // Tolstoy Studies Journal. 2011. Vol. XXIII. P. 1–10.

ведениях Толстого, начиная с раннего творчества («Детство», «Утро помещика», «Семейное счастье») и заканчивая более поздними произведениями («Война и мир», «Анна Каренина»). Однако при множестве мемуарных источников и рассказов близких людей Толстого о его реальном бытии *образ усадебной жизни в художественном творчестве писателя 1880–1910 гг. практически не изучен*. Не исследована и *рецепция толстовской усадебной жизни и мысли в советской литературе*, в которой она отозвалась по-своему, но с удивительной силой и яркостью — к этим вопросам мы обратимся в нашей книге.

Данная монография написана в рамках проекта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала». Интенсивная работа над книгой велась в последние два года. Благодатной атмосфере для создания монографии способствовали ежегодные научные конференции, проводимые по указанному гранту, а также организованные выездные мероприятия, во время которых появлялась возможность полевых исследований усадеб. Разумеется, большое значение для появления этой книги имели личные поездки автора и командировка по гранту в Ясную Поляну, где всегда непосредственно ощущается присутствие Толстого — на территории усадьбы находится могила писателя, в доме-музее сохранены многие вещи классика и членов его семьи, наконец, весь ландшафт усадебного мира пронизан воспоминаниями о Толстом.

В нашей книге, почти в каждой главе, так или иначе отражена мысль о том, что и в XIX в., при жизни Толстого, и особенно после его смерти, когда в разы возросло значение наследия писателя, и сейчас, в наше время, Ясная Поляна была и остается глубоко связанной с именем Толстого и всей его деятельностью. Усадьба означала для писателя намного больше, чем просто дом: Ясная Поляна стала и семейным гнездом, и желаемым образом «рая на земле», и местом творчества и хозяйственных экспериментов, крепостью и убежищем, а также целью паломничества людей со всей России и со всего мира.

Нередко противопоставлявший свою *уездную усадьбу* Ясная Поляна *городским* домам, а жизнь на земле — существованию в Москве и Петербурге, Толстой оказался главным организатором и устроителем своего бытия, именно он выбирал, где будет жить его семья. При этом Ясная Поляна постепенно обретает славу как главное место жизни учителя и правдоискателя, становится крупнейшим центром литературы, культуры, образования и т. д.

Через большую часть своего долгого 82-летнего земного пути Толстой пронес удивительный парадокс. С одной стороны, он ощущал себя наследником древних аристократических родов и не мог расстаться со своей усадьбой надолго, постоянно возвращаясь в Ясную Поляну при разных жизненных тяготах и обидах, переживая там сложные периоды, стремясь упрочить свое семейно-потомственное гнездо, чтобы оно могло выдержать любые внутренние и внешние бури. С другой стороны, Толстой с молодых лет выступал за упрощение усадебной жизни, склонялся к аскетизму, требовал от себя и близких уважительного отношения к простому народу и слугам, говорил о необходимости равенства людей, отстаивал идею социальной справедливости. Очевидно, что в свете перечисленных требований *прежние формы жизни в усадьбе нуждались в переосмыслении и серьезной трансформации.*

Смелость и решимость Толстого проявилась в последовательном проведении необходимых изменений, которые писатель начинал с себя и своей семьи. При этом Толстому, ушедшему вперед в нравственном развитии, бывшему на 16 лет старше супруги, никогда не замыкавшемуся только на проблемах дома и детей, приходилось одновременно и продолжать прежнюю усадебную жизнь, к которой привыкли его близкие, и определять новый распорядок, полагаясь на свое видение.

Между тем Толстой, как и герой его романа «Воскресение» Дмитрий Нехлюдов, попадает в сложную ситуацию выбора и зависимости от сложившихся условий и своего социального положения. Желая уйти от роскоши жизни, отказаться от высшего света, Толстой не может сделать этого

в силу необходимости как просвещения народа, так и продолжения своей творческой деятельности. Писатель двойственно относился к славе: тщеславный от природы, Толстой всегда боролся с этим качеством, а в поздний период жизни он, с одной стороны, чуждался славы, с другой — принимал ее, поскольку это позволяло влиять на положение в стране, быть *центром яснополянской «вселенной»*, куда стекались за советами, наставлениями, добрыми словами люди со всего мира. В конце XIX в. паломничество к Толстому достигает пика, а когда писатель умирает в разгар своей славы, поток людей продолжает идти к месту его жизни, трудов и экспериментов — в Ясную Поляну.

Вопрос об *исключительности и энергетической силе усадебного локуса Ясной Поляны* не раз возникает на страницах прозаических произведений XX и XXI вв. Советские и постсоветские писатели рассматривают Ясную Поляну как особое «место силы» для многих русских людей. Этот факт связан не только с трогательной привязанностью писателя к своему родовому гнезду, долгими годами, проведенными им в усадьбе, но и с огромной популярностью, которую Ясная Поляна приобрела в мире благодаря литературной величине Толстого, значимости его трудов, притоку к нему посетителей, увозивших с собой в разные уголки мира *представление о настоящей русской усадьбе*.

Г.А. Велигорский в названии своей монографии, ставшей 7-м выпуском в серии «Русская усадьба в мировом контексте» (наша книга является выпуском 10-м), использует очень удачное и меткое выражение — «национальный культурный код»⁷. С уверенностью можно сказать, что Ясная Поляна во многом определяет и формирует этот код — как потомственное имение великого русского классика, ставшее ныне национальным достоянием.

⁷ Велигорский Г.А. «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века: монография / отв. ред. В.Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 7)

По своей известности Ясная Поляна по праву занимает почетную позицию в начале списка всех литературных усадеб России, являясь объектом культурного наследия федерального значения. Также в 2011 г. личная библиотека Льва Толстого и коллекция рукописей, фотографий и фильмов, которая находится в Ясной Поляне, была внесена в реестр «Память мира» — программу ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) по защите всемирного документального наследия. Не случайно исследователи, пишущие о разных усадьбах, ставших музеями и музейными комплексами, на первое место, как правило, ставят Ясную Поляну:

В помещичьих усадьбах шла насыщенная творческая жизнь, велись оживленные дискуссии, задумывались и создавались произведения живописи, литературы, музыки, статьи критиков. Достаточно вспомнить усадьбы, в которых сейчас работают музеи-заповедники, такие как *Ясная Поляна*, Спасское-Лутовиново, Тарханы, Остафьево, Хмелита и многие другие (Курсив мой. — В.А.)⁸.

Во вторую половину жизни Толстой не выезжал из России, однако в начале XX в. писатель и его усадьба становятся известными во многих странах и на всех континентах, Толстой оказывается *подлинным гражданином мира*, не теряя при этом своей национальной сущности. На склоне лет писатель выступал своеобразным посредником в межкультурном диалоге, знакомя русских читателей с наследием писателей и мыслителей Запада и Востока. При этом мысли и образ жизни Толстого в Ясной Поляне уверенно «считывались», а порою и копировались последователями и подражателями, считавшими его учителем и наставником.

⁸ Скороходов М.В. Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е.В. Глухова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 16. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4)

Паломничество в Ясную Поляну способствовало превращению провинциальной усадьбы средней руки в *особый духовный центр России*, в противовес столицам и большим городам. В данной монографии мы постараемся показать, как идея прибыли, получаемой от имений, тем более — образ роскошной усадебной жизни (в усадьбах дворцового типа) постепенно отступают для писателя на второй план. Толстой был готов поставить под сомнение барский характер русской усадьбы, его идеалом в последние двадцать лет жизни становится *усадьба — частный дом*, содержащийся силами одной семьи, в которой сам хозяин выступает основным работником.

Особый акцент сделан в нашей книге на образе *усадебного детства*, именно оно для писателя и его детей становится невозвратимым во взрослой жизни «раем», который с самоотверженной любовью устраивается родителями. Отмечаются преимущества усадебной жизни (в ее толстовском варианте) как одной из лучших форм хозяйствования на земле и становления человека.

Параллельно с усадьбой во всех частях книги немалое внимание уделяется *феномену дачи* (эмпирической — дореволюционной и советской, в составе дачных поселков, а также даче литературной — как художественному образу).

В изучении усадьбы в творчестве Толстого, рецепции наследия классика, использовании советскими и постсоветскими писателями образа Ясной Поляны и мифов о ней — основными научными подходами стали контекстуальный и мифопоэтический.

Первая часть нашей монографии обращена к собственно толстовскому видению усадьбы и ее новых форм в поздний период творчества писателя; параллельно представлены характерные для Ясной Поляны усадебные традиции и ценности. Затронуты такие темы и подтемы, как *русская усадьба и Азия* (увлеченность позднего Толстого философией и жизнью восточных стран), *усадьба и война* (при освоении толстовских мотивов и образов в изображении войн XX в.), *усадьба-крепость*, *усадьба-музей*, *усадьба — частный дом* и т. п. Вторая

часть книги посвящена анализу воспоминаний о Толстом и усадебной жизни его семьи в Ясной Поляне, которые уже не раз использовались в литературе о писателе, но вне усадебной тематики. В третьей части прослежена рецепция толстовских усадебных мотивов и образов в советской и постсоветской художественной литературе. Наконец, в четвертой части рассмотрен конкретный локус Ясной Поляны, воспроизведенный в русской прозе XX–XXI вв.

ЧАСТЬ I

*ОБРАЗ УСАДЬБЫ
В ПОЗДНЕМ ПЬОРЧЕСПВЕ
Л.Н. ПОЛСПОГО*

ГЛАВА 1

Помещики, землевладельцы и усадебная жизнь в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

В русских романах конца 1860–1870-х гг. упоминаются преобразования Александра II, проведенные фактически во всех областях русской жизни. Большинство писателей прямо не говорили о реформе образования, Земской и Судебной реформах, однако перед русскими классиками остро стоял вопрос о месте и роли дворянства в новых экономических условиях, об участии помещиков в общественной и экономической жизни страны. Многие литераторы очень точно представили процесс оскудения помещиков, положения усадеб в пореформенную эпоху. Проблемы частной собственности, умения распоряжаться имуществом, отношения к земле и к народу в 1870-е гг. становятся первостепенными. Именно в это время русские писатели пытались найти нового героя-хозяина, который бы сохранил все лучшее, что свойственно дворянской культуре, а вместе с тем был бы способен к глобальным изменениям, диктуемым жизнью. Новые экономические условия требовали серьезной вовлеченности хозяев усадеб во все актуальные проблемы организации быта. Именно в пореформенное время набирает темп процесс обнищания среднепоместного дворянства, полагавшегося на управляющих и передоверявшего дела приказчикам. В этих условиях толстовская Ясная Поляна становится одним из примеров достаточно замкнутой и сосредоточенно ведущейся хозяйственной работы под руководством владельца усадьбы.

После педагогических экспериментов Толстого, проводимых им в начале 1860-х гг. и не свернутых полностью, писатель пере-

стал издавать журнал «Ясная Поляна» и несколько отдалился от занятий учительскими делами, но школы для крестьянских детей существовали в усадьбе и далее — Толстой основательно и с большим увлечением начинает заниматься хозяйством.

23 сентября 1862 г. Толстой женился на С.А. Берс и привез молодую жену в Ясную Поляну, полноправной хозяйкой которой она стала. Женитьба по любви сделала писателя одним из самых счастливых людей, а Ясную Поляну, соответственно, лучшим местом на земле, какое только могло быть. 17–20 сентября 1862 г. Толстой писал гр. А.А. Толстой: «<...> Я счастлив, как не был с тех пор, как родился» (т. 60, с. 447). 28 сентября 1862 г. Толстой сообщал ей же из Ясной Поляны: «Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос жены, которая говорит с братом и которую я люблю больше всего на свете» (т. 60, с. 448).

Толстой и до этого времени всегда трепетно относился к своей усадьбе, именно в Ясной Поляне реализовывалось большинство из его жизненных экспериментов. Но еще с юности у Толстого было особенно ревностное отношение к членам семьи и яркое представление своей семьи в будущем как объединения нескольких поколений *в большом доме под началом его самого*. Уместно тут процитировать строки из написанного в Моздоке по-французски письма Толстого к Т.А. Ергольской от 12 января 1852 г.:

<...> я позволю себе еще мечтать о другом. Я женат — моя жена кроткая, добрая, любящая, и она вас любит так же, как и я. Наши дети вас зовут «бабушкой»; вы живете в *большом доме, наверху, в той комнате*, где когда-то жила бабушка; *все в доме по-прежнему, в том порядке*, который был при жизни папа, и мы продолжаем ту же жизнь, только переменив роли: вы берете роль бабушки, но вы еще добрее ее, я — роль папа, но я не надеюсь когда-нибудь ее заслужить; моя жена — мама, наши дети — наши роли: Машенька — в роли обеих тетенок, но не несчастна, как они... Три новых лица будут являться время от времени на сцену — это братья и, главное, один из них — Николенька, который будет часто с нами <...> (Курсив мой. — В.А.) (т. 59, с. 162).

Потерявший мать в то время, когда ему еще не было двух лет, лишившийся отца в девять, Толстой отчасти идеализировал семью родителей, связывал с ней все самое доброе и мечтал о построении своего семейного счастья. Обратим внимание на обозначенные нами курсивом слова, относящиеся к *дому*. Для Толстого важно и значимо, чтобы воссоздание семьи было осуществлено *именно в Ясной Поляне*, доставшейся ему по наследству (не случайно в мечтах писателя не он приезжает к братьям, а три брата (в то время, в 1852 г., все три брата Толстого были еще живы) наведываются в Ясную Поляну).

В романе-эпопее «Война и мир», написанной в Ясной Поляне, в пору наивысшего семейного счастья, рождения у Толстых первых детей, усадебная жизнь связана в большей степени не с ожиданиями и опытом *самого писателя*, а с историями жизни *его родителей, дедушек и бабушек*:

Люди эти — русское дворянство, русская аристократия той «первой поры», в которую — тогда Толстой чувствовал это необычайно остро — уходят и его собственные духовные корни¹.

Конечно, в описании жизни и быта Ростовых и Болконских многое было для Толстого и лично близким, однако свой опыт создания семьи, свои мечты встретить супругу-хозяйку и помощницу Толстой в полной мере реализовал в романе «Анна Каренина». Обратим внимание, что описание жизни автобиографического героя Константина Левина Толстой начинает именно с дома (прообразом Покровского в романе стала, конечно, Ясная Поляна):

Дом был большой, старинный, и Левин хотя жил один, но топил и занимал весь дом. Он знал, что это было глупо, знал, что это даже нехорошо и противно его теперешним новым планам, но дом этот был целый мир для Левина (т. 18, с. 101).

В вышеприведенном письме к А.А. Толстой от 28 сентября 1862 г. писатель упоминает одну из важнейших для усадебной

¹ Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 222.

жизни категорий — категорию порядка, однако не в плане правильной организации жизни и упорядоченности вещей, а в плане определенной заданности жизни с ее темпом, размеренностью:

Когда буду спокойнее, напишу Вам длинное письмо — не то, что спокойнее, — я теперь спокоен и ясен, как никогда не бывал в жизни, но когда буду привычнее (т. 60, с. 448).

В Софье Андреевне Берс писатель нашел не только любящую жену и верную спутницу жизни, но и прекрасную хозяйку, немало помогавшую Толстому после замужества. Тут уместно отметить, что в семье Берсов девочек воспитывали с учетом их роли в усадьбной жизни: Лиза, Соня и Таня Берс по очереди вели дежурство по кладовой, выдавали кухарке провизию и т. д.

Сразу после женитьбы Толстой откладывает хозяйственные эксперименты, поскольку к ним была менее всего готова его молодая супруга. 25 сентября 1862 г. писатель сообщает Т.А. Берс, как юная Соня в Ясной Поляне «играла в большую и в барыню» (т. 60, с. 447). С.А. Толстая будет осваивать свою роль хозяйки Ясной Поляны постепенно. Тут уместно упомянуть, что писатель выразил свои еще холостяцкие мечты об образе жены с помощью внутренних монологов Левина в «Анне Карениной»:

Выйти с женой и гостями встречать стадо... Жена скажет: мы с Костей, как ребенка, выхаживали эту телку. Как это может вас интересовать? — скажет гость. Все, что его интересует, интересует меня (т. 18, с. 102).

Данная цитата наглядно рисует нам хозяина как представителя помещиков средней руки, максимально вовлеченного в заботу о доходности имения и его гармоничного устройства. Лучше всего рассуждения Толстого о хозяйстве и его включенность в работу по преобразованию имения видны в переписке с А.А. Фетом. Приведем несколько знаковых примеров.

В феврале 1860 г. Фет сообщает Толстому о своем намерении стать землевладельцем, пишет о предполагаемой покупке имения

около Черни². Толстой искренне радуется решению Фета стать хозяином-землевладельцем, еще одному (помимо литературы) их сближению. 23 февраля 1860 г. Толстой отвечает Фету: «Нашему полку прибудет, и прибудет отличный солдат. Я уверен, что Вы будете отличный хозяин. Но дело в том, что вам купить?» (т. 60, с. 324). Далее Толстой в деталях описывает имение Телятинки, которое было расположено недалеко от Ясной Поляны и принадлежало А.Н. Бибикову (впоследствии это имение было куплено самими Толстыми, точнее, дочерью писателя, А.Л. Толстой). Интересно, что в письме Толстым представлена правдивая картина состояния усадьбы относительно земли и крестьян, общая оценка живописности имения и сохранности построек:

А есть рядом со мной, межа с межой, продающееся именье в 400 десятин хорошей земли и, к несчастью, еще с 70 душами скверных крестьян. <...> Местоположение и по живописности, и по близости шоссе и Тулы очень хорошо, грунт хороший, суглинок. Именье расстроенное, то есть усадьба старая, разломанная, однако есть дом и сад. Все это надо сделать заново (т. 60, с. 324).

Писатель приводит и несколько расчетов по примерной доходности имения с учетом определенных вложений и без них.

В письме от 20 июня 1860 г. Толстой делился с Фетом своим трехлетним опытом хлебопашества, прося не пропустить его, «как болтовню», а принять во внимание. Писатель настаивал на личном участии хозяина во всех делах и постоянном контроле, который возможен только в случае обозримой величины имения:

<...> И с 15 десятинами нужна деятельность, поглощающая всего. Но тогда может быть награда, одна из самых приятных в жизни, а с 90 десятинами есть труд почтовой лошади и не может быть успеха (т. 60, с. 343).

² Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 340.

В личности Фета органически, хотя и несколько по-другому и в иной пропорции соединялись те же две стороны — хозяйственная и поэтическая — которые были свойственны и натуре Толстого. Отсюда и сочетание в письмах классиков поэтических отступлений и шедевров с будничными и хозяйственными моментами. Хозяйственная деятельность в посланиях корреспондентов нередко называется «юфанством» или «юхванством» — смысл этого определения раскрыл Н.Н. Толстой: «Понравилось Левочке, как работник Юфан растопыривает руки при пахоте. И вот Юфан для него эмблема сельской силы, вроде Микулы Селяниновича. Он сам, широко расставляя локти, берется за соху и юфанствует»³. В переписке Толстого и Фета немало важных слов и замечаний отведено юхванству, при этом часто подчеркивается ценность и значимость для обоих литераторов и хозяев их имений — Ясной Поляны и Степановки (имения Фета). В письме Фета к Толстому от 12–14 октября 1862 г. есть такие строки: «Я юхван, — это у меня ничему другому не мешает, и так доволен Степановкой, что не знаю лучшего Парижа»⁴.

Первая весна в Ясной Поляне после женитьбы Толстого была полна для хозяев планов и предположений. Толстой активно занимался имением, возрождался для писательского труда после перерыва в литературной деятельности, помимо всех посевных работ писатель замыслил посадку яблоневого сада, приобретение коров. В письме П.Е. Воробьеву 16 апреля 1863 г. Толстой писал:

Очень благодарен тебе за присылку коров. Потрудись прицениться к яблочным прививкам, трехлеткам. Я бы желал посадить в Никольском около 1000 штук нынешней весной (т. 61, с. 15).

В переписке с Фетом уже весной 1863 г., через полгода после женитьбы, Толстой подчеркивает не только романтические и чув-

³ *Фет А.А.* Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Т. 1. С. 237.

⁴ Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 355.

ственные стороны взаимоотношений с женой, но и отмечает ее роль как главного своего помощника:

Жена моя совсем не играет в куклы. Вы не обижайте. Она мне серьезный помощник. Да еще с тяжестью, от которой надеется освободиться в начале июля. Что же будет после! Мы юхванствуем понемножку. Я сделал важное открытие по юхванству, которое спешу Вам сообщить. Приказчики и управляющие и старосты есть только помеха в хозяйстве (т. 61, с. 20).

Н.И. Городилова, анализируя переписку С.А. Толстой и ее сестры Т.А. Берс (в замужестве — Кузминской), отмечает необыкновенное трудолюбие и практичность супруги Толстого, ее жизненную энергию, постоянно направленную на мужа, детей и домашний быт:

Ее жизнь многие годы была ограничена пределами Ясной Поляны: недолгие поездки в Тулу, Москву, Петербург, в гости к ближайшим друзьям воспринимались как значительные события в кругу обычного ритма жизни. Софья Андреевна вела довольно уединенную жизнь, главный круг интересов которой был сосредоточен на семье. Жизнь в усадьбе естественно подчинялась природному циклу: каждый сезон был связан со своим кругом действий, событий и даже эмоций⁵.

Т.А. Кузминская в книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» вспоминает, что хозяйственные увлечения Толстого были одной из сторон его многогранной натуры. Свояченица писателя очень хорошо отметила и его крайности, она рассказывает, как уход управляющего Томашевского негативно повлиял на Толстого, решившего распоряжаться имением и всеми делами самостоятельно, подключив к этому и жену:

⁵ *Городилова Н.И.* Переписка С.А. Толстой и Т.А. Кузминской: биографический аспект изучения // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2024. Т. 17, № 11. С. 4009.

Соня сделалась конторщицей. Она рассчитывала поденных девок, в чем и я помогала ей. На своих легких белых платьях она носила на ремennom поясе тяжелую связку ключей⁶.

Между тем Т.А. Кузминская очень четко видела обратную сторону стремления Толстого справиться со всеми хозяйственными делами самому. Она интересно пишет о том, что Фет, к примеру, не воспринял то «важное открытие по юхванству», о котором общал Толстой:

Но Афанасий Афанасьевич, будучи прекрасным хозяином, не последовал совету Льва Николаевича и лишь посмеялся с соседом Борисовым новому увлечению и оригинальному совету Льва Николаевича. Конечно, опыт Льва Николаевича иметь помощника на 900 десятин — Кирюшку был пригоден лишь на короткое время. Потому хозяйство в Ясной Поляне всегда шло плохо, и последствия были плачевные⁷.

Обратим внимание, что помощь и поддержка Толстого, а также его пример как сельского хозяина были необходимы Фету при работе над очерками «Из деревни». «Без Вас мои записки — никуда», — писал Фет в послании от 19 ноября 1862 г.⁸ Исследователи много рассуждали о взаимовлиянии корреспондентов друг на друга, но при этом они не подчеркивали резонного воздействия Толстого как хозяина на Фета. Несмотря на многие неудачи и просчеты Толстого в ведении хозяйства в Ясной Поляне, его пример с точки зрения усилий и намерений, а также полученного опыта имел большое значение для Фета, писавшего не только о собственных результатах, но и о сложностях хозяев имений в новых условиях, об отсутствии в провинции квалифицированных и серьезных работников, о неорганизованности и необразованности крестьян.

⁶ Кузминская Т.А. *Моя жизнь дома и в Ясной Поляне* / вступ. ст. С.А. Розановой, подгот. текста и примеч. Т.Н. Волковой. М.: Правда, 1986. С. 212.

⁷ Там же.

⁸ Л.Н. Толстой. *Переписка с русскими писателями*: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 358.

В то же время в образе хозяина Левина отразились и некоторые черты Фета, который уверенно доказал, как один человек, взявший все в свои руки и контролирующий (пусть и титаническими усилиями) жизнь имения, может изменять все к лучшему. Своими замечаниями и опытом организации пореформенного хозяйства Фет поделился с читателями не только в цикле очерков «Из деревни», но и в статье «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство». Как отмечает Н.В. Фролова, «с самого начала хозяйственной деятельности Фет стал главной движущей силой всех начинаний, не передоверяя никому самых мельчайших подробностей обустройства своего хозяйства»⁹. Исследовательница справедливо подчеркивает объективность Фета, его желание не добиться результата любой ценой, но выстроить правильные взаимоотношения с работниками:

Автор, опираясь на факты и собственный практический опыт, пытался разобраться в положительных и отрицательных сторонах сельской жизни в современных условиях, а главное, во взаимоотношениях помещика и крестьянина, ставшего вольнонаемным рабочим, но не ушедшего от крестьянского менталитета и воспринявшего вольнонаемный труд как освобождение от всяких обязательств. Безусловно, многим современникам была чужда попытка Фета посмотреть на ситуацию в сельском хозяйстве с противоположной стороны — со стороны помещика. Но разве это справедливо — учитывать только одну точку зрения? А ведь Фет проповедует определенное равенство между помещиком и крестьянином, и, прежде всего, равенство правовое и трудовое, хотя на самом деле, по мнению Фета, положение помещика было более уязвимым¹⁰.

Образы усадебной жизни, возделываемой и кормящей земли во второй половине XIX в. становятся в русской литературе одной из основ национальной идеи. О.А. Богданова, анализируя различные

⁹ Фролова Н.В. Своя колея: хозяйственно-экономический мир русской усадьбы в воспоминаниях А.А. Фета // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 132.

¹⁰ Там же. С. 131.

варианты динамики усадебного топоса, выводящего писателей и поэтов в 1910–1920-е гг. к полюсным осмыслениям усадьбы как «рая на земле», демонстрирует, как творчески осваивалось наследие дворянской литературы, как трансформировались гармоничные образы второй половины XIX в.:

<...> Усадьба — как рукотворный рай — это воплощенный диалог природы и цивилизации, стихии и человеческого разума; именно в ее пространстве достигалась на русской почве определенная гармония этих важнейших мировых сил¹¹.

В пореформенные 1870-е гг. на первый план выходит идея труда самого хозяина имения на земле. А.Ю. Саркисова, рассуждая об образе помещика в английском и русском романах, пишет, что английские исследователи не раз подчеркивали: в России хозяйство измеряется «душами», а в Англии — гектарами земли¹². Однако после реформы 1861 г., когда земельные участки и целые имения начинают переходить в руки мещан-управляющих, купцов, даже иностранцев, вопрос земли оказывается одним из актуальных при оценке помещичьих хозяйств. При осмыслении этих экономических условий становится понятно вышеуказанное желание Фета купить *имение с большим количеством земли*, и советы Толстого по необходимости личного контроля за обработкой посевных территорий. А.Ю. Саркисова вслед за рядом исследователей подчеркивает «почвенность» русской классики, обусловленную усадебным хронотопом и личной ответственностью помещика за судьбу имения, отмечает, что «вне ощущения “почвенности” невозможно нравственно оправданное управление помещьем»¹³.

В образе Левина в романе «Анна Каренина» Толстой прекрасно передал тенденцию пореформенного времени, связанную с попыткой помещиков средней руки удержаться на плаву в процессе ве-

¹¹ Богданова О.А. Образ рая в русской литературе 1910–1920-х гг.: динамика «усадебного топоса» // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 188.

¹² Саркисова А.Ю. Представления об образцовом помещике в творчестве Дж. Остен и И.С. Тургенева // Вестник Северного Арктического федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 134.

¹³ Там же. С. 138.

дения хозяйства, не оказаться в долгах и убытках. Русские романы 1870-х гг. очень хорошо иллюстрируют, как в новых экономических условиях земля становится предметом торга, спекуляций и т. п. В этой ситуации русские классики пытаются найти помещика-хозяина, который сохранил бы правильное отношение к собственности, смог отыскать пути сближения с народом и грамотного применения рабочей силы — теперь уже не только своих крестьян, но и наемных работников. Вспомним главных героев двух последних романов И.С. Тургенева — «Дым» и «Новь». В «Дыме» изображен помещик-дворянин Литвинов, который надолго задерживается в Баден-Бадене, испытывает воздействие тяжелой страсти и лишь к концу романа возвращается к своему хозяйству в Россию. В романе «Новь», которому предшествует эпиграф из записок хозяина-агронома («Поднимать следует новь не поверхностно скольльзящей сохой, но глубоко забирающим плугом»¹⁴), Тургенев проверяет всех героев отношением к труду, земле и народу — и проверку проходит лишь один, сын дьячка, герой из народа Соломин. Писатель показывает, что в новых экономических условиях почти не остается дворян-хозяев, что помещики, не потерявшие способности вести доходное хозяйство, становятся ростовщиками:

Концессию на железную дорогу получить, банк завести, льготу себе какую выпросить или там что-нибудь в таком роде — никто на это как дворяне! Большие капиталы составляют¹⁵.

При этом его главный герой, объективно оценивая ситуацию, говорит о неспособности дворян к серьезной деятельности по поддержанию больших производств:

<...> Дворяне не привыкли к этого рода деятельности. Тут нужен коммерческий расчет; тут все надо поставить на другую ногу; выдержка нужна. Дворяне этого не соображают¹⁶.

¹⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 9. С. 133.

¹⁵ Там же. С. 279.

¹⁶ Там же. С. 278.

На примере Маркелова в романе «Новь» Тургенев иллюстрирует неумение помещиков организовать обработку земли и правильное ее использование. Обратим внимание на народную оценку деятельности Маркелова и его нововведений. Несмотря на то, что крестьяне отмечают доброту Маркелова, они не относятся к нему серьезно:

Прежний их помещик, по их словам, был барин простой, только чудаковатый; они прочили ему разорение — потому порядков не знает и все на свой салтык норовит, не так, как отцы¹⁷.

В «Анне Карениной» Толстой, на личном примере и опыте осознавший сложности ведения хозяйства в новых условиях, столкнувшийся с разными примерами, для объяснения читателю двух типов помещиков разводит их, называя собственно хозяевами, помещиками и землевладельцами. Первые не теряют ответственности за свои владения, за землю, которая нуждается в обработке и грамотном обращении для сохранения ресурсов, прибыльности и плодородности. Для настоящих хозяев, по мнению Толстого, прибыль значима лишь в совокупности с заботой обо всем сложном хозяйстве, рассуждении о долгосрочном владении имениями, которые далее будут наследованы детьми и внуками. Совершенно иная ситуация складывается с землевладельцами, для которых определенные участки земли являются лишь источником дохода, в приоритете тут оказываются деньги.

Константин Левин с первых страниц романа «Анна Каренина» характеризуется именно как хозяин. Причем это не только внешнее мнение, именно о хозяйстве говорит Левин самым близким людям, к примеру, брату Николаю: «Живу один в деревне, как жил прежде, занимаюсь хозяйством» (т. 18, с. 96). Автор подчеркивает масштаб хозяйства Левина: «Один этот вопрос ввел Левина во все подробности хозяйства, которое было большое и сложное...» (т. 18, с. 101). Левин не просто увлекается делами, он продумывает каждый свой шаг, строит планы, учитывая характер рабочего:

¹⁷ Там же. С. 199.

Левин начал этою зимой еще сочинение о хозяйстве, план которого состоял в том, чтобы характер рабочего в хозяйстве был принимаем за абсолютное данное, как климат и почва (т. 18, с. 160).

Имение Левина, в котором все поддерживается усилиями самого хозяина, личной инициативой и интересом, соотносится в романе с рядом других хозяйств, а позиция деятельного героя чаще всего выигрывает на фоне других мнений. Левин противопоставляется младшему брату Николаю, выдумывающему производительную артель только для того, чтобы чем-то себя занять, а также старшему брату Сергею Ивановичу, для которого деревня была только местом отдыха и своеобразным противоядием испорченности. Левин, в отличие от Облонского, занят реальным трудом и прекрасно понимает все тяжести простой жизни. На первый взгляд кажется, что счастливое неведение Стивы и его готовность использовать все то, что он имеет, — не такой уж большой грех. «Нет, ты счастливый человек. Все, что ты любишь, у тебя есть. Лошадей любишь — есть, собаки — есть, охота — есть, хозяйство — есть», — говорит Стива Левину (т. 18, с. 170). На самом деле, его поверхностные выводы и небрежное отношение к собственности вызваны беспечностью, расцениваются в художественном мире романа как предательство своей семьи (вспомним довольного Стиву с оттопыренным карманом серий, которые ему отдал купец Рябинин за проданный невыгодно лес).

Не случайно в романе сделан акцент на том, что Долли с детьми на лето отправляется хозяйкой в свою приданую деревню Ергушово, «ту самую, где весной был продан лес и которая была в пятидесяти верстах от Покровского Левина» (т. 18, с. 274). Долли Облонская — идеал матери и хозяйки — в деревне совершенно теряется и не может без сторонней помощи организовать жизнь. Писатель не обвиняет героиню в том, что она не в состоянии исправить бытовые неудобства, тут вся вина ложится на Степана Аркадьича Облонского, который, по мнению писателя, повинен еще и в отрыве хозяйки от своей усадьбы, в *не предоставлении Долли настоящего усадебного дома с садом и всеми прочими постройками*. Толстой подчеркивает скептическое отношение Долли к высказываниям Левина по поводу хозяйства и кормления коров, которое однознач-

но показывает *ограниченность Долли, не понявшей многого в хозяйственной жизни*:

Она так теперь наладила свое хозяйство через Матрену Филимонову, что ей не хотелось ничего менять в нем; да она и не верила знанию Левина в сельском хозяйстве. Рассуждения о том, что корова есть машина для деланья молока, были ей подозрительны. Ей казалось, что такого рода рассуждения могут только мешать хозяйству. Ей казалось все это гораздо проще: что надо только, как объясняла Матрена Филимоновна, давать Пеструхе и Белопахой больше корму и поила и чтобы повар не уносил помои из кухни для прачкиной коровы. Это было ясно. А рассуждения о мучном и травяном корме были сомнительны и неясны (т. 18, с. 283).

Толстой подчеркивает, что отличная мать Долли по вине Стивы не может принять на себя *роль хозяйки усадьбы*. Подобная же ситуация складывается и с Анной Карениной, которая, уже по собственному нежеланию, *отказывается быть хозяйкой Воздвиженского* (имения Вронского). Толстой не случайно отправляет Долли в гости к Анне и Вронскому, в их роскошное имение. Внешнее сопоставление бедности Долли и роскошной жизни Анны сопровождается в романе сравнением обеих женщин, во многом похожих — лишенных настоящего управления домом на правах хозяйки.

Ранее мы уже показали сложные художественные рифмы эпизодов, которые присутствуют в романе «Анна Каренина»¹⁸. В толстовском сопоставлении эпизодов сюжетных линий Анны и Левина, к примеру, крокета и косьбы, одним из важнейших параметров является значимость происходящего для людей.

Нельзя сказать, что хозяйство Левина и все его действия оцениваются в романе однозначно положительно, как нельзя сказать и о только позитивном представлении народа в романе. Толстой не раз подчеркивает непонимание Левиным необходимости новых земских учреждений. При всей своей активности, герой Толстого ино-

¹⁸ Андреева В.Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Кострома: Авантитул, 2012. С. 106.

гда слишком прямолинеен в отстаивании собственной точки зрения. Левин, первоначально с большой инициативой боровшийся с упрямством работников, которое Толстой уподобляет стихийной силе, в итоге чувствует, что «совершенно даром пропадала направленная на это дело энергия» (т. 18, с. 339). Однако он не отчаивается и считает, что Россия идет по своему уникальному пути, что для правильного понимания основ хозяйства нужно изучать отнюдь не политическую экономию: «Да, но постой: я говорю не о политической экономии, я говорю о науке хозяйства» (т. 18, с. 169). Обратим внимание, что герой сознательно удаляется от политики в сторону науки — сельского хозяйства и экономики.

В романе «Анна Каренина» Толстой позволяет читателю сопоставить разные хозяйства и представить их владельцев, сравнить точки зрения помещиков. Особое внимание уделяется имениям Левина, Вронского и Свияжского. Способность распоряжаться собственностью становится своеобразной проверкой для Левина и Вронского, можно сказать, что она определяет их близость к мысли семейной. Но при этом загадочная фигура Свияжского, мнения помещиков, собравшихся у него в гостях, очень важны для понимания общего настроения эпохи и образа усадебной жизни.

В описании усадьбы и хозяйства Левина Толстой показывает подробности, открывающие деятельную силу героя. Усадьбу, не деленное с братом имение Левин воспринимает именно как *родной дом*. И если в Москве его «одолевала путаница понятий, недовольство собой, стыд перед чем-то» (т. 18, с. 105), то в имении Левин чувствует себя не просто хорошо, он ощущает силы для движения вперед: «Он чувствовал себя собой и другим не хотел быть. Он хотел теперь быть только лучше, чем он был прежде» (т. 18, с. 99). Мысли Левина по поводу экономических преобразований еще в первой части романа открывают читателю будущую толстовскую идею опрощения:

<...> Он всегда чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа и теперь решил про себя, что, для того чтобы чувствовать себя вполне правым, он, хотя прежде много работал и не роскошно жил, теперь будет еще больше работать и еще меньше будет позволять себе роскоши (т. 18, с. 99).

В поведении Левина в собственном имении нет ничего искусственного. Толстой показывает множество мелких, но имеющих решительное значение происшествий в хозяйстве, которые вызывают яркие эмоции у героя и еще раз подтверждают его личное участие во всех делах:

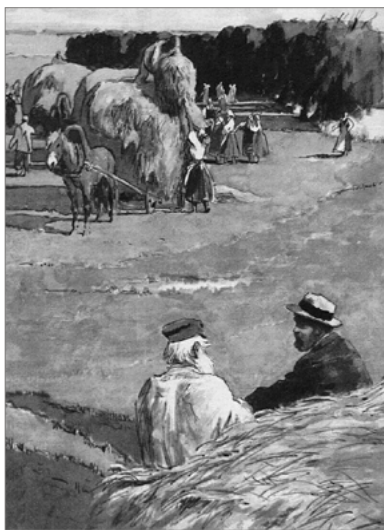
Вошел приказчик и сказал, что все, слава Богу, благополучно, но сообщил, что греча в новой сушилке подгорела. Известие это раздражило Левина (т. 18, с. 100).

В романе Толстой избирает наиболее точную и безапелляционную оценку крестьян. «Он любил и не любил народ так же, как вообще людей» (т. 18, с. 252), — пишет Толстой о Левине. И этот широкий взгляд, по мнению автора, является справедливым по сравнению с абстрактными теориями о народе Кознышева или противоречивым отношением к мужикам Свяжского. Интересны эпизоды беседы Левина со Свяжским и его гостями: разговор идет об имениях, о смысле хозяйствования в новых экономических условиях и о дальнейших действиях помещиков. Толстой постепенно подводит Левина к разгадке «тайны» Свяжского, полагавшего

что жизнь человеческая возможна только за границей, куда он и уезжал жить при первой возможности, а вместе с тем вел в России очень сложное и усовершенствованное хозяйство и с чрезвычайным интересом следил за всем и знал все, что делалось в России (т. 18, с. 345).

Писатель демонстрирует, что единственно правильное положение «мы до всего сами», увиденное Левиным в хозяйстве богатого мужика, не распространяется на имение Свяжского.

Константин Левин переживает за землю и ее будущее, за свое родовое имение. В «Анне Карениной» несколько раз утверждает мысль о наследовании земли как особой ценностью, за которую необходимо держать ответ, звучит фраза об обязанности человека к земледельческому труду. Уместно в данном случае вспомнить слова Н.А. Бердяева:

Илл. 1. Левин в поле. 1975 г. Бумага, акварель. 40 × 30,3 см. **Илл. 2.** Левин на покосе. 1975 г. Бумага, акварель. 49,8 × 38 см.

Рисунки О.Г. Верейского к роману «Анна Каренина»
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное. Она предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде. Начало собственности связано с метафизической природой личности, с ее внутренним правом совершать акты, преодолевающие быстротечное время. <...> Связь лица с собственностью одухотворяет его отношение к материальной природе, делает его не исключительно потребительским. Начало собственности связано также с отношением к предкам. Собственность есть воплощенная связь отцов и детей¹⁹.

В шестой части романа Левин участвует в губернских выборах и в разговоре со знакомым помещиком затрагивает вопрос о земле, четко разводя землевладельцев (тех, кто только владеет землей

¹⁹ Бердяев Н.А. Философия неравенства / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. С. 267.

и считает ее просто материальной ценностью) и помещиков. Герой Толстого выражает понимание труда, совершаемого ради преобразования земли: «Я всегда чувствую, что нет настоящего расчета в моем хозяйстве, а делаешь... Какую-то обязанность чувствуешь к земле» (т. 18, с. 233). Писатель подчеркивает, что его герои понимают весь формализм установленной официальной деятельности: «И дворянское дело наше делается не здесь, на выборах, а там, в своем углу» (т. 18, с. 234). Речь идет о поддержании нематериального отношения к земле, хозяйству, имению как объектам приложения труда многих поколений.

Примечателен в данном случае и архетипический образ сада: Толстой предвзвешивает чеховские мотивы, использует символ, соединяющий в воображении человека райский сад и возможное приближение к благодатной жизни на земле. Левин и его собеседник приходят к выводу, что срубить сад на лубок и получить приличный капитал им мешает сословный инстинкт, тот самый, который мужика, например, заставляет пахать землю и заниматься земледельческим трудом²⁰.

— Но для чего же мы не делаем как купцы? На лубок не срубаем сад? — возвращаясь к поразившей его мысли, сказал Левин.

— Да вот, как Вы сказали, огонь блюсти. А то не дворянское дело (т. 18, с. 234).

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что чеховские образы и символы вырастают еще из прозы Толстого 1870-х гг., в которой появляется не просто образ лелеемого сада, но и мотив его безжалостного уничтожения, вырубания ради освобождения земли, необходимой для других практических нужд.

Однако и Толстой, и его герой Левин, в отличие от Раневской, живут постоянно в России и собственными силами сопротивляются тем неумолимым процессам капиталистического мира, которые стирают ценность семейного труда, связи поколений, идею род-

²⁰ О коммерческом эффекте выращивания садов и символике сада см. статью: *Скороходов М.В.* Символика вишневого сада: между коммерческим проектом, усадьбой и дачей // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 196–215.

ства для человека определенной части земли, политой его потом в ходе неустанных работ.

Важно учитывать, что Левин у Толстого — это отнюдь не первый автобиографический герой, который столкнулся с проблемой организации сельскохозяйственного труда. Е.В. Подарцев, рассуждая об «Утре помещика» (1856) Толстого, показывает, что это произведение было задумано писателем с целью иллюстрации невозможности правильной жизни помещика одновременно с существовавшим тогда в России рабством. Исследователь останавливается на набросках и записках Толстого тех лет («Заметка о фермерстве», «Заметки к вопросу о порядке и условиях освобождения» и др.) и отмечает, что все они «в разной степени касаются раздумий о деятельности дворянина-помещика в усадьбе, о его взаимоотношениях с крестьянами накануне приближающейся реформы»: «В этих отношениях Толстой, как видно, занимает позицию деятеля, старающегося найти область сотрудничества с крестьянами»²¹.

Очень значимым в «Анне Карениной» является тот факт, что с точки зрения идеи хозяйствования Левин и Вронский, изначально противопоставленные, постепенно сближаются. В самом начале романа эти герои изображены контрастно, кажется, что они представляют полюса и по привычкам, и по образу жизни²². Однако в обоих героях есть важное основополагающее начало — «страстность», под которой подразумевается положительная способность отдаваться делу, исключая равнодушие. «Вы все, кажется, делаете со страстью», — говорит Кити Левину (т. 18, с. 33). «За что ни возьмется, он все делает отлично. Он не только не скучает, но он со страстью занимается», — рассказывает Анна про Вронского (т. 19, с. 189). Во время приезда Долли в имение Вронского сам хозяин показывает госте свои нововведения и усовершенствования в хозяйстве и организации жизни народа. Так, Вронский выстраивает в деревне больницу, которая, по словам Свияжского, «будет

²¹ Подарцев Е.В. Жизнь усадьбы накануне реформы (по повести Л.Н. Толстого «Утро помещика») // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 4. С. 46.

²² Андреева В.Г. Левин и Вронский в художественном мире романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 121.

в России единственной вполне правильно устроенной больницей» (т. 18, с. 199). И Долли, наблюдающая за всем происходящим, чувствует увлеченность Вронского: «Он так ей нравился теперь в своем оживлении, что она понимала, как Анна могла влюбиться в него» (т. 18, с. 200).

И Левин, и Вронский в романе растут на глазах читателей. Вронский под влиянием любви к Анне преобразается. Этот факт, кстати, не был замечен Н.Н. Страховым, настаивавшим на том, что в романе «один Вронский остается плотняным с начала и до конца»²³. Герой сначала чувствует узость своих правил для новой жизни: «Вронский начинал чувствовать, что свод его правил не вполне определял все условия <...>» (т. 18, с. 322), а после — становится человеком, которому, как и Левину, оказывается близка мысль семейная.

Мы соединены святыми для нас узами любви. У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. И завтра родится сын, мой сын, и он по закону — Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния, и как бы мы счастливы ни были в семье и сколько бы у нас ни было детей, между мною и ими нет связи, — говорит Вронский Долли (т. 19, с. 202).

В художественном мире романа примечательно, что избыток сил Вронский пытается реализовать в хозяйственной деятельности. Помещики-соседи описывают Вронского как *новый тип хозяина*, проводящего в своих имениях прогрессивный эксперимент, но отношение к нему у всех скептическое:

Есть из нас тоже, вот хоть бы наш приятель Николай Иванович или теперь граф Вронский поселился, те хотят промышленность агрономическую ввести; ну это до сих пор, кроме как капитал убить, ни к чему не ведет (т. 19, с. 234).

Хозяйство Вронского не подчинено идее преемственности, поскольку он начинает думать о семье и детях, а Анна всеми силами

²³ Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. С. 401.

старается быть не женой и матерью, а только красивой любовницей. Этот изъян в отношениях отражается и на усадебном хозяйстве: Анна не является хозяйкой и даже не примеряет на себя эту роль, занимаясь лишь светскими разговорами. Вронский, как и Левин, начинает стремиться вперед, задумывается и мечтает о будущем, однако Анна не только не способствует продвижению Вронского и его росту, но всеми силами удерживает героя: «Надо, чтоб у нас было оживленно и весело и чтоб Алексей не желал ничего нового» (т. 19, с. 196).

В пореформенное время перед дворянами-хозяевами оказалось множество практических вопросов, решение которых требовало знаний, времени и значительных усилий. На примере хозяина Левина, других помещиков и землевладельцев в романе «Анна Каренина» Толстой показал два вида отношения к земле и к усадебной жизни: честное, трудовое и расчетливое, основанное исключительно на осмыслении выгоды. Писатель попытался определить путь дальнейшего развития усадебной жизни, несколько пренебрегая техническими и экономическими новациями, но утверждая при этом необходимость методичного и постепенного труда владельцев усадеб. При этом, как мы постарались показать, основой для художественного изображения Толстого послужили *личные примеры усадебной жизни* как самого писателя в Ясной Поляне, так и его ближайших знакомых, в первую очередь Фета, также проводившего своеобразный социально-хозяйственный эксперимент в своем имении Степановка.

ГЛАВА 2

Усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле

Роман «Воскресение» (1899), создававшийся Л.Н. Толстым на протяжении десяти лет и вышедший в последний год XIX в., стал поистине знаменательным произведением, охватившим многочисленные проблемы русской жизни. В «Воскресении» можно найти важнейшие вопросы, рассмотренные Толстым в публицистических трактатах и в других художественных произведениях (поздних рассказах и повестях), но именно в этом романе они целостно и непротиворечиво соединяются, оттеняя друг друга и получая поистине эпический масштаб.

На первый взгляд может показаться, что усадебной теме в «Воскресении» уделено не так много внимания, как в других произведениях Толстого — романе-эпопее «Война и мир» и романе «Анна Каренина». Однако внимательное изучение центральных образов и тем романа открывает глубинную связь судеб Дмитрия Нехлюдова и Катюши Масловой с усадебной темой, с которой в художественном мире произведения соединены образ народа, земельный вопрос, проблема власти, осмысление места человека в мире и его выбора, идея утверждения определенного жизненного порядка. Как и многие статьи позднего Толстого, роман «Воскресение» получился очень резким, злободневным. Э.Г. Бабаев отметил, что «никогда еще, ни один из его прежних романов не вызывал такой ожесточенной полемики, доходившей до криков ненависти, до

“анафемы”, как роман “Воскресение”»¹. Действительно, произведение содержит вопросы, чрезвычайно «неудобные» для власти и высшего света, затрагивает важнейшие философские, религиозные, социальные проблемы. Роман создавался в то время, когда русский народ находился фактически в условиях выживания: Толстой был свидетелем страшного голода 1891–1892 гг. и чувствовал огромную ответственность за все происходящее в России.

Усадебная тематика в «Воскресении» вписывается в стройную систему толстовских антитез: прошлое и настоящее героя, естественная и искусственная жизнь, природный мир и условности света, а также в линию духовного возрождения главных героев романа, в сложную систему размышлений Толстого о формах нового бытия. Более того, в произведении мы находим ряд идей Толстого, отраженных ранее и в «Анне Карениной», позволяющих рассматривать *эволюцию взглядов писателя на усадебную тему*.

С одной стороны, читатель чувствует, что дорогое самому писателю усадебное прошлое притягательно, что Толстой тесно связан с помещичьей жизнью; с другой стороны, старому быту более не находится места, своего героя Дмитрия Нехлюдова Толстой выводит *в большой мир*, подводя к отказу от светской роскоши.

В хронологической последовательности в романе все начинается в усадьбе тетушек Нехлюдова, а в завершении произведения мы видим еще одну городскую усадьбу сибирского генерала, контрастирующую с тюрьмами и напоминающую главному герою о незыблемых семейных ценностях. Нехлюдов переживает процесс нравственного преображения, однако в определенной фазе изменений не может находиться долго. Так, в финале Толстой оставляет Нехлюдова на пороге строительства будущего, но наделяет его простыми человеческими желаниями: «Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу человеческой жизни», — мелькнуло у него в голове (т. 32, с. 431).

Некоторые исследователи творчества Толстого считают, что эта фраза показывает слабость Нехлюдова, его уклонение от правильного пути духовного роста, на который он встал. Однако это не

¹ Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд. Моск. ун-та, 1978. С. 229.

так: у Толстого движение к миру невозможно без личного счастья, без осознания полноты и целостности своей жизни. Б.И. Берман справедливо называет стремление к счастью непосредственным мотивом творчества писателя, «движущим принципом космоса Толстого»:

Это главное побуждение героев Толстого. Это стержень толстовского мира, вокруг которого все выстраивается, это его загадка, для разрешения которой он и творится².

В «Воскресении» усадебная тема напрямую связана не только с переоценкой ценностей главным героем, но и с выбором им спутницы жизни, с мотивом труда. В ранних черновых материалах к роману Толстой продумывал финал, согласно которому Нехлюдов и Катюша соединили свои судьбы: сначала жили в России, пытались работать, а потом, после начавшихся преследований Нехлюдова, писавшего о земельной собственности, уезжали в Лондон. И герой заранее пытался просчитать, на какие средства они будут существовать:

И это затруднение разрешилось тут же. В имении был дом и картофельный завод. Он не знал, что делать и с тем и с другим. И тут появился покупатель на завод и дом, и то и другое на своз, за который ему заплатил 12 тысяч (т. 33, с. 88).

Как в указанном отрывке, так и в итоговом тексте романа читатель констатирует процесс оскудения усадебной жизни, но в окончательной редакции этот процесс показан на фоне общего тяжелого положения народа и роскоши небольшого числа людей, пользующихся всеми возможными благами.

Комментаторы романа уже не раз отмечали, что начало первых редакций произведения казалось писателю неудачным: выигрышным оно стало, когда Толстой открыл действие не изображением утра Нехлюдова, а городским пейзажем и описанием Катюши Мас-

² Берман Б.И. Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича. М.: МП «Гендальф», 1992. С. 38.

ловой³. Толстой в самых первых черновых набросках уделял большее внимание образам тетушек и их небольшому имению, где герой познакомился с Катюшей: Марья Ивановна и Катерина Ивановна Юшкины «старые богатые девицы, жившие в своем именье под губернским городом» (т. 33, с. 3). Писатель отмечал в черновиках как крепостнический характер тетушек Нехлюдова, так и склонности молодого человека, их племянника, к легкой и красивой жизни:

Он 4 года тому назад кончил курс в университете и с тех пор, в особенности по смерти отца, когда он получил в руки имение, жил, наслаждаясь прелестями жизни богатого, независимого человека высшего круга (т. 33, с. 3).

Однако Толстой сразу делает своего героя искренним и не склонным к расчету: в черновиках тетушки оставляют племяннику имение, так как дела его расстроены, но молодой человек и не думает об этом наследстве.

Все эти факты касались только первой незаконченной редакции романа — самых ранних набросков. В итоговом тексте события, происходящие в имениях героя, тщательно продуманы. Толстой проводит Дмитрия Нехлюдова своим излюбленным путем: тезис, антитезис, синтез. Герой в юности отдает небольшое имение отца крестьянам, так как считает предосудительным владение землей. Но Толстой не просто показывает дальнейшее изменение героя, принимающего сторону светского общества, он констатирует, что этот путь был неизбежен не только в силу влияния среды, но и в силу неосознанности Нехлюдовым своего движения. После близости с Катюшей Нехлюдов оправдывает свой поступок общим положением дел, свойственным людям его круга, принятым порядком: «<...> так это было с Шенбоком и гувернанткой, про которую он рассказывал, так это было с дядей Гришей, так это было с отцом <...>» (т. 32, с. 65).

У Толстого всегда чрезвычайно важны предыстории героев, их происхождение и воспитание. Именно эти факторы, по мнению

³ Гудзий Н.К. История писания и печатания «Воскресения» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1935. Т. 33. С. 329–422.

писателя, определяют, с каких величин (отрицательных или положительных) будет начинаться восхождение героя, какая опора будет у него в жизни. Мало кто из исследователей романа обращает внимание на происхождение Катюши и ее воспитание. Толстой открыто не обличает порядка жизни тетушек Нехлюдова, не делает какого-либо акцента на судьбе скотницы, матери Катюши, родившей ее от проезжего цыгана. Но читатель понимает, что две старые барыни, не имевшие собственных детей, с одной стороны, выступают благодетельницами, а с другой, в некотором роде играют с Катюшей, которая оказывается между двух огней:

Софья Ивановна наряжала, учила девочку читать и хотела сделать из нее воспитанницу. Марья Ивановна говорила, что из девочки надо сделать работницу, хорошую горничную, и потому была требовательна, наказывала и даже бивала девочку, когда бывала не в духе (т. 32, с. 7).

Образы усадьбы и усадебной жизни имеют в романе и положительные, и отрицательные коннотации. Молодой Нехлюдов представлен в романе как потомственный землевладелец: «Обыкновенно он с матерью и сестрой жил летом в материнском большом подмосковном имении» (т. 32, с. 43). В год знакомства с Катюшей мать Нехлюдова едет на воды, а молодой герой отправляется к тетушкам с целью прожить у них лето и написать сочинение *о земельной собственности*. Толстой показывает, что юные герои переживают в имении у тетушек лучшие поэтические минуты, которые потом будут вспоминать с болью, настолько контрастными они окажутся их новому помраченному состоянию. Более того, чрезвычайно важно, что юный герой выбирает для своего сочинения такую значимую тему: как и в романе «Анна Каренина» Толстой предлагает читателю оппозиции разных образов жизни и мировоззрений. Только если в предыдущем романе писатель сталкивал эпизоды из жизни разных героев, то в «Воскресении» по контрасту соотносятся разные периоды жизни Дмитрия Нехлюдова.

Толстой демонстрирует читателю одну из ключевых мыслей всего позднего творчества — зависимость жизни человека в первую очередь от его выбора и от личных усилий. Поэтические от-

ношения и искренняя любовь к Катюше возникают в Нехлюдове в ту фазу жизни, когда он осознает «жестокость и несправедливость частного землевладения» (т. 32, с. 43), живет в гармонии с природой. Н.Л. Вершинина пишет, что

в повестях и романах Пушкина, Тургенева, Толстого, Писемского выражается одна и та же особенность, наиболее явная именно в усадебном тексте: здесь природное начало выступает камертоном «натуральности» жизненного поведения — все, идущее вразрез с органикой бытия, понимается как странное и неуместное, содержащее фальшь, не восполняемое регламентациями искусственной упорядоченности⁴.

Так, общепринятые в свете и обществе нормы и правила, как показывает Толстой, негативно воздействуют на Нехлюдова. Окружение его способствует тому, что усадебная жизнь, ранее воспринимаемая героем как трудовая и честная жизнь по законам природы у самой земли (именно так рассматривает свои дни в усадьбе в романе «Анна Каренина» автобиографический герой Константин Левин), переосмысливается им согласно правилам высшего света. Представители светского общества, по мнению писателя, не просто прожигают жизнь, но усвоили чрезвычайную роскошь, создаваемую трудом множества голодающих и страдающих людей из народа.

В романе в процессе воскресения Нехлюдов вернется к размышлениям юности, только уже в абсолютно другой ситуации: в разные временные периоды перед ним встанут параллельно два вопроса: об отдаче земли крестьянам и о женитьбе на Катюше. Только путь молодости, правильный путь, осмеянный высшим светом (мать Нехлюдова не могла без ужаса подумать о женитьбе сына на Катюше и с укором отнеслась к отдаче сыном земли крестьянам в небольшом имении, доставшемся ему от отца), со временем превратится для героя в путь исправления ошибок, мучительного, но и радостного возрождения.

⁴ Вершинина Н.Л. Функция «порядка» в онтологии усадебного текста XVIII–XIX вв. // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2016. № 24. С. 122–123.

Мы уже отметили, что в имении тетушек герой испытывал удивительное чувство любви ко всему миру. Примечательно толстовское описание пасхальной заутрени, передающее единение всех людей, близость потомственных дворян к народу. Не случайно в эту заутреню все для Нехлюдова выглядит празднично, торжественно, и народ Толстой описывает с помощью этого же эпитета: «Церковь была полна праздничным народом» (т. 32, с. 54). Как справедливо отметил Р.Г. Назиров, «понятие родовой усадьбы коннотировало близость к природе и в известной степени — к народу. Род, народ, природа: в этих словах можно символически выразить весь дворянский руссоизм»⁵. Но чувство равенства всех прихожан, которое подчеркивает Толстой в описании службы и общения людей после нее («“Христос Воскресе!” — сказала Матрена Павловна, склоняя голову и улыбаясь, с такой интонацией, которая говорила, что нынче все равны <...>» (т. 32, с. 57)), в Нехлюдове уступает место другому чувству — собственности и власти.

Нехлюдов, усвоивший роскошные привычки жизни, отрывается от земли, не осознает, как существуют крестьяне в его имениях. Писатель показывает, что подавляющее большинство землевладельцев расценивают землю и людей исключительно как товар и средство для получения дохода. Многочисленные представители высшего света изображены в романе потребителями, не просто пользующимися благами и живущими за счет народа, но при этом не думающими о народе. Так живет генерал Корчагин, на дочери которого думал жениться Нехлюдов. Толстой особенно натуралистично описывает упитанную фигуру Корчагина и заставляет незапно прозревающего Нехлюдова вспомнить о жестокости этого человека, «который сек и даже вешал людей, когда был начальником края» (т. 32, с. 90). Так живут все светские знакомые Нехлюдова, многочисленные чиновники, к которым он идет на поклон, прося за Маслоу и других заключенных, так живет и тетка Нехлюдова, графиня Чарская, которой племянник пытается раскрыть истинное положение вещей, наталкиваясь на полное равнодушие: «Да ведь народ бедствует. Вот я сейчас из деревни приехал. Разве это надо,

⁵ Назиров Р.Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 16.

чтоб мужики работали из последних сил и не ели досыта, а чтобы мы жили в страшной роскоши» (т. 32, с. 250).

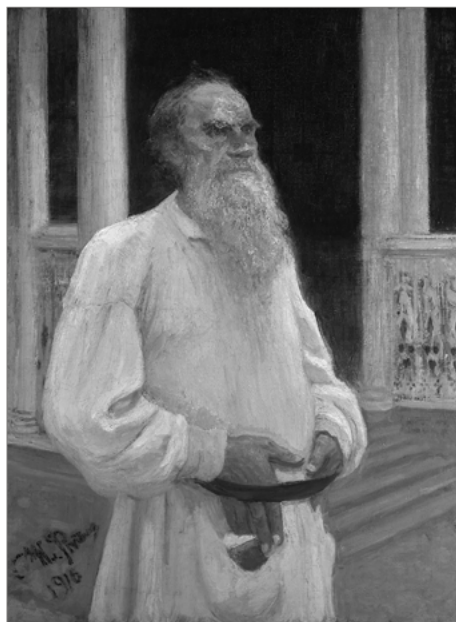
Толстой не раз подчеркивает в романе, что большинство семей высшего света живут за счет труда народа, что они навсегда утратили живую связь с землей, что для них усадебная жизнь — это лишь комфортно организованное существование. Одна из ключевых идей романа — идея неразрывной связи человека с окружающими людьми, с народом — у Толстого напрямую связана с трансформацией форм прежней жизни помещиков. Л.Н. Летагин отметил, что во второй половине XIX в. в предметном обращении к «усадебному тексту» происходит закономерное смещение ценностных акцентов:

Ключевой элегической темой выступают отблески «идиллического прошлого», его «отражения», «отголоски», «покой запустения», а вместе и наряду с этим — образная стилизация реального оскудения. Именно в том, что дворянская усадьба перестает восприниматься фактом актуального настоящего, кроется причина ностальгического к ней интереса, именно потому она становится символическим воплощением всего безвозвратного прошлого⁶.

Но в романе Толстого все неоднозначно. Воскресающий на глазах читателя Дмитрий Нехлюдов порывает со своим кругом, даже с семьей сестры Наташи, отдает землю крестьянам. Несмотря на тот факт, что Нехлюдов становится «путешественником», *не имеющим дома*, но ощущающим неразрывную связь со всем народом, образ последнего в его сознании неизменно связан с усадебным прошлым, которое должно воскреснуть в новых формах.

Значимой в «Воскресении» является сцена, в которой Нехлюдов, перед тем как ехать за Масловой в Сибирь, после долгого пребывания в городе приезжает в свои имения. Герой Толстого отправляется устраивать дела в большое и богатое имение Кузьминское и в меньшее Паново, где он и встретился ранее с Катюш-

⁶ Летагин Л.Н. Судьба усадебного наследия. Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм / сост., отв. ред. и авт. предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 29.

Илл. 3. И.Е. Репин. Портрет Льва Толстого. 1916 г.
Линолеум, масло. 115,5 × 85 см.
Частная коллекция. Фото из открытых источников

ей. Посещение имений является одним из важнейших смысловых узлов романа. Первые девять глав второй части произведения, в которых мы как раз и видим пребывание героя в своих владениях, выполняют несколько важных функций. Толстой демонстрирует читателю установившиеся в России на то время отношения крестьян и землевладельцев, открыто называет их рабством:

Это было не живое рабство, как то, которое было отменено в шестьдесят первом году, рабство определенных лиц хозяину, но рабство общее всех безземельных или малоземельных крестьян большим землевладельцам <...> (т. 32, с. 198).

И Нехлюдов, в котором уже идет серьезная внутренняя работа, только приезжая в свои имения, осознает несправедливость такой жизни.

Поездка эта связана с желанием героя освободиться от земельной собственности, которая начинает тяготить возрождающегося к правильной жизни Нехлюдова. Причем Толстой не показывает этого, но внимательный читатель понимает, что по пути в свои имения Нехлюдов думает не о крестьянах, а только о том, что владеть землей нехорошо и неправильно. Но по приезде в имения герой осознает всю тяжесть бедственного положения народа. Писатель мастерски выстраивает противопоставление между сытым Нехлюдовым, отвечающим на вопрос приказчика: «Я не голоден» (т. 32, с. 208), и всем крестьянством, перебивающимся скудной пищей: «Кушать? — смеясь, сказал старик. — Кушанье наше не хитрое. Покажь ему, старуха» (т. 32, с. 211) или вовсе голодающим: «Как живу? Побираюсь, — сказала Анисья и заплакала» (т. 32, с. 216).

Толстой описывает ситуацию, в которой проблема может быть решена только изменением отношения даже не к собственности, как об этом первоначально думает Нехлюдов, а к окружающим людям. Усадьба жизнь, по Толстому, умирает именно потому, что на место возможных *рачительных хозяев* приходят *равнодушные управляющие*. Процветающее хищничество приводит к переходу земли в руки людей, думающих о наживе, капитале, быстром обогащении. По дороге в имение Кузьминское извозчик рассказывает Нехлюдову о произволе и воровстве управляющего, но в рассказе этом звучат ноты восхищения, а не обличения:

Зимой, на рождестве, елка была в большом доме. <...> В губернии такой не увидишь! Награбил денег — страсть! Чего ему: вся его власть. Сказывают, хорошее имение купил (т. 32, с. 200).

Более того, отрывочные, но знаковые фразы показывают читателю романа, что владельцами имений становятся не только бывшие управляющие, но и иностранцы: «У нас француз владеет, у прежнего барина купил. Не сдает — да и шабаш», — рассказывает Нехлюдову уже другой извозчик, объясняя, что он уехал из деревни из-за невозможности взять землю для работы (т. 32, с. 200). Важно, что об изменении усадьбы жизни свидетельствуют представители простого народа.

Образы земли и народа в романе «Воскресение» тесно связаны. По мнению Толстого, именно народ, в отличие от власти и чиновников всех рангов, в отличие от высшего света, осознает ценность истинной, трудовой и праведной жизни. О.А. Богданова справедливо отметила, что

вплоть до событий 1917–1918 гг. тысячелетняя традиция отождествления земли и населявшего ее народа в русской культуре оставалась актуальной, несмотря на то, что ореол «богоносца» русский мужик стал терять еще в творчестве писателей-народников последней трети XIX в., а после революции 1905–1907 гг. этот процесс только усилился⁷.

В романе «Воскресение» именно народный мир, мир тружеников-земледельцев, по Толстому, хранит то искреннее и человеческое отношение людей друг к другу, о котором забыли представители высшего света. Вспомним, что мужик, возвращающийся с работы на торфяных болотах, сначала опасается Нехлюдова, едущего в вагоне третьего класса: «То, что Нехлюдов, вместо того чтобы, как это свойственно господину, ругать и гнать их, уступил им место, очень удивило и озадачило их. Они даже боялись, как бы чего-нибудь от этого не случилось для них худого» (т. 32, с. 360), а потом, признав его за своего, становится дружелюбен.

Забывший о крестьянах, живущих на его земле и обрабатывающих эту землю, Нехлюдов даже в свои приезды в имения не поймет ошибки — он осознает ее позднее, как раз по пути в Сибирь, в вагоне третьего класса:

Сделалось все это оттого, что все эти люди — губернаторы, смотрители, околоточные, городовые — считают, что есть на свете такие положения, *в которых человеческое отношение с человеком не обязательно* (Курсив мой. — В.А.) (т. 32, с. 349–350).

⁷ Богданова О.А. Мотив «утверждения земли» в русской литературе 1917–1920-х гг. Статья первая // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 131.

Пробуждение Нехлюдова совершилось, но его преобразование не может произойти в один момент, и причиной этого являются как раз те формы жизни, которые закономерно его удерживают от максимального опрощения, отказа от имущества и положения. Герой вынужден будет не только осознать свою ошибку и неправильное отношение к людям (хотя об этом он прямо не говорит именно потому, что пытается исправиться), но и постараться изменить жизнь в бытовом плане. В финале романа Толстой не случайно говорит о «новых условиях жизни Нехлюдова»: по сравнению с духовным прозрением они не так важны, но без этих изменений дальнейшее движение героя не было бы возможным.

У Нехлюдова на протяжении долгого времени на первое место выдвигаются не люди и не дело, а собственная персона. В черновиках к роману есть несколько интересных рассуждений героя по поводу передачи земли крестьянам. Вот, к примеру, Нехлюдов задумывается о средствах, которые ему могут потребоваться в случае женитьбы:

Отдать Рязанскую землю мужикам, надо отдать и Нижегородскую и Самарскую и остаться ни с чем. Все это хорошо было тогда, прежде, когда я был один, довольствовался малым и мог зарабатывать, что мне нужно, но теперь другое дело: не могу я отдать свои имения и, женившись, пользоваться ее состоянием (т. 33, с. 29).

Решающий пожертвовать частью дохода и облегчить участь крестьян Дмитрий Нехлюдов ожидает, что его встретят как благодетеля, однако мужики воспринимают предложения барина настоятельно, да и несколько иронично; почти в форме торга представляет писатель диалог Нехлюдова и крестьян:

— Так как же насчет земли? Желаете ли вы? И какую цену назначите, если отдать всю землю?

— Товар ваш, вы цену назначьте (т. 32, с. 199).

Не раз в разговоре делается акцент на владении Нехлюдовым землей. Читатель романа прекрасно понимает, что *один* Нехлюдов не сможет решить ни земельного вопроса, ни проблемы непреодо-

лимой пропасти между баринем и мужиками, возникшей в силу искажения истинной усадебной жизни, при правильной организации которой помещик является настоящим хозяином, вникающим во все дела и максимально поддерживающим работающих на него людей.

В поздний период творчества Толстой считал земельный вопрос одним из основных. Писатель активно распространял учение Генри Джорджа (1839–1897). Последний писал, что земля изначально принадлежала всем людям, ее захват и эксплуатация ограниченным кругом лиц незаконны, поэтому он предлагал использование ренты и отказ от частной собственности на землю:

Разве вся эта земля не была бы точно также обработана и усовершенствована, если бы рента уплачивалась государству или муниципалитету, как теперь, когда она уплачивается частным лицам? <...> То, что необходимо для пользования землею, это не частное владение ею, а обеспечение усовершенствований⁸.

Земельному вопросу уделено огромное внимание и в публицистике Толстого 1900-х гг. Проблема нехватки земли у народа рассматривается им в статье «Где выход?» (1900):

А земли у работающего крестьянина или вовсе нет, или мало, так мало, что она не прокормит его с семьей. Так что либо умирай с голода, либо бери землю, которая тут же под дворами <...> (т. 34, с. 208).

А в статье «Великий грех» (1905) Толстой демонстрирует эпический масштаб бедствия народа, связанный именно с недостатком земли (т. 36, с. 206–210). Этот же эпический масштаб видим мы в романе «Воскресение», и усадебный текст оказывается структурно и содержательно связанным с жанровой широтой произведения.

Писатель точно и продуманно изображает колебания и сомнения Нехлюдова, происходящую в нем внутреннюю работу. Именно

⁸ *Джордж Г.* Прогресс и бедность / пер. с посл. англ. изд. А.Г. Сахаровой под ред. А.К. Шеллера (Михайлова). СПб.: М.М. Ледерле, 1896. 662 с.

образы прежней благополучной цветущей жизни, ушедшего в прошлое порядка и размеренности долгое время удерживают Нехлюдова от решительной отдачи земли крестьянам. Сразу по приезде в имения Нехлюдов воспринимает возможную передачу земли мужикам как жертву. Он готов на нее, но сам сознательно еще живет старыми мерками, воспоминаниями о дорогом прошлом. Для осмысления ценного и иллюзорного, по мнению писателя, необходимо сопоставить воспоминания Нехлюдова в двух разных имениях. Мысли о прошлом в Кузьминском — богатом имении, доставшемся Нехлюдову от матери, связаны с тем барским порядком жизни, который существует и в высшем свете, не случайно Толстой упоминает о кокетстве (столь характерной игре, распространенной в свете):

<...> Нехлюдов вышел из конторы и, обдумывая предстоящее дело, прошелся вокруг дома, по цветникам, запущенным в нынешнем году <...>, по зарастающему цикорием lawn-tennis'у и по липовой аллее, где он обыкновенно ходил курить свою сигару и где кокетничала с ним три года назад гостившая у матери хорошенькая Киримова (т. 32, с. 201).

Толстой демонстрирует, что его герой собственно и находится там, где бродят его воспоминания. Не случайно далее Нехлюдов, придумавший краткую речь для мужиков, так спокойно разговаривает с управляющим. В бедном имении Паново, доставшемся ему от тетушек, Нехлюдов переживает совершенно другие ощущения, в его памяти воскресают не сцены внешнего устройства прежней роскошной жизни, но воспоминания об ушедшей юности и духовной чистоте:

И вдруг Нехлюдов вспомнил, что точно так же он когда-то давно, когда он был еще молод и невинен, слышал здесь на реке эти звуки вальков по мокрому белью <...>, и он не то что вспомнил себя семнадцатилетним мальчиком, каким он был тогда, но почувствовал себя таким же, с той же свежестью, чистотой и исполненным самых великих возможностей будущим <...> (т. 32, с. 208).

В художественном мире романа черты усадебного топоса важны для понимания чувств героя и его внутренней работы. В Кузьминском Нехлюдову суждено пережить «искушение властью и собственностью» перед решительной передачей земли мужикам в найм. В нескольких абзацах писатель очень точно представляет картину старого барства. Вид не реликвий, конечно, но мебели и убранства, связанных с матерью, поднимает в душе Нехлюдова, как пишет Толстой, «совершенно неожиданное чувство». Это чувство жалости материальных благ, которыми обладала его семья и которые передавались по наследству:

Ему вдруг жалко стало и дома, который развалится, и сада, который запустится, и лесов, которые вырубятся, и всех тех скотных дворов, конюшен, инструментных сараев, машин, лошадей, коров <...> (т. 32, с. 202).

Примечательно и построение этой фразы, в которой мысль Нехлюдова переходит к разным объектам собственности, и значимая оговорка, отрицающая не личный интерес, но личные усилия героя в деле. Именно этот парадокс — желание обладать собственностью, быть землевладельцем, не прилагая труда и усилий, — обличает Толстой, показывая деградацию усадебной культуры.

Обратим внимание, что указанная сцена с описанием жалости Нехлюдова по отношению к своему имуществу была в черновиках к роману, причем Нехлюдов достаточно быстро менял свою позицию:

Прежде ему бы было обидно думать, что мужику Беляеву достанутся эти кресла красного дерева с золочеными лирами и такие же стол и шифоньерка с брюхом и с бронзовыми львиными головами, держащими кольца; теперь все это отошло куда-то далеко-далеко назад, впереди было открытое, радостное, полное несомненного дела будущее <...> (т. 33, с. 89).

Однако писатель чутко уловил, что для прозрения Нехлюдову нужно было выйти за границы комфортной жизни не только мысленно, но и физически, созерцая страшное народное бедствие.

Ю.В. Лебедев считает, что этот эпизод с колебаниями Нехлюдова по поводу земли можно считать художественно правдивым по отношению к самому герою, но идущим вразрез с замыслом писателя:

Толстому хочется доказать, что в душе Нехлюдова, ощутившего в своей душе Бога, свершилось торжество духовных начал. Его усовершенствование не нуждается в благодатной поддержке и движется к оптимистическому финалу. Однако художественная реальность требует от автора жизненной правды. И Толстой изменить этой правде не может⁹.

По нашему мнению, этот эпизод с сомнениями, наоборот, раскрывает поэтапное преобразование героя, который не может слишком быстро избавиться от светских мнений, привычек и оценок. Толстой в данном случае остается верен и самому себе, и понимаю природы человека. Писатель показывает, что для прозрения Нехлюдов должен пережить все прежние впечатления, связанные со временем его пребывания в усадьбе Паново. Вопреки многим крайностям Толстого-публициста Толстой-писатель прав: вставшему на путь преобразования Нехлюдову еще очень многое нужно понять и почувствовать.

Разницу между идеями и надеждами героя и его реальными возможностями хорошо показывает сцена с насекомыми. Писатель перемежает высокие размышления Нехлюдова и его наблюдения за окружающим, открывающие почти натуралистические подробности быта:

Нехлюдов вернулся в горницу, разделся и лег в постель не без опасения о клопах, присутствие которых заставляли подозревать оторванные грязные бумажки стен.

«Да, чувствовать себя не хозяином, а слугой», — думал он и радовался этой мысли.

⁹ Лебедев Ю.В. Лев Толстой и «толстовство» // Неутомимые странники: сб. науч. ст. к 80-летию юбилею д-ров филол. наук, проф. Костромского гос. ун-та Ю.В. Лебедева и В.В. Тихомирова. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 49.

Опасения его оправдались. Только что он потушил свечу, его, облипая, стали кусать насекомые.

«Отдать землю, ехать в Сибирь, — блохи, клопы, нечистота... Ну, что ж, коли надо нести это — понесу». Но, несмотря на все желание, он не мог вынести этого и сел у открытого окна <...> (т. 32, с. 226).

Обратим внимание на тот факт, что наступающее прозрение связано у Нехлюдова с ощущением счастья, которое, в свою очередь, возрождает в памяти героя лучшие мгновения искренней и чистой любви:

Это была для него радостная, счастливая ночь. Воображение возобновило перед ним впечатления того счастливого лета, которое он провел здесь невинным юношей <...> (т. 32, с. 225).

В этом эпизоде Толстой не упоминает о Катюше, потому что герой психологически отталкивается от воспоминаний, причиняющих ему боль:

Нехлюдов вышел во двор и хотел идти в сад, но вспомнил ту ночь, окно в девичьей, заднее крыльцо — и ему неприятно было ходить по местам, оскверненным преступными воспоминаниями (т. 32, с. 228).

Но для читателя прочно соединяются воедино образ счастья, сад, усадебная тема и, конечно, образ женщины — связь указанных компонентов у Толстого подробно рассматривает К.А. Нагина. Исследовательница отмечает:

Этапы воскресения Нехлюдова осенены садом. Чувство стыда и «отвращения к самому себе», осознание роковых последствий поступка с Катюшей приводят персонажа к «чистке души». И как знак истинности того пути, по которому он теперь собирается идти, ему вновь открывается сад, открывается таким, каким он видел его в ранней юности¹⁰.

¹⁰ Нагина К.А. «Идея сада» в творчестве Л. Толстого: от «Казаков» к «Воскресению» // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 4. С. 14.

Напомним, что сцена с пребыванием героя в саду повторяется дважды, причем сад, в отличие ото всех построек в Паново, не оскудевает, а разрастается:

Крыльца — оба, переднее и особенно памятное ему заднее, — сгнили и были разломаны, оставались только перемыты; окна некоторые вместо стекла были заделаны тесом, <...> все было ветхо и серо. Только сад не только не обветшал, но разросся, сросся и теперь был весь в цвету <...> (т. 32, с. 218).

В Паново «картина разрушения помещичьего гнезда прерывается видом ликующей природы и здорового, ушедшего корнями в землю труда крестьян вблизи развалившегося барского дома»¹¹. Толстой в «Воскресении» не идеализирует крестьянский труд, писатель показывает острую необходимость *пересмотра всех прежних форм бытия*. Нехлюдов отказывается от жизни в имении именно потому, что этого требуют новые условия.

Уместно в данном случае обратить внимание на эпизод, присутствующий в черновиках и раскрывающий судьбу Нехлюдова и Катюши. По одной из предполагаемых писателем развязок романа, Нехлюдов женился на Масловой, потом в качестве арестанта следовал за Катюшей, а в Троицкосавске он с женой оставался в предместье города:

<...> огородом и садом он мог заниматься мало и передал это дело работнику и жене. Катюша со времени поселения своего, кроме домашнего хозяйства, много читала и училась и, поняв дело своего мужа, помогала ему и гордилась им. <...> Он должен был добывать себе средства жизни, что он и делал, садом и огородом и статьями в русских и заграничных изданиях (т. 33, с. 93).

В описании Толстой не раз упоминает сад и огород, причем в эпизоде явно заметны противоречия: сначала писатель констатирует, что устройство сада и огорода не удалось Нехлюдову в той мере,

¹¹ Жданов В.А. Творческая история романа Л.Н. Толстого «Воскресение». М.: Сов. писатель, 1960. С. 348.

как он это планировал, далее описывает сад и огород как источники пропитания и заработка семьи. Толстой чувствовал происходящие в обществе процессы, но в романе и черновиках к нему несколько подравнивал начинавшиеся перемены под собственное видение: идеалом писателя продолжала оставаться усадебная жизнь.

В финале романа Толстой показывает своего героя на пороге новой жизни, причем в одиночестве, без любимой женщины. Образ сада в финале переходит в духовно-нравственный, неосознаваемый план, приобретает вселенский масштаб: «Виноградари вообразили себе, что сад, в который они были посланы для работы на хозяина, был их собственностью <...>» (т. 32, с. 444). Писатель не конкретизирует формы дальнейшей жизни Нехлюдова, но намечает, что еще потребуется найти герою для осуществления его мечты о счастье. К.А. Нагина интересно комментирует сон Нехлюдова, особенно факт превращения немца-управляющего в Маслову:

Превращение немца-управляющего в Катюшу Маслову демонстрирует потребность Нехлюдова в целостном образе мироздания; он прозревает смысл бытия: каждое отдельное существо — это лишь часть целого, и прежде чем открыть собственное «я», нужно постичь свою тождественность с другими¹².

Действительно, в этом превращении можно найти и центральную для всего романа идею связи всех людей, однако перевоплощение это стоит понимать и более прямо: время управляющего в имении Нехлюдова, да и вообще управляющих уходит — на место жизни помещичьего типа должно прийти, по мнению Толстого, *хозяйство одной семьи*, но близкое к земле, связанное с сезонной сельскохозяйственной деятельностью (вспомним яснополянские проекты Толстого, его труд с мужиками и привлечение собственных детей к физической работе).

В художественном мире «Воскресения» важно, что главный герой нигде не служит, а его роскошная жизнь в начале романа поддерживается доходами с имений. Н.В. Фролова отмечает, что

¹² Нагина К.А. «Идея сада» в творчестве Л. Толстого: от «Казаков» к «Воскресению» // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 4. С. 15.

«русское поместное дворянство, будучи разобщенным по местам расселения», «в большинстве своем всячески стремилось к активной общественной деятельности, считая ее почетным долгом дворянина»¹³. Но Нехлюдов лишь со стороны узнает новости о земской деятельности, не принимая в ней никакого участия. В этой полной пассивности он, с одной стороны, уподобляется Толстым светскому миру (в начале романа), с другой стороны, отчасти выражает и позицию неделания — неприятия существовавшего порядка вещей.

Кроме указанной линии трансформации усадебной жизни в романе «Воскресение» очень сильна линия отрицания роскоши усадебного быта чиновников и дворян, проживающих в Москве и Петербурге. Только после поездки в свои имения Нехлюдов видит город в новом свете, извращающем человеческую природу обманом:

Одни из этих людей сумели воспользоваться городскими условиями и стали такие же, как и господа, и радовались своему положению, другие же стали в городе в еще худшие условия, чем в деревне, и были еще более жалки (т. 32, с. 234).

В художественном мире Толстого атмосфера городского усадебного дома (еще со времен романа-эпопеи «Война и мир») определяется не стенами и дверьми, а населяющими его людьми. И в романе «Воскресение» писатель показывает, что последние порою ведут себя не по-хозяйски, а как гости. Линию усадеб городского типа, которые Нехлюдов посещал ранее и вынужденно посещает, ища справедливости по делу Масловой, открывает дом Корчагиных (в черновиках упоминался дом Кармалиных на Покровке). Все в этом доме роскошно, дорого и ненатурально, все потеряло истинно русский усадебный колорит, начиная от «бесшумно двигавшейся на английских петлях дубовой двери подъезда» (т. 32, с. 89) и заканчивая лежачей хозяйкой. В художествен-

¹³ Фролова Н.В. Своя колея: хозяйственно-экономический мир русской усадьбы в воспоминаниях А.А. Фета // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 133.

ном мире романа очень важно, что Нехлюдов в гостях у знакомых дворян почти каждый раз испытывает двойственное чувство: ему приятно находиться в семейных гнездах, но вслед за этим герой быстро разочаровывается, когда видит, что в стенах одного дома часто живут чужие люди, объединенные лишь формально.

В доме адвоката Масленникова целью хозяйки являются блестящие приемные дни, причем до уровня светской болтовни и злословия опускаются все гости, даже «очень важный военный гость» (т. 32, с. 188), которого Нехлюдов встретил в передней Масленникова. Но максимум роскоши городской усадебной жизни Нехлюдов созерцает в Петербурге. Н.Г. Михновец точно подмечает парадокс, относящийся к петербургскому дискурсу в романе «Воскресение»:

Подчеркнутая субъективность и даже тенденциозность автора — есть следствие стремления романиста воссоздать жизнь столицы в ее глубинной сущности: «живая жизнь», как представляется Толстому, выхолащивается вследствие разрыва с жизнью многомиллионного народа. <...> Подчеркнуто субъективное авторское освещение петербургской жизни парадоксальным образом становится залогом изображения объективной картины¹⁴.

Толстой подробно не останавливается на домах и усадьбах Чарских, Mariette и ее мужа, Вольфа, Топорова, он показывает людей и ощущение многочисленных параллелей и знакомств между ними. Но в отличие от центральной идеи романа, согласно которой важнейшей ценностью является соединенность человека со своим народом, эти светские знакомства обуславливают тонко выстроенную систему поддержки обманного порядка жизни. Толстой описывает впечатления Нехлюдова от города, в котором общая атмосфера ухоженности и внешней чистоты, максимально продуманных формул и взаимовыгодной жизни скрывает не просто пустоту, но подлость его обитателей. Не случайно Mariette живет в доме на канаве, а барон Воробьев — в великолепном казенном доме.

¹⁴ Михновец Н.Г. Роман Л.Н. Толстого как эпический: авторский подход к изображению фактов современности и их оценка // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 137.

Примечательно описывает Толстой переезд Корчагиных из своего подгородного имения к сестре княгини по Нижегородской дороге. Глазами Нехлюдова писатель подробно осматривает целую процессию с участием членов семьи Корчагиных, причем хозяйку несут в кресле, окутанную воздушным покрывалом. Но после пространного описания процессии автор показывает, *намеренно не упоминая членов семьи Корчагиных*, что от них в этом перемещении фактически ничего не зависит: «Шествие носильщиков, горничной и доктора проследовало в дамскую комнату <...>» (т. 32, с. 345).

Заключительные главы романа являют очередной контраст, которых немало на его страницах. Из нечеловеческих условий тюрем Нехлюдов попадает в обстановку семейного счастья в доме сибирского генерала. Наблюдая за молодой семьей дочери генерала и вспоминая дно жизни, герой переоценивает для себя понятия «изящного» и «чистого». Для Нехлюдова теперь не представляет ценности *изящество* высшего света и противоречащая духовному развитию *чистота* Петербурга, эти понятия связываются для него с обликом семьи: «И ему стало завидно и захотелось себе такого же изящного, чистого, как ему казалось теперь, счастья» (т. 32, с. 430).

Создавая финал романа «Воскресение», Толстой пока не представлял иной формы жизни в имении, нежели та, какую он вел сам в усадьбе Ясная Поляна или в Хамовническом доме в Москве. В городском доме сибирского генерала внешне все очень похоже на дорогой сердцу Нехлюдова (и автора романа) усадебный быт.

В далекой Сибири перед нами возникает пример почти московского усадебного дома, и Нехлюдову приятны не только красивая обстановка, рояль, учтивость хозяев, но и новое содержание усадебной жизни, связанное с целеустремленностью и хозяйственностью людей, населяющих эту землю. Не случайно в гостиной сибирского генерала появляется новый герой, соединяющий лучшие качества мужика и дворянина:

Молодой купец-золотопромышленник, сын мужика, в сшитой в Лондоне фракной паре с брильянтовыми запонками, имевший большую библиотеку, жертвовавший много на благотворительность и державшийся европейски-либеральных убеждений, был приятен и интересен Нехлюдову, представляя из себя совершенно

новый и хороший тип образованного прививка европейской культуры на здоровом мужицком дичке (т. 32, с. 427).

Илл. 4. Губернаторская квартира и Благовещенская церковь в г. Томск.
Литография М. Колосова. 1871 г. 172 × 210 см.
Фото из открытых источников

Усадебная тема в романе «Воскресение» становится не просто преходящей, существующей в художественном мире только в силу принадлежности Нехлюдова к дворянам-помещикам. Для самого Толстого усадебная тема связана с образами дома, уюта, счастья, любимой женщины. Оставляя своего героя на пороге нового периода, писатель подчеркивал необходимость перемен в общественной жизни. На аристократию, часто не готовую к реальному труду, ложилась задача преодоления огромного разрыва с народом и самостоятельного построения своего «чистого и изящного» счастья — не в гостиных и салонах, а где-нибудь в пригороде Кяхты, на русской земле.

ГЛАВА 3

Экспликация «усадебно-дачного топоса» в «Круге чтения» Л.Н. Толстого

«Круг чтения» Толстого стал для самого писателя одной из дорогих и важных книг, заключительным аккордом педагогических опытов и публицистических воззваний, финальной проповедью о значимости духовной жизни и самосовершенствования. Замысел книги, подобной «Кругу чтения», возник у Толстого еще в 1884 г., но работа была отложена почти на двадцать лет. В 1903 г. Толстой составил сборник «Мысли мудрых людей на каждый день», однако сразу же после выхода книги принялся за ее переработку, и она быстро переросла в план о новом труде, который в дневниках и письмах часто именовался писателем «календарем».

Исследователи творчества Толстого справедливо говорят об оригинальности данной книги, которая, на первый взгляд, является собранием размышлений мудрых людей, о чем сообщает и полное ее название: «Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым, мысли многих писателей об истине, жизни и поведении», однако при внимательном рассмотрении выступает не просто как компиляция, но как глубокий и продуманный труд со значительной долей собственно толстовских текстов, стройной поэтической системой.

Обратимся к образам *дома, дачи и усадьбы* в «Круге чтения», постараемся показать, какое место занимают они в общем собрании мыслей, с какими темами и проблемами современной Толстому жизни рифмуются. Однако сначала кратко остановимся на характеристике всего труда Толстого. С.Ю. Николаева справедливо

отметила, что «Круг чтения» создавался «в диалоге» (в широком смысле слова) со всем миром литературы¹. Если вспомнить сложный и развернутый полилог русских романистов второй половины XIX в., который велся в скрытой, свернутой форме², и сравнить его с «Кругом чтения», то можно с уверенностью сказать, что последний не уступает по объему рифмующихся тем, идей и образов целым группам романов. Толстой смог объединить в «Круге чтения» различные точки зрения писателей и мыслителей, но при этом подчинить их собственным целям, вписать в свою авторскую концепцию. И.Ю. Лученецкая-Бурдина справедливо отметила, что в поздний период творчества Толстой ставил перед искусством особые задачи, «не ограничивался чисто литературными занятиями, но стремился создать универсальное мировоззрение, которое для человечества стало бы нормой жизненного поведения»³.

Главная задача книги Толстого — преобразование человека, иллюстрация ложности исключительно приземленного, утилитарного представления о жизни. «Круг чтения», по задумке автора и составителя, был предназначен для ежедневного обращения читателя к важнейшим смыслам бытия, его поворота в сторону добра, любви, созидания.

В Полном собрании сочинений Толстого в 90 томах комментарии к «Кругу чтения» написаны Н.Н. Гусевым, который, находясь в 1907–1908 гг. при Толстом в качестве секретаря, много помогал писателю в переработке и редактировании книги. Основная работа по написанию «Круга чтения» велась летом и осенью 1904 г., однако спустя два года Толстой приступил к редактуре некоторых мест, и эта работа проходила на глазах Н.Н. Гусева:

Ежедневно прочитывая «Круг чтения», Толстой видел неудовлетворительность изложения отдельных включенных в него мыслей,

¹ Николаева С.Ю. Ф.И. Тютчев и И.С. Тургенев в восприятии Л.Н. Толстого (книга «Круг чтения») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 41.

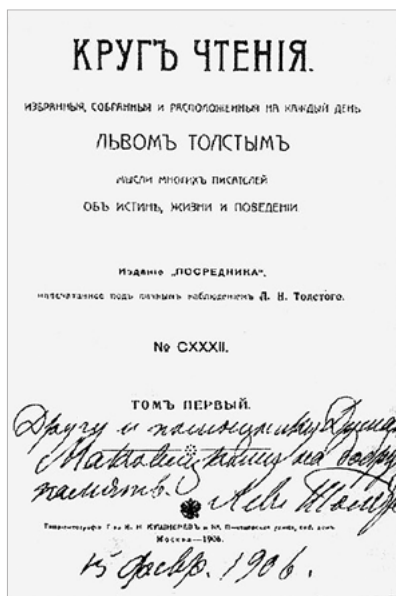
² Андреева В.Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2016. С. 382.

³ Лученецкая-Бурдина И.Ю. Парадоксы художника. Особенности стиля Л.Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т, 2001. С. 29.

и у него уже в 1907 г. явилось желание вновь проредактировать любимую книгу. К исполнению этого замысла он приступил 17 августа 1907 г.⁴

В новой редакции «Круга чтения» увеличивалась доля собственно авторского текста и во многом приглушалась форма повелительных наставлений, выражающих правила поведения.

Можно сказать, что работа Толстого над «Кругом чтения» продолжалась с лета 1904 г. и велась фактически до 1908 г., когда все корректуры нового, уже доработанного издания, были подписаны к печати. Первое издание «Круга чтения» вышло в 1906 г., однако в процессе издания Толстой был вынужден соглашаться на многие коррективы ради прохождения цензуры.

Илл. 5. Обложка первого издания «Круга чтения» с дарственной надписью Толстого Д.П. Маковицкому. Фото из открытых источников

⁴ Гусев Н.Н. Круг чтения. История писания и печатания // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 42. С. 577.

Итогового варианта своего позднего любимого труда писатель так и не дождался. В 1910 г. было выпущено второе издание в первой редакции, а новое издание было арестовано. На протяжении работы с Толстым издатель «Круга чтения» И.И. Горбунов-Посадов предлагал многочисленные правки и сокращения, необходимые для цензурного прохождения книги, однако все эти меры помогали мало: 8 ноября 1911 г. над И.И. Горбуновым-Посадовым состоялся суд, по решению которого издатель был признан виновным и приговорен к году заключения.

Между тем Толстой очень ждал выхода последней редакции «Круга чтения». Его дневники и письма 1900-х гг. показывают, что сначала писатель сомневался в востребованности и преобразующей силе своей книги. 5 ноября 1904 г. он записал в дневнике: «Всё занят “Кругом Чтения”». В достоинстве сомневаюсь. Скорее склоняюсь думать, что плохо» (т. 55, с. 99). Однако по мере завершения труда Толстой убеждался в его значимости: «Начал исправлять старый “Круг Чтения”». И оказалось работы больше, чем думал, и работа не дурная» (31 января 1908 г.) (т. 56, с. 95). Н.Н. Гусев отмечает, как радовали писателя положительные отзывы о его книге и внимание к ней:

За обедом г-жа Ферре, жена смоленского вице-губернатора, сказала Льву Николаевичу, что ее отец, сенатор Зиновьев, бывший тульский губернатор, каждый день читает «Круг чтения». Льва Николаевича это очень тронуло⁵.

После завершения работы над книгой Толстой часто обращался к ней и прочитывал тексты за определенные дни. Для писателя «Круг чтения» был источником мыслей о жизни и смерти, искоренении зла в людях, работе и правильном отдыхе, о чуткости во взаимоотношениях, связанности всего живого и т. д. В «Круге чтения» рассуждения лишены той силы отрицания, которая нередко появлялась в его поздней публицистике: эта последняя книга Толстого максимально обращает читателя к духовной жизни, позво-

⁵ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 188.

ляя оценить все проявления внешнего мира лишь как поверхность настоящего пути, уходящего в вечность. «Цель жизни — исполнение закона Бога, а не приобретение знаний», — отмечает Толстой (27 июля) (т. 41, с. 533).

С.Ю. Николаева считает, что

Толстой писал не хрестоматию, а книгу для чтения, при этом опираясь на серьезную традицию, то есть решал не дидактическую, а именно литературную задачу. <...> Толстой и на позднем этапе своей творческой эволюции оставался писателем, художником, который мыслит образами⁶.

Записи Толстого позволяют оценить не только огромный объем проделанной им работы, но и увлеченность писателя, скрупулезность при отборе материала. Толстой много работал над «Кругом чтения», преодолевая различные недуги, с которыми боролся в последнее десятилетие. Так, 1 сентября 1904 г. писатель отметил в дневнике:

Третий день болит живот. Всё это время переводил и читал для «Круга Чтения» и написал предисловие. Работа подвигается, но очень ее много (т. 55, с. 85).

И получилось так, что строки «Круга чтения» стали последними отрывками из произведений самого Толстого, которые он читал и слышал: именно эта книга лежала на столике умирающего писателя. Фрагменты из нее стал вслух читать Толстому В.Г. Чертков. А.Б. Гольденвейзер рассказывает, как находящийся в полубреду болезни Толстой пытался что-то диктовать, а потом прочитать продиктованное. Но никто из присутствующих не мог зафиксировать бессвязных слов Толстого и, соответственно, прочитать их. Тогда А.Л. Толстая придумала читать отцу «Круг чтения»:

⁶ Николаева С.Ю. Ф.И. Тютчев и И.С. Тургенев в восприятии Л.Н. Толстого (книга «Круг чтения») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 42.

Владимир Григорьевич [Чертков. — В.А.] раскрыл лежавший у Л.Н. на столике том «Круга чтения» и стал читать мысли на пятое ноября. Л.Н. сразу успокоился и стал тихо слушать, даже иногда спрашивая: «Чье это?»⁷.

«Круг чтения» можно считать своеобразным *заветом Толстого*, смогшего показать, что земная правда относительна, что слова мудрецов хороши в дополнении друг друга, что только Божественная правда и жизнь по законам высшей любви являются истинной целью. С.Ю. Николаева точно отметила, что «концепция жизненного пути человека, концепция цикла земной человеческой жизни приобретает структурообразующее значение в толстовской книге»⁸. Непреходящее значение «Круга чтения» проявляется еще и в том, что у писателя получилось очень емко и лаконично соединить обыденное и возвышенное, при внимании к несправедливостям общества и окружающей действительности показать высшую радость, о которой часто забывают люди.

Образы *усадыбы, усадебной жизни, дачи, дома* встречаются в «Круге чтения» в нескольких записях и находят реализацию в трех рассказах, относящихся к недельным чтениям: «Душечка» (А.П. Чехов), «Первое горе» (Л.А. Авилова), «Ягоды» (Л.Н. Толстой).

В записи «Недельное чтение» за период с 27 мая по 2 июня помещен рассказ А.П. Чехова «Душечка», который, по воспоминаниям современников, Толстой очень любил и прекрасно читал вслух. При определении рассказа в «Круг чтения» Толстой убрал из чеховского текста два фрагмента. Первое исключение касается упоминания о шее и полных плечах главной героини, которые видит Кукин после венчания. По всей видимости, эта несколько натуралистическая и интимная подробность показалась Толстому излишней — она могла нарушить пропорции между внешней стороной жизни героини и ее внутренним миром. По этим же соображениям,

⁷ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. С. 624.

⁸ Николаева С.Ю. Ф.И. Тютчев и И.С. Тургенев в восприятии Л.Н. Толстого (книга «Круг чтения») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 43.

скорее всего, из рассказа было исключено описание сна Оленьки, которой виделись «целые горы досок и теса, длинные бесконечные вереницы подвод, везущих лес куда-то далеко за город <...>»⁹. Для Толстого сны героев были слишком важны в духовном плане, а у Чехова описание сна героини связано с конкретным этапом жизни и внешними делами на лесном складе.

Произведенные Толстым небольшие сокращения не умилили выразительной силы рассказа Чехова. Однако «Душечку» читатели воспринимали и продолжают воспринимать очень по-разному. И.И. Горбунов-Посадов даже возмущался по поводу включения этого рассказа Чехова в книгу Толстого, считая, что если и помещать «Душечку» в «Круг чтения», то рядом нужно представлять иной, противоположный пример «истинной жены, сознательного друга-товарища и сотрудника мужа»¹⁰.

Толстой мыслил иначе, он воспринимал главную героиню рассказа исключительно как положительный образ. Для прояснения своей точки зрения после рассказа он поместил в «Круге чтения» послесловие, в котором отметил верность и художественную правду «Душечки». По словам Толстого, Чехов во время написания произведения мог находиться под удивительным недоразумением «женского вопроса», может быть, хотел посмеяться над жалким существом главной героини, однако во многом бессознательно вышел к прославлению женщины, силы ее жертвенной любви:

Он, как Валаам, намеревался проклясть, но Бог поэзии запретил ему и велел благословить, и он благословил и невольно одел таким чудным светом это милое существо, что оно навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем ее сводит судьба (т. 41, с. 377).

⁹ Чехов А.П. Душечка // Чехов А.П. Собр. соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 297.

¹⁰ Гусев Н.Н. Душечка А.П. Чехова // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 42. С. 610.

Чехов сочетает в рассказе представление лучших женских качеств (заботы, самоотдачи) с иронией по отношению к Оленьке:

В Великом посту он уехал в Москву набирать труппу, а она без него не могла спать, все сидела у окна и смотрела на звезды. И в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха (т. 41, с. 365).

«Душечке» предшествуют рассуждения о женщине, объединенные в «Круге чтения» под датой 2 июля (большинство из них принадлежит самому писателю). Эти заметки перекликаются с рассказом Чехова, гармонично завершаются и иллюстрируются им. А тезисные выводы Толстого о женщине и ее роли в жизни позволяют лучше понять рассказ Чехова. Толстой подчеркивает главную функцию женщины — рождение и первое воспитание детей, в которой она не должна изменять себе. В контексте усадьбы нам важнее запись от 2 июля под цифрой 2: «Женщина, мать семейства, *которая не умеет быть счастлива дома*, не будет счастлива нигде» (Курсив мой. — В.А.) (т. 41, с. 361).

В художественном мире рассказа Чехова, помещенного в «Круге чтения», актуализируется тема дома и связи с ним женщины — домоседки, хозяйки. По всей видимости, убирая из текста сон Оленьки о досках, Толстой стремился к устранению малейших намеков героини на рост благосостояния: заботы о доходах Душечка только повторяет за своими мужчинами, но в ее *женские сны* не должны были прокрадываться образы мужского дела, связанного исключительно с прибылью.

Все изменения, происходящие с героиней в рассказе, совершаются *в ее доме*. В начале повествования мы видим Оленьку у себя во дворе на крылечке. И все мужчины главной героини каким-либо образом связаны с ее домом: Кукин квартировал во флигеле, как и ветеринарный врач Смирнин, а Василий Андреич Пустовалов, встретив возвращающуюся после обедни Оленьку, довел ее до калитки, то есть до самого дома. Встречая приехавшего с женой и сыном в город Смирнина, Оленька *отдает семье Смирниных свой дом*, ничего не прося за постой, а сама переселяется

во флигель. По словам К.Д. Гордович, у Чехова «дом — это не только место обитания, но и то, чем владеют, показатель материального положения и интересов. <...> Главное внимание уделяется не внешнему виду, а отношению героев к своим жилищам. По ходу повествования выявляется то, хорошо ли они чувствуют себя дома, насколько им комфортно, тянет ли домой»¹¹.

Образ старого наследственного дома Племянниковых, владелицей которого становится Оленька, приобретает в рассказе особый смысл. Этот дом — убежище и крепость главной героини, преображающаяся именно тогда, когда Душечка начинает отдавать свою деятельную силу любви. Оленька родилась в этом доме, в нем же, по всей видимости, завершит свой земной путь. Более того, судьба ее дома разворачивается как бы параллельно с судьбой героини. В момент встречи и начала общения с первым мужем, антрепренером и содержателем увеселительного сада «Тиволи», расположение дома Оленьки способствует ее размышлениям о Кукине:

Дом, в котором она жила со дня рождения и который в завещании был записан на ее имя, находился на окраине города, в Цыганской Слободке, недалеко от сада «Тиволи» <...> (т. 41, с. 364).

Когда Кукин уезжает в Москву набирать труппу, а Пустовалов ездит в Могилевскую губернию за лесом, Оленька ждет и первого, и второго мужа *дома*. Собственно так она дожидается и ветеринара, уехавшего навсегда, но вернувшегося в когда-то оставленный дом. Исследователи творчества Чехова даже отмечают, что текст рассказа построен «наподобие стихотворного»: «строфы, части располагаются относительно симметрично»¹².

Е.В. Попова справедливо отметила, что «рассказ “Душечка” принадлежит к числу тех чеховских произведений, в которых от-

¹¹ Гордович К.Д. Тема дома, усадьбы, дачи в произведениях А. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Симферополь: Максима, 2012. С. 28.

¹² Петренко Д.И., Штайн К.Э. Проза А.П. Чехова: метапоэтика и поэтика. Ростов н/Д.: ИП К.Р. Попов; Полиграф-Сервис, 2018. С. 388.

ношение автора к герою глубоко скрыто»¹³. Исследовательница отмечает, что многие упрекают героиню Чехова в том, что она становится копией того, кого любит, не имеет своего «я». Но при этом Е.В. Попова справедливо считает, что чеховский комизм касается не героини, а ситуации: «Вторя словам мужа, Оленька не изменяет самой себе в поступках <...>»¹⁴. Душечка у Чехова так же интуитивно и по-женски исполняет свою функцию помощницы мужа, верной и заботливой жены, как выполняет свою функцию в рассказе ее дом. История «привлечения» Кукина связана с домом:

<...> Когда под утро он возвращался домой, она тихо стучала в окошко из своей спальни и, показывая ему сквозь занавески только лицо и одно плечо, ласково улыбалась <...> (т. 41, с. 364).

История счастливой и размеренной жизни с Пустоваловым передается в том числе благодаря образу дома, достатка, продуманного хозяйства:

<...> а дома пили чай со сдобным хлебом и с разными вареньями, потом кушали пирог. Каждый день в полдень до дворе и за воротами на улице вкусно пахло борщом и жареной бараниной или уткой, а в постные дни — рыбой, и мимо ворот нельзя было пройти без того, чтобы не захотелось есть (т. 41, с. 367).

Смерть второго мужа делает Оленьку затворницей, которая выходит из дома редко, однако тут Чехов также мастерски иронизирует по поводу поведения героини. Автор пишет о черном платье Душечки и сравнивает ее с монашенкой, между тем, сравнение это условное. Героиня уже нашла новое увлечение, которое пока держит в секрете, и дом Оленьки хранит уже новую тайну — ее любовь к ветеринару, до времени скрываемую от людей ставнями. Максимальный параллелизм в описании женщины-хозяйки и

¹³ Попова Е.В. К вопросу об авторской позиции в рассказе А.П. Чехова «Душечка» // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. № 1 (Специальный выпуск). С. 58.

¹⁴ Там же. С. 59.

ее дома мы видим во время полного упадка, внезапно становится заметно, что и дом, и героиня постарели:

Дом у Оленьки потемнел, крыша заржавела, сарай покосился и весь двор порос бурьяном и колючей крапивой. Сама Оленька постарела, подурнела; летом она сидит на крылечке, а зимой она сидит у окна и глядит на снег (т. 41, с. 370).

Очень точно психологически и символически (в продолжение реализации линий истинного предназначения женщины и дома) описано в рассказе возвращение Смирнина. Оленька не сдерживает слез, а потом они с ветеринаром оба не замечают, *как входят в дом, садятся пить чай*. Женская нежность и забота свойственны героине в той же степени, как ее дому — функция уюта, пристанища. Кульминация рассказа приходится на момент возвращения Смирнина и сдачи ему Оленькой дома:

Господи, батюшка, да возьмите у меня дом! Чем не квартира? Ах, господи, да я с вас ничего не возьму, — заволновалась Оленька и опять заплакала. — Живите тут, а с меня и флигеля довольно (т. 41, с. 371).

Смысл жизни для этой женщины заключается в любви, в стремлении быть полезной, нужной. И преображается она вместе с домом: «На другой день уже красили на доме крышу и белили стены, и Оленька, подбоченьясь, ходила по двору и распоряжалась» (т. 41, с. 371). В награду за труды и женскую любовь героиня, не имеющая детей, воспитывает Сашеньку.

Рассказ Чехова «Душечка» позволил писателю проиллюстрировать главное назначение женщины. К теме женской судьбы как особенно важной в «Круге чтения» Толстой вернулся еще раз — в декабре. Прочитируем одну из записей от 1 декабря: «Ничто так не свойственно женщине, как самоотвержение. И ничто так не отталкивает от нее, как себялюбие» (т. 42, с. 295). По Толстому, женщина превосходит мужчину в самоотвержении в любви, в этом ее удивительная сила. (Примечательно, что в позднем творчестве Толстой выведет на первый план не эпического героя, а именно

эпическую героиню, способную к максимальному самоотвержению и альтруизму — такой он изобразит Марью Павловну Щетинину в романе «Воскресение»¹⁵). Именно беззаветную и искреннюю женщину мастерски показывает читателям Чехов, в рассказе «Душечка» используя для раскрытия характера и сущности героини образ дома, который через представление о функциональных свойствах каждого объекта позволяет писателю вывести нас к глобальной мысли о *предназначении женщины* и — шире — *предназначении человека*:

Главный вопрос жизни нашей только в том, то ли мы делаем в этот короткий, данный нам срок жизни, чего хочет от нас тот, кто послал нас в жизнь. То ли мы делаем? (т. 41, с. 15).

Итак, в рассказе «Душечка» образ дома, потомственного места обитания, прочно связан с фигурой главной героини. Т.В. Быковская справедливо отмечает, что

воспоминания о внешнем мире никогда не имеют той эмоциональной тональности, что воспоминания о доме: они нас волнуют больше, чем можно предположить. Образ дома является одним из главных «феноменов психики». Он обладает необыкновенной психологической емкостью: при формировании образа дома память и воображение неразделимы¹⁶.

Внимательный читатель рассказа понимает, что все изменения в жизни Оленьки и ее домика связаны отнюдь не с внешними историческими или общественными причинами, но с трансформациями в судьбе самой героини. При эмоциональных переменах в жизни Душечки ее дом, как и женская любящая сущность героини, остаются своего рода константами действительности.

В целом жизнь героини движется как бы *по кругу*: рассказ Чехо-

¹⁵ Андреева В.Г. Образ эпической героини в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Филология и культура. 2021. № 2 (64). С. 69–74.

¹⁶ Быковская Т.В. Поэтика дома: образы внутреннего пространства человека // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 404.

ва соответствует и идейно, и по форме всей книге «Круг чтения». Однако было бы ошибкой думать, что смена мужей Оленькой составляет циклический процесс: героиня, проживая каждый из отрезков жизни и отдавая всю себя очередному избраннику, поднимается над условностью быта, преображается, за счет искренней любви прикасается к вечности. Очень интересна в этом плане запись Толстого в дневнике от 26 августа 1904 г., содержащая два упоминания: о смерти С.Л. Толстого и о работе над «Кругом чтения»:

Сережа умер. Тихо, без сознания, выраженного сознания, что умирает. Это тайна. <...> Открылось новое, лучшее. Также, как и мне. Дорога, важна степень просветления, а на какой она ступени *в бесконечном кругу*, безразлично. Два дня работал над календарем, уясняется. Но еще трудно (Курсив мой. — В.А.) (т. 55, с. 83).

Образ календаря, над которым работал писатель, сопрягается с бесконечным движением души.

В «Круге чтения» (в записи от 21 января) приводится рассуждение о путях преодоления зла в человеке. В этой небольшой заметке Толстой (как и далее Чехов в «Душечке») проводит *образную параллель между человеком и домом*:

Если бы мы увидали, что человек вместо того, чтобы покрыть крышу своего дома и вставить окна, всякий раз, когда заходит дождь и ветер, выходил бы наружу и, стоя на ветру и под дождем, сердился бы на тучи и кричал бы на них, приказывая одной идти направо, другой налево, — мы, наверно, увидав такого человека мы сказали бы, что он сумасшедший. А между тем мы все делаем это самое, когда мы сердимся за то зло, которое делают люди, ругая людей, а не заботясь о том, чтобы искоренить зло в себе. А между тем избавиться от зла в себе — прикрыть свою крышу, вставить свои окна — в нашей власти, а искоренить зло из мира так же мало в нашей власти, как распоряжаться тучами (т. 41, с. 48).

Яркий и нестандартный прием сопоставления дома и человека призван показать силу, необходимую для исправления: для ре-

монта дома нужна физическая сила, сноровка, а для исправления человека — сила духовная. Толстой подчеркивает то, что человеку по силам, и этот объем действий метафорически изображается на примере *работы по строительству дома*: «избавиться от зла в себе — прикрыть свою крышу, вставить свои окна — в нашей власти», а утопические замыслы передаются писателем на примере непосильного для человека: «<...> А искоренить зло из мира так же мало в нашей власти, как распоряжаться тучами» (т. 41, с. 48).

В недельном чтении от 16 июня (неделя с 10 по 16 июня) помещен Толстым рассказ Л.А. Авиловой «Первое горе», а в недельном чтении за 30 июня (неделя с 24 июня по 30 июня) — рассказ «Ягоды» самого писателя. В обоих этих произведениях представлены яркие *картины усадебной жизни*. Писатель, по всей видимости, не случайно помещает оба текста в июньские дни «Круга чтения», ведь июнь — время самого разгара дачно-усадебной жизни.

Л.А. Авилова была талантливой писательницей, ее рассказ «Первое горе»¹⁷ понравился Толстому. По всей видимости, интерес Толстого в 1904 г. к творчеству Л.А. Авиловой был связан с письмом самой писательницы, обращенным к Толстому, с просьбой прислать ей несколько строк для сборника, подготавливаемого ею в пользу жертв войны. В ответном письме от 27 февраля 1904 г. Толстой сообщал:

Я очень помню Вас, Лидия Алексеевна, и ваши хорошие рассказы и очень жалею, что не могу исполнить Вашего желания. Я всем отказываю и потому не могу не оскорбив сделать исключения (т. 75, с. 53).

А 25 сентября 1904 г. Толстой писал И.И. Горбунову-Посадову об июньских материалах «Круга чтения»:

Ягоды — поправил. <...> В рассказе Авиловой я позволил себе маленькие изменения и сокращения. Попросите ее разрешить и простить меня (т. 76, с. 34).

¹⁷ Авилова Л.А. Первое горе и другие рассказы. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. 108 с.

Сюжет рассказа «Первое горе» не сложен, но интересен, писательница передает психологию ребенка, его взаимоотношения с родителями, няней, кучером Игнатом: мальчик Гриша впервые сталкивается с несправедливостью — с осуждением фактически безвинных людей (кучера Игната и его жены), которым пришлось выходить из сложной жизненной ситуации. Действие рассказа происходит в усадьбе, в которую хозяева приезжают на лето. Стройность произведения во многом обеспечивается единством места действия — перед нами предстает усадебный дом с разными комнатами, конюшней, со своим распорядком дня и устроенной жизнью, которая передается глазами маленького героя. Гриша, «господское дите», как называет его няня, выбирает себе в друзья взрослого мужика — кучера Игната, проводит с ним в конюшне целые дни. Отца и мать мальчик видит преимущественно за обедом: «Отец всегда был занят, мать целыми днями сидела у себя в спальне и считалась нездоровой» (т. 41, с. 406). Гриша успевает побывать всюду: он ластится к матери, слушает разговоры старших за столом. Комнаты, коридор, балкон, девичья, детская — читатель вслед за маленьким героем *путешествует по усадебному дому*¹⁸: «Гриша убежал в детскую, забился в угол около своей кровати и прижался к стене, держась обеими руками за грудь» (т. 41, с. 410).

В рассказе изображены взаимоотношения хозяев усадьбы со слугами: и те, и другие показаны людьми чуткими, понимающими: «Игнат служил в усадьбе первый год, но очень быстро сошелся с маленьким барином, и между ними завязалась странная, но искренняя дружба» (т. 41, с. 404). Со слов кучера читатель узнает, что он переменял не одно место службы: раньше был у господ Луховских, а потом жил у купца. В рассказе Игната резко противо-

¹⁸ Мотив путешествия по усадебному дому был достаточно популярен в литературе XIX в., а позже был творчески освоен и писателями начала XX в. См. наши статьи: *Андреева В.Г.* Мотив путешествия по усадебному дому в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 185–203. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8); *Андреева В.Г.* Мир во взгляде из усадебной комнаты в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Метафизика И.А. Бунина / под ред. О.А. Бердниковой, О.В. Мазуренко. Воронеж: Изд. Дом Воронежского гос. ун-та, 2024. С. 8–16.

поставляются два вида службы — у дворян и у купцов. Работа у дворян представлена в рассказе в самых положительных и добрых тонах: несмотря на подчеркиваемое превосходство господ, Игнат и Матрена не чувствуют себя униженными. Гриша пытается заступиться за своего друга Игната и его жену, когда тех арестовывают за кражу лошади. Сердце маленького героя переполняется обидой, но сил для борьбы с несправедливостями у него пока нет. Гриша негодует даже на собственного отца, допускающего арест Игната. Между тем хозяева усадьбы являются людьми верующими, готовыми прийти на помощь ближним, и при этом законопослушными. Проводив арестованных слуг, господа берут на себя ответственность по воспитанию их дочери Польки, причем ни барин, ни барыня не приемлют унижения одних людей перед другими: в сцене прощания Матрена падает хозяйке в ноги, а та сама опускается на колени рядом с работницей.

А.А. Тулякова выделяет в «Круге чтения» *этические ситуации*, «которые больше всего занимают Толстого и обязательно коррелируют с Евангелием»¹⁹. Каждая этическая ситуация, по мнению исследовательницы, иллюстрируется двумя или тремя примерами-нарративами, которые А.А. Тулякова называет микросюжетами или дублетными сюжетами, «поскольку они представляют разные, альтернативные сценарии решения одной и той же “этической ситуации”»²⁰. Рассказы «Первое горе» и «Ягоды» антитетичны в плане изображения усадебной жизни и поведения господ — хозяев имений. Проблема правильных взаимоотношений господ и слуг, просящих о помощи и помогающих, взаимной помощи была поднята Толстым в записях «Круга чтения» от 25 марта:

Всякий человек пользуется трудами других людей, и потому для того, чтобы не быть вором, надо самому трудиться и отдавать другим людям свои труды за то, что берешь от них (т. 41, с. 193).

¹⁹ Тулякова А.А. Читатель на распутье: «дублетные сюжеты» в «Круге чтения» Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 39.

²⁰ Там же.

В одной из последующих записей Толстой непосредственно обращается к теме несправедливого отношения богатых к трудящимся, к прислуге:

Ни на чем так не видно наше непризнание христианства, как на нашем отношении к прислуге. Люди отдают всё свое время на служение нам, исполняя за нас самую грязную, неприятную и бессмысленную работу, и мы большею частью думаем, что мы в расчете с ними, если отдали установленные деньги. Но ведь они братья наши <...> (т. 41, с. 194).

Таким образом, помещая рассказ «Первое горе» в «Круг чтения», Толстой не только предлагал читателю обратить внимание на проблему несправедливого суда над невинными людьми, но и показывал положительный пример христианского, братского отношения господ к своим слугам. Такому отношению учат родители Гришу, причем учат собственным примером высокой духовной жизни.

А.В. Седов называет «Круг чтения» «манифестом толстовства» и пишет: «<...> Можно ожидать, что в нем авторское понимание социальной справедливости представлено в наиболее завершенном виде»²¹. Однако перед нами отнюдь не манифест, нельзя согласиться с А.В. Седовым и в том, что в «Круге чтения» реализовано какое-то специфическое толстовское учение. Аккумулированные писателем воззрения выдающихся мыслителей разных веков и народностей, разных вероисповеданий, как точно отмечает С.Ю. Николаева, были соединены благодаря «преображающей и примиряющей силе толстовского таланта»²². В «Круге чтения» внешнее, материальное подчинено духовной жизни, первостепенность которой подчеркивается и исподволь, и прямо: «Для человека, полагающего свою жизнь в духовном совершенствовании, не может быть страха перед внешними событиями» (запись от 1 мая) (т. 41,

²¹ Седов А.В. Осмысление проблем социальной справедливости в «Круге чтения» Л.Н. Толстого // Проблемы социальной справедливости и современный мир. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2016. С. 25.

²² Николаева С.Ю. Ф.И. Тютчев и И.С. Тургенев в восприятии Л.Н. Толстого (книга «Круг чтения») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 42.

с. 295). Думающий и чуткий читатель, попавший в «Круг чтения», уже не выйдет из него прежним: идея совершенствования связывается Толстым с покаянием и примирением:

Толстой видит весь мир именно сквозь призму человека, его интересов, а разные чтения, посвященные разного рода достоинствам и недостаткам, свойственным людям, в совокупности, по замыслу Толстого, должны дать представление о человеческой природе в целом и о том моральном облике, который свойственен современникам автора²³.

Рассказы «Первое горе» и «Ягоды» находятся в книге недалеко друг от друга: кроме того, что это июньские зарисовки летней усадебно-дачной жизни, композиционное расположение рассказов, по всей видимости, должно было способствовать обнаружению читателями контрастов: образ жизни и отношение к окружающим дворян в рассказе «Первое горе» кардинально отличается от жизни господ в рассказе «Ягоды».

Уже в самом начале рассказа «Ягоды» читатель сталкивается с градацией всего живого в окружении человека по принципу истинности / ложности. Перед нами предстают как бы три (или даже четыре) круга жизни, изолированных друг от друга, но при этом составляющих единое целое, жизнь с ее многочисленными сцеплениями. Первый абзац произведения посвящен окружающему живому миру, описанию трав, кустов и птиц — всего того, что существует в правильных ритмах, заданных природой. Во втором абзаце речь идет о крестьянском труде, ключевыми становятся глаголы, обозначающие действия, движение людей и находящихся рядом с ними домашних животных, постоянный труд: «Крестьяне доделывают постройки», «скотина голодает на высохшем пару», «ребята стерегут лошадей», «бабы таскают из леса мешки травы», «девки и девочки <...> собирают ягоды и носят продавать дачникам» (т. 41, с. 450).

Третий и четвертый абзацы, посвященные дачникам и состоятельным господам, контрастируют с первыми двумя. Образы

²³ Карлик Н.А. Афористика Л.Н. Толстого: сборник мудрых мыслей «Круг чтения». СПб.: Гос. полярная акад., 2012. С. 149–150.

дачной жизни сопровождает мотив отдыха, красивой иллюзии, внешнего обмана, а также образы чистоты и новизны: «Дачники, в разукрашенных, архитектурно вычурных домиках, лениво гуляют под зонтиками в *легких, чистых, дорогих* одеждах <...>» (Курсив мой. — В.А.); «У великолепной дачи Николая Семеныча с башней, верандой, балкончиком, галереями — *всё свеженькое, новенькое, чистенькое* — стоит ямская с бубенцами тройка» (Курсив мой. — В.А.) (т. 41, с. 450).

Прием контраста, использованный автором во вступлении, реализуется и далее при построении рассказа, разделенного на две части, иллюстрирующие господскую и крестьянскую жизнь. Усадьбное пространство в рассказе «Ягоды» представлено достаточно ярко: перед нами оказываются хозяин с женой Мари и его друг, приехавший погостить всего лишь на день. Далее Толстой подробно обращается к описанию установленной жизни и распорядка богатых помещиков — из рассказа мы узнаем, что гостит у хозяина известный либеральный деятель, петербуржец и чиновник, а сам Николай Семеныч «владеет многими тысячами десятин земли» (т. 41, с. 451).

Описывая времяпрепровождение господ, Толстой показывает искусственно создаваемые сложности и эксплуатацию ими других людей без доброго отношения к ним. Роскошь дачной жизни большого помещика и бессмысленность трат подчеркивается в описании обеда:

Они пообедали в саду обедом из пяти кушаний, но от жару почти ничего не ели, так что труды 40-рублевого повара и его помощников, особенно усердно работавших для гостя, пропали почти даром. Покушали только ботвинью ледяную с свежей белорыбицей и разноцветное мороженое в красивой форме и разукрашенное разными сахарными волосами и бисквитами (т. 41, с. 451).

В разное время суток герои рассказа чем-либо заняты, но времяпрепровождение господ связано исключительно с говорением: сначала мы видим разговор за столом во время обеда, позже — приятную беседу друзей: «После обеда приятели сидели на веранде, прохладяясь холодным нарзаном с легким белым вином, и беседовали» (т. 41, с. 451). Внезапно между друзьями завязывается

горячий спор о выборах, но он прерывается вечерним чаем «в защищенной сетками от мух столовой» (т. 41, с. 452). Далее снова начинается общий разговор, причем ведется он только для приличия: хозяйку Мари этот разговор не занимает, она думает о приболевшем ребенке, но начинает говорить о декадентской живописи, гостю этот разговор не интересен, но он внешне поддерживает его, создавая иллюзию осведомленности и заинтересованности. Хозяин дома уже наизусть знает рассуждения жены, чувствует ее плохое настроение, и ему становится скучно.

Описывая течение господской жизни, Толстой разоблачает иллюзию существования, лишённого труда. С наступлением вечера дети укладываются спать, и вот тут начинается уже *настоящий разговор* (хотя читатель рассказа прекрасно понимает бессмысленность всей болтовни господ):

Лакей подал свечи с колпаками и еще нарзану, и начался около двенадцати часов уж настоящий, оживленный разговор о том, какие должны быть приняты государственные меры в настоящее, важное для России время. Оба не переставая курили, разговаривая (т. 41, с. 452).

Мы не будем подробно останавливаться на описании крестьянской жизни, изображенной во второй части рассказа и представляющей резкий контраст с жизнью господ. Но кроме антитезы дворянского и крестьянского образа жизни в рассказе «Ягоды» есть интересный эпизод со стариком-ямщиком и образы слуг, позволяющие читателю провести параллели между фигурами разных господ в двух рассказах. Если в «Первом горе» изображены помещики, жалеющие слуг и воспринимающие их фактически на равных, то в «Ягодах» представлены равнодушные эксплуататоры. Н.А. Гаврилина отмечает, что в публицистических статьях позднего Толстого саркастически говорится о возможной помощи господ народу²⁴. В «Круге чтения», как мы видим, Толстой показывает

²⁴ Гаврилина Н.А. Взгляды Л.Н. Толстого на социальные проблемы российского общества в 80–90-е гг. XIX в. // Духовное наследие Л.Н. Толстого в современных культурных дискурсах. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого. 2016. С. 259.

полюса жизни, разных людей, но не случайно Николай Семеныч изображен не как помещик средней руки, а как *очень крупный землевладелец* — писатель дает нам понять, что Николай Семеныч фактически выступает вершителем судеб множества крестьян и подчиняющихся ему людей.

Читатель рассказа осознает, что все разговоры господ о будущем России, о лучшем пути — лишь блажь, поскольку ни хозяин, ни хозяйка, ни гость в рассказе «Ягоды» не готовы задуматься, даже просто вспомнить о людях, которые на них работают, отпустить для отдыха старика-ямщика:

Снаружи, за воротами дачи побрякивали бубенчиками ямщицкие лошади, стоявшие без корма, и то зевал, то храпел тоже без корма сидевший в коляске старик ямщик <...> Когда уж с разных дач стали перекликаться петухи <...> ямщик усомнился, не забыли ли его, сошел с коляски и вошел в дачу. Он видел, что его седок сидел и пил что-то и в промежутках громко говорил (т. 41, с. 452).

В целом образы усадебной жизни представлены в «Круге чтения» в положительном аспекте, они связаны для Толстого с жизнью на земле, с естественным трудом, с преображением человека и его общением с миром природы. Усадебный быт подразумевал, по мнению писателя, домашнюю и спокойную жизнь, семейные ценности, осознание преемственности и связи с другими людьми. Тема усадебной жизни в «Круге чтения» включается одновременно в разные оппозиции: ярко просматривающаяся общественная и социальная проблематика («Если я родился на земле, то где же моя часть? Будьте так добры, господа этого мира, покажите мне мой лесной участок.., мое поле.., мою усадьбу») (т. 42, с. 248) отходит у Толстого на второй план, уступая место проблеме приближения к истинной любви:

Только деятельное, нравственное, духовное, глубокое и религиозное сознание придает жизни все ее достоинство и энергию. Оно делает неуязвимым и непобедимым. Землю можно победить только именем неба (т. 42, с. 134).

ГЛАВА 4

Эпистолярное наследие Л.Н. Толстого рубежа XIX–XX вв.: мотив чтения в усадьбе

Особенного внимания заслуживает мотив усадебного чтения в эпистолярном наследии Толстого 1890–1900-х гг., то есть последних двух десятилетий жизни писателя, в которые он много времени проводил в Ясной Поляне. По мере того как Толстой получал все большую славу и известность, Ясная Поляна становилась центром своеобразного паломничества, куда стекалось множество писем от самых разных корреспондентов.

На протяжении жизни Толстого Ясная Поляна давала ему материал для творчества, там же осуществлялась разнообразная практическая деятельность писателя, как хозяйственная, так и просветительская. Ясная Поляна сформировала во многом личный и исторический опыт Толстого, здесь писателем пережит почти век русской истории. На протяжении жизни Толстого усадьба превратилась из родового гнезда в один из главных культурных и духовных центров России, ещё при жизни писателя стала также крупным педагогическим и просветительским центром¹.

Усадьба Толстого в 1890–1900-е гг. не утрачивает своего хозяйственного значения, она по-прежнему остается лучшим местом для творчества и неустанного физического труда, необходимость

¹ Подарцев Е.В. Русская усадьба в произведениях Льва Толстого // Литература в школе. 2010. № 5. С. 17.

которого писатель объяснял и своим детям. В указанное время Толстые в зимние месяцы периодически жили и в московском Хамовническом доме, но письма 1890–1900-х гг. открывают стремление писателя именно в Ясную Поляну, где он нередко пребывал с частью младших детей в то время, пока С.А. Толстая одна или с другими детьми находилась в Москве.

В письме к Н.Н. Ге (сыну) от 8 ноября 1892 г. Толстой пишет:

Мы в деревне: Таня, Маша и я. И с нами живет Попов, помогает мне в моей работе. Работа всё двигается, но медленно. Жена досаждает, что мы не едем. А я не могу подняться и ехать на эту умственную суету всех этих Гротов, Трегубовых, психологий, богословий и т. п. В мои годы хорошо жить в тишине, ожидать голоса Бога и прислушиваться к нему <...> (т. 66, с. 273).

К концу XIX в. Ясная Поляна приобретает особенное значение не только для семьи писателя, но и для всей России. Жизнь в имении идет по заведенным порядкам, но при этом усадьба и ее хозяин становятся объектами пристального внимания множества соотечественников и жителей других стран, у Толстого ищут совета, помощи и поддержки, а его литературная, публицистическая, издательская деятельность привлекают к себе все большее внимание, косвенно влияя и на общественно-политическую ситуацию в стране. Т.Н. Загородникова рассказывает о письме из Индии, демонстрирующем популярность Толстого во всем мире и широту проблем, с которыми люди обращались к нему: в этом послании человек обратился к Толстому с просьбой подсказать, не знает ли он специалиста, лечащего проказу².

Известность Толстого постепенно достигла таких беспрецедентных масштабов, что его открытые обличения власти, чиновников, указание на «ошибки» государственных деятелей, на бесправие и вопиющие случаи несправедливости по отношению к простому народу «прощались» Толстому. М.В. Строганов справедливо отметил, что

² Загородникова Т.Н. Письмо из Индии // Азия и Африка сегодня. 2013. № 8. С. 70.

для формирования литературного паломничества писатель должен был обязательно поселиться вне крупных городских центров, лучше всего в усадьбе. Вследствие этого неизбежно формируется неформальная духовная столица, находящаяся в оппозиции к официальной власти³.

Характерный для конца XIX – начала XX вв. процесс оскудения дворянских усадеб почти не коснулся Ясной Поляны. Пока был жив Толстой, его усадьба оставалась своеобразным *энергетическим центром*: дело тут не только в активной помощи Толстого и всей его семьи народу во время голода и эпидемии холеры, но и в силе толстовских воззваний к современникам. По мнению Л.Б. Карпенко, усадебный уклад дореволюционной России складывался из ряда параметров:

<...> простор усадьбы, ее надежность (усадьба как родовое гнездо, как крепость), ее хозяйственная благоустроенность (достаточное количество комнат, мебели), изобилие (дом как полная чаша), ухоженность окружающей дом территории, сада, налаженный быт, порядок, гостеприимство хозяев, строгость содержания, которая объясняется сохранением традиций⁴.

Несмотря на тот факт, что Толстого все более тяготила обстановка барского дома, он не мог организовать для себя иной, лучший тип существования. И после отказа Толстого от состояния в пользу близких, Ясная Поляна продолжала оставаться для писателя своеобразной обителью и крепостью.

Вместе с тем, благодаря вовлеченности в литературный мир, писатель с избытком получал всю новую информацию, касающуюся не только событий в России, но и во всем мире. Бытие Толстого в усадьбе было непосредственно связано с чтением: им было изучено и проанализировано огромное количество книг, журналов,

³ Строганов М.В. Ясная Поляна и Ферне // Культура и текст. 2019. № 2. С. 115.

⁴ Карпенко Л.Б. Образ усадьбы в реминисцентном дискурсе // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм. Коллективная монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 44. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2)

статей, писем. Корреспонденты присылали Толстому множество рукописей и корректур, вышедших изданий, прося совета, мнения по поводу таланта начинающего автора или значимости произведения. К.Д. Гнатюк справедливо отмечает, что

эти письма показывают отношение народа к автору, а их количество — его популярность. Возможно, это более верный показатель известности писателя, чем тираж сочиненных им произведений, число страниц, вышедших из-под его пера, гонорар за строку, написанную им⁵.

Встречающиеся в письмах высказывания Толстого о прочитанных им произведениях часто кратки, но они позволяют оценить объем чтения Толстого, литературу, которой он отдавал предпочтение. Иногда Толстой не успевал сразу прочитывать присланные ему произведения: откладывал их на некоторое время (но после, как правило, просматривал) или оперативно пытался помочь корреспонденту с печатанием (в ситуациях, когда автор был хорошо знаком Толстому или он был уверен в качестве литературного труда). Так, 27 февраля 1900 г. Толстой пишет С.Т. Семенову, приславшему ему повесть «Родные души» с просьбой замолвить за него слово издателю журнала «Нива»:

Прочту Вашу повесть в печати и, надеюсь, в «Ниве», а теперь так много чтения и письма и так слаб и так устаю, что не могу сейчас читать. Послал ее Марксу с смелым уверением, что все, что Вы пишете, бывает хорошо <...> (т. 72, с. 326).

В этот же день, 27 февраля 1900 г., он пишет послание и редактору «Нивы» А.Ф. Марксу:

Посылаю Вам повесть С.Т. Семёнова. Все, что пишет Семенов, всегда очень хорошо как в нравственном, так и в художественном

⁵ Гнатюк К.Д. «Глубокочитимый граф Лев Николаевич»: «Письма сочувствия» Л.Н. Толстому о его статье «Не могу молчать» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2018. № 2. С. 62.

отношении. <...> Хотя я не читал этой повести, зная добросовестность Семенова, я смело рекомендую ее Вам (т. 72, с. 326).

1 июля 1904 г. давняя знакомая писателя В.Ю. Волконская прислала Толстому переводимый ею на немецкий язык роман с просьбой оценить его. Сначала Толстой отказался выполнять просьбу, но уже в первом письме изменил свое решение:

<...> Очень сожалею, что не берусь исполнить Ваше желание. Я так мало интересуюсь романами и так занят, что мне особенно трудно было бы прочесть и сличать. <...> А впрочем, если это не очень длинно, то я прочту и напишу Вам, что думаю. Мне так хотелось бы быть Вам приятным (т. 75, с. 141).

А месяц спустя, 31 июля 1904 г., Толстой написал Волконской ответ о том, что книгу он нашел слабой и тенденциозной, но в случае, если отыщется издатель, «появление ее все-таки может быть полезно» (т. 75, с. 150).

В посланиях Толстого к жене содержится намного больше непосредственных сообщений о чтении как времяпрепровождении,

Илл. 6. И.Е. Репин. Л.Н. Толстой на диване за чтением. 1891 г.
Бумага желтая, карандаш. 24 × 33 см.
Государственная Третьяковская галерея

увлечении, а не просто работе. Письмо от 23 ноября 1890 г. открывает распорядок дня Толстого, находившегося в хорошем физическом состоянии: «Я как заведенные часы — так же встаю, гуляю, пишу, опять гуляю, читаю про себя и вслух Илиаду» (т. 84, с. 68). И в письме к Н.Н. Страхову от 7 января 1891 г. Толстой, рассказывая о работе, связанной с многочисленными правками и переделками написанного, сообщает: «Это делаешь утром, потом отдыхаешь, гуляешь, потом семейные, посетители, потом чтение» (т. 65, с. 216).

В письмах к супруге Толстой часто одной строкой рассказывает о домашнем семейном чтении: «Мы читали по вечерам Семейную хронику» (т. 84, с. 71) или сообщает о том, какое впечатление произвела на него та или иная книга: «Я ничего нынче не писал, только читал прекрасную книгу, историю суждений древних о вегетарьянстве» (т. 84, с. 78).

Послания к С.А. Толстой позволяют понять, что обычный распорядок дня писателя предполагал дневную работу, а семейному чтению посвящались вечерние часы. Так, в письме от 23 октября 1892 г. Толстой сообщает: «Я хожу гулять, пишу утром. Вечером писал письма и читал с девочками. Нынче начали Фауста Гете, перевод Фета» (т. 84, с. 163). Чтение было для Толстого и одним из видов отдыха. 9 мая 1891 г. писатель, болевший гриппом, сообщает жене: «Я лежу на диване и читаю» (т. 84, с. 80).

Упоминая о совместном чтении, Толстой более всего пишет о старшей дочери Татьяне, которая помогала отцу, часто оставалась в Ясной Поляне. 2 ноября 1892 г.: «Мы живем по-старому. У Тани мигрень, но она с нами обедает и даже не лежит. Читаем вслух Карамазовых, и очень мне нравится» (т. 84, с. 167). 11 сентября 1893 г.: «Нынче пишу в торопях, сейчас едут, а мы с Таней зачитались Мопасаном» (т. 84, с. 193). Как можно судить по письмам Толстого, в усадьбе вслух читались произведения, которые имели несомненную художественную ценность: «Вчера мы читали Мимочку, 2-ю часть. Хорошо, но есть преувеличения и подражание самой себе» (т. 84, с. 200). В этом письме речь идет о повести Л.И. Микулич-Веселитской «Мимочка отравилась», напечатанной в «Вестнике Европы». А 4 декабря 1895 г. Толстой в письме к жене сообщает: «Читает Беркенгейм вслух Герцена Былое и Думы» (т. 84, с. 373).

Чтение вслух в усадьбе Толстых было частым явлением, причем по мере увеличения числа посетителей Ясной Поляны менялись и чтецы. В воспоминаниях Д.П. Маковицкого есть запись, раскрывающая смысл толстовского чтения вслух:

Люблю вслух читать сочинения, о которых хочу создать себе представление, какое впечатление они произведут на других, — сказал Л.Н. — Переношусь в слушателей, замечаю, ясно ли им, следят ли, не скучно ли им⁶.

О том, как Толстой наблюдал за впечатлением читателей, пишет и Н.Н. Гусев:

По просьбе Льва Николаевича, мне несколько раз приходилось в его присутствии читать вслух его статьи. <...> Вероятно, во время моего чтения Лев Николаевич наблюдал за слушателями, как принимается ими то или другое место его статьи⁷.

Отзывы Толстого в письмах показывают, что нередко понравившиеся самому писателю произведения он еще раз прочитывал членам своей семьи. По всей видимости, Толстой не просто хотел еще раз оценить произведение, но и делился с близкими людьми, и, как уже было сказано выше, оценивал их реакцию, позицию каждого из слушателей. В письме А.М. Жемчужникову от 14 ноября 1890 г. Толстой сообщает:

Очень рад был получить твое письмо, потому что всегда рад узнать и вспомнить о тебе, любезный друг Алексей Михайлович. Вчера получил твою поэму и прочел ее сначала про себя, а потом вслух — домашним (т. 65, с. 186).

⁶ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910. «Яснополянские записки» (Дневник). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskie-zapiski/index.htm> (дата обращения: 16.01.2026).

⁷ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 321–322.

Речь в этом письме идет о поэме «Загробная тоска», которая была посвящена автором Толстому. Дальнейшее чтение письма к А.М. Жемчужникову позволяет понять, что писателю было важно мнение домашних по поводу одного из самых существенных для него вопросов — о грядущей смерти и отношении к ней. И.Ю. Лученецкая-Бурдина отмечает, что смерть была «постоянным объектом рефлексии писателя, постоянной темой его философских размышлений», связанной «с раздумьями о вечности, о времени, о бессмертии и любви»⁸. Скорее всего, позиция Толстого несколько расходилась со взглядами Жемчужникова, поэтому он и захотел услышать мнение членов семьи:

Картина семейной жизни очень милая и описание прекрасное, но мысль поэмы для меня почти непонятна: как мысль о смерти, стоящей так уже близко от нас с тобой по нашим годам, не вызывает в тебе мыслей другого порядка? Впрочем, то хорошо, что все люди разны по своему взгляду на мир — каждый смотрит с своей особенной точки зрения (т. 65, с. 186).

К теме о памяти смертной уместно привести здесь и строки письма Толстого Н.Н. Страхову от 3 ноября 1893 г. о чтении и реакции писателя на прочитанное: «Сегодня читал описание Чайковского о болезни и смерти его знаменитого брата. Вот это чтение полезно нам: страдания, жестокие физические страдания, страх: не смерть ли?..» (т. 66, с. 419). Очень часто прочитанные где-либо описания смерти, особенно глубокие и реалистичные, заставляли Толстого глубоко задумываться.

Необходимые для работы книги Толстой часто заказывал сам или через жену, детей, знакомых. Более всего в пересылке нужных изданий в усадьбу Толстому помогал В.В. Стасов, с 1872 г. занимавший должность заведующего художественным отделом Публичной библиотеки и трепетно относившийся к Толстому (Стасов бывал в гостях у Толстого в Ясной Поляне и в Хамовническом доме в Москве). Большое количество книг Толстой заказывал

⁸ Лученецкая-Бурдина И.Ю. Парадоксы художника: особенности стиля Л.Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т, 2001. С. 15.

у Стасова при работе над «Хаджи-Муратом», а также над статьей о творчестве Шекспира (итоговое название — «О Шекспире и о драме»), которую он начал писать в сентябре 1903 г. В письме к Стасову от 27 октября 1903 г. Толстой сообщает: «Книги все еще держу и совещусь, что так много. Шекспировские надеюсь на днях возвратить с великой благодарностью» (т. 74, с. 215). Книги о Шекспире Толстой заказывал из Ясной Поляны также через П.А. Буланже и Н.И. Стороженко. Замысел статьи о Шекспире Толстой вынашивал долго, и каждый раз чтение произведений Шекспира производило на писателя двойственное впечатление и заставляло задуматься о статье (пока она, наконец, не была написана). Не будем приводить в данном случае все упоминания Толстого о чтении Шекспира, которых немало в письмах к Стасову. Отметим, что еще 18 (19) октября 1894 г. в письме к супруге Толстой отмечал: «С Верой Северцевой мы читали Шекспира. Прочли Юлия Цезаря — удивительно скверно. Вот, если бы был молод и задорен, написал бы статью об этом. Избавить людей от необходимости притворяться, что они это любят» (т. 84, с. 227).

С момента знакомства с Толстым 8 марта 1878 г. Стасов много помогал писателю: он присылал в усадьбу не только заказываемые Толстым книги, но и советовал другие издания, передавал информацию, которой владел сам. 31 октября 1904 г. Толстой благодарит Стасова за присылку книг, заказывает для работы новые: «<...> Мне нужно истинно великих людей не одних русских (русских, допущенных цензурой, даже не может быть: от них тошнит), а всемирных» и отдельно высоко оценивает рассказ Стасова о Екатерине II: «Ваш рассказ о Великой мне очень был полезен. Благодарствуйте. Если пришлете что об Екатерине, за все буду благодарен. Я мало начитан в литературе о ней» (т. 75, с. 180). Стасов вскоре стал другом семьи, делился с Толстыми домашними новостями. Широко известное ныне определение «адвокат 100-миллионного земледельческого народа» было дано Толстым самому себе в письме к Стасову от 18 октября 1905 г. после того, как писатель по совету друга перечитал книгу Герцена:

Ваше упоминание о Герцене побудило меня перечесть «С того берега». И я поблагодарил Вас за это напоминание. Я во всей этой ре-

волюции состою в звании, добро и самовольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа (т. 76, с. 45).

Толстой часто давал дочерям поручения привезти или прислать нужные издания. 16 ноября 1890 г. в письме к дочери Татьяне он просит привезти ряд критических изданий, объясняя, что до этого Т.Л. Толстая не привезла необходимого: «Вот что сделай мне, голубушка: достань критики духовные на “В чем моя вера” — Орфано, Никанора, если об этом он писал, и привези мне» (т. 65, с. 187). Как можно судить по некоторым просьбам, Толстой в целом помнил о самых примечательных и значимых книгах своих библиотек. В письме от 3 мая 1897 г. он писал дочери Марии:

Да вот порученье: в шкафу книжном лежит в хорошем переплете толстая Крумбахера История Византийской литературы по-немецки. Там фамилия или надпись Крумбахера. Спиши это и привези мне большое полное издание моих сочинений. Мне надо надписать и послать его (т. 70, с. 70).

Писатель всегда интересовался тем, что читают его дети и старался не только прочитывать эти книги, но и обсуждать их. В ответ на письмо сына Льва из Парижа, в котором он рассказывает о чтении запрещенной брошюры, связанной с рационалистическим толкованием Евангелия, Толстой 12 марта 1894 г. сообщал:

Мне очень интересна та подпольная литература, которую ты читаешь, Лева. Меня всегда удивляло и удивляет, как такое сильное движение, как это, и такие сильные по энергии люди, участвовавшие в нем, не оставили следа. Я по крайней мере не знаю ничего. Ты почитай, исследуй и привези, что интересно (т. 67, с. 77).

Писатель всегда был предельно внимателен к литературному творчеству сына. В семье Толстых о литературе говорили много, а все, что касалось творчества близких, обсуждалось особо. В письме Л.Л. Толстому от 1–6 февраля 1891 г. Толстой отмечает:

Мама приехала очень довольная тобой, что всегда очень радостно, и рассказывала про твой детский рассказ. Мне нравится и сюжет, и не боязнь перед избитостью его. Ничто не ново и всё ново. — Интересно будет прочесть (т. 65, с. 242).

Активная переписка, затрагивающая вопросы чтения, велась между Л.Н. Толстым и его старшим братом С.Н. Толстым вплоть до смерти последнего. Часто писатель из Ясной Поляны *отправлял брату в его усадьбу Пирогово* те книги, которые самому Толстому очень нравились. 9 августа 1891 г. в письме к Л.П. Никифорову Толстой сообщает, что не может сразу отправить ему рекомендуемую книгу, так как она находится у брата:

Пошлю Вам на днях книжечку рассказов мелких Braddon. Они и все не дурны, а один очень хорош. Я не посылаю сейчас, потому что книжка у брата, и нынче я пишу ему, чтоб прислал мне (т. 66, с. 30).

Толстой не раз говорил знакомым, что у его старшего брата замечательный художественный вкус («У меня есть брат, человек с чрезвычайно верным и тонким художественным чутьем» (т. 72, с. 263)), но в некоторой степени и направлял, корректировал процесс его чтения. «Не знаю, чем из книжек угостить тебя. Ни Спенсера, ни Маркса, ни Тэна нет у меня. А есть критика на Спенсера, очень хорошая, Генри Джорджа <...>», — пишет Толстой 19 октября 1897 г. (т. 70, с. 172). С.Н. Толстой был на 5 лет старше писателя, братья делились ощущениями приближающейся старости. В письме от 24 января 1901 г. Толстой пишет, что ощущает свой спуск в старость (Глубоко примечательно, что этот спуск происходил в собственной усадьбе писателя — также и для его брата — это обстоятельство значительно смягчало «крутизну» спуска на некоторых участках). Усталость и плохое настроение в совокупности с мелкими, но постоянными проблемами со здоровьем нередко приводили к тому, что Толстой испытывал отсутствие сил для писательской работы. Этими ощущениями он делился с С.Н. Толстым, отмечая, что заполняет время чтением:

Читаю много и газет и книг. Но рекомендовать ничего не могу: нешто Мопасан *Les dimanches d'un bourgeois de Paris*. Хорошо написано и забавно. Постараюсь прислать тебе, а из так называемого серьезного: «Буддийские Сутты», перевод Герасимова. Для возбуждения желчи читаю Ничше. Стоит прочесть, чтобы ужаснуться перед тем, чем восхищаются (т. 73, с. 21).

27 апреля 1902 г. Толстой в письме спрашивает брата, читал ли тот рассказы Чехова и Горького, советует роман Вильгельма фон Поленца «Крестьянин» (т. 73, с. 236). 10 марта 1903 г. писатель сообщает С.Н. Толстому о двух прочитанных книгах:

Дал мне знакомый Маслов две книжечки: одна Alphonse Karr'a *Les gaietés romaines* о нелепости религии католической — очень хорошо. И другую Буренина Стрелы — шуточные стихи, тоже очень остроумно. Хотелось бы тебе их сообщить, да они не мои. Может быть, и пришло (т. 74, с. 68).

По всей видимости, Толстому действительно хотелось, чтобы брат прочитал книгу Альфонса Карра, 3 апреля 1903 г. он пишет, что все-таки посылает на страх чужую книгу (т. 74, с. 102). Обратим внимание в данном случае на бережное отношение писателя к книгам, тем более — к изданиям, принадлежащим чужим людям. Дело в том, что в России XIX–XX вв. было два типа частных библиотек. Первые — частные публичные библиотеки, называемые также «библиотеки для чтения», служили коммерческим целям; вторые — личные библиотеки — были достоянием владельцев, как правило, собирателей и библиофилов (преимущественно помещиков, владельцев средних и крупных усадеб, у которых имелось время для занятий книгами, необходимые средства для их приобретения и, что было немаловажно, помещения в доме для хранения книг). Так случилось, что молодой Толстой однажды задолжал книги М.Н. Лонгинову, достаточно большому чиновнику, журналисту и мемуаристу, талантливому библиографу и библиофилу, историку литературы. Точнее, Толстой вернул Лонгинову не столько книг, сколько брал, перепутав чужие издания с вновь приобретенными им са-

Илл. 7. И.Е. Репин. Лев Николаевич Толстой на отдыхе в лесу.
1891 г. Холст, масло. 60 × 50 см.

Государственная Третьяковская галерея

мим: 26 марта 1864 г. Толстой извиняется, что все-таки ошибся в количестве книг:

Очень мне совестно, любезный Михаил Николаевич, за то, что я похвастался своим порядком в книгах, да тут-то и попался! Дело в том, что в то время, как я брал у вас книги, я много накупил, и две из ваших книг, именно: Походные записки русского офицера и брошюры, я, спутав, принял за свои книги и не отложил (т. 60, с. 42).

Учитывая, что между Толстым и Лонгиновым произошел до этого серьезный конфликт, который чуть не завершился дуэлью (ее удалось избежать благодаря вмешательству Н.А. Некрасова), писателю, насколько можно представить, было особенно неприятно извиняться перед Лонгиновым за оплошность с книгами. После

этого случая Толстой стал относиться к чужим книгам, взятым на время, с большой бдительностью. Однако в ситуации с братом желание поделиться информацией, впечатлением пересилило опасение писателя за возможную потерю книги или ее порчу.

В переписке Толстой часто делился со своими корреспондентами впечатлениями о новых книгах других авторов, свои книги он с легкостью пересылает знакомым для чтения после «проверки» новинок литературы. 14 ноября 1890 г. Толстой пишет Л.П. Никифорову:

Есть у меня по-английски роман норвежца Бьернсона — очень недурной, и интересный, и новый, а верно еще не переведенный: “In God’s way”. Его жена читает. Когда кончит, я пришлю его Вам (т. 65, с. 185).

Собственным произведениям Толстой в письмах оценочных характеристик не дает, но в 1900-е гг. активно рассылает свои публицистические труды. Особенно широко Толстой отправлял адресатам тома «Круга чтения», отмечая поучительность этого издания. В письме от 18 февраля 1906 г. С.Ф. Ожиганову (рабочему завода в Нижнем Тагиле) Толстой, отвечая на его вопрос о том, какие книги могут быть руководством пишущим, советует отнюдь не художественную литературу: «Заниматься чтением пустых романов Тургенева, Л. Толстого, Гончарова и др. я Вам не советую. Читайте лучше Евангелие и книги мудрецов» (т. 76, с. 102). «Круг чтения» Толстой советует изучать К.И. Шараповой, попросившей у него книги для небольшой народной библиотеки, и подчеркивает, что сам он ежедневно читает это издание:

Я читаю его по числам каждый день, и мне это помогает жить. Я думаю, что такое чтение ежедневное полезно бы было для детей, юношей. Мне очень хочется составить такую доступную детям и простолюдинам книгу (т. 76, с. 190).

Толстой ответственно и внимательно относился к корреспонденции. Приведем для примера два письма, иллюстрирующие искренность похвалы Толстого, выражающейся в схожих выска-

зываниях вне зависимости от того, кому он писал — датскому писателю Ф.Ф. Лахману (письмо от 31 декабря 1894 г.):

Я получил Вашу книгу и сердечно благодарю Вас за нее. Книга прекрасная во всех отношениях и по важности содержания, и по искренности автора, и по мастерству изложения (т. 67, с. 292)

или одному из своих ближайших друзей, критику Н.Н. Страхову о его книге «Философские очерки» (письмо от 14 февраля 1895 г.):

Вашу книгу получил и очень благодарю, не из одной учтивости. Предисловие я прочел — буду хранить Вашу книгу не потому, что долг платежом красен, а потому что приятно сказать то хорошее, что подумал о Вашем писании <...> (т. 68, с. 32).

Г.В. Алексеева отмечает, что книги не только поступали в толстовскую библиотеку, но и легко «уходили» из нее: «К Толстому вполне применимы слова Петрарки о том, что нельзя держать книги запертыми, словно в тюрьме, они должны непременно переходить из библиотеки в память»⁹. Толстым и членами его семьи книги активно использовались, пересылались и передавались людям, но не хранились в определенном порядке. В письме П.Г. Ганзену от 14 сентября 1891 г. Толстой высоко оценивает сочинения Кьеркегора и Бьернсона, имеющие главные качества: искренность, горячность, серьезность. А дальше Толстой сожалеет, что не может найти нужных статей:

Статьи Киркегора, о которых Вы пишете, я знаю, что были у меня, но до сих пор мы с Машей не могли их найти. Поищем еще. Но если не найдутся, скажите, очень ли это будет Вам неприятно? По-сылают мне рукописей много, а порядка заведенного нет и часто пропадают (т. 66, с. 45).

⁹ Алексеева Г.В. Личная библиотека Л.Н. Толстого как музейная коллекция и как объект научных исследований // Литературные музеи в контексте истории и культуры. М.: Литературный музей, 2019. С. 120.

Уже в 1900-е гг. супруга и дочери Толстого занялись составлением каталогов присылаемых книг. Г.В. Алексеева отмечает, что в каталогизации приняла самое деятельное участие старшая дочь писателя Т.Л. Толстая: «Учитывая ценнейшие советы близкого друга семьи Н.Н. Страхова, она составила первый карточный каталог яснополянской библиотеки». А С.А. Толстая в 1908 г. «предприняла попытку не только каталогизации, но и тематической систематизации книг на русском, французском, немецком и английском языках»¹⁰.

Толстой не просто старался быть в курсе литературного процесса, он способствовал его направлению, а в поздний период творчества во многом стоял во главе движения как русской, так и мировой литературы. Для этого Толстому необходимо было не только задавать тон собственными произведениями, но и содействовать публикации лучших из написанных другими авторами сочинений, решительно высказываться против публикации того, что не имело художественной ценности. Примечательно, что в письмах Толстого почти нет срединных оценок: как правило, книгам он давал полюсные характеристики. К примеру, Толстой одобряет прочитанную им вслух статью М.О. Меньшикова: «Вчера прочел вслух Вашу третью статью “Ошибки страха”. Очень благодарю Вас за ту радость, которую я испытывал, читая эти статьи. Они прекрасны и сделают много добра людям» (т. 69, с. 107); отмечает смелость мысли и ее выражения в книге «Говор зорь» начинающего писателя крестьянина Курской губернии П.И. Карпова (т. 80, с. 205); хвалит прочитанный им роман Гумри Уорд «Мисс Бритертон» за тонкую и умную реализацию идеи подкупания женской красотой (т. 84, с. 174–175).

Но порою возмущение и неприятие прочитанного писателем оказывались настолько велики, что «не уместались в одном письме». Так, 20 октября 1893 г. Толстой пишет Н.С. Лескову: «Вчера я прочел повесть Потапенко в Северном Вестнике. Какая мерзость! Решительно не знают люди, что хорошо и что дурно» (т. 66, с. 406). В этом же письме Толстой отмечает безнравственность повести «Семейная история» И.Н. Потапенко, называя ее «бесполезной па-

¹⁰ Там же. С. 117.

костью». По всей видимости, писатель был настолько возмущен повестью, что даже пересказал ее кратко еще и в письме к супруге (т. 84, с. 199).

Многим авторам Толстой советовал работать без спешки, писать медленно, тщательно шлифуя несовершенства: «Читал Вашу “Вне жизни”, и мне понравилось. Было бы еще лучше, если бы Вы еще просеяли. Золото добывается самым удобным способом, просеиванием» (письмо И.Ф. Наживину от 3 декабря 1902 г.) (т. 73, с. 340). В последние два–три десятилетия жизни Толстой особенно активно призывает авторов к простоте и краткости.

Писатель всегда прямо говорил авторам о недостатках их произведений, сетовал на искусственность и неопределенность текстов. По поводу повести «Колонтаевцы» Толстой писал Ф.Ф. Тищенко 28–31 октября 1894 г.:

Сейчас вновь перечел Ваш рассказ, и очень внимательно. Вся его первая часть совершенно невозможна. Все это так неестественно, преувеличено и выдуманно, что ни одна редакция, по моему мнению, не решится его напечатать. <...> У Вас есть способность писать, но нет строго критического отношения к себе и потому терпения перерабатывать (т. 67, с. 263).

Обратим внимание, что повесть была перечитана Толстым во второй раз (в указанном случае можно, скорее всего, говорить о стремлении писателя быть объективным). По письмам Толстого можно заключить, что некоторые произведения он перечитывал именно для составления правильного впечатления. Так, Толстой сначала отрицательно отнесся к книге “Man and Superman” («Человек и сверхчеловек») Бернарда Шоу, а после указания самого автора произведение переоценил. В письме от 17 августа 1908 г. Толстой писал:

Прошу Вас извинить меня, что я до сих пор не поблагодарил Вас за присланную Вами через г. Моода книгу. Теперь, перечитывая ее и обратив особенное внимание на указанные Вами места, я особенно оценил речи Дон Жуана <...> (т. 78, с. 201).

Не раз возвращался Толстой к ряду особенно ценных и значимых для него произведений. К таковым можно отнести, например, книги Ф.А. Страхова. О.А. Алфёрова отмечает:

В яснополянской библиотеке до сих пор хранятся две книги Ф.А. Страхова: «Дух и материя» и «Искание истины». В обеих книгах есть пометы Л.Н. Толстого. Но большинство помет писателя обнаруживается в книге «Искание истины»¹¹.

Письма Толстого содержат рассказ о повторном его возвращении к этой книге. 1 апреля 1910 г. в письме к Ф.А. Страхову Толстой сообщает, что читает корректуру «Искание истины», причем полностью, а не только новые части, и при этом делает отметки и выписывает, что нравится (т. 80, с. 197). А 16 августа 1910 г. Толстой писал автору, указывая на несомненную ценность книги в деле распространения добра:

Сейчас дочитал (вновь) Вашу книгу «Искание истины» (я прежде читал, но недостаточно внимательно) и в восхищении. В особенности первые пять отделов. <...> Я теперь гощу у дочери Тани Сухотиной. И ее муж Михаил Сергеевич, и его взрослые сыновья от первой жены очень умные молодые люди. Один из них проходит курс философии в Швейцарском университете. Так вот я нынче вечером хочу почитать им места из Вашей книги (т. 81, с. 112).

Писатель был внимателен как к книгам, так и к выходящим в России и за рубежом периодическим изданиям. Журналы, выпускаемые друзьями и содержательно ему близкие, он анализировал особенно пристально. В письмах к П.И. Бирюкову Толстой не раз представляет развернутую характеристику журнала «Свободная мысль», все материалы первого номера которого он оценил по пятибалльной шкале, кратко объяснив редактору натянутости и длинноты отдельных статей:

¹¹ Алфёрова О.А. Л.Н. Толстой и Ф.А. Страхов // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 129.

«Рабочее движение» 3 мало. Финляндия 5+, но испорчено о том, что как будто одобрительно о ловле агентов. Духоборы 4, голод 5. Университетские волнения 3. Надо бы больше. Нынче в газетах о том, что в солдаты забирать, а перед этим было об инспекции и общении профессоров. Все как нарочно делают, чтобы раздражить <...> (т. 72, с. 164).

Для самого Толстого чтение было во многом духовной пищей — эту метафору он использовал в письме к П.А. Буланже от 13 июля 1898 г.: «Читаете ли Вы Эпиктета? Прочтите, пожалуйста. Это хорошая крепительная духовная пища» (т. 71, с. 406). Критическое отношение к себе, работа по самосовершенствованию были основанием для скрупулезного чтения собственных биографий, которые присылали Толстому для одобрения и внесения замечаний. Из письма к П.И. Бирюкову:

Биография Ваша лежит еще не читанная. Хочется читать ее в таком настроении, при котором бы был в состоянии и охоте делать примечания, поправки, вообще отнестись с полным вниманием. На днях сделаю это (т. 75, с. 71).

По этой же причине, как можно предположить, Толстой не хотел внимательно читать уже изданные биографические сведения и воспоминания: на содержание их он уже не мог повлиять, а неизбежные искажения (не фактов даже, а оценки) не радовали Толстого. В письме И.Б. Файнерману от 14 марта 1906 г. писатель благодарит автора за книгу — «Воспоминания о Л.Н. Толстом и его письма» — и заключает, что подробности ему читать не хочется:

Я пробежал ее, но прочту, если буду жив, когда будет нужно. Я избегаю читать про себя без нужды. Я знаю ее содержание и знаю, что она написана в хорошем духе о том хорошем времени, которое мы тогда переживали вместе с Вами, и благодарю Вас за это (т. 76, с. 122).

Поражает география писем Толстому и способность писателя в краткие сроки осваивать большие объемы специфической инфор-

мации. В ноябре 1907 г. Толстой рассказывает в письме индусу, доктору философии Абдулле-аль-Мамун Зураварди, как он «штудировал» присланную им книгу «Изречения Магомета», выбирая из нее изречения для «Круга чтения» (т. 77, с. 241). В январе 1909 г. Толстой сообщает Е.И. Лозинскому, что после прочтения присланных им газет и книг он многое подтвердил, а многое и узнал для себя во взглядах на интеллигенцию и ее роль (т. 79, с. 47).

Толстой проводил огромную работу по популяризации зарубежных изданий, периодически советуя знакомым или корреспондентам выполнение переводов. Он даже расставлял акценты, которые должны были помочь переводчику заострить те или иные вопросы.

Всё, что ненужно, по-моему, я зачеркнул, где же я поставил вопросительные знаки, это я предоставляю вам: выпустить все или хотя частью, или поставить в выносках. То, что я отметил синим карандашом, — особенно хорошее,

— сообщал Толстой в письме к нередко гостившему в усадьбе А.Б. Гольденвейзеру (т. 80, с. 171).

Очень горячо Толстой приветствовал появление работ, идейно близких к его собственным. Прослушав статью В.Г. Короленко о смертной казни, Толстой в письме к автору от 26–27 марта 1910 г. назвал ее превосходной и отличающейся по силе воздействия от всей прочей литературы:

Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземплярах. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья (т. 81, с. 187).

Для Толстого всегда важна была цель книги и задача автора. 8–9 октября 1910 г. писатель сообщал в письме А.К. Чертковой, что читает большую книгу П.П. Николаева «Понятие о божестве, как совершенной основе жизни»:

Книга очень хорошая. Человек вполне нам близкий по взглядам и большой труженик. Надо ему написать, и вот штудирую его книгу в более чем 400 страниц (т. 89, с. 222).

Аналитическое изучение реализации мотива чтения в письмах Толстого показывает подразумеваемую закономерность: в те периоды, когда писатель был занят общественной работой, к примеру, проблемой переселения духоборов в Канаду, их последующего устройства, он меньше сообщал корреспондентам о чтении. То же самое можно сказать и о заключительных этапах работы над объемными произведениями. Пересылая А.Ф. Марксу новые главы романа «Воскресение», Толстой был параллельно занят переработкой и корректурами возвращаемых глав, опасался, пропустит ли их цензура — в этой ситуации все внимание писатель сосредотачивал на собственных текстах.

Разумеется, были книги, чтение которых имело решительное значение для дальнейшего хода мысли Толстого и направления его художественного и публицистического творчества. Огромное влияние на Толстого в поздний период оказали работы американского политэконома Генри Джорджа. В его книгах и статьях одним из ключевых был вопрос о земельной собственности. Образ земли и труда на земле всегда занимали в произведениях Толстого значительное место¹². Опираясь на работы и предложения Генри Джорджа, Толстой начинает радеть за передачу земли в общее пользование на основании единого налога. Письмо Толстого Генри Джорджу от 27 марта 1896 г. показывает, что чтение его работ было своеобразной вехой на пути писателя:

Чтение каждой Вашей книги уясняет мне то, что прежде было не вполне ясно, и открывает новые горизонты. Еще больше радуюсь тому, что, может быть, увижусь с Вами (т. 69, с. 77).

¹² Андреева В.Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 192–227.

Толстой радел за распространение идей Генри Джорджа, ждал признания их ценности общественностью. В приезд в Ясную Поляну Е.В. Молоствовой писатель вручил ей несколько экземпляров книг, а в письме от 7 июня 1905 г. интересовался реакцией людей. Несколько фраз о чтении из этого письма открывают, что просвещение, духовное развитие и становление человека, его нравственную работу Толстой связывал именно с чтением важных и правильных книг:

Одно есть могущественнейшее средство против всей человеческой мудрости — средство, побеждающее всякую мудрость, волей-неволей заключенную в книгах. Это то, чтобы не читать их. И в наше время средством этим — не чтения хороших книг, а одних глупых и гадких газет и книг — слишком пользуются (т. 75, с. 248).

Таким образом, усадьбная жизнь и ее организация оказывали решающее влияние на процесс чтения Толстого, а вместе с тем сам быт и формы существования семьи Толстых в немалой степени были определены мировоззрением писателя, становление и изменение которого было обусловлено именно чтением. Как справедливо отметил М.В. Скороходов,

Среди наиболее располагающих к чтению мест — пространство вдали от повседневной городской суеты, которое называли то деревней, то усадьбой, то имением, то дачей. По сути, в разные времена это достаточно уединенное и приспособленное как для работы, так и для отдыха место. Здесь имелась возможность для гармоничного соединения времени, уделяемого творчеству, с часами безмятежного отдыха. За пределами города эти два вида деятельности не противопоставлялись друг другу, а становились взаимно дополняющими занятиями¹³.

¹³ Скороходов М.В. Чтение и библиотека в русской литературной традиции (от помещичьей усадьбы до дачи советского периода) // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 202–217.

Через всю жизнь Толстой пронес интерес и любовь к серьезным книгам, к философии, но не абстрактной, а жизненной, направленной на помощь окружающим, на умножение добра. В послании к Ф.М. Дзюбе от 12 марта 1900 г. писатель отмечает значимость молитвы для удержания мира внутри человека, а также подчеркивает значение чтения: «Полезно также чтение хороших книг и самой хорошей, Евангелия» (т. 72, с. 332).

Вне всякого сомнения, Толстой сыграл огромную роль в просвещении русского народа, в помощи крестьянству. Несмотря на категоричность обличения позднего Толстого, на его разрыв с Церковью, писатель очень хорошо чувствовал ключевую проблему общества начала XX в., сыгравшую решительную роль в приближении революционных событий. 27 ноября 1903 г. в письме к А.С. Пругавину Толстой говорит *о книге своей мечты*. По словам писателя, это книга, которая показывала бы явно отсутствие религиозного сознания у интеллигенции (т. 74, с. 243). Утрата новыми поколениями религиозного сознания вкупе с общественными изменениями и приводила к краху усадебной жизни — утрате обителей, связанных с трудом, чтением и молитвой.

ГЛАВА 5

Л.Н. Толстой об усадьбе XX в.: от «цивилизации машин» к новому природному дому восточного типа

Семья, собственный дом, жизнь в усадьбе вдали от городского шума, возможность чередования физического и умственного труда за счет ведения огромной писательской и публицистической работы и при этом серьезного увлечения хозяйственными делами были дороги для Толстого на протяжении всей жизни. С ранних лет задумывавшийся над выстраиванием своего пути, программой самообразования, увлеченный идеей самосовершенствования, Толстой был одержим поиском лучшей и правильной жизни, остро чувствовал несправедливости современного ему общества. Писатель много боролся за права народа, стоит вспомнить хотя бы его Яснополянскую школу и горячее отстаивание идеи просвещения и образования крестьян. Но обвинения в угнетении народа, пугающем неравенстве и бездействии властей становятся со стороны писателя особенно острыми и решительными в последнее десятилетие его жизни. К этому же периоду относится переосмысление Толстым формы усадебной жизни, более жестким и категоричным оказывается его отношение к владельцам роскошных загородных дворцов, дорогих усадеб городского типа. В 1900-е гг. формируется представление Толстого о новой усадьбе XX в.

Усадебная тема всегда была близкой для писателя, проведенного свои лучшие годы в Ясной Поляне. Однако в позднем творчестве проблеме усадебной жизни Толстой не посвящает

специальной статьи или хотя бы отдельной главы в одной из публицистических работ. По всей видимости, Толстой не хотел писать прямо о собственном опыте и о своей семье, так как тема излишеств в усадебной жизни оказалась одним из камней преткновения в общении писателя с супругой и детьми. 12 января 1909 г., находясь у Чертковых, а не в Ясной Поляне, Толстой записал в дневнике:

Вчерашняя музыка очень взволновала. Был у Чертковых. Очень приятно — не приятно, а гораздо больше — равенство общения со всеми. Разумеется, и там неполное, но нет мучительного присутствия «*прислуги*», подающих сладкие кушанья, которых им не коснуться. Всё тяжелее и тяжелее жизнь в этих условиях (т. 57, с. 9).

Хотя порою даже у С.А. Толстой (разумеется, под влиянием идей мужа) появлялись мысли об оставлении прежней усадебной жизни с многочисленными хлопотами. Вот запись из ее дневника от конца июня 1910 г.:

Приехала домой. Опять тяжесть жизни. Муж сурово молчит, а тут корректуры, маляры, приказчик, гости, хозяйство... Всем надо ответить, всех удовлетворить. <...> И вот сегодня вечером, обходя раз десять аллеи в саду, я решила без ссор, без разговоров нанять угол в чьей-нибудь избе и поселиться в ней, бросив все дела, всю жизнь, стать бедной старушкой в избе, где дети, и их любить¹.

Кроме того, Толстого намного более привлекали в конце XIX в. и в первое десятилетие XX в. философские вопросы: правила поведения и отношение к окружающим и миру, стремление к единению людей, к пониманию неискаженной мудрости, постижение различных духовных практик. Эти проблемы нравственной жизни казались ему более значимыми, нежели

¹ Цит по: Михновец Н.Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2025. С. 40.

конкретные формы практического существования. Последние, по сути, определялись им по умолчанию после перехода к новому мировоззрению, обновлению взглядов на судьбы человечества и роль личности. Поэтому упоминания о жизни дворян, об усадебной жизни оказываются рассеянными по разным очеркам и статьям Толстого, в публицистике они не частотны, хотя нередко подразумеваются, даются «пунктиром». Писатель-реалист не столько констатирует новый тип усадебной жизни, сколько пытается предложить необходимые трансформации и в то же время положительно повлиять на происходящие изменения. Отдельные усадьбы и дома находят воплощение (наряду с критикой прежнего усадебного существования) в поздних произведениях Толстого — романе «Воскресение» и повести «Хаджи-Мурат».

Представим взгляд Толстого на новую усадьбу XX в. — *частный дом на лоне природы* — и попытаемся доказать, что в формировании этого топоса немаловажное значение имела ориентация писателя в поздний период творчества на восточную мудрость: труды восточных философов, предлагаемые ими образцы жизни, рассказы знакомых и корреспондентов Толстого, примеры организации жилищ и хозяйств на выбранном участке земли с минимумом необходимого для человека или семьи. При этом образы усадьбы и дома у Толстого вполне стандартные: писатель не видел принципиально новой формы усадебного бытия, но радел за упрощение быта, самостоятельную организацию его владельцами усадьбы, непереносимое наличие земельных работ.

В представлениях о личном труде хозяина дома, возделывающего землю на своем участке, о внимании человека к природе, избегании повсеместного распространения машин, лишаящих человека возможности живого и деятельного контакта с природой, Толстой не одинок, а, напротив, единодушен со многими своими современниками. Отличие усадебных образов, образа дома у Толстого заключается в их слитности со многими другими аспектами жизни человека в силу вовлеченности в *общую объемную и открытую проповедь писателя* о необходимости естественной жизни, непротивления злу, отрицания государ-

ственного принуждения к насилию и войнам, в целом о том обмане, который совершался, по словам Толстого, правительством:

Вы говорите нам, что без вас нас завоюют соседние народы..., но мы читаем газеты и знаем, что никто не угрожает нам войною, а что только одни вы, правители, для каких-то непонятных нам целей, озлобляете друг друга и потом, под предлогом защиты своих народов, разоряя нас податями на содержание лотов, вооружений, стратегических железных дорог, нужных только для вашего честолюбия и тщеславия, затеваете войны друг с другом <...> (т. 36, с. 184).

В литературоведении немало писали о двойственности Толстого, его противоречиях, решительном переломе в мировоззрении писателя, наступившем в начале 1880-х гг. Во многом рассуждения эти справедливы, но необходимо понимать, что основы будущего отрицания и критического отношения к общественным институтам, порядкам и условностям закладывались в Толстом гораздо раньше.

Одна из главных сложностей, которую писатель пронес через всю жизнь, заключалась в необходимости соответствия своему роду, продолжения служения Отечеству, ведения «барской» жизни и поддержания любимого и доставшегося ему по наследству имения Ясная Поляна, а при этом одновременных попытках отказа от чрезмерных условностей высшего света, от излишних материальных трат, упрощения усадебной жизни, избегания обременения других людей, в частности, собственных крестьян, о судьбах которых писатель немало задумывался.

В молодости Толстой остро чувствовал себя одним из потомков нескольких древних родов, наследником богатой дворянской предыстории, которая была тесно связана с усадебным укладом. «Она была богатой, эта предыстория. В Толстом сошлась кровь Волконских, Голицыных, Трубецких, Еропкиных, Одоевских — самых родовитых русских семейств»². Писатель гордился про-

² Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 15.

исхождением, в своих произведениях создал немало автобиографических героев и представил персонажей, которые воплощают черты его предков или близких людей. Несмотря на тот факт, что дорогие для Толстого герои, как правило, значительно выделяются из своего окружения, проходят сложный путь совершенствования, они, с точки зрения позднего Толстого, вели непозволительно роскошный и неправильный образ жизни, что неизменно относится в первую очередь к их жизни с излишествами. Таковыми были, к примеру, герои «Войны и мира», похожие на предков Толстого.

С позиции «позднего Толстого» сложно представить, что когда-то он мог восхищаться чертами и поведением своего двоюродного дяди, гр. Федора Ивановича Толстого (1782–1846), прозванного «Американцем». По воспоминаниям С.Л. Толстого, писатель вспоминал портрет Американца, которого видел однажды в детстве, и констатировал:

Много хотелось бы рассказать про этого *необыкновенного, преступного и привлекательного* человека (Курсив мой. — В.А.) (т. 3, с. 329).

Для позднего Толстого сочетание «преступный и привлекательный» было немыслимо, но в 1856 г. молодой Толстой наделил чертами характера и поведением Американца героя «Двух гусаров» — Федора Ивановича Турбина, — а потом и сам попытался реализовать в жизни линию поведения своего дерзкого предка, вызвав на дуэль литератора и известного общественного деятеля М.Н. Лонгинова.

В 1870-е гг., в пору написания «Анны Карениной», Толстой в образе Константина Левина изображает мудрого и жалеющего народ помещика, однако при том, что в имении Покровское Левина нет такой избыточности во всем, как в имении Воздвиженское Алексея Вронского, автобиографический герой Толстого все-таки *настоящий барин*. Левин в «Анне Карениной» еще не тяготился тем, что именно он владеет всей землей, которая кормит его самого и мужиков (работающих на помещика). Левин изображен как рачительный хозяин, глубоко уверенный в том, что без его

организации и мудрого устройства жизни в имении мало что получится сделать:

Когда он выехал за лес, перед ним на огромном пространстве раскинулись ровным бархатным ковром зелены, без одной плешины и вымочки, только кое-где в лощинах запятнанные остатками тающего снега. Его не рассердили ни вид крестьянской лошади и стригуна, топтавших его зелены (он велел согнать их встретившемуся мужику), ни насмешливый и глупый ответ мужика Ипата... Чем дальше он ехал, тем веселее ему становилось, и хозяйственные планы один лучше другого представлялись ему: обсадить все поля лозинами по полуденным линиям, так, чтобы не залеживался снег под ними; перерезать на шесть полей навозных и три запасных с травосеянием, выстроить скотный двор на дальнем конце поля и вырыть пруд <...> (т. 18, с. 165).

Илл. 8. Большой пруд в Ясной Поляне.
Фото автора. 2025 г.

Левина в «Анне Карениной» еще очень мало волнуют вопросы общественной несправедливости, у него не так много поводов для недовольства. Однако меняется время, сам писатель, меняется и его герой. *Идеал спокойной семейной жизни в небольшой усадьбе на лоне природы* для Толстого не отступил назад, он продолжал оставаться актуальным, однако целью писателя было отнюдь не идиллическое существование в стороне от мира. Толстой являет собою в это время *болящую совесть интеллигенции и дворянства*. В романе «Воскресение» осознавать несправедливости жестокого и равнодушного общества, изменяться самому и прилагать огромные усилия для помощи ближним приходится Дмитрию Нехлюдову, владеющему двумя именьями со значительным количеством земли. Герой осознает свои грехи и ошибки, видит катастрофическое состояние общества, в котором каждому уготовано место не по уму, трудолюбию, чувствам и просто желанию жить, а исключительно по состоянию и связям. Нехлюдов задумывает произвести передачу земли крестьянам, но сначала он сталкивается лишь с серьезным непониманием, усиливаемым веками устоявшимся противопоставлением владельцев усадеб и работников:

Заметно было только, с одной стороны, сдерживаемое страхом озлобление, с другой — сознание своего превосходства и власти (т. 32, с. 205).

В процессе передачи земли, которую Нехлюдов отдает мужикам в найм сравнительно дешево, герой чувствует *угрызения совести* (это было одно из состояний самого Толстого, постоянно ощущавшего вину помещиков перед простым народом):

Он шел исполнить то желание крестьян, об исполнении которого они и не смели думать, — отдать им за дешевую цену землю, то есть он шел сделать им благодеяние, а ему было чего-то совестно. <...> Крестьяне смотрели на барина и ждали, что он им скажет, а он так смутился, что ничего не мог сказать. <...> Все устроилось так, как этого хотел и ожидал Нехлюдов: крестьяне получили землю процентов на тридцать дешевле, чем отдавалась земля в окру-

ге... Все, казалось, было прекрасно, а Нехлюдову все время было чего-то совестно (т. 32, с. 206).

Обратим внимание на имя героя романа: Дмитрий Нехлюдов изображен Толстым в целом ряде произведений. И.И. Евлампиев и И.Ю. Матвеева точно показали, что этот герой-мечтатель, для которого главная коллизия жизни заключается в несоответствии действительности высоте мечтаний и представлений о людях, чрезвычайно близок автору:

Почти во всех ранних сочинениях Толстого действуют герои, обладающие развитой способностью к мечтательности; очень характерно, что в нескольких из них выведен один и тот же герой — Дмитрий Нехлюдов, который в «Отрочестве» и «Юности» является близким другом Николая Иртеньева и принадлежит к тому же типу мечтателей. Это означает, что писатель и вне контекста автобиографической трилогии постоянно размышлял об этом типе людей, уже не признаваясь прямо, что говорит о себе самом³.

Вышедший в последний год XIX в., роман «Воскресение» через изображение затеи героя и ее реализации Нехлюдовым как бы подводил итог всем частным попыткам помещиков (достаточно редким и часто неудачным) в освобождении крестьян от высоких повинностей за землю или передачу им земли собственных имений.

На рубеже XIX–XX вв. и особенно в первое десятилетие XX в. Толстой становится яростным сторонником защиты простого народа и, по сути дела, *отрицателем прежней усадебной культуры*, невозможной без барских домов с садами и парками, дополнительными постройками, оранжереями, пусть у кого-то и небольшими, но содержащимися усилиями крестьян и дворовых,

³ Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Две версии портрета «человека усиленно сознающего»: «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского как творческий отклик на «Отрочество» и «Юность» Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 149.

обеспечивавших всю бытовую сторону жизни. Рассуждая об усадебной культуре в России, исследователи справедливо пишут о положительных ее сторонах, оговариваясь при этом о тех минусах и проблемах, которые из нашего века кажутся менее значимыми:

Вопиющее социальное неравенство, многочисленные злоупотребления помещиков, произвол властей по отношению к крестьянам — все это имело место, однако не могло зачеркнуть того факта, что именно в рамках «усадебной культуры» исторически, эмпирически, практически, а не умозрительно, происходило религиозно-нравственное и культурно-психологическое воссоединение двух частей русской нации, разобщенных петровскими реформами: народа и «образованного сословия»⁴.

Толстой, «адвокат стомиллионного земледельческого народа», воочию видевший огромное социальное расслоение и часто пренебрежительное отношение к народу со стороны высшего света и чиновников, в 1900-е гг. готов был поступиться усадебными ценностями, выдвигая идею опрощения и полного самообеспечения человека в бытовом плане (отказа от слуг и сторонней помощи).

В публицистике Толстого и его эго-документах 1900-х гг. преимущественно встречаются примеры, в которых осуждаются современники, не знающие пределов роскоши, при этом сам писатель склонен был даже к чрезмерному упрощению быта, в том числе усадебного. В главе воспоминаний «В Москве — у Толстого» П.Б. Боборыкин рассказывает о своих встречах с писателем, произошедших у него в доме. В первой он характеризует Толстого, как находящегося на пути к опрощению, однако в это время, по словам Боборыкина, «общая физиономия помещичьего дома» Толстых мало чем отличалась от других дворянских городских усадеб:

⁴ Богданова О.А. «Усадебная культура» в русской литературе XIX – начала XX века. Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. № 2 (13). С. 18–19.

Просто дворянский дом, где-нибудь на Плющихе, или на Сивцевом Вражке, или в Староконюшенном переулке, у богатых помещиков, проживающих зимой в Москве, где много детей, где собирается молодежь, музицируют, играют в *petits jeux*⁵, болтают за чайным столом⁶.

В свой второй визит в московский дом писателя Боборыкин представляет новую стадию опрощения Толстого и другую обстановку в городской усадьбе, в помещениях, где писатель проводил время. Литератор описывает вход в дом, переднюю, но особенно подробно — кабинет Толстого, который он даже не может назвать кабинетом в связи с очень простой обстановкой:

Меня провели к нему, в его рабочую комнату. Надо было подняться во что-то вроде антресоля. Комната была довольно просторная, с невысоким потолком и смотрела более мастерской, чем благоустроенным барским кабинетом. Окна выходили в сад. Процесс опрощения уже сказывался во всем, начиная с блузы хозяина. Писал он за небольшим столом. На ставне у входа висело платье и еще что-то — все «простецкое», как бы у мастерового или зажиточного мужика⁷.

Обратим внимание на то, что окна комнаты выходят в сад — это не случайно, в этой близости к природе также заключался один из составляющих толстовской концепции нового дома. Приводит Боборыкин и свой разговор с Толстым, который начался с примечательного для нас (в рамках темы данной книги) вступления-обличения, причем своих же дам (членов своей семьи):

Я вот на днях говорю своим дамам: «Как вам не стыдно так жить?» Костюмированный бал у генерал-губернатора... Разрядятся и оголят себе руки и плечи. Им с полгоря: под шубой и в теплых комнатах... А кучер-старик должен на двадцатиградусном

⁵ Салонные игры (франц.)

⁶ Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 2. С. 500.

⁷ Там же. С. 501.

морозе ждать их до четырех часов ночи. Хоть бы к нему почувствовали жалость⁸.

Толстой использовал любую представляющуюся возможность для иллюстрации бессердечной жизни богатых людей начала XX в., равнодушных к судьбам народа, и добрых начал, правдивых сторон крестьянской жизни. Дочь писателя, Т.Л. Сухотина-Толстая, прислала отцу «Письмо в редакцию» от 5 августа 1907 г., в котором она рассказывала о пожаре в своем имении. Толстой несколько скорректировал стиль письма дочери и, сопроводив его предисловием, отправил в газету «Голос Москвы», где оно было опубликовано 14 августа 1907 г. В письме Т.Л. Сухотиной-Толстой представлена слаженная и организованная помощь крестьян, тушивших загоревшуюся барскую усадьбу. Мужики оперативно и быстро, используя своих маленьких крестьянских лошадок, доставляли воду. В предисловии к статье дочери Толстой нарисовал «иллюзорную» разрушительную картину, воспользовавшись примером, показал абсурдность иного, противоположного поведения народа, подчеркнув внутреннюю силу крестьян, направляющую их к добру:

Толпа озлобленных, одуренных крестьян, подбитых революционерами, сожжет усадьбу, вырубит лес, убьет приказчика, помещика; отбившиеся от деревни и заболтавшиеся в городе крестьянские ребята, наученные революционерами, ограбят винную лавку, почтовую контору, убьют купца; вообще злые и развращенные люди из народа совершат какое-нибудь скверное преступление, и все говорят, пишут и печатают: «Русский дикий, озверелый народ. Только дать ему волю, и всё (всё то прекрасное, что мы делаем) будет разрушено этими варварами». Делают те злые дела, которые поражают нас, десятки, сотни, допустим — тысячи, а мы обвиняем 150-миллионный народ, приписывая ему всё то, что делает одна тысячная часть его! (т. 90, с. 83).

Толстой верил, что сила добра и взаимопомощи ближним среди простого народа была намного более сильной и деятель-

⁸ Там же.

ной, чем озлобление. В финале предисловия писатель еще раз повторил свою излюбленную мысль о том, что образованным людям России нужно не поучать народ, а «постараться, вникнув в его жизнь, научиться от него жить так, как сказал мужик с бочкой» (т. 90, с. 84) (мужик с бочкой воды в рассказе Т.Л. Сухотиной-Толстой сказал о необходимости взаимной помощи: «А как же, матушка, друг дружке не помогать, так и жить нельзя» (т. 90, с. 378).

Один из ключевых вопросов, который беспокоил позднего Толстого, был связан с правом владения землей. Образ земли и проблема отношения к земле и до 1880-х гг. серьезно рассматривались писателем, образ земли в творчестве Толстого стал одной из четырех эпических констант:

Рождение и смерть, ситуация войны и образ земли становятся своеобразными критериями в художественных мирах Толстого — все эти четыре эпические константы являются не только смысловыми центрами, но и мерилami для толстовских героев⁹.

Познакомившись с учением американского политэконома Генри Джорджа, Толстой стал его рьяным сторонником, предлагая отказаться от возможности продажи и передачи земли в собственность, ввести прогрессивный налог на землю в зависимости от ее урожайности, количества в одних руках или выгоды расположения. Вопрос владения землей поднимается в большинстве трактатов Толстого, немало усилий писатель потратил на популяризацию взглядов Генри Джорджа, работы которого он цитировал, кратко излагал и пересказывал: «Рабство нашего времени» (1899–1900); «Письмо к крестьянину о земле (О проекте Генри Джорджа)» (1905); «Великий грех» (1905); «Единственное возможное решение земельного вопроса» (1906) и др.

Толстой считал земельный вопрос одним из ключевых в приближении революции в России, в неумолимом разрушении преж-

⁹ Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. С. 25.

Илл. 9. И.Е. Репин. Пахарь. Граф Лев Николаевич Толстой на пашне.
1887 г. Картон, масло. 27,8 × 40,3 см.
Государственная Третьяковская галерея

них форм жизни, в том числе жизни усадебной. 26 июля 1907 г. Толстой написал письмо П.А. Столыпину, в котором обратился к нему с просьбой о разрешении земельного вопроса:

Причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли. <...> Несправедливость состоит в том, что как не может существовать *права* одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать *права* одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею (т. 77, с. 165).

Параллельно с поиском образцов поведения и настоящей душевной жизни в народной среде, у простых людей и даже в природе, Толстой в поздний период творчества обращается и к вос-

точной философии, подчеркивая, что настоящий Восток *еще не развращен пагубным воздействием цивилизации*, а поэтому *хранит лучшие примеры чуткого взаимодействия людей, мудрого поведения, правильных жизненных ценностей*. Конечно, Толстой не знал изнанки народной жизни восточных стран, опираясь, более всего, на отдельные элементы их учений. А.И. Шифман подчеркнул, что «зная о жизни народов Азии большей частью из писаний древних мудрецов», Толстой не имел «возможности в деталях следить за теми глубинными процессами, которые там происходили»¹⁰.

В последнее десятилетие жизни Толстой становится поистине космополитом, во взглядах на восток он искал силы и основы для грядущего обновления. На закате жизни Толстой обретает мировую славу и известность, Ясная Поляна оказывается местом паломничества многих учеников и сторонников Толстого, в усадьбу стекаются письма со всего мира, немало зарубежных посланий приходит из стран Азии и даже Африки: Толстой получал послания с личными просьбами, а также такие, которые были связаны с его взглядами. И тут можно говорить о двустороннем процессе: по мере знакомства с проблемами других стран и народов, Толстой начинает вникать в их судьбу, осмыслять их путь, проецируя некоторые моменты на настоящее и будущее России. Выступая против колониализма, Толстой немало думает об угнетенном положении русского народа:

Настоящие кормильцы европейских паразитов это — рабочие в Индии, Африке, Австралии, отчасти в России; они не видят их. Но не то для нас, русских. У нас нет колоний, где бы невидные нам рабы кормили нас за наши промышленные произведения. Наши кормильцы, страдающие, голодающие, всегда перед нами, и нам нельзя перенести неправды нашей жизни на отдаленные от нас колонии, чтобы тамошние рабы кормили нас (т. 36, с. 220).

Вместе со своими помощниками и сторонниками (В.Г. Чертковым, П.И. Бирюковым, П.А. Буланже и др.) Толстой пишет

¹⁰ Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971. С. 14.

о восточной культуре, осуществляет переводы фольклорных произведений стран Востока, знакомя с ней отечественных читателей и при этом обретая верных последователей в Азии. К. Рехо отметил, что «Толстой сблизил Россию с Востоком, он был подлинным другом Азии, защитником обездоленных людей без различия рас, и таким вошел в сознание народов благодарного Востока»¹¹.

Уже в 1880-е гг., и далее на протяжении всех последних тридцати лет жизни Толстой увлекался философией Востока, много читал:

труды китайских мыслителей Конфуция, Лао-цзы, Мо-цзы, Мэн-цзы, индийских — Рамакришны, Свами Вивекананды, Шанкары, был хорошо знаком с текстами Авесты, Вед, Корана, Торы, Дхаммапады, и т. д., изучал историю Востока (восточные войны, азиатский способ производства, походы Чингисхана и Темура и т. д.), хорошо знал многие вероучения, в т. ч. такие оригинальные как бабизм, брахманизм, раджа-йога, бехаизм, и др., устно и письменно общался со многими востоковедами, такими как Арвед Барин, С.М. Георгиевский, Макс Мюллер, С.Д. Николаев, Наум Эйнгорн, Павел Якушкин и т. д.¹²

Интересно, что элементы восточной философии, восточного мировоззрения появляются в произведениях Толстого задолго до глобального увлечения писателя трудами Лао-Цзы, Конфуция, Мэн-Цзы, Будды и др. Уместно вспомнить, что в 1844 г. юный Толстой поступил в Казанский университет на отделение восточных языков философского факультета, что это был сознательный выбор (пусть со временем Толстой перевелся на юридический факультет, а потом и вовсе ушел из университета). Тяга к восточному направлению, таким образом, жила в писателе еще

¹¹ Рехо К. Лев Толстой и Восток // Лев Толстой и литературы Востока / отв. ред. К. Рехо. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 25.

¹² Алиева В.Р., Назаров Р.Р. Восток в жизни и творчестве Л.Н. Толстого (читая дневники писателя) // Л.Н. Толстой и русская отечественная мысль о национальном воспитании. Орехово-Зуево: Гос. гуманитарно-технологический ун-т, 2016. С. 42.

с молодых лет. Несмотря на общую направленность всей образованной и академической среды преимущественно на запад, в Европу, жизнь предоставляла Толстому множество возможностей для понимания того, что Россия является евроазиатской страной, что у России немало общего не только с ее европейскими соседями, но и с восточными. Биографы и исследователи Толстого отмечают, что в жизни писателя немалое значение имела встреча с буддийским ламой, преподавателем Казанской гимназии и Императорского Казанского университета Галсаном Гомбоевым, бурят по национальности. Е.Е. Балданмаксарова подчеркнула, что встреча Толстого с Галсаном Гомбоевым и полученные от него знания об

основных философских категориях буддийского учения, в частности о сущности закона ахимсы (ненасилия), повлияли на осмысление им кардинальных, сущностных вопросов бытия и не только, свидетельствуя о радикальной переоценке ценностей как первопричины нарождающегося духовного переворота, сопровождающегося мучительной работой духа, сомнениями и прозрениями¹³.

Исследовательница отмечает ценность диалога Толстого и Галсана Гомбоева как «пути преодоления разобщенности, формы сближения и сопряжения разного, приводящей к взаимоузнаванию и взаимораскрытию <...>»¹⁴.

Элементы восточной культуры и ряд основ жизни и мировоззрения исламского мира Толстой постигает во время пребывания на Кавказе. Он с интересом и большим уважением погружался в новые для него особенности культур и укладов других народов, стремился самостоятельно, без готовых формул и выводов современников, разобраться в сущности происходящих на юго-востоке и востоке событий. На Кавказе также состоялось

¹³ Балданмаксарова Е.Е. Литературная классика в диалоге культур Востока и Запада (опыт межкультурного диалога Л.Н. Толстого и буддийского монаха Г. Гомбоева) // Ценности и смыслы. 2018. № 1 (53). С. 17.

¹⁴ Там же.

своеобразное узнавание, в результате которого пополнилось новыми открытиями и выводами сложное мировоззрение Толстого. Писатель все больше начинает интересоваться судьбами мира и разных людей, особенностями их жизни и восприятия. Некоторые исследователи предполагают, что именно на Кавказе «у Л.Н. Толстого зародились идеи ненасилия, превратившиеся позже в весьма стройную философскую теорию», отдельные элементы которой «совпадали с религиозным учением шейха Мансура, руководителя народно-освободительного движения в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII в.»¹⁵. После Крымской войны Толстой получил предложение о поездке в Заамурье, то есть в Китай (писатель от нее отказался), куда, например, отправился его сослуживец по дунайской армии Л.Ф. Баллюзек, дважды посетивший Китай и Японию, сопровождая туда миссию графа Путятина и генерала Игнатьева, и вскоре после этого назначенный послом в Китай.

Герой последнего романа Толстого «Воскресение», Дмитрий Нехлюдов, отправляется за осужденной Катюшей Масловой в Сибирь, проезжая из европейской части России — в азиатскую, наблюдая за жизнью разных людей, созерцая дворянские усадьбы и дома мещан и крестьян в обеих частях света. А ведь в задуманном Толстым романе о декабристе, который позднее перерос в «1805 год» и далее в «Войну и мир», будущий Пьер Безухов должен был уже стариком возвращаться из Сибири. Замысел с декабристами Толстой не реализовал, но тема русских просторов и азиатской части России, не только места ссылки политических и уголовных заключенных, но и части неведомой, далекой, спасительной для страны во многие времена, осталась. К. Рехо отметил, что

как раз «восточные приметы» в «Войне и мире» вызвали наибольшие споры уже после первой публикации начала романа в «Русском вестнике». Кутузов якобы «снижен» Толстым, писатель ис-

¹⁵ Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Саралиева Л.Ш. Влияние Кавказа на становление литературного творчества и философского мировоззрения Л.Н. Толстого // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 4 (51). С. 35.

ходит из ложных теорий и создает односторонний, надуманный образ, отдающий «диким, чисто восточным фатализмом». Не только русская, но и западно-европейская критика не могла простить писателю его «уход в глубь степей Азии»¹⁶.

Конечно, по отношению к «Войне и миру» еще рано говорить о толстовском видении *усадьбы нового, упрощенного типа* (характерного для начала XX в.), лишенной изысков и содержащейся усилиями одной семьи. Однако в жизни Ростовых, Болконских и Курагиных Толстой реализует ту же дорогую ему истину, которую он будет излагать и в поздних произведениях.

Исключительно как хозяйка поступает Наташа Ростова, просящая отца отдать подводы раненым. Наташа, может быть, и не понимает всей глубины и символичности своего искреннего и благородного жеста, но она, как и Кутузов, спасает армию, юная графинечка не держится за скарб. Спасая русских военных, пусть и лишаясь приданого, Наташа обеспечивает будущее семей, новых домов, которые еще будут возведены.

Е.А. Чуканова предлагает в отношении разных городских и загородных усадеб в «Войне и мире» использовать понятия «дом» и «антидом»: «Если понятие “Дом” связано у Л.Н. Толстого с Ростовыми и Болконскими, “Антидом” — с Курагиными и их окружением»¹⁷. Исследовательница цитирует строки из романа-эпопеи, когда Толстой глазами Пьера Безухова показывает нам беспорядок дома Курагиных:

В передней никого не было; валялись пустые бутылки, плащи, калоши; пахло вином, слышался дальний говор и крик. Игра и ужин уже кончились, но гости еще не разъезжались¹⁸.

и делает вывод:

¹⁶ Рехо К. Лев Толстой и Восток // Лев Толстой и литературы Востока / отв. ред. К. Рехо. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 15.

¹⁷ Чуканова Е.А. Дом и антидом в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Державинский форум. 2020. Т. 4, № 14. С. 126.

¹⁸ Там же.

Образ дома, в котором нет домашнего уюта и любви, в романе всегда сопровождается мотивом внутренней нечистоты, тщательно скрываемой за внешним блеском. Вероятно, поэтому в великолепном доме Василия Курагина Пьер испытывает смятение, сомнение, чувство утраченной чистоты¹⁹.

Примечательно, что *чистота* является одним из важнейших и основополагающих понятий и даже принципов жизни в восточной философии. Исследователи не раз уже отмечали, что во время работы над «Войной и миром» Толстой был еще мало знаком с трудами Лао-цзы, с буддизмом, однако в тексте романа-эпопеи немало примеров, когда образ мышления отдельных героев и их поведение сближаются с восточными принципами и установками. К. Рехо отметил:

Разве будет ошибкой предположить, что у русского писателя была некая генетическая предрасположенность к Востоку, его космологическим и нравственным понятиям, и это отразилось отчасти в «Войне и мире»?²⁰

Сам материал помогал Толстому представлять жизнь в ее многообразии. Тактика Кутузова, сдача им Москвы, а потом уничтожение армии Наполеона выглядят именно как элементы восточной мягкости, гибкости и внутренней силы:

Одна из самых могучих и самых сильных особенностей интеллекта Кутузова заключалась в том, что никогда он не был и не ощущал себя только полководцем, дающим сражения, или только дипломатом, ведущим переговоры, или только государственным человеком — правителем и устроителем большого края²¹.

¹⁹ Там же.

²⁰ Рехо К. Лев Толстой и Восток // Лев Толстой и литературы Востока / отв. ред. К. Рехо. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 19–20.

²¹ Баранов В.П. М.И. Кутузов — величайший полководец России // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2012. № 4 (74). С. 108.

В поздний период творчества восточная философия и общение с индусом Махатмой Ганди, египтянином Мухаммедом Абдо, со многими представителями стран Востока открывают для Толстого близость России и Востока, народы которых, по мысли писателя, могут объединиться в сознании своих прав на независимость.

Обращение к древним мыслителям побуждает Толстого не к поэтизации определенных форм жизни, но к выдвижению идеи о необходимости возвращения к естественному пребыванию человека на лоне природы, строительства *не небоскребов, но новых домов восточного типа*.

В статье «Конец века» (1905) Толстой ставит под сомнение вектор развития европейской цивилизации, пишет о том, что поддержка ее осуществляется лишь теми, кто живет не просто в этой цивилизации, а содержится ею, существует праздно за счет средств народа. Писатель осуждает строительство высотных домов, идеалом является для него *загородный дом на природе на одну семью*:

Мы смотрим на египетские пирамиды и ужасаемся на жестокость и нелепость тех людей, которые приказывали их строить, как и тех, которые исполняли их приказания. Но насколько жесточе, нелепее те 10-ти и 36-тиэтажные дома, которые люди нашего мира строят по городам и гордятся ими. Кругом земля со своими травами, лесами, чистыми водами, чистым воздухом, солнцем, птицами, зверями, а люди со страшными усилиями, загораживая от других солнце, воздвигают качающиеся от ветра 36-ти этажные дома в месте, где нет ни травы, ни деревьев и где всё, и вода и воздух, загажены, вся пища подделана и испорчена и жизнь трудна, нездорова. Разве это не признак явного умопомешательства целого общества людей, не только совершающих такие безумства, но еще и гордящихся ими? Но это не единственный пример. Взгляните вокруг себя, и вы на каждом шагу увидите всяких родов нелепости, такие же, как эти 36-тиэтажные дома, стоящие египетских пирамид (т. 36, с. 266).

Популярность Толстого с годами только росла, причем в прогрессии. Приезды к писателю гостей и делегаций из других стран, обмен мнениями способствовали все большей универсализации взглядов Толстого, росту числа его последователей. А.И. Шифман отмечает, что во время приезда японцев в Ясную Поляну Толстой и его гости немало внимания уделили тому, как организована жизнь простых людей в России и Японии:

<...> японцы рассказывали о своей стране, о ее культуре, и в частности о необыкновенном развитии садоводства в Японии. <...> Лев Николаевич проявил к их рассказам живейший интерес. Он совершил с японцами прогулку по деревне и окрестностям Ясной Поляны, во время которой познакомил их со многими крестьянами и с бытом русской деревни²².

Примечательно, что приезжавший в Ясную Поляну в июне 1906 г. японский писатель Токутоми Рока, который, как отмечает Л.Л. Громковская, «ощущал себя посланцем доброй воли, которого мыслящая Япония направила к Толстому сразу же после окончания кровопролитной войны», испытал на себе сильное влияние произведений и проповеди Толстого²³. Гость из Японии пробыл в Ясной Поляне всего пять дней, но это время стало для него поворотным в жизни: по возвращении в Японию он стал жить крестьянским трудом:

<...> он по возвращении на родину отказался от городских благ и зажил жизнью бедного крестьянина. Мужественно последовала за ним и его жена Ай, не устранившись ни физического труда, ни лишений. Так возникла в Титосэ, близ Токио, своеобразная японская «Ясная Поляна», которая стала местом паломничества сотен и тысяч японцев, приезжавших за советом и помощью к любимому писателю — ученику великого Толстого. Токутоми Рока свято со-

²² Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971. С. 160.

²³ Громковская Л.Л. Лев Толстой и Токутоми Рока (К проблеме литературного влияния) // Лев Толстой и литературы Востока / отв. ред. К. Рехо. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 58.

блюдал заветы своего учителя и никому не отказывал ни в помощи, ни в беседе²⁴.

Для Толстого это была, конечно, своеобразная победа. Он сам не смог уже жить так, как Токутоми Рока, в силу возраста, большой семьи и множества условностей. В свете поздних рассуждений писателя становятся более понятными его сельскохозяйственные эксперименты, привлечение им к тяжелому труду наравне с крестьянами даже дочерей (которые, в отличие от сыновей, шли вслед за отцом в его убеждениях и идеалах). Толстой старался начинать с себя, со своей семьи, и любая неудача огорчала писателя, показывала ему ту пропасть, которая существовала между его статьями и его настоящей жизнью.

Закономерно получалось так, что в попытке перестроения усадьбного быта, упрощения его до жизни в своем доме исключительно трудами своей семьи, Толстой встречался с новыми трудностями, которые в России он видел на множестве примеров. Тут еще одна причина пристального взгляда Толстого на Восток. Исследователи отмечают, что в своей статье «Письмо к китайцу» (1906)

писатель указал на особую миссию России и восточных народов (Китая, Индии, Турции, Персии) — совместное обретение истинного пути посредством «деятельности, сообразной с вечным основным законом жизни человека», потерянным западными народами по причине воздействия на их культуру «машиной» цивилизации <...>²⁵.

Необходимо признать, что Толстой был даже несколько одержим идеей опрощения, наивно полагая, что определенные условия жизни и тяжелый земледельческий труд способны кардинально изменить сознание человека. По мнению писателя, именно восточные государства могли бы указать народам истинный путь к сво-

²⁴ Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. С. 194.

²⁵ Ван К.Л., Краснаярова А.А. Толстой и культура Китая // Филология в XXI веке. 2018. № 2 (2). С. 103.

боде, который заключался в избавлении от правительств. Толстой считал, что европейская цивилизация, прогресс должны были продемонстрировать восточным народам абсурдность и бесполезность авторитарных вождей. Последние не совместимы с идеей движения и демократического развития, поэтому на примере народов Востока необходимо понять важность свержения прежней власти, установить власть народа. В «Письме к китайцу» эта мысль звучит очень ярко:

Как верно сказал русский писатель Герцен, Чингис-хан с телеграфами и электрическими двигателями невозможен. Если еще существуют до сих пор на Востоке Чингис-ханы или их подобию, то ясно, что час их настал и что они последние. Они не могут продолжать существовать и потому, что вследствие телеграфов и всего, что называется цивилизацией, их власть становится слишком тяжелой, и потому, что народы, благодаря той же цивилизации, особенно живо чувствуют и сознают, что существование или несуществование этих Чингис-ханов не безразлично для них, как это было в старину, но что почти все бедствия, от которых они страдают, происходят именно от этой власти, которой они подчиняются без всякой выгоды для себя, по одной привычке. В России это наверное так. Думаю, что так это и для Турции, и для Персии, и для Китая. Для Китая это в особенности так вследствие миролюбия его народов, дурного устройства его войска, дающего возможность европейцам безнаказанно грабить китайские земли под предлогом разных столкновений и несогласия с китайским правительством. Китайский народ не может не чувствовать необходимости изменения своего отношения к власти (т. 36, с. 294).

Судя по поздним художественным произведениям Толстого становится понятно, что писатель-реалист не находил в России того образца новой усадьбы, нового дома, который был в его воображении, на реализацию которого он надеялся в скором времени.

Роман «Воскресение», ставший широко известным во многих странах Азии, очень полюбился восточным читателям, прежде

всего, за образ Катюши Масловой, ее судьбы, изображенной Толстым. Самому же писателю важно было также показать приближение героя, Дмитрия Нехлюдова, к определенному результату. Не просто провести его по пути отвержения прежней жизни, уличения в роскоши и бездействии своих прежних знакомых — представителей высшего света, аристократии, чиновников и даже правительственных кругов, — но вывести к мысли о необходимости трудовой жизни, собственной семьи, своего нового дома. Мы уже писали о том, что в «Воскресении» сильна линия отрицания роскоши усадебного быта чиновников и дворян, проживающих в Москве и Петербурге. В Сибири Нехлюдов посещает семью генерала и его дом, однако перед нами оказывается та же самая роскошь, против которой столько восставал автор:

Обед у генерала, обставленный всею привычною Нехлюдову роскошью жизни богатых людей и важных чиновников, был после долгого лишения не только роскоши, но и самых первобытных удобств особенно приятен ему (т. 32, с. 426).

Благодаря образу дочери генерала и ее мужа Толстой выводит Нехлюдова к мысли семейной. Нехлюдову нравится эта пара, их дети, правильная и полезная деятельность молодого человека, занимающегося статистикой и инородцами, которых он пытался спасти от вымирания. Однако образа нового дома в романе Толстой не дал: по всей видимости, Нехлюдову далее придется его строить.

Примечательно, что в черновиках Толстой на определенном этапе предполагал *другой финал романа*: женитьбу Нехлюдова на Катюше, их попытку жизни честным трудом. В вариантах к роману Нехлюдов (в отличие от итогового текста) отдавал мужикам всю землю безвозмездно, а себе оставлял только небольшие деньги, вырученные за продажу дома в имении и картофельного завода. С этими деньгами он как раз и пытался устроить свой быт по образцу усадьбы нового типа — небольшого домика с садом и огородом, который должен быть кормить хозяев:

Планы Нехлюдова далеко не осуществились. Устройство сада и огорода, в котором бы он сам работал, не удалось ему. Не удалось потому, что часть его времени была занята перепиской с проповедниками идеи освобождения от земельного рабства как в Европе, так и в Америке, другая же часть — сочинением книги о земельной собственности и кроме того обучением детей, которые приходили к нему. <...> Средства Нехлюдова, его 12 тысяч, с устройством домика, помощью нуждающимся и затратой на печатание брошюр и книг, которые все запрещались цензурой, скоро истощились. (т. 33, с. 93–94).

Как видим, этот черновой текст не продуман до деталей, содержит повторы — по всей видимости, писатель достаточно быстро отказался от такого плана развития событий, однако нам важно было обозначить присутствие хотя бы в черновиках этого *маленького домика на одну семью*. Толстой также прописывал в черновиках ссылку своего героя в Амурскую область и его побег оттуда за границу. По всей видимости, писатель хорошо понимал, что правительство терпит его воззвания исключительно в силу большой известности.

Однако образы усадеб появляются и в последней повести Толстого «Хаджи-Мурат». Как и в окончательном тексте романа «Воскресение», в «Хаджи-Мурате» писатель опять не представляет дома нового типа, изображение усадеб на Кавказе (принадлежащих старшему и младшему Воронцовым) дано в свете прежнего обличительного взгляда на роскошь и богатое убранство:

Воронцов жил с женой, Марьей Васильевной, знаменитой петербургской красавицей, и жил в маленькой кавказской крепости роскошно, как никто никогда не жил здесь. Воронцову, и в особенности его жене, казалось, что они живут здесь не только скромной, но исполненной лишений жизнью: здешних же жителей жизнь эта удивляла своей необыкновенной роскошью (т. 35, с. 16).

Читатель также узнает, что старший Воронцов, Михаил Семенович, который владел огромным богатством, «тратил большую часть своих средств на устройство дворца и сада на южном берегу Крыма» (т. 35, с. 40).

Однако некоторые записи Толстого в дневнике говорят о том, что усадебная тема как содержание и форма жизни прежней и новой продолжала оставаться для него актуальной. Приведем в качестве примера лишь одну значимую цитату из дневника Толстого. 14 ноября 1897 г. в Ясной Поляне писатель отмечает в дневнике несколько пунктов, между которыми, по нашему мнению, есть логичная связь:

1) Читал о действиях англичан в Африке. Все это ужасно. Но — пришло в голову — может быть, это неизбежно нужно для того, чтобы к этим народам проникло просвещение. Сначала задумался и подумал, что это так надо. Какой вздор. Почему же людям, живущим христианской жизнью, не пойти просто, как Миклухо-Маклай, жить к ним, а нужно торговать, спаивать, убивать. Говорят, если бы люди жили по-христиански, им бы делать нечего было. Вот дело. И дело огромное — пока Евангелие проповедуется всей твари.

2) Наука, потеряв религиозную основу, стала изучать пустяки, главное, перестала изучать важное. С тех пор и составила теория опытной науки, Бекон.

3) Думал в pendant [параллельно — (фр.)] к «Хаджи-Мурату» написать другого русского разбойника — Григория Николаева, чтоб он видел всю незаконность жизни богатых, жил бы яблочным сто-рожем в богатой усадьбе с lawn tennis'ом (т. 53, с. 161).

Первый абзац посвящен проблемам народов Африки, с которыми жестоко обходились колонисты. Толстой максимально честен, он сначала пытается оправдать англичан, предполагая, по всей видимости, дикость и необузданность народов Африки. Однако писатель быстро понимает свою ошибку и встает на защиту местных жителей. Второй абзац, посвященный науке, связан с первым: наука, как показывает Толстой, заменяется суррогатом, лженаукой, подобно тому, как многие похожие подмены происходят в обществе (освоение Африки через убийства и жестокости местного населения) для сокрытия преступлений и истинного положения вещей. В третьем абзаце речь идет о задумке Толстым параллельного изображения одного разбойника на востоке (Хаджи-Мурат) и другого разбойника на русской почве, который был бы прочно связан с усадебным топосом.

Толстой не реализовал замысел с «русским разбойником», но, по всей видимости, сюжет этот задумывался для очередного разоблачения усадебной роскоши и, может быть, для попытки противопоставления нечестной и лживой жизни в усадьбе — жизни настоящей. Однако писатель очень серьезно и долго занимался «Хаджи-Муратом» (повесть была опубликована уже после смерти Толстого). По мере работы повесть становилась для писателя все более дорогой, что обуславливалось, по всей видимости, целым рядом факторов. Толстой был уже в преклонном возрасте и на определенном этапе начал оценивать «Хаджи-Мурата» как свою последнюю серьезную художественную вещь. Кроме того, несмотря на все скептические отзывы самого Толстого о литературном творчестве, оно неизменно притягивало мыслителя и публициста, давало возможность «проверки» и «доказательства» найденных философских прозрений, а чаще всего предполагало и шлифовку выводов и концепций. В художественном мире «Хаджи-Мурата» оказалась реализованной дорогая Толстому мысль о духовной связи всего живого, о возможности осмысления человеком Божественной энергии, присутствующей не только в нем самом, но и во всех окружающих людях, живых существах.

Д.Ю. Квитко справедливо заметил, что Толстой не принимал буддизма целиком и полностью, безоговорочно, а разделял некоторые важные его элементы, которые логично встраивались в философию и картину мира писателя:

Толстой не был последовательным христианином, конечно, а буддистом и подавно. Но в толстовстве много буддийских элементов: и сам Толстой часто отзывается о буддизме с большим уважением <...>²⁶.

Приведем короткий отрывок из буддийской сказочки Толстого «Карма» (1894), переведенной писателем из американского журнала “Open Court”, в которой заключена дорогая для него буддийская мысль о связи всего живого:

²⁶ Квитко Д.Ю. Философия Толстого. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. С. 47.

Считать себя отдельным существом есть обман, и тот, кто направляет свой ум на то, чтобы исполнять волю этого отдельного существа, следует за ложным светом, который приведет его в бездну греха. То, что мы считаем себя отдельными существами, происходит оттого, что покрывало Майи ослепляет наши глаза и мешает нам видеть неразрывную связь с нашими ближними, мешает нам проследить наше единство с душами других существ (т. 31, с. 51).

Хаджи-Мурат этой связи всего живого не чувствует, фактически не ощущает ее в необходимой мере никто из героев повести, однако идея родственности всего живого, удивительной связи со всем разных людей в повести антитетична войне и тем страшным жестокостям и обманам, которые люди устраивают в отношении друг друга. Толстой вновь не смог в полной и желаемой мере реализовать образ новой усадьбы (так как не было подходящего материала и повода), однако тема опрощения и возвращения к истокам звучит в повести достаточно ярко. Это может показаться странным, но *прообразом лучшего дома в повести становится саля Садо* с радушием ее хозяев, мудрым распорядком жизни, распределением обязанностей между всеми членами семьи, чистотой, полным согласием, глубоким уважением к старшим и почитанием мужчин. Толстой показывает, как война, начатая по воле высшего командования и абсолютно не нужная ни простым русским людям, ни горцам, не только разоряет народ, но и *на место неразрывной связи братьев и сестер ставит глубокую неприязнь*.

Итак, можно подытожить, что усадебная тема, значимая и важная для писателя в поздний период творчества, рассматривается им не отдельно, не изолированно, но в контексте рассуждений о свободной и счастливой жизни народа, о завершении притеснений крестьян, окончательном решении земельного вопроса и др. На протяжении жизни Толстой фактически не расставался надолго со своей Ясной Поляной, однако в поздний период достаточно резко и однозначно переосмысливал свой быт, существование своей семьи, придерживался идеи опрощения жизни, которая серьезно повлияла на его отношение к усадьбам. Не находя в России возможности для реализации образа новой усадьбы как

индивидуального дома на одну семью с правильным распорядком дня и мудрым распределением обязательств между членами семьи, Толстой обращается к восточной философии в надежде найти в Китае, Японии, Индии и других восточных странах образцы мудро устроенного дома, близкого к природе. Растущая популярность и известность Толстого во всем мире способствовали тому, что идеи писателя реализовывались отдельными его последователями на Востоке.

ЧАСТЬ II

*ЯСНАЯ ПОЛЯНА
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ*

ГЛАВА 1

Ясная Поляна — второй дом П.А. Кузминской: образ усадьбы в книге свояченицы Л.Н. Толстого

Ценность мемуарной литературы не вызывает сомнений у исследователей, однако качество ее, степень достоверности воспоминаний могут быть очень разными. Мемуаров о Толстом достаточно много: это связано с огромной известностью писателя не только в России, но и за рубежом. Однако среди всех воспоминаний, как ранних, так и более поздних, относящихся уже к началу XX в., то есть к последнему десятилетию жизни писателя, встречается и немало досочиненных, приукрашенных — популярность Толстого была очень высока, и о нем, о жизни в Ясной Поляне складывали легенды.

В такой ситуации наиболее точными можно считать мемуары родных Толстого, а также его помощников, соратников и близких знакомых. В данной главе мы кратко остановимся на образе Ясной Поляны в мемуарах Т.А. Кузьминской (урожд. Берс) «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Конечно, эта книга в большей степени повествует о ранних годах семейной жизни Толстых, однако в ней содержится немало ценных сведений о самом писателе, а также о порядках, введенных в Ясной Поляне и фактически мало нарушаемых далее *вплоть до ухода Толстого из своей усадьбы*.

Воспоминания Т.А. Кузьминской являются, казалось бы, уже хорошо изученным источником сведений о яснополянской жизни, однако они до сих пор мало упоминались при изучении русской усадьбы и усадебного быта Ясной Поляны в частности.

Усадьба Толстых стала для Кузьминской вторым домом, но настолько важным и значимым, что он был сопоставим и с домом

ее родителей (Берсов), и с домом мужа, А.М. Кузминского (1843–1917), с которым Татьяна Андреевна прожила 50 лет со дня своей свадьбы в 1867 г. Г.М. Самойлова точно отмечает, что «мемуары Т.А. Кузминской чаще всего рассматриваются в связи с творчеством Толстого, но они интересны и как памятник провинциального дворянского быта XIX века, увиденного глазами женщины»¹. К замечанию исследовательницы нужно добавить еще несколько важных моментов. С одной стороны, Кузминская была любимой гостьей и родным человеком в Ясной Поляне, куда она приезжала почти каждую весну не только к сестре, но к супругам Толстым, поскольку сам писатель очень нежно, дружески и трепетно относился к обаятельной и талантливой девушке. Юная Татьяна хорошо понимала не только сестру, но и Льва Николаевича, который составлял центр яснополянской Вселенной. С другой стороны, по мемуарам понятно, что Кузминская все-таки относилась к другому миру, к «молодежи», который был вхож в Ясную Поляну, но далек от хозяйственных забот самого Толстого и его супруги, в достаточно юном возрасте разделившей все тяготы жизни гения.

В воспоминаниях Кузминской хорошо заметна разница в 1860-е гг. между ней самой, близкой к ней по возрасту, но имеющей уже совсем другой социальный статус Соней и Л.Н. Толстым:

Соня весела, бодра, но мало принимает участия в наших развлечениях по своему нездоровью. <...> Лев Николаевич, хотя и поглощен хозяйством — пчелами, баранами, поросятами и т. п., но, любя молодежь, уделяет нам часть своего времени и принимает участие в пикниках, кавалькадах и прогулках².

Обратим внимание на словоформы «принимает участие», которые в обоих случаях характеризуют супругов Толстых как людей особенного яснополянского мира, вольных по своему желанию контактировать с молодежью.

¹ Самойлова Г.М. Провинциальный мир русской дворянки XIX века (по мемуарам Т.А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне») // Культура провинции: сб. науч. ст. Вып. 2. Курган: Курганский гос. ун-т, 2010. С. 64.

² Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / вступ. ст. С.А. Розановой, подгот. текста и примеч. Т.Н. Волковой. М.: Правда, 1986. С. 204.

Г.В. Токарев подчеркивает, как в мемуарах создается объемный портрет Толстого — не только писателя, но и увлеченного хозяина:

Толстой показан деятельным, наблюдательным, общительным человеком — тем, чем он отличался от других. Существительные пчёлы, бараны, поросята выступают в виде презентантов фреймов домашних занятий. Они создают эффект неоправданного ожидания: читатель с именем Толстого, графа, великого писателя, ассоциирует интеллектуальные занятия и вдруг узнает о его увлечении обычными делами <...>³.

И в контексте всей книги не так важно, успешны или нет хозяйственные эксперименты Толстого (Кузминская отмечает, что «лишь яблочный сад и посадки лесов процветали и обессмертили память Льва Николаевича в хозяйстве»⁴), намного значимее увидеть все виды усадебных занятий писателя.

Ясная Поляна в воспоминаниях Кузминской неразрывно связана с Толстым, дорога ему не просто как дом, но и как особое место силы всего рода. Впервые усадьба упоминается в связи с обыском, проведенным в Ясной Поляне в июле 1862 г. Это событие, вторжение в личную жизнь и частную собственность, сильно повлияло на Толстого. Всегда вежливый и очень внимательный по отношению к А.А. Толстой, писатель 22–23 июля 1862 г. сообщал ей с обидой и явной горечью:

Какой-то из ваших друзей, грязный полковник, перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, который будет мне тогда ближе всех <...> (т. 60, с. 428).

Кузминская рассказывает о приезде к ним в Москву Толстого в особенно подавленном состоянии: «Никогда я не видала его таким

³ Токарев Г.В. Характеризация Л.Н. Толстого в мемуарах Т.А. Кузминской // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 95.

⁴ Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / вступ. ст. С.А. Розановой, подгот. текста и примеч. Т.Н. Волковой. М.: Правда, 1986. С. 213.

расстроенным и взволнованным, каким он был, когда подробно рассказывал нам всё это дело»⁵. Вторжение на территорию усадьбы было для Толстого не просто кощунством властей, но покушением на его педагогические и литературные занятия. Не случайно особенный акцент, по рассказу Кузминской, был сделан писателем на образ кабинета, письменного стола, рукописей:

<...> один из чиновников открыл мой письменный стол, сломав замок, так как ключ от стола я брал всегда с собой, куда бы ни ехал. Они читали вслух мои самые сокровенные дневники и письма⁶.

Интересно, что в мемуарах Кузминской несколько раз звучит *мотив побега из усадьбы*, по-разному, но схоже интерпретируемый Толстым. В финале книги автор рассказывает о поразившем ее уходе писателя из дорогой ему Ясной Поляны в 1910 г., об оставлении им «всей милой привычной ему обстановки и близких людей»⁷. Стараясь найти объяснение той огромной силе, которая вытолкнула Толстого из своего имения, Кузминская приводит слова самого писателя: «Уйти от всего, уйти от роскоши, от этой жизни, обличающей нас на каждом шагу. Не решаюсь <...>»⁸. Мемуары «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» во многом приоткрывают для читателя причину поступка Толстого. Уход его в 1910 г. из Ясной Поляны и решение оставить кровное, соотносимое со всей прежней жизнью, были связаны отнюдь не с мелкими противоречиями с супругой. Конечно, нервная обстановка в усадьбе также имела большое значение, но уход писателя стал формой протеста против окружавшей его несправедливости, своеобразным вызовом обществу, забывшей о настоящей жизни. Толстой уходил, чтобы остаться самим собой, не жить в противоречии со своими принципами. Кузминская показывает, что в 1862 г. Толстой собирался бежать фактически так же:

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 487.

⁸ Там же.

Ведь они не хотели понять, что этим обыском они позорят мое имя, подрывают доверие в деревнях... В России жить нельзя! Надо бежать отсюда за границу!⁹

В 1862 г. рядом оказался будущий тесть А.Е. Берс, который убедил Толстого, что нужно пережить сложности в России; в 1910 г. рядом с Толстым были ученики и помощники, которые слушали писателя, но не могли повлиять на его решение уйти.

В книге Кузминской очень хорошо прочитывается история загородной усадьбы не просто глазами женщины (самого автора), но в проекции женской судьбы (С.А. Толстой). Хотя, конечно, многие драматические моменты автор просто не упоминает, так как они стали появляться в семье Толстых уже после 1881 г. Это время было связано как с определенными изменениями во взглядах писателя, так и с нарушением тихой яснополянской жизни, которое привело, как справедливо отмечает Н.И. Городилова, к первым сложностям и непониманиям в семье:

<...> в 1881 г. замкнутость яснополянского пространства нарушается: в связи с необходимостью продолжить образование старших детей семья вынуждена была переехать на зимние месяцы в Москву сначала в принадлежавший княгине Волконской дом в Денежном переулке, а спустя год в приобретенную у И.А. Арнаутова «городскую усадьбу» в Долго-Хамовническом переулке (ныне улица Льва Толстого). Переезд стал для Толстого настоящим испытанием: на уже вполне сложившееся к тому времени крайне негативное отношение писателя к городскому образу жизни, отраженное как в устных высказываниях, зафиксированных многочисленными свидетелями, так и в эпистолярных признаниях разным корреспондентам, оказал влияние и пережитый в конце 1870-х гг. духовный кризис¹⁰.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ *Городилова Н.И.* Образ города в восприятии Л.Н. и С.А. Толстых (на материале эпистолярных источников семьи) // Национальный ландшафт и зеркале литературы и языка. Коллективная монография. Псков: Псковский гос. ун-т, 2025. С. 120.

Илл. 10. Флигель Кузминских в Ясной Поляне.
Фото автора. 2025 г.

Однако мемуары Кузминской лишь косвенно касаются позднего периода жизни и творчества Толстого, автор описывает Ясную Поляну такой, какой усадьба запомнилась ей после замужества сестры и поэтического времени, проведенного там самой юной Татьяной. Исследователи заметили интересную особенность — временные нарушения в книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», связанные с переносом большинства событий на более раннее время:

В усадебном тексте Т.А. Кузминской, проникнутом усадебным сознанием (и самого Толстого на этом этапе его литературной деятельности), ею иначе воспринимается и время в Ясной Поляне. Хронологические ошибки, выявленные автором примечаний Т.Н. Волковой, все одного плана: события, происходившие позднее, мемуаристкой переносятся на 1863–65 годы, то есть на время ее пребывания в Ясной Поляне <...>¹¹.

¹¹ Шкляева Е.Л. Культура как текст и подтекст мемуаров Т.А. Кузминской // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2002. № 2-2. С. 76.

Указанная особенность обусловлена тем, что 1863–1865 гг. были одними из самых беззаботных и счастливых для Т.А. Берс. Вместе с тем, это были самые яркие и насыщенные страстью годы жизни супругов Толстых, в то время Ясная Поляна стала для С.А. Толстой родным домом, настоящей крепостью, где она помогала мужу в реализации многочисленных намеченных планов. Н.И. Городилова, анализируя переписку С.А. Толстой и Т.А. Кузминской, показывает, как со временем в процессе постоянного и безвыездного пребывания в Ясной Поляне, помощи мужу, ухода за детьми, Софья Андреевна стала все больше ощущать в усадьбе давящую атмосферу «замкнутого пространства, неволи — монастыря, тюрьмы, заколдованного замка»¹². Исследовательница приводит выдержки из более поздних писем сестер, отмечая, что служение мужу и признание его таланта требовали от Софьи Андреевны готовности к замкнутой жизни. Но то, что в первое десятилетие совместной жизни доставляло радость, далее стало угнетать еще молодую женщину. Н.И. Городилова пишет, как С.А. Толстая «признавалась сестре в письме от 14 ноября 1872 г.»:

<...> и очень у нас скучно и уединенно. Только делами спасаешься от той малодушной скуки, которая невольно иногда находит, и хотелось бы иногда и общества, и какого-нибудь неразумного удовольствия. Если б я говорила, что этого никогда не хочется, я была бы не искренна¹³.

Однако все больше драматических моментов появляется в жизни Толстых уже к концу XIX в., более того, несмотря на все сложности и противоречия, Ясная Поляна навсегда оставалась для С.А. Толстой местом любви и силы, местом, где она прожила свои лучшие годы.

Толстовские мечты о любящей и хозяйственной супруге, как мы показали ранее, воплощенные в размышлениях и планах Констан-

¹² *Городилова Н.И.* Переписка С.А. Толстой и Т.А. Кузминской: биографический аспект изучения // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2024. Т. 17, № 11. С. 4011.

¹³ Там же.

тина Левина в романе «Анна Каренина», являются основой здоровой семьи и усадебного процветания. С.А. Толстая, выросшая в Москве и после свадьбы переехавшая в имение мужа, постепенно принимает Ясную Поляну как свой дом: «Еще не совсем огляделась, все странно еще, что в Ясной — я *дома*»¹⁴. «Всё уютно, красиво. Я еще все не устроилась совсем, с мелочами»¹⁵. Однако уже через некоторое время усадьба становится для Толстой своим особенным миром, который она будет противопоставлять внешнему пространству и в радости, и в горе: «Здесь у меня совсем особенный мир, который в своем роде очень хорош, и который вы, городские, не понимаете»¹⁶.

Несмотря на некоторые огорчения, которые доставляла молодой Толстой усадебная жизнь (к примеру, Кузминская вспоминает, как Соня проплакала целый вечер после их со Львом Николаевичем отъезда на бал), она все более привязывалась к Ясной Поляне, предпочитая ее не только Петербургу и Москве, но и Туле, а также другим имениям.

Г.М. Самойлова отмечает:

во Франции того времени все духовное было сосредоточено в Париже, в России же XIX века далеко не все мыслящие и творческие люди устремлялись в Петербург. Дворянские усадьбы были относительно равномерно разбросаны по территории страны. Эти родовые гнезда строились иногда известными архитекторами, в них хранились картины мастеров, скульптуры, прекрасные библиотеки, музыкальные инструменты¹⁷.

Понимание членами семьи Берс настоящих ценностей способствовало тому, что девочки выросли в любви к деятельности, наполненной содержательной жизни без внешней суеты и блеска столицы:

¹⁴ Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / вступ. ст. С.А. Розановой, подгот. текста и примеч. Т.Н. Волковой. М.: Правда, 1986. С. 151.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 158.

¹⁷ Самойлова Г.М. Провинциальный мир русской дворянки XIX века (по мемуарам Т.А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне») // Культура провинции: сб. науч. ст. Вып. 2. Курган: Курганский гос. ун-т, 2010. С. 63.

Т.А. Кузминская, а в юные годы Таня Берс, родилась и жила до замужества в Москве, но по характеру и вкусам была настоящей провинциалкой <...> После замужества Татьяна Андреевна постоянно жила вдали от столицы подобно великому «провинциалу» и своему родственнику Льву Толстому¹⁸.

Но эта провинциальность была не слабостью, а силой, способной противостоять трафаретной жизни городских усадеб, прекрасно представленных Толстым в «Воскресении». Получалось так, что С.А. Толстая поддерживала быт и распорядок имения, в то время как Толстой делал его знаменитым на всю страну и позднее на весь мир:

Толстой в старости радовался своей славе, потому что она давала ему возможность общаться с людьми разных стран и национальностей. Провинция становилась центром притяжения всего мира <...>¹⁹.

Усадебная жизнь, как становится понятно из книги Кузминской, была для Толстого и «раем», и местом главных противоречий одновременно. Райская жизнь выражалась в возможности отгородиться от всего мира и на время создать свой небольшой уголок, в который не проникали зависть и ненависть, в большом количестве существующие в обществе. Рай заключался и в возможности уединенного творчества на лоне природы, в окружении лесов и полей, яблоневых садов, охотничьих угодий, где автор на определенное время мог чувствовать себя хозяином и творцом.

Усадьба одновременно оказывалась для Толстого и «чистилищем», после долгого пребывания среди искушений и обмана обращавшим его к настоящему:

Соня шутя говорила:

— Левочка, ты — Левин, но плюс талант. Левин — нестерпимый человек!

Лев Николаевич, не отвергая этого, с улыбкой слушал ее. Он всег-

¹⁸ Там же. С. 62.

¹⁹ Там же. С. 63.

да смотрел на Ясную, на тетеньку Татьяну Александровну как на чистилище и говорил:

— Я, только приехавши в Ясную, могу разобраться сам с собой и откинуть от себя все лишнее²⁰.

Илл. 11. Кобыла с жеребенком в усадьбе Толстого Ясная Поляна.
Фото автора. 2025 г.

Нельзя исключать, что уход Толстого из Ясной Поляны был связан с тем, что усадьба писателя оказалась очень далека от реального мира, слишком замкнута. Толстой всегда хотел навести в Ясной свои порядки, порою они оказывались полностью противоречащими здравому смыслу в связи с категоричностью писателя.

Одним из лучших примеров в книге Кузминской является история с первыми родами ее старшей сестры и кормлением ребенка. Автор показывает, как исполнялась в имении воля хозяина, какое огромное влияние имел Толстой на свою жену:

Соня плохо поправлялась. Ребенок был беспокойный. Няни не было. Лев Николаевич осуждал тех матерей, которые не ходят за

²⁰ Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / вступ. ст. С.А. Розановой, подгот. текста и примеч. Т.Н. Волковой. М.: Правда, 1986. С. 281.

детьми сами и не кормят их. Соня кормила, конечно, сама, и няни не нанимала в угоду мужу²¹.

Далее Кузминская показывает, что усадьба становится местом противостояния из-за упрямства Толстого, решившего, что женщина должна сама справляться с ребенком. Даже болезнь Сони и ее неспособность кормить малыша не меняют убеждений писателя, который, сам того не понимая, ставил под угрозу жизнь и здоровье и ребенка, и супруги. Происходит ситуация, в которой категория порядка, особенно значимая для усадебного мира, сообразуется исключительно с представлениями одного человека и его видения (недобрую службу тут играет замкнутость усадебной жизни, подчинение всех одной воле — своеобразный авторитарный порядок). При этом хозяин, как правило, не видит, что его «порядки» на самом деле далеки от мудрой упорядоченности жизни с ее главными ценностями. Не случайно Т.А. Берс приводит в воспоминаниях письмо своего отца, к мнению которого Толстой часто прислушивался. Едва ли не ключевым в письме становится желание А.Е. Берса *привести в порядок дочь и ее мужа* (конечно, тут подразумевается установление порядка в усадебном бытии):

Письмо твое, любезная Соня, от 31 июля, раздирающее душу, я не мог прочесть двух раз, — довольно было одного, чтобы расстроить себе все нервы. Ты считаешь себя совершенно несчастной матерью, потому что сочла себя вынужденной взять кормилицу, а муж утешает жену свою тем, что обещает не ходить в детскую, потому что ему противна теперешняя ее обстановка etc., etc. Я вижу, что вы оба с ума сошли, и что мне придется к вам приехать, чтобы привести вас в порядок²².

Кузминская пишет об особенной избирательности Толстого в общении с соседями и в целом с усадебными хозяевами, отмечает, что писатель «не любил это общество»²³. Загородная усадьба по-

²¹ Там же. С. 230.

²² Там же. С. 231.

²³ Там же. С. 244.

зволюла хозяину прятаться от гостей, то есть просто не выходить к ним, выбирать для собственных занятий наиболее уединенные и укромные места в имении, притом очень тихие или живописные, способствовавшие творчеству:

Когда, бывало, к тетушке приезжала с визитом помещица Бранд или какая-нибудь другая, Лев Николаевич говорил, уходя с книгой: — Мой адрес — в оранжерее, или — в Чепыже.

В этом лесу Лев Николаевич построил маленькую избушку, где он одно время спасался от жары и писал²⁴.

Ясная Поляна с годами начинала привлекать все больше и больше людей, в усадьбе собирались избранные гости, люди одаренные, составлявшие круг общения Толстых. И тут необходимо учесть, что многие хозяйственные вопросы по обеспечению и размещению приезжавших, когда-то решавшиеся обоими супругами (сразу после женитьбы Толстого), в связи с большой занятостью писателя постепенно обрушились на плечи именно хозяйки. Кузминская отмечает, что в силу своей юности она не понимала всех забот старшей сестры:

В те времена мне и в голову не приходило, сколько хлопот и забот требовалось хозяйке, чтобы разместить, накормить всех, сколько дела прибавлялось и прислуге. Все делалось как-то незаметно и легко²⁵.

В рассматриваемых воспоминаниях упоминается и несколько других усадеб, которые Кузминская сравнивает с Ясной Полянкой, причем все ее сопоставления очень искренние и правдивые. Многие имения и усадьбы оказываются больше и значительно богаче Ясной Поляны, в них другие порядки, часто намного больше комфорта, однако там и совсем иная, другая жизнь — не настолько напряженно-творческая, как у Толстых.

Например, в Покровском, имении М.Н. Толстой, автор мемуаров подчеркивает особенно почтительные отношения людей к го-

²⁴ Там же. С. 245.

²⁵ Там же. С. 431.

Илл. 12. Дверь на веранду в яснополянском доме.
Фото автора. 2025 г.

сподам и иной распорядок жизни, который, как отмечает Кузминская, быстро наскучил С.А. Толстой:

Соня мало принимала участия в нашей жизни. На новом месте заскучали дети, и она с ними. Она скоро уехала в Ясную. За ней приезжал Лев Николаевич²⁶.

Как «совершенно противоположная порядкам» Ясной Поляны описана в мемуарах усадьба Дьяковых, прежде всего, дом. У Толстого Кузминскую всегда поражала простота, отсутствие роскоши, исключительно жесткая мебель, «простые вилки и ножи» за столом²⁷. Необходимо понимать, что ситуация несколько изменилась с приездом хозяйки, в доме добавилось уюта и необходимых вещей, однако Толстой всегда оставался сторонником сдержанности и скромности в быту. А у Дьяковых были «большая зала, большой

²⁶ Там же. С. 386.

²⁷ Там же. С. 209.

круглый обеденный стол, два лакея <...> и, самое главное, изящный обед»²⁸.

Кузминская нередко лишний раз подчеркивает одновременно и хозяйственные достоинства Толстого, и частую незавершенность его практических начинаний, порою их недолговечность — все основные силы были брошены владельцем Ясной Поляны на литературный труд. Так, Кузминская рассказывает о пристройке, которая была быстро построена, но не оштукатурена изнутри:

Лев Николаевич был, очевидно, горд своим архитекторством. Небольшая комната в два окна была уютна и в стороне. Со временем эта пристройка оказалась непрочна вследствие гнилого материала²⁹.

В книге воспоминаний город и деревня, городские усадьбы и деревенские имения противопоставляются, однако поездки в Москву молодого еще Толстого с семьей воспринимаются позитивно, более того, пребывание в городе в это время оказывается для писателя своеобразным отдохновением, сменой обстановки, в деревне же его ждет упорный литературный труд.

В мемуарах Кузминской содержится немало ценных свидетельств о буднях и праздниках в Ясной Поляне, об организации жизни детей и взрослых, о развлечениях. Главным героем воспоминаний является, конечно, Л.Н. Толстой, а главным местом действия — Ясная Поляна. Кроме того, как точно заметила Е.Л. Шкляева, усадьба стала и «главным свидетельством подлинности всего описываемого в мемуарах», она самым фактом своего существования подтверждает «правдивость» повествования³⁰. Это тонкое и точное наблюдение, поскольку окружающим мог быть непонятен Толстой с его сложностью, глубиной и противоречивостью, с необычайно богатым внутренним миром, однако этот мир неизменно проецировался и на место жизни гения — его потомственное имение.

²⁸ Там же. С. 395.

²⁹ Там же. С. 430.

³⁰ Шкляева Е.Л. Культура как текст и подтекст мемуаров Т.А. Кузминской // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2002. № 2-2. С. 78.

ГЛАВА 2

«Наконец пришла мне мысль убежать...

И убежать прямо в Ясную»:

усадебный мир в мемуарах Т.Л. Сухотиной-Толстой

Еще одним важным источником сведений о жизни Ясной Поляны стали воспоминания старшей дочери Толстых — Т.Л. Сухотиной-Толстой, проведеншей с родителями в родовом имении свои первые 35 лет жизни. Разумеется, начиная с юности, Татьяна немало жила и в Москве, однако для нее до позднего замужества и обретения собственного имения Кочеты (имения мужа) настоящим домом оставалась Ясная Поляна.

Т.Л. Толстая написала мемуары, посвященные различным периодам своей жизни в родительской усадьбе. На страницах ее произведений главными, конечно, являются люди: родители, братья и сестры, воспитатели и учителя, близкие и гости, литературные и общественные деятели (окружение Толстого было велико, а старшая дочь много участвовала в делах отца), но преимущественное внимание Татьяна уделяет своему знаменитому отцу и той среде, в которой она выросла, атмосфере дорогой ее сердцу Ясной Поляны.

На первой странице воспоминаний о своем детстве Т.Л. Толстая делает несколько интересных обобщений о жизни семьи. Примечателен тут *порядок упоминания* того, о ком или о чем она говорит: отец — семья — Ясная Поляна — свой опыт:

После женитьбы отец прожил с своей семьей безвыездно в Ясной Поляне восемнадцать лет, только изредка выезжая в город по делам.

Жизнь в деревне дала мне любовь к уединению, к спокойствию и дала привычку наблюдать и любить природу¹.

О постоянном пребывании в родной усадьбе автор пишет с любовью и никогда — с сожалением (к примеру, о потраченном времени). Дисциплина, труд физический, занятия живописью, усиленная работа над собой, помощь ближним — многое, чему учил Т.Л. Толстую отец, активно реализовывалось именно в загородной, уездной усадьбе.

В мемуарах Т.Л. Толстая подчеркивает, что их усадебные условия жизни были всегда очень просты, но идея некоторого возможного ограничения, упрощения быта постоянно поднималась Толстым: «Когда мы начали подрастать, отцу хотелось, чтобы мы вели насколько возможно скромный образ жизни»². Идея опрощения, важная для Толстого в поздний период творчества, не возникла случайно. Глава семейства со времени появления первых детей старался воспитать во всех домочадцах умеренность и скромность, порою выступая даже против небольших развлечений и удобств, однако С.А. Толстая отстаивала необходимые для детей материальные радости, она аккуратно внедряла в быт Ясной Поляны часто игнорируемое эстетическое начало:

Но мало-помалу мама ввела свои порядки. Сначала она упросила папа позволить сделать для нас елку. <...> Потом на елку понемногу стало прибавляться большее количество подарков, и серая блуза была заменена более разнообразными и нарядными платьями³.

Т.Л. Толстая подчеркивает, что до своеобразного перелома в жизни писателя в начале 1880-х гг. опрощение было «скорее делом вкуса, чем убеждения», более того, она отмечает, что отец был отходчив от этой мысли, поскольку «жизнь в Ясной Поляне была в те годы очень проста»⁴.

¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 29.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 34–35.

⁴ Там же. С. 380.

Мемуары Т.Л. Толстой открывают важную причину, по которой писатель начал восставать против излишних трат на жизнь в Ясной Поляне и, особенно, в новой городской усадьбе Толстых — доме в Хамовниках. Дело в том, что источником относительной роскоши, как отмечает дочь Толстого, стали деньги, которые зарабатывал отец литературным трудом. Успешно продающиеся произведения способствовали тому, что образ жизни «становился шире». Писатель помнил свою молодость, начало супружеской жизни в Ясной Поляне, они выступали для него своеобразным мерилom нормальной трудовой жизни, и вот когда-то планировавший вывозить детей в свет, Толстой начинает противиться этому в 1880-х гг.

При чтении воспоминаний Т.Л. Толстой становится ясно, что не только сам писатель, но и С.А. Толстая чувствовали своеобразную двойственность и противоречия при мысли о правильной организации жизни. И тут материальные вопросы содержания усадьбы очень хорошо дополняются противопоставлением городских и загородных дворянских домов, в которых образ жизни разительно отличался. Особенно эта инаковость касалась семьи Толстых. Дело в том, что в Ясной Поляне с самого начала приезда туда Толстого, а потом и Софьи Андреевны был выработан свой внутренний распорядок, согласуемый с рассуждениями хозяина о трудовой жизни и отдыхе, а в городской усадьбе собственные порядки было ввести очень сложно, жизнь невольно подчинялась ритму города, необходимости визитов и участия дворян в различных встречах и мероприятиях.

В этой ситуации главная забота родителей была о детях. Толстой вынужден был уступать, жертвовать собственным комфортом и уединением, организуя быт семьи в Москве, в доме, который он сам купил. Т.Л. Толстая подчеркивает, что принимавшая комфортные условия жизни в городе, наконец-то вырвавшаяся с детьми из усадебного «заключения» в Ясной Поляне, С.А. Толстая, на самом деле, также не имела системы однозначных взглядов и ощущений. Двадцать лет прожившая с мужем и всегда уважавшая его мнения, разделявшая их, глубокая и чуткая по своей природе, С.А. Толстая, наряду с удовольствием, тяготилась глупостью и ветреностью городских разбродов:

А вот как протекала наша жизнь. Мы с матерью вставали поздно, день уходил на поездки с визитами или на приемы визитеров. Вечером мы отправлялись в коляске или в саних на вечера и балы. Такой образ жизни временами доставлял матери удовольствие, а временами она чувствовала всю его пустоту⁵.

Противопоставление города и Ясной Поляны, загородной усадебной жизни, где все правильно и размеренно, проходит через все воспоминания Т.Л. Толстой. Очень хорошо понимавшая родных и всегда заботившаяся обо всех членах семьи, Татьяна даже в пору своей юности и молодости готова была игнорировать московскую жизнь ради спокойствия и благополучия родных в Ясной:

На днях опять решили не ехать в Москву. Так как маленьким очевидный вред, а Илье очень сомнительную пользу приносит жизнь в Москве, то мама и говорит, что все выгоды и приятные стороны московской жизни не перевешивают неприятных сторон. Итак, мне предоставили решить вопрос, так как папа говорит, что он поедет для того, чтобы сделать кому-нибудь удовольствие, а мама говорит, что она равнодушна. А я не возьму на себя перетащить всех для своего удовольствия. Каково же мне будет видеть, что папа скучает, Машу портят на разных детских вечерах, Леля в гимназии забывает и языки и музыку, малыши теряют свою свежесть — и все из-за меня?⁶

Но через 10–12 лет и сама Татьяна будет с ужасом думать о Москве, постоянно стремиться в Ясную Поляну, в родную сердцу и глазу обстановку. Большой и суетливый город ассоциируется у нее с «напряжением нервов с утра до ночи», с отсутствием уединения, необходимого для работы⁷, возвращение домой оказывается связанным с самыми лучшими впечатлениями. Жизнь для Т.Л. Толстой явно разделяется на две очень разных — «пустую, никому не нужную и еще тяжелую» в Москве и совсем иную в Ясной Поляне:

⁵ Там же. С. 388.

⁶ Там же. С. 169.

⁷ Там же. С. 220.

Очень было приятно въехать в Ясную. «Прешпект», лошади, дом, комнаты — все так привычно и мило. Ходила сегодня к колодцу по Заказу и радовалась на жизнь⁸.

Илл. 13. «Прешпект»
(березовая аллея, ведущая от башен въезда
к дому писателя в Ясной Поляне).
Фото автора. 2025 г.

Немалое внимание уделяет Т.Л. Толстая описанию помощи голодающим крестьянам, открытию Толстым и помогавшими ему детьми столовых. Дочь писателя в воспоминаниях трезво оценивает все действия отца, не всегда соглашаясь с ним в распоряжениях относительно денежных пожертвований и пр. Однако члены семьи Толстых, как видно из мемуаров, действовали всегда практически грамотно, на первое место выходила у них забота друг о друге и о

⁸ Там же.

людях. Еще примечательнее для нас тот факт, что после времени разлуки, раздельного проживания, когда кто-то из Толстых был в Москве, кто-то помогал голодающим в деревне Бегичевке Рязанской губернии, семья *съезжается в родную усадьбу*, чтобы побыть вместе и восстановить силы:

Вскоре после этого мы все на время съехались в Ясной Поляне, чтобы хоть несколько недель пожить вместе. Мать со мной и младшими детьми приехала из Москвы, а отец с сестрой Машей, поручив временно дело столовых нашим сотрудникам, приехал из Бегичевки⁹.

Исследователи отмечают высокую степень «правдивости, глубины, исторической объективности» в мемуарах Т.Л. Сухотиной-Толстой:

Чуждая личных пристрастий, озабоченная единственно стремлением восстановить истину, старшая дочь Толстого повествует о прошлом, о пережитом и передуманном, с чувством большой ответственности перед отцом, перед эпохой, перед историей¹⁰.

Более того, для думающего читателя в мемуарах Т.Л. Толстой открывается много соответствий и перекличек. Нам в данной работе особенно интересна судьба усадьбы и усадебных построек, поэтому скажем именно о них. В поздний период писатель был готов отказаться от собственности, радел за максимальное упрощение быта в Ясной Поляне, за любую возможную помощь народу. В свете этих взглядов примечательной выступает история большого яснополянского дома, в котором родился сам Толстой и который был продан им на своз и вывезен из Ясной Поляны. Писатель не часто вспоминал об этом эпизоде, выстраивая свой быт в усадьбе в нескольких каменных флигелях, выбрав для собственного проживания правый из единого архитектурного ансамбля, который

⁹ Там же. С. 307.

¹⁰ Шифман А.И. Воспоминания дочери // Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 6.

начал строить еще его дед, Николай Волконский, а продолжил сам Толстой. Однако на фоне всей судьбы писателя «потеря» большого дома также начинает восприниматься как знаковое событие. Хотя Толстой его и продал, а не отдал, но лишение дома *упростило усадьбу*. А дальнейшая судьба этого здания, кратко рассказанная Т.Л. Толстой, открывает близость к поздним намерениям писателя (имплицитно тут скрыта мысль о разделе имущества и передаче его крестьянам):

Большой дом <...> был продан на снос еще до женитьбы отца. Его перевезли верст за двадцать пять от Ясной Поляны и поставили в том же виде, в каком он стоял в Ясной Поляне.

В 1913 году имение, в которое он был поставлен, было продано крестьянам. Они разобрали большой толстовский дом, поделили его между собой и из материала построили себе избы¹¹.

В отличие от мемуаров Кузминской, воспитанной в строгости и уважении к труду, но все-таки росшей в Кремле (А.Е. Берс занимал должность гоф-медика и имел казенную квартиру в здании Кремлевского дворца), среди богатых интерьеров и роскоши, в воспоминаниях дочери Толстого постоянно прослеживается идея ответственности за те материальные богатства, которыми владеют люди.

При внешнем сходстве усадебной жизни в Ясной Поляне и других уездных имениях средней руки оказывается, что установленный в семье Толстых распорядок жизни отличался от традиционного, он в меньшей степени был связан с отдыхом и комфортным пребыванием в устроенном по желанию господ доме, но был подчинен идее постоянной занятости, продуктивности и результативности труда, укреплению духа и тела. Примечательно, что образ матери для Т.Л. Толстой связан со всем распорядком бытия в доме:

Помню ее всегда занятой. Или она возится с кем-нибудь из нас, детей, или учит нас, или бегает по хозяйству, или с быстротой молнии строчит что-нибудь для нас или для папа на своей ножной

¹¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 57.

швейной машинке, или отвешивает лекарство какой-нибудь больной бабе <...>¹².

Отметим, что идея удовольствий не отрицалась: Толстой в молодые годы увлеченно ездил на охоту, в доме организовывались праздники и ужины с гостями, однако все эти мероприятия не требовали слишком больших усилий, подготавливались, как правило, членами семьи и дворовыми людьми.

Т.Ю. Колягина отметила, что «Воспоминания» Т.Л. Сухотиной-Толстой «представляют интерес и как самостоятельный “текст культуры”, и как важный “документ эпохи”, и как яркий, художественно воплощенный образ дворянского усадебного мира, центром которого является Дом, Семья, детство»¹³. Идея усадебной жизни как «райского существования» для Толстых реализовывалась с поправкой на мировоззрение хозяина дома. Обратим внимание на тот факт, что Т.Л. Толстая связывает с безоблачным счастьем исключительно *период своего детства*. И в этом дочь очень похожа на знаменитого отца, еще в повести «Детство» особенно выделившего это беззаботное время:

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений (т. 1, с. 43).

И Толстой, а вслед за ним и его дочь подчеркивают не просто ценность, а неповторимую прелесть детства, проведенного в уездной усадьбе, в любящей семье. Т.Ю. Колягина отмечает:

в тексте «Воспоминаний» детство «встроено» в законы усадебной идиллии, допускающей некоторые противоречия. Так, свои дет-

¹² Там же. С. 45.

¹³ Колягина Т.Ю. Утрата детства-рая в «Воспоминаниях» Т.Л. Сухотиной-Толстой // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. памяти Б.И. Осипова и М.П. Одинцовой / отв. ред. О.В. Золтнер. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 265.

ские годы в Ясной Поляне автор воспринимает как самое счастливое время, прожитое «в раю» и ушедшее безвозвратно. При этом детство-рай соседствует с миром смерти (смерть представителей старшего поколения и смерть ребенка), а также противопоставляется отрочеству (трудные годы) и последующей взрослой жизни (без отца). Данные противоречия не снимают «райского ореола» с образа детства и воспринимаются мемуаристкой органично, как часть жизни¹⁴.

По нашему мнению, ключевая мысль повествователей (и в «Детстве», и в «Воспоминаниях» Т.Л. Толстой) связана с тем, что ребенок, окруженный любовью и вниманием родителей и воспитателей, наблюдающий за природой, получает своеобразную «путевку в жизнь». Хранимое в сердце ощущение любви и рая на земле дает ему возможность переживать многие дальнейшие трудности, укрепляет его силы в сложные минуты. При таком понимании усадебная жизнь в меньшей степени связывается с материальным статусом семьи, обуславливается умением организации быта и пониманием цели человеческого существования.

В Ясной Поляне самим писателем был внедрен в жизнь особый ритм и смысл существования:

Мой отец, зная прелесть и пользу «неторопливой, одинокой жизни», которой, по его словам, научила его тетка, Татьяна Александровна, поставил свою семью в те же условия¹⁵.

И дочь Толстого искренне благодарит отца за выбранное им для всей семьи направление:

При нашем деревенском воспитании мы не успели пресытиться искусственными удовольствиями, а научились любить и ценить жизнь в природе и привыкли находить развлечения в ней и в самих себе.

¹⁴ Колягина Т.Ю. Мир детства в «Воспоминаниях» Т.Л. Сухотиной-Толстой // Научный диалог. 2019. № 9. С. 201.

¹⁵ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 79.

Вряд ли какой-либо городской ребенок поймет то наслаждение, которое я испытывала, найдя после длинной холодной зимы в оттаявшем вокруг березы серном круге земли — первую душистую зеленую травку¹⁶.

Благодаря отцу, его таланту и идее поэтической созерцательности, так характерной для жизни в усадьбе, Татьяна начала рисовать, а потом совершенствовала свой талант. А.И. Шифман отмечает, что значительным успехам молодой художницы способствовала вся обстановка отцовского дома:

<...> первыми сюжетами ее рисунков, подсказанными отцом, были любимые яснополянские места — деревня, ее окрестности, леса, поля, река Воронка, — она рисовала их с упоением и любовью. Одновременно она, по предложению отца, создала ряд портретов яснополянских крестьян <...>¹⁷.

По Т.Л. Толстой, счастье их семьи было полным и значительным, пока они жили в Ясной Поляне, отлучаясь в гости или в организованную поездку в Самарское имение. В воспоминаниях дочери Толстого чувствуется значительная любовь к Ясной Поляне, ко всему тому, что составляло жизнь семьи в родных стенах. Т.Л. Толстая отмечает, как даже в окружении всех родных в Самарском имении ей было невыносимо скучно, тоскливо без Ясной Поляны. И вот в голове девочки складывается *план побега в свою усадьбу*:

Встать тихонько, рано утром, так, чтобы никто не услышал, — думала я, — и убежать прямо в Ясную¹⁸.

Примерно так же, очень ранним утром, только спустя почти сорок лет, уходил из Ясной Поляны ее отец. Однако прежде чем категорично воспринимать отъезд Толстого из Ясной Поляны, стоит

¹⁶ Там же.

¹⁷ Шифман А.И. Воспоминания дочери // Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 15.

¹⁸ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 133.

вспомнить, сколько раз за жизнь он сбегал из разных мест в свое имение, находя там убежище, защиту родных стен.

Удивительно, но не только идеи самого писателя были связаны с простой, трудовой, наполненной смыслом жизнью. Все в усадьбе Толстого, начиная от отдельных предметов, до убранства дома в целом, обстановки оказалось буквально пронизано этими ценными смыслами, часто упускаемыми людьми в погоне за преходящими удовольствиями. Многие друзья и знакомые писателя, близко знавшие его, говорили об особой притягательности личности Толстого. Так, Е.Л. Марков, работая в тульской гимназии, во время увлечения школой и педагогикой много общался с Толстым и хорошо знал состояние дел в Ясной Поляне. Уже в зрелом возрасте, вспоминая о своей молодости и общении с Толстым, Марков писал:

Мне посчастливилось вести знакомство с Львом Николаевичем в самый мужественный расцвет его колоссального таланта, видеть его в его ежедневном быту, и учителем, и пасечником, и охотником, и музыкантом, и семьянином, и художником¹⁹.

На первое место Марков всегда ставил гениальный талант Толстого, прославлял в нем «могучие художественные силы». Однако это не мешало педагогу и литератору высоко оценивать и иные стороны деятельности Толстого. Позднее Марков в своей статье напишет о Толстом как о человеке, способном зажигать внутренний пламень его духа:

От духовного соприкосновения с ним, от обмена с ним мыслей, от слушанья его одушевленных и образных рассказов, — точно влетали в меня, в самую глубину души моей, какие-то невидимые электрические искры, возбуждавшие электрический ток своего рода и во всем моем молодом тогда существе порождавшие во мне целые потоки мыслей, намерений, решений²⁰.

¹⁹ Марков Е.Л. Грехи и нужды нашей средней школы. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. С. 25.

²⁰ Там же. С. 26.

Эта характеристика, по мнению многих писателей и известных деятелей, общавшихся с Толстым, глубока и справедлива.

Однако не только сам Толстой, его воззрения, а именно его *усадебная жизнь*, наполненная смыслом, становилась примером. Так, Т.Л. Толстая повествует о «старушке Шмидт», то есть Марии Александровне Шмидт, работавшей классной дамой в Московском Николаевском училище и полностью изменившей жизнь после чтения публицистики Толстого и встреч с ним. Т.Л. Толстая подробно рассказывает весь путь М.А. Шмидт, которая прожила «много лет в одинокой усадьбе» и «с раннего утра бывала на работе»²¹.

Ясная Поляна как родовое гнездо Толстого, место его творчества и силы привлекала значительное количество людей. Еще в 1884 г., как отмечает дочь Толстого, не было дня, «чтобы человека три–четыре не пришли к нему»²². Сразу же отметим, что этот процесс не прекратился и после смерти Толстого: произведения писателя выражали его мысли и чувства, но не меньшее значение, чем наследие великого Толстого, приобрела и Ясная Поляна. Супруге и детям писателя, особенно его дочери Т.Л. Толстой удалось в самые сложные революционные и первые послереволюционные годы сохранить не только усадьбу, но и ту обстановку, которую так любил Толстой, атмосферу жизни и работы в Ясной Поляне (далее оберегаемую хранителями музея). В 1917–1918 гг. жизнь и порядок в усадьбе определенное время поддерживались трудами любивших Толстого женщин, в полной мере усвоивших «неторопливую, одинокую жизнь», которой их научил муж и отец.

Н.Г. Михновец отмечает, что «Татьяна Львовна находила духовную опору, продолжая заниматься и любимыми делами: работой над воспоминаниями и рисованием»²³. Дочь Толстого в непростые для нее и Ясной Поляны революционные времена была так же (как когда-то ее отец) деятельна и активна:

²¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 330.

²² Там же. С. 180.

²³ Михновец Н.Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2025. С. 664.

В начале нового года Татьяна Львовна должна была вести переговоры о судьбе запущенного яблоневого сада, решать многочисленные вопросы по находящемуся в упадке яснополянскому хозяйству. Кроме этого, пыталась заработать на жизнь: вязала платки, шарфы, детские башмачки. Продала корову и что-то из вещей, а в начале февраля и кое-что из своих изделий на тульском базаре²⁴.

В борьбе с тяжелыми условиями, взаимодействуя с советской властью, С.А. Толстая и Т.Л. Толстая обратились к обществу «Ясная Поляна» с «пожеланием взять на себя управление усадьбой и всем имением»²⁵. Н.Г. Михновец посвящает немало внимания описанию состояния усадьбы и чувствам, действиям Т.Л. Толстой, сначала не желавшей идти на компромисс с советской властью, однако признавшей, что без ссуды и вспомоществований от государства Ясную Поляну не сохранить. Между тем руководство страны понимало ценность усадьбы Толстого, оказавшего огромный вклад в приближение революции. В грамоте Наркомпроса на усадьбу Толстого говорилось: «<...> Ясная Поляна представляет “исключительную культурно-историческую ценность и является национальным достоянием”»²⁶.

Т.Л. Толстая, чрезвычайно привязанная к родителям, к отцу, много ему помогавшая и даже в некоторой степени ревностно отнositившаяся к общению отца с сестрами, их содействию писателю в работе, одна из всех трех дочерей в семье смогла родить ребенка — девочку Танечку, успевшую побывать в Ясной Поляне.

В начале статьи «О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода» Т.Л. Толстая справедливо заметила особенность, уникальность Ясной Поляны: «Моя жизнь прошла не в обычном доме. Наш дом был стеклянным, открытым для всех проходящих»²⁷. Отсутствие закрытого личного пространства было порою тяжело для членов семьи Толстых, однако именно такой порядок дел обусловил огромную популярность Ясной Поляны. Приез-

²⁴ Там же. С. 666.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 668.

²⁷ *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 369.

Илл. 14. Л.Н. Толстой с внучкой
Танечкой Сухотиной. 1907 г.
Фото С.А. Толстой.

Илл. 15. Л.Н. Толстой с внучкой
Танечкой Сухотиной. 1908 г..
Фото В.Г. Черткова.

Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

жавшие из разных уголков России и мира люди стремились посмотреть, как живет великий писатель, не просто увидеть его, но прикоснуться к усадебному быту, понять, как устроена жизнь в этом особенном месте. Потоки писателей, путешественников и исследователей, приезжавших в Ясную Поляну, были значительными в XX в., не оскудевают они и сейчас, поскольку многие хотят увидеть усадьбу, в которой хозяева сознательно отказывались от излишеств и роскоши, предпочитая развлечениям нравственную и физическую работу, в которой были созданы лучшие произведения русской классической литературы.

ГЛАВА 3

Усадебная жизнь в «Яснополянских записках» Д.П. Маковицкого

Большую ценность в представлении усадебной жизни и быта Толстого и его семьи имеют «Яснополянские записки» Душана Петровича Маковицкого (1866–1921) — личного врача писателя, жившего в Ясной Поляне с конца 1904 г. и неизменно бывшего рядом с Толстым вплоть до его кончины в 1910 г.

Как и воспоминания родственников Толстого, отчасти его секретарей (Н.Н. Гусева, В.Ф. Булгакова), записки Маковицкого позволяют взглянуть на усадебную жизнь изнутри: заметим, что даже секретари Толстого не пребывали настолько долго в Ясной Поляне и не были так много рядом с писателем, как Маковицкий. Его записки выгодно отличает возможность взгляда на семью Толстых со стороны и особая полнота:

О Толстом издано много воспоминаний, но большая часть из них писалась не непосредственно после встреч с Толстым, а значительно позднее. Записки Маковицкого, которые он вел изо дня в день, выгодно отличаются от дневниковых записей других современников из окружения Толстого исключительной, буквально стенографической полнотой¹.

¹ Колафа С. Материалы о Толстом в Чехословакии: пражский архив Д.П. Маковицкого // Литературное наследство. 1965. Т. 75, № 1. С. 602.

Как и Чертков, Гусев, Булгаков, Маковицкий был человеком, беззаветно преданным Толстому и его делу, дорогим для писателя:

Толстой не раз повторял Маковицкому, что нуждается не столько в его медицинской помощи, сколько в его дружбе. Так понимал свою роль возле Толстого и сам Маковицкий. Он и лечил Толстого и помогал ему всем, чем только мог².

В отличие от молодых секретарей Толстого и его лучших друзей, подобных Гольденвейзеру, Маковицкий был постарше (кроме того, наложили свой отпечаток на трудолюбивого врача и непростоя жизнь, и ежедневные тяготы). 29 апреля 1906 г. Толстой отметил:

Мы с Душаном Петровичем, чем старше становимся, тем лучше живется, тем больше сознаешь. Вы, Душан Петрович, не заметите, как год за годом пройдут и сразу почувствуете себя стариком. На моем веку русский народ из молодого стал старым³.

Слова писателя во многом оказались пророческими, но драматический кризис Маковицкий пережил уже после смерти писателя. Болезни подточили здоровье и силы врача, который после 1910 г. еще несколько лет жил в Ясной Поляне, женился на крестьянке М.К. Ореховой, ходившей за больным. А весной 1919 г. он заболел сыпным тифом, семнадцать месяцев был прикован к постели, перенес воспаление легких, воспаление почек, ишиас, экзему.

Несомненная ценность «Яснополянских записок» связана еще и с тем, что они восполняют значительный пробел, поскольку дневники и письма Толстого последних лет жизни не дают сколько-нибудь ясной картины усадебной жизни. В силу мировоззренческого перелома и возраста писатель в своих записях уже не уделял большого внимания внешним событиям и происшествиям,

² Колафа С. Д.П. Маковицкий: Биографический очерк // Литературное наследство. 1979. Т. 90, № 1. С. 42.

³ Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskije-zapiski/index.htm> (дата обращения: 16.01.2026).

а концентрировался исключительно на собственных ощущениях, связанных с болезнями и приближением смерти, на переживаниях и аспектах духовной жизни: «Был нездоров сердцем. Все проще и проще, естественнее и естественнее смерть <...>», — отмечает Толстой в дневнике от 3 апреля 1905 г. (т. 55, с. 131). Все значительнее звучит в дневнике писателя желание уединенных размышлений, обособления от людей, хотя внешне он был окружен не только родными, но и множеством посетителей, гостей. 28 декабря 1906 г. Толстой записывает:

Нездоровье прошло, но осталась сердечная слабость. Сильные перебои. И хорошо. Очень серьезно хорошо. Странно, только теперь, когда я накануне смерти, я начинаю жить настоящею жизнью: для себя, для Бога, независимо от людей (т. 55, с. 284).

Смерть дочери Марии только усилила это состояние.

С 1908 г. Маковицкий констатирует постепенное, но явное наступление для Толстого старости и определенного равнодушия к окружающему:

Л.Н. с осени заметно постарел, стал настоящим стариком. Безучастнее стал ко многому — например, к возвратившейся теперь Татьяне Львовне. У него теперь есть самостоятельная жизнь, особенная. Перестал многим интересоваться и стал многое забывать (12 апреля 1908 г.)⁴.

Однако нельзя сказать, что Толстой оказался изолированным от жизни, как раз наоборот: он принимал живейшее участие в обсуждении многих общественных и политических проблем. К примеру, Маковицкий отмечает, как 8 мая 1906 г. Толстой, гуляя с гостями и семьей, обсуждал наиболее животрепещущие темы, нашедшие далее реализацию в его публицистических статьях: «Главное лицо, с кем на этих прогулках разговаривал, был Бутурлин. Тема: современные общественные события, политическая борьба с прави-

⁴ Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskie-zapiski/index.htm> (дата обращения: 16.01.2026).

тельством»⁵. Во время непродолжительных выездов писателя из имения он оказывался объектом всестороннего внимания людей. Можно сказать, что к усадебной жизни в 1900-е гг. Толстой отчасти испытывал противоречивые чувства, однако они совмещались для него в единое целое. С одной стороны, для писателя всегда была чрезвычайно важна идея рода, преемственности. Маковицкий пишет, что в Толстом было сильно почитание предков — их портретов, посаженного ими леса, сада... (30 октября 1904 г.)⁶. Дорожил Толстой воспоминаниями о собственном детстве в усадьбе, не раз вместе с периодически приезжавшей сестрой М.Н. Толстой вспоминал особенности быта и внешнего вида имения: «Мария Николаевна показывала, где стояла оранжерея; на том месте оставились. Л.Н. нравился вид отсюда, и он хотел здесь построить беседку» (10 июля 1905 г.)⁷. Для оставшихся в живых брата и сестры Толстых, уже находившихся в преклонном возрасте, усадебная жизнь неизменно связывалась с семейными историями, традициями и родными людьми. «Жутко мне думать о Пирогове без брата», — сказал Толстой сестре (31 июля 1905 г.)⁸.

С другой стороны, в это время писатель все более категорично начинает относиться к собственности, отыскивает в своей жизни недопустимую роскошь, совестится перед крестьянами и слугами. «Говоря с Дориком о том, какая должна быть нравственная жизнь — без роскоши, без прислуги, не богатая, а бедная, подумал, что надо бы объяснить ему, почему я не так живу. А потом подумал: зачем?» — записывает Толстой в дневнике 2 марта 1906 г. (т. 55, с. 202). А внешние уличения в комфорте писатель переносил особенно болезненно: «Третьего дня получил письмо с упреками за мое богатство и лицемерие и угнетение крестьян, и, к стыду моему, мне больно. Нынче целый день грустно и стыдно» (т. 56, с. 132). Вместе с этими полюсными настроениями — идеей сохранения и отречения — в 1900-е гг. Толстой немало рассуждает о месте человека в большой жизни и его способности влиять на ее

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

течение. Маковицкий приводит эпизод, связанный с осмыслением писателем роли личности при рассуждении об усадьбной теме (Толстой с единомышленниками в это время был в Пирогово):

Владимир Григорьевич спрашивал об этой усадьбе. Л.Н. вспомнил, что он выбирал место для нее, гулял здесь, увидел ключ и посоветовал тут посадить деревья, сделать аллеи. <...> Л.Н. говорил, что, *когда стар становишься, видишь огромный круговорот внешней жизни и какую ты маленькую роль играешь в нем* (Курсив мой. — В.А.) (8 августа 1906 г.)⁹.

Как можно судить по мемуарам, записям самого Толстого, в Ясной Поляне достаточно спокойно относились к вещам, к планируемым перестройкам, все понимали, что новый этап жизни предполагал изменения. Так, Маковицкий повествует о перестройке бывшего кабинета Толстого:

Вчера и сегодня переносили шкапы из библиотеки снизу наверх, в комнату с большим окном к Чепыжу. Хотели этого Михаил Сергеевич и Андрей Львович, чтобы была свободная комната — спальня для гостей. Никто не протестовал против такого разрушения старого кабинета Л.Н., в котором он писал «Войну и мир» и даже «Анну Каренину», где оставались портреты на стенах и письменный стол. Этот стол унесен, сняты им самим повешенные фотографии дорогих ему людей, фотография сестры Марии Николаевны, брата Сергея Николаевича, Диккенса, Шопенгауэра, его самого с Тургеневым, Григоровичем, Островским, Панаевым, унесен бюст брата Николая. Спилена и оставлена только тонкая часть той перегородки на перегородке комнаты, на которой Л.Н. хотел повеситься, когда не находил смысла жизни и отчаивался в личной жизни (28 апреля 1905 г.)¹⁰.

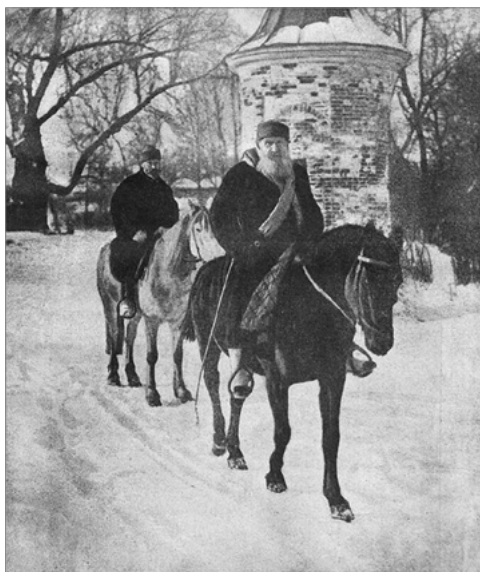
Маковицкий подчеркивает большую роль родного имени в неоднократных выздоровлениях писателя, он записал слова

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

М.Л. Толстой, которая вспоминала состояние отца в Крыму и констатировала, что Ясная Поляна вылечила его:

Здесь он чувствует себя очень хорошо. После Крыма посвежел здесь. Когда Лев Николаевич вернулся из Крыма в Ясную Поляну, сказал: «Я точно свою старую одежду надел» (31 октября 1904 г.)¹¹.

Илл. 16. Л.Н. Толстой и Д.П. Маковицкий у въездных ворот в Ясную Поляну. 31 января 1910 г. Фото А. И. Савельева. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

В диалоге с младшим Вогюэ 14 февраля 1905 г. Толстой назвал автомобили и путешествия лишь средством от скуки, отметил, что счастлив жизнью в деревне: «Я, слава богу, живу в деревне. В большом городе не стал бы жить»¹². Настоящая усадебная жизнь связывалась в представлении Толстого именно с *жизнью у земли, с хозяйством*. Оно необходимо было, по мнению писателя, отнюдь не для приобретения капитала и получения хорошего дохода за

¹¹ Там же.

¹² Там же.

счет эксплуатации крестьян, наемной рабочей силы, но для организации единственно правильной жизни человека. Маковицкий смог замечательно передать внимание Толстого к окружающей местности:

Л.Н. рассказывал, где он сегодня ездил по Засеке, около Провалов: «Там прекрасное озеро. Десятки тысяч десятин леса — нетронутые места. Сразу — чистое озеро, посреди — остров. Камыш. Местами земля проваливается, и появляются озерки» (19 июня 1905 г.)¹³.

Несмотря на тот факт, что владела и распоряжалась всей собственностью в это время уже С.А. Толстая, писатель постоянно оценивал состояние дел как в Ясной Поляне, так и в других имениях:

Хотя вы меня отговаривали, я все-таки поехал в Тулу и не очень устал. На ливенцовских полях косят второй клевер, хороший клевер. У него хорошо вспаханы поля. Лошади сытые. Все хозяйство хорошо ведется. Когда встречу приказчика, скажу ему комплимент (24 августа 1905 г.)¹⁴.

В беседах с родными и посетителями Толстой выходил к теме правильной жизни: в плане внешней организации она виделась писателю именно как усадебная, но в новом виде, когда хозяин оказывался не просто распорядителем, но первым тружеником. Толстой сам дорожил жизнью на земле и с радостью отмечал факты внимания окружающих к организации подобного бытия.

Совершенно ясно стало в последнее время, что род земледельческой жизни не есть один из различных родов жизни, а есть жизнь, как книга — библия, сама жизнь, единственная жизнь человеческая, при которой только возможно проявление всех высших человеческих свойств. Главная ошибка при устройстве человеческих обществ <...> — та, что люди хотят устроить общество без земле-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

дельческой жизни <...>, — отметил Толстой 2 апреля 1906 г. (т. 55, с. 212).

Отношение к земле и земельный вопрос всегда волновали Толстого, Маковицкий приводит множество отрывков из диалогов писателя, посвященных землевладельцам и решению земельного вопроса. Проблема правильного хозяйства реализована не только в публицистике Толстого, в его объяснении справедливости идей Генри Джорджа, но и в художественных произведениях. О.А. Богданова справедливо отметила, что

русская классическая культура строила себя на фундаменте сверхличного русского национально-религиозного «предания», с его полухристиански-полуязыческим культом земли, семьи, общины, с его многомерным мироощущением, несводимым к рациональным проекциям, с его живым чувством Божественного присутствия¹⁵.

В романе «Воскресение» Дмитрий Нехлюдов должен многое увидеть и испытать, чтобы в финале прийти к желанию новой жизненной формы — конечно, Толстому она мыслилась как усадебное бытие. Отмечая заблуждения помещиков, Толстой не считал идеальными и многие крестьянские хозяйства, он видел главную проблему — безземелье крестьян, но она сопровождалась и неготовностью многих мужиков к труду, к правильной обработке земли:

Русский народ не ведет интенсивного хозяйства, не обрабатывает вглубь землю, пока видит рядом со своей землей <огромные> пустующие земли Орловых-Давыдовых. Главные усилия его направлены на то, как бы получить эти земли. Он тогда начнет усерднее обрабатывать их, когда увидит, что прирезков не будет, что с этой земли, какая есть, должен существовать. Я знаю, как различно обрабатывают землю: в Новгородской губернии тщательно (снопы

¹⁵ Богданова О.А. «Усадебная культура» как основа русской классической литературы XIX века // Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 38. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1)

кладут на островья), на юге где-то снопы обивают над веретнем, прежде чем наложат на воз; в южной Франции выбирают колосья, из них средние зерна для посева; здесь — кое-как, а в Самарской молотят лошадьми так плохо, что бедные еще раз берутся молотить за 1/10 часть умолога (23 ноября 1905 г.)¹⁶.

Невзирая на болезни и недуги, Толстой постоянно находил в себе силы для общения с посетителями. И дневники писателя, и мемуары о нем полны замечаний об огромном количестве людей, пребывавших в Ясную Поляну. Между тем Толстой очень уставал от скопления людей, хотя всегда трудное для себя общение оценивал как урок, испытание: «Бездна народа, и я устал от них. Но рад тому, что как появление письма, так и это неприятное скопление вызывает не неудовольствие, а поощрение к внутренней работе: поступить наилучшим образом по отношению к тому, что неприятно», — отмечает писатель в дневнике от 1 января 1905 г. (т. 55, с. 113). Лаконичная запись следующего дня заставляет оценить тягу Толстого к спокойствию: «Здоровье лучше. Гости свалили. На душе радостно <...>» (т. 55, с. 114).

Маковицкий рассказывает об очень разных визитах к Толстому как отдельных людей, так и целых делегаций. К примеру, 2 августа 1909 г. после осмотра казенного питомника недалеко от имения Толстых в Ясную Поляну пришли участники съезда лесничих, желавшие видеть писателя, но разочаровавшие Толстого своей пафосной речью:

Л.Н. стало неловко от такого официального, непростого, ненатурального приветствия, сказал тихо: «Благодарю». Спросил, зачем сошлись и сколько их. И сейчас же, не побеседовав с ними ни одной минуты, простился <...>¹⁷.

Как-то после спора с отцом Л.Л. Толстой на прогулке сказал Маковицкому, «что он никогда не приезжал бы в Ясную, если бы

¹⁶ Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskie-zapiski/index.htm> (дата обращения: 16.01.2026).

¹⁷ Там же.

здесь не было матери и Ясной Поляны» (22 июня 1905 г.)¹⁸. Однако Ясная Поляна как усадебный центр была средоточием идейной и нравственной работы только благодаря Толстому. Примечательно записанное Маковицким высказывание С.А. Стахович, которую любили и уважали в Ясной: «Она сразу заявила, что приехала только на полтора дня, что она будет слушать в Ясной Поляне, а не рассказывать» (13 апреля 1906 г.)¹⁹.

Маковицкий отмечает, что посетители не смущали Толстых, что члены семьи и сам Толстой привыкли говорить при чужих даже о личном. Врач Толстого подчеркивает полное отсутствие искусственности и жеманности в Толстых, их приветливость (18 февраля 1905 г.)²⁰. В то время как Толстой часто отдыхал при отсутствии посетителей, С.А. Толстая, ценившая популярность мужа и его признание, даже начинала переживать, когда в усадьбе не было гостей. «Вчера Софья Андреевна говорила, что одиноко в Ясной, как никогда не было. Л.Н. потерял популярность, потому что не сочувствует ни правительству, ни революции» (18 апреля 1907 г.)²¹.

В усадьбе Толстого всегда жили сдержанно, руководствуясь первостепенной необходимостью, чуждаясь излишеств. А в последнее десятилетие жизни писатель и сам был чрезвычайно экономен, и родных призывал к бережливости. Не раз в семье вставал вопрос о необходимости четвертого блюда за обедом: Толстой ел к этому времени мало, а С.А. Толстая, конечно, по-хозяйски переживала о гостях.

Маковицкий отметил разговор Толстого с сыном А.Л. Толстым по поводу багажа — Толстой призывал сэкономить три рубля при сдаче багажа: «Три рубля — большие деньги» (29 января 1905 г.)²². Когда накануне Дня рождения Толстого А.Л. Толстая собиралась в Тулу, С.А. Толстая решила дать дочери поручение о приобретении шампанского к празднику. «На что шампанского, не надо, — возразил Толстой. — Лучше пять рублей старухе отдать». Быв-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

шие рядом две дочери единодушно поддерживали отца (25 августа 1905 г.)²³. Однако на фоне общей экономии и бережливости настоящая усадебная жизнь не мыслима без благородства: соображения выгоды, личной необходимости, пользы всегда уступали место в жизни Толстых и их близких заботе о живом, искреннему и чуткому отношению к окружающему. Маковицкий вспоминал:

Есть у Оболенских старая, беззубая кобыла, варят ей похлебку; кормление обходится в 100 р. в год, а пользы от нее — никакой. Такая же лошадь, доживающая свой век, есть у Толстых в Ясной (11 сентября 1905 г.)²⁴.

Писатель старался контролировать собственных детей, пытался направлять их на верный путь не стяжания, а умения обходиться малым. Когда на хуторе Т.Л. Толстой строили дом для П.А. Буланже, Толстой переживал, чтобы его не задумали слишком роскошным: «Л.Н. проявил негодование, что “девчонка” (т. е. Татьяна Львовна) может вздумать и заставить людей строить дворцы и что Павлу Александровичу они нужны». «Мне очень понятна досада Л.Н., — отмечает Маковицкий. — Ему, так упорно и последовательно мыслящему и ясно видящему, как люди должны и могут жить, всякие поблажки у близких людей непонятны и неприятны» (13 марта 1909 г.)²⁵.

«Яснополянские записки» Маковицкого — прекрасное свидетельство организации труда и отдыха, досуга в Ясной Поляне, которая стала своеобразным культурным центром, притягивавшим многих талантливых людей. Не будем подробно останавливаться на визитах писателей, художников и музыкантов к Толстому, отметим лишь несколько ярких замечаний Маковицкого. Жизнь в Ясной Поляне протекала достаточно размеренно, была организована с учетом распорядка Толстого, но при этом каждый из домочадцев находил себе занятие:

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Сегодня опять ясный, теплый день. Софья Андреевна ходит около дома, смотрит клумбы — она любительница цветов; те, которые кажутся ей сухими, посыпает снегом. Сергей Львович сочиняет романсы за фортепьяно. Юлия Ивановна рисует обезьян. Лев Львович ездил верхом (4 апреля 1906 г.)²⁶.

Все Толстые были очень музыкальны. Организацией домашних концертов в усадьбе занимался А.Б. Гольденвейзер, часто приезжавший к Толстому (то один, то захватывая других музыкантов):

С половины восьмого — концерт. Сперва соната Шуберта, потом три Вебера (третья — веселая, как славянско-венгерская), потом две Моцарта. Л.Н. хвалил: «Как хорошо!» и благодарил: «Какое удовольствие Вы нам делаете!» (25 марта 1905 г.)²⁷.

Маковицкий отмечает, что на Троицу устраивались песни и пляски.

Выше мы уже немало писали о чтении в Ясной Поляне, Маковицкий также отмечает, как много читали члены семьи Толстых, причем Толстой в это время часто игнорировал газеты. Особенно значимым было вечернее чтение вслух — читал или сам Толстой, или кто-либо из домашних. Как можно судить по следующим за чтением диалогам, их сопоставлению с текущей работой Толстого, писатель часто выбирал произведение или его отрывок с умыслом — узнать мнение родных, их впечатление (нередко он оставался и при своем убеждении, выслушивая разные оценки):

В три четверти девятого Л.Н. вышел из кабинета в залу и прочел вслух отрывок из «Братьев Карамазовых» — «Поединок». Читает он как великий художник. Место, где офицер дает пощечину денщику, читал сильным голосом; где офицер жалеет о том, что сделал, — рыдал и глотал слезы. Когда закончил, был очень растроган. Лицо в морщинах, усталый; сидел, погруженный в размышления,

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

молчал. Последовали замечания на прочитанное <...> (8 апреля 1905 г.)²⁸.

Достаточно размеренная жизнь в Ясной Поляне располагала к игре в шахматы: Толстой играл с зятем М.С. Сухотиным и А.Б. Гольденвейзером. Распорядок дня Толстого в последние годы жизни был организован несколько иначе, нежели ранее, когда писатель обладал еще запасом сил и здоровья. Если раньше Толстой работал вечерами, то в 1900-е гг. он уже не мог в поздние часы писать, больше читал или беседовал с домашними. Немалое количество времени уделялось изучению приходящих писем и ответам на них, Толстой даже жертвовал утренним чтением, чтобы успеть ответить корреспондентам (причем в этой работе ему помогали секретари).

Вплоть до 1908 г. писатель находил силы на занятия с крестьянскими детьми, а просьбы посетителей, которые Толстой считал уместными, он старался исполнять сам. Маковицкий пишет об услужливости Толстого:

Ему, часто усталому, приходится за ними ходить иногда по несколько раз на второй этаж. Каждого в каждой мелочи старается удовлетворить (4 сентября 1907 г.);

Л.Н. с 6.45 до половины 8-го учил 12 мальчиков. <...> После урока Л.Н. сам, как ни трудно это ему было, доставал книжки для чтения, свои рассказы, раздавал им. Сам откупоривал кефир (который четвертый день пьет) — не любит утруждать других. И энергия, воспитанная им в себе, видна из этого (23 февраля 1907 г.)²⁹.

Любовь и привязанность Толстого к земле, растениям, цветам проявлялась очень наглядно в его жизни. Приведем в пример лишь несколько наблюдений Маковицкого:

Сейчас, в 9.30 утра 14 июня, Л.Н. в кожане (каждый день дождь, ливни) собирает цветы в парке перед домом (14 июня 1909 г.);

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Несколько дней очень жарких, июльских. Косят и возят рожь. Л.Н. ездил с Александрой Львовной в лес верхом. Л.Н.: Я всегда чувствую, когда езжу по лесу, чувство самое христианское: желаю другим наслаждаться природой и жалею, что мы одни наслаждаемся этим: чаща, тишина (12 августа 1909 г.)³⁰.

Конечно, эта любовь к природе обуславливала многие описания и в художественных произведениях писателя. Толстой не находил-ся безвыездно в усадьбе: помимо поездок в Москву, ставших достаточно редкими, писатель бывал в Туле. Привычка к движению и необходимость общения с природой побуждала его совершать длительные прогулки верхом, пешие прогулки, во время которых писатель уезжал или уходил нередко очень далеко:

Л.Н. пожалел лошадей Делира и Кабардинца, велел их расковать и пустить в табун, а сам гуляет ежедневно пешком по два – два с половиной часа (от 2 или 2.30 до 4 или 5). До сих пор же один день ходил пешком, а другой — ездил верхом. Сегодня до того устал, что после прогулки пролежал до 7 часов (28 апреля 1906 г.)³¹.

Однако при наличии какого-либо дела Толстой откладывал прогулки: им всегда двигало в первую очередь стремление помочь людям.

Л.Н. много работал. Пополудни ездил один на санях на Лучшем в Ясенки на почту за заказным письмом с дубликатом накладной на пальто Гусева и с этим дубликатом на станцию Щекино за вещами (пальто) Гусева. Было ему холодно, и была небольшая метель, темно (в 5 часов), и Лучший сбивался с дороги. Л.Н. ездил один, чтобы не утруждать кучера, а я думаю, он охотнее погулял бы. Давно мне следовало эти вещи привезти (9 ноября 1907 г.)³².

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

Вспоминает Маковицкий также, к примеру, как они с Толстым были на заседании Московской судебной палаты в Туле, куда писатель отправился, чтобы защитить крестьян, «своим присутствием заставить судей добросовестнее вникнуть в дело, а не формально отнестись к нему» (16 января 1910 г.)³³.

Толстой всегда переживал и старался вмешаться в процесс в том случае, когда речь шла о нередко необоснованно строгом государственном наказании. Исследователи творчества писателя отмечают, что

верный своей антигосударственной позиции, Толстой продолжал столь же энергично обличать произвол и лицемерие, порой даже сознательно усиливал выпады, так, сделал вставку в статью «Христианство и смертная казнь» с надеждой вызвать против себя гонения и наконец-то пострадать, попасть не посетителем, собирающим материалы для произведения, а арестантом в тюрьму, быть судимым и ссыльным³⁴.

В связи с огромной известностью Толстого власти не решались заводить какие-либо дела в отношении него, зато помощникам и секретарям Толстого «доставалось», в частности, за запрещенную литературу.

Как Толстой был в определенной неприкосновенности для властей, так и Ясная Поляна находилась на особом положении среди всех других усадеб, особенно хорошо это было заметно в годы Первой русской революции. В.Ф. Асмус отметил, что «время, когда Маковицкий поселяется в яснополянской усадьбе и начинает вести свои беспримерные записи о днях и трудах великого писателя, было нелегким для России, для Ясной Поляны и для самого Толстого. Шла злосчастная русско-японская война, начиналась первая русская революция»³⁵. Толстой пытался не погружаться в политические новости и события, однако не мог

³³ Там же.

³⁴ Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 668.

³⁵ Асмус В.Ф. Толстой в дневнике Маковицкого: Эпоха. Мировоззрение. Быт // Литературное наследство. 1979. Т. 90, № 1. С. 11.

сторониться от жизни, прежде всего, он призывал каждого к игнорированию борьбы:

Вообще легкомыслие людей, творящих эту революцию, удивительно и отвратительно: ребячество без детской невинности. Я себе и всем говорю, что главное дело теперь каждого человека — смотреть за собой, строго относиться к каждому поступку, не участвовать в борьбе. А возможно это только человеку, относящемуся религиозно к своей жизни, — пишет Толстой в дневнике 23 октября 1905 г. (т. 55, с. 167–168).

Писатель с сожалением констатировал, что дворянство и крестьянство поменялись ролями, передав друг другу жестокость, жадность и противопоставленное им самоотвержение. Чувство ответственности за благополучие и спокойствие семьи, проживающей в усадьбе, в это время сложно совмещается в Толстом с наблюдением за жизненными контрастами, которые отражались и в его художественных произведениях. Маковицкий описывает, как «вечером за чаем Л.Н. читал вслух ответ лакею (“Опрокинутую телегу”) и “Ягоды”», писатель подчеркивал противопоставление крестьянской трудной, осмысленной жизни и праздной господской (13 июня 1905 г.)³⁶. Совесть Толстого болела не только за ситуацию в Ясной Поляне, но и за всех помещиков, не осознающих новых условий и необходимости построения иных взаимоотношений с работниками. И чем больше несправедливостей видел Толстой со стороны других помещиков, тем обиднее и тяжелее ему было слышать о притеснениях крестьян в собственной усадьбе. 3 июля 1908 г. Толстой записывает в тайном дневнике:

Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание. То Грумондские мужики в остроге, то стражники, то старик В. Суворов, который говорит: «Грешно, граф, ох грешно, графиня обидела» (т. 56, с. 172).

³⁶ Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskie-zapiski/index.htm> (дата обращения: 16.01.2026).

В ситуации угрозы нападения на Ясную Поляну Толстой, в отличие от членов его семьи, был достаточно спокоен. Между тем настроения его домочадцев были тревожными. Маковицкий рассказывает о том, как по пути в амбулаторию А.Л. Толстая сказала ему, указывая на березы:

На этих березах будут нас вешать. В Туле 12000 новобранцев, сколько фабричных; если будет революция, что они будут делать! Ужас! (10 января 1905 г.)³⁷.

В течение июня–июля 1905 г. С.А. Толстая не раз упоминала про многочисленные прокламации с угрозами:

На станции разбросали прокламации, что сожгут усадьбу Толстого и всех дачников (18 июня 1905 г.);

<...> на станции Засека были разбросаны листки, чтобы крестьяне свозили урожай себе, иначе Ясную Поляну сожгут, и что 29 июня подожгут усадьбу и дачу (21 июня 1905 г.)³⁸.

5 июля 1905 г. А.Л. Толстая сообщала, что по слухам мужики планируют угнать скот из усадьбы Телятинки (эту усадьбу А.Л. Толстая купила у соседки-помещицы А.Е. Звегинцевой, а потом ее перекупил В.Г. Чертков). Практически во всех случаях поджога имений местные крестьяне действовали не самостоятельно, а под предводительством городских зачинщиков.

Известия о происшествиях и погромах в различных усадьбах раздавались в Ясной Поляне достаточно часто. Приказчик Толстых, побывавший в Туле, сообщал, что там ходят слухи об укрытии в Ясной Поляне социалистов, поэтому мужики собираются бить и грабить усадьбу. А.Л. Толстой привез известия о том, что у Строганова перерезали жеребцов, а А.Л. Толстая съездила к соседке Звегинцевой, которая рассказала ей о волнениях в Тамбовской губернии (где у нее также были имения). Маковицкий описал

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

взволнованный рассказ А.Л. Толстой о действиях Звегинцевой, предпринимаемых для сохранения усадьбы (такое поведение было характерно для многих помещиков):

Продает всю скотину, отпустила садовника и дворню, кроме дворового старосты. Ему велела в случае надобности отдать землю крестьянам, лишь бы не трогали усадьбы. Капиталы перевела за границу, сама уезжает туда же (20 ноября 1905 г.)³⁹.

Страшные новости про недавнее сожжение их жилого дома в Пальне привезла С.А. Стахович. Как можно понять из ее рассказа, речь шла не только о больших материальных потерях, но и об утрате культурных ценностей: «Сгорело все; дом деревянный. Жаль, главное, картин Репина, картин, лошадей, гравюры <...>»⁴⁰. С.А. Стахович переживала о поджоге конного завода и о покушении на жизнь управляющего (3 июня 1907 г.).

5 сентября 1907 г. забастовали и яснополянские крестьяне: выпускали лошадей из усадебных конюшен. В такой обстановке С.А. Толстая решила действовать, телеграммой у губернатора просили стражников, и они были присланы в Ясную Поляну. В связи с возможными грабежами С.А. Толстая отвезла в музей серебро и ценности, А.Л. Толстой заказал внутренние ставни для дома. Писатель был недоволен появлением стражников, начавших контролировать крестьян, но Толстому легче было смириться.

В Ясной Поляне получили и несколько письменных телеграмм-угроз:

Сегодня получена телеграмма из Подольска: «Ждите гостя. Гончаров». Софья Андреевна, Татьяна Андреевна, Татьяна Львовна уверены, что это предостережение, что хотят сжечь — или убить кого-нибудь в Ясной (5 октября 1907 г.)⁴¹.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

М.С. Сухотин рассказывал, как в их уезде студент, сын помещика-адмирала, уговаривал крестьян «выкуривать» помещиков, и сразу всех. Но при сообщении неприятных и тревожных вестей М.С. Сухотин, обладавший прекрасным чувством юмора, про Ясную Поляну говорил отдельно, выделяя ее как особое, спокойное место, противопоставленное всему пространству столкновений:

Везде беспокойно, кроме Ясной: тут санатория. Мы решили в санатории мясной пищи не есть, не варить, кроме как для прислуги (20 августа 1905 г.)⁴².

Толстой внимательно следил за поступающими новостями, близкие удивлялись его спокойствию, а разгадка была проста: писатель в гораздо большей степени жил духовной жизнью, нежели внешними событиями, которые приобретали неимоверное значение для окружающих.

В конкретных ситуациях противостояния С.А. Толстой и мужиков Толстой нередко занимал сторону последних, осмысляя их крестьянскую психологию и возможные причины, побудившие их на воровство. Так, Маковицкий рассказывает, что Толстой и А.Л. Толстая старались с наименьшими сложностями для крестьян решить случай с вырубкой дубов. Дело дошло до суда, и крестьяне были приговорены к месячному заключению: В.Г. Чертков и А.Л. Толстая пытались откупить крестьян, предлагая им деньги непосредственно для С.А. Толстой, которая не понимала глубинные основы кражи дубов, а писатель, по всей видимости, усматривал ее в отношении мужиков к имуществу рукотворному и нерукотворному. Для понимания психологии мужиков уместно привести цитату из статьи об имущественных преступлениях в крестьянской среде:

Государственный закон однозначно запрещал воровство и сурово наказывал за него — от порки розгами до ссылки. В целом деревня была настроена отрицательно по отношению к нечистым на руку крестьянам. <...> В то же время при таком неодобрительном отношении к воровству любой селянин мог спокойно заскочить в

⁴² Там же.

Илл. 17. Л.Н. Толстой и Д.П. Маковицкий. 1909 г.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

ближайший лес и срубить без дозволения все, что ему было необходимо для своего хозяйства. Согласно своим правовым воззрениям общинники это противоречие объясняли просто: не является собственностью то, к чему не приложен труд. «Лесная порубка не является грехом», — писали корреспонденты из Одоевского уезда Тульской губернии⁴³.

⁴³ *Скрябин И.В.* Правовая культура российского крестьянства в конце XIX века (на примере материалов Тульской губернии) // *Правовая культура.* 2018. № 2 (33). С. 19–20.

Толстой говорил, что причиной борьбы внутри страны выступали злоба и зависть, призывал употреблять все силы на искоренение этих негативных явлений и верил, что наступивший кризис преодолим усилиями людей, духовно прозревающих и осознающих глубинные смыслы жизни и ценность веры. Между тем прав В.А. Фатеев, отметивший своеобразный парадокс, вызванный толстовской идеей непротivления, но на деле означавшей неповиновение:

<...> Толстой не желал заметить, что носители «зла» в его учении и в прокламациях революционеров были схожи. И чем отчетливее слышался гул приближающихся революционных битв, тем настойчивее он выступал с проповедью непротivления злу насилием. Толстой призывал «одуматься», «опомниться», имея в виду сторонников революционного насилия... Только парадокс заключался в том, что чем громче кричал Толстой о «непротivлении», тем сильнее звучали в его речах призывы к недовольству и неповиновению⁴⁴.

Кроме Ясной Поляны Толстой в 1900-е гг. бывал в гостях и проездом в других имениях. По приглашению Матвеевых ездил в усадьбу Очкасово, но, несмотря на простор и чистоту, Толстого оттолкнул винокуренный завод и главное, что сразу же настроило писателя негативно, — отличия в жизни господ и мужиков: «Л.Н. заметил, что здесь (в этом крае) “царство господское” и особенное нищенство крестьян» (31 августа 1910 г.)⁴⁵.

Очень хорошо писатель чувствовал себя в имении Кочеты, принадлежавшем Сухотиным. Т.Л. Толстая, зная мысли и настроения отца, часто соболезновала тому, что она является хозяйкой роскошного старинного имения, в то время как вокруг столько бедных людей. В Кочетах Толстой, как отмечает Маковицкий, мог отдохнуть и от пристального внимания супруги, и от постоянных посетителей:

⁴⁴ Фатеев В.А. Лев Толстой и революция: «религиозная» философия с нигилистической подкладкой // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 339–340.

⁴⁵ Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskije-zapiski/index.htm> (дата обращения: 16.01.2026).

Л. Н-чу очень хорошо здесь живется. Хвалил, как ему хорошо работается. Утром прогулки по дорожкам к целебной воде, к дубам (тройному и одиноким — огромным), где ни души не встречается. <...> Л.Н. ежедневно беседует, посещая мужиков или на их работах в имении, или же разъезжая по их деревням (30 июня 1909 г.)⁴⁶.

Таким образом, «Яснополянские записки» Маковицкого можно считать одним из важнейших источников информации об усадебной жизни Ясной Поляны в 1904–1910 гг. Благодаря сопоставлению внешних фактов и событий, отношения к ним самого писателя и его близких людей, а также сопоставлению их с нравственными оценками, которые даны в дневниках Толстого, мы попытались показать сложные и подчас противоречивые взгляды писателя на усадебный быт, понимание им необходимости эволюции усадебных форм жизни в условиях нового времени.

⁴⁶ Там же.

ГЛАВА 4

Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909–1910 гг. (мемуаристка В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева, А.Б. Тольденвейзера)

Популярность Л.Н. Толстого к финалу его жизни была чрезвычайно высока: казалось, что нет в России человека, который бы не знал гениального современника. Но кроме большого количества сторонников и почитателей, у писателя были и недоброжелатели, не разделявшие его убеждений. Родные и помощники Толстого отмечали, что любые его перемещения, связанные с появлением на людях, сопровождались вниманием и любопытством окружающих, порою не готовых к осознанию величины человека, при своей известности ездившего в вагонах третьего класса, часто отказывавшегося даже от минимальных удобств, готового встать на колени перед мужиками, чтобы показать им равенство всех людей¹.

Возраст, определенный распорядок жизни, обилие посетителей и корреспондентов, сложности переездов и любовь к родной Ясной Поляне способствовали тому, что последние несколько лет Толстой прожил в своей усадьбе почти безвыездно, покидая ее лишь ради небольших поездок с родными и друзьями, и то непродолжительных. Усадебная жизнь писателя 1909–1910 гг. значительно отличается от того времени, которое проводил в Ясной Поляне молодой Толстой. В данной главе мы постараемся обозначить некоторые ключевые элементы усадебной жизни писателя послед-

¹ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 361–362.

них двух лет на основании анализа мемуарных записей двух его секретарей — Николая Николаевича Гусева (1882–1967) и Валентина Федоровича Булгакова (1886–1966), а также воспоминаний друга Толстого, талантливого музыканта Александра Борисовича Гольденвейзера (1875–1961).

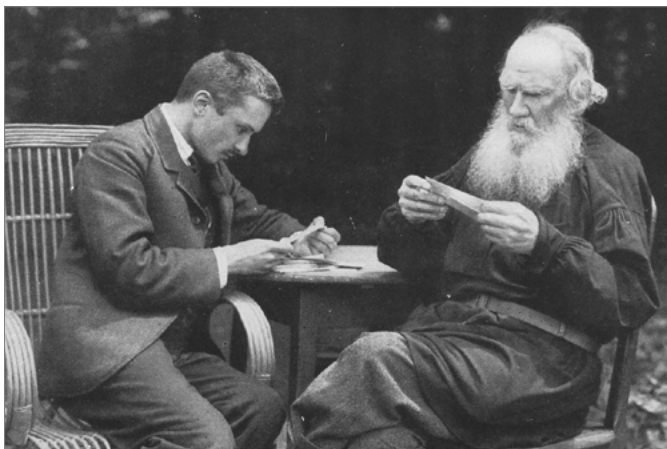
В 1909–1910 гг. Толстой находился в преклонном возрасте — писатель уже отметил 80-летний юбилей. Но, несмотря на слабеющее здоровье, он до последних дней был активен и духовно бодр, а финальные два года, отягченные семейными ссорами и конфликтами, продолжающейся работой писателя над собой, показывают нравственную высоту Толстого, с уважением и трепетом относившегося не только к родным людям, но и ко всем посетителям, к просителям. И.Б. Мардов отмечает, что к финалу земного пути Толстой обрел видение широты вселенской духовной жизни. Однако это произошло для писателя не ценою отказа от прежних взятых рубежей, а благодаря продолжающейся внутренней работе:

<...> переходя из одного пространства духовной жизни в другое, Толстой нигде и никогда не ломался. <...> С 40 лет в его душе было место и для общедуховной, и для всечеловеческой, и для личной духовной, и для вселенской духовной жизни².

Мемуары В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева и А.Б. Гольденвейзера в большей степени повествуют о позднем Толстом и его усадебной жизни. В книге «Два года с Л.Н. Толстым» Гусев рассказывает о собственном пребывании в Ясной Поляне с 1907 г. по 1909 г., в книге Булгакова «Л.Н. Толстой в последний год его жизни» повествуется о событиях 1910 г., в воспоминаниях Гольденвейзера также уделяется наибольшее внимание жизни Толстого в Ясной Поляне в 1909–1910 гг.

Очень важно, что все три названные выше автора уважали и любили Толстого, были вхожи в его семью, считались фактически родными, много значили для самого писателя, ценившего своих молодых друзей за искренность, честность и прямоту, а также

² Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 29.

Илл. 18. Л.Н. Толстой и В.Ф. Булгаков. 1910 г.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

за неоценимую помощь в работе. Выбор мемуаров указанных авторов обоснован не просто их отличным пониманием Толстого, но особым вниманием к писателю на протяжении последних лет его жизни. Кроме того, Гусев и Булгаков, которые сменили один другого, стали настоящими секретарями Толстого, не эпизодически и по мере необходимости помогая писателю, а занимаясь конкретно теми поручениями, на которые указывал и которые доверял им Толстой.

Мемуарная литература о Толстом и его жизни часто цитируется, но А.С. Александров справедливо отметил, что

всевозможные воспоминания рассматривались исследователями и публикаторами преимущественно с историко-литературной точки зрения: они служили источниками биографических сведений о Толстом, о повседневной жизни Ясной Поляны. Переиздание таких текстов часто сопровождалось значительными купюрами так называемых «общих мест»: описаний усадьбы, рассказов о поездке в поместье семьи Толстых, некоторых вводных сведений и прочего³.

³ Александров А.С. Мемуары о Л.Н. Толстом в информационном пространстве начала XX века // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 24.

Между тем нередко «выбрасываемые» «общие места» значимы для понимания не просто быта в Ясной Поляне, но общей атмосферы и ее изменений под влиянием Толстого.

В письмах и дневниках Толстого 1909–1910 гг. не раз появляются теплые отзывы писателя о Гусеве, Булгакове и Гольденвейзере, встречи с которыми (и ежедневные рабочие, и более редкие) всегда радовали Толстого. Если в течение некоторого времени Толстой не видел молодых друзей, он начинал их часто вспоминать: в финале ряда его писем к Гусеву, Булгакову и Гольденвейзеру звучит неизменное желание грядущей встречи.

По Гусеву Толстой действительно скучал со времени его высылки в августе 1909 г. 14 января 1910 г. Толстой писал Гусеву:

У нас всё по-старому. Все Вас помнят и любят. <...> Прощайте, милый друг. Может, и телесно еще увидимся в этой жизни (т. 81, с. 44).

В сентябре 1910 г. Толстой гостил в имении Кочеты, принадлежавшем его зятю М.С. Сухотину. 20 и 21 сентября 1910 г. Толстой пишет одно за другим два письма — к Булгакову и Гольденвейзеру. В письме к Булгакову от 20 сентября благодарит своего корреспондента за присланный рассказ и статью, отмечая:

Может быть, увижусь с Вами прежде, чем Вы получите это письмо. Думаю выехать и приехать 22-го. Привет всем друзьям (т. 82, с. 162).

Следующее письмо Толстого от 21 сентября адресовано Гольденвейзеру, оно похоже на предыдущее послание Булгакову. Вновь Толстой начинает с упоминания о литературном материале, а потом говорит и о желаемой встрече:

Я нашел у себя книжечку Клименко о Чайковском. Откуда она у меня? Не знаете ли Вы? Она мне была интересна. Завтра едем. Не хочу говорить иначе, как до свидания (т. 82, с. 163).

Для Толстого, тем более в поздний период творчества, не было свойственно яркое и многословное выражение эмоций. Но отно-

шение писателя к его молодым друзьям можно понять не только по поступкам, по доверию, но и по немногочисленным кратким репликам и упоминаниям. Приведем лишь несколько показательных примеров. 10 марта 1908 г. Толстой записывает в дневнике, что за последнее время работает над новым изданием «Круга чтения», а «Гусев так хорошо, любовно помогает» (т. 56, с. 110).

В письме к Черткову от 24 декабря 1909 г. Толстой назвал Булгакова «человеком очень и умным и искренно убежденным» (т. 89, с. 163). Кроме того, лучшая похвала «молодому другу Булгакову» выражалась в полном согласии Толстого с тем, как он высказывал мысли писателя. Обратим внимание на некоторые замечания и пояснения Толстого на письмах, подготовленных Булгаковым: 27 марта 1910 г. (М.П. Кочконогову) «Совершенно согласен с высказанными Булгаковым взглядами» (т. 81, с. 191); 16 апреля 1910 г. (П. Фролову) «В. Булгаков совершенно выразил и мою мысль» (т. 81, с. 232); 27 сентября 1910 г. (В.А. Воронову) «Сейчас перечел письмо это к Вам Булгакова и от всей души подтверждаю то, что в нем сказано» (т. 82, с. 171); 24 октября 1910 г. (А.И. Редрову) «Булгаков так хорошо передал Вам то самое, что я мог и желал бы сказать Вам, что мне остается только прибавить, повторить то, что мне радостно было получить Ваше письмо <...>» (т. 82, с. 205–206).

Все три мемуариста, упоминаемые в данной статье, были одаренными людьми. Гольденвейзер был широко известен как пианист и композитор, педагог, преподававший в нескольких институтах и консерватории. Во многом именно благодаря Гольденвейзеру в усадьбе Толстых часто устраивались музыкальные вечера: играл он виртуозно. Кроме того, композитор поддерживал Толстого, следовал его взглядам. Не случайно сам писатель в послании к Гольденвейзеру от 7–8 января 1910 г. отмечал: «Меня связывает с Вами более важное, чем музыка» (т. 81, с. 24).

Молодые помощники и друзья очень любили Толстого и всегда были на его стороне, обижались за него, за его вынужденную несвободу в собственном доме и угождения супруге. К 1910 г. обстановка в Ясной Поляне очень обострилась из-за неуравновешенного поведения С.А. Толстой. Были моменты, когда Толстой прилагал все усилия для того, чтобы сдержаться и спокойно пережить скандалы и провокации жены. На два лагеря периодически делилась и семья

Толстых, а сам писатель оказывался заложником этой ситуации. Булгаков отметил, что усадьба «превратилась в какую-то крепость, с таинственными свиданиями, переговорами и пр.»⁴. В такой ситуации, когда и секретарь писателя рассматривался как фигура в определенной коалиции, Толстой, как можно судить по воспоминаниям Гольденвейзера, был очень благодарен композитору, приезжавшему в определенные периоды почти каждый вечер⁵.

Илл. 19. Зал в яснополянском доме.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Гольденвейзер вспоминает, что Толстой часто просил его сыграть что-нибудь и нередко рассуждал о своей тесной привязанности к музыке. Кроме того, прекрасно пел и Булгаков. До поступления в университет и работы у Толстого он сотрудничал с несколькими газетами, писал научные и научно-публицистические статьи. Периодически во время вечерних разговоров в Ясной Поляне Толстой спрашивал, почему Булгаков не поет. По воспоминаниям самого Булгакова, Толстой хвалил его за мастерское исполнение и четкость произношения:

⁴ *Булгаков В.Ф.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худож. лит., 1960. С. 285.

⁵ *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. С. 521.

Я встал и спел «Лихорадушку» Даргомыжского, по просьбе Чертовых, которым я пел эту песню вчера и еще раньше. <...> Потом спел еще народную песню «Последний нынешний денечек»⁶.

Усадебная жизнь в Ясной Поляне, ее содержание, ритм определялись именно Толстым, причем происходило это негласно. Ясная Поляна без Толстого не была бы той уникальной усадьбой, в которой все подчинялось слаженной духовной работе, мысли о необходимом преображении. Гусев, вернувшийся в усадьбу во время отсутствия Толстого, очень хорошо почувствовал, что атмосфера жизни в имении определяется «хозяином», отказавшимся от собственности на дом и землю. Для описания состояния Гусев приводит цитату С.Д. Николаева:

Я уехал из Кочетов неделю раньше Льва Николаевича. Софья Андреевна — несколькими днями раньше меня. В Ясной Поляне без Льва Николаевича было пусто и скучно. «В Ясной не ясно», — сказал С.Д. Николаев⁷.

Писатель к 80 годам уже давно отказался от гонораров за свои произведения, старался в минимальной степени использовать труд других людей. Жизнь в относительной роскоши, которую наблюдал вокруг себя Толстой, сравнивая свой усадебный быт с крестьянским, его тяготила. «Я живу дурно, в богатстве, хотя сам ничего не имею, но с теми, кто живут в богатстве», — отмечает он в письме к А.П. Новикову, крестьянину с. Боровкова Тульской губернии от 8 января 1910 г. (т. 81, с. 28).

Примечательна запись в дневнике Толстого от 22 сентября 1910 г.:

Опять мало спал и возбужден. Не одеваясь, очень хорошо поправил Грота. Записать пустяки: «Нигде, как в деревне, в помещичьей

⁶ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худож. лит., 1960. С. 264.

⁷ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 270.

усадеб не видна так ясно вся греховность жизни богатых» (т. 58, с. 105–106).

Можно с уверенностью сказать, что Толстой не только болел и страдал за народ, но и стыдился за роскошь высшего света, ощущая вину помещиков и особенно сильно переживая ее. Ясная Поляна именно *жила* с Толстым, придававшим глубинный смысл каждому движению усадебной жизни. Гольденвейзер, ссылаясь на Гусева, отмечает тишину и мертвенность в Ясной Поляне без Толстого⁸. Он пишет, что отнюдь не стены и обстановка имения Толстых привлекала посетителей:

Толстые в каком-то странном настроении. Льва Николаевича не было дома больше трех недель, и они все ясно почувствовали, что притягательная сила их дома только в нем и в нем одном... Между прочим, Денисенки, которых ждут в Ясной, написали Софье Андреевне, что не придут, пока не вернется Лев Николаевич. Софья Андреевна, конечно, возмущена <...>⁹.

Всех трех знакомых Толстого, оставивших о нем мемуары, особенно притягивала Ясная Поляна. В судьбе Гусева символичным оказалось то, что он переехал жить в Ясную Поляну только после ареста и последующего освобождения, а уехал из усадьбы уже под надзором полиции, в новое заключение. «По освобождении, я поселился уже не в Телятинках, а в самой Ясной Поляне, где и прожил до нового ареста», — отмечает Гусев¹⁰.

Первоначальное и вынужденное размещение секретарей Толстого в Телятинках, а не в Ясной Поляне было вызвано отнюдь не недоверием и испытательным сроком для помощников писателя, а особой ревностью младшей дочери Толстого — Александры Львовны Толстой. Именно она в 1904 г. купила землю у помещицы А.Е. Звегинцевой и построила в Телятинках дом, а В.Г. Чертков позже перекупил

⁸ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. С. 231.

⁹ Там же. С. 232.

¹⁰ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 68.

часть земли у А.Л. Толстой. Булгаков приезжал в Ясную Поляну из Телятинков ежедневно, а оставался в доме Толстых при необходимости. Гольденвейзер периодически гостил в Ясной Поляне.

Интересны в рассматриваемом контексте и упоминания мемуаристами друг друга: так как Гусев и Булгаков не пересекались, речь идет, прежде всего, о рассказах Гольденвейзера о Гусеве и Булгакове, их пребывании в Ясной Поляне, и, наоборот, словах Гусева и Булгакова о Гольденвейзере. К примеру, последний отмечает, что во время отъезда А.Л. Толстой из Ясной Поляны в усадьбу переселялся на время Булгаков:

Приехав в Ясную, я застал внизу Душана Петровича и Булгакова, опять живущего в Ясной, по случаю отъезда Александры Львовны. Он смеясь, сказал мне, что его переселение в Ясную всегда служит признаком того, что что-то случилось¹¹.

Гольденвейзер был в доме Толстого и 4 августа 1909 г., когда за Гусевым приехали представители местной полиции для его ареста и отправки в ссылку. Услышав от Гусева, что его ссылают в Пермскую губернию, в Чердынский уезд, он назвал эти места «самыми гнилыми»¹². Гольденвейзер рассказывает, что высылка Гусева очень взволновала всех, в том числе Толстого, а сам высылаемый не смог даже толком собраться, попрощаться с друзьями и передать дела:

<...> еле дали ему уложить кое-какие вещи и сдать все бумаги и текущую работу Льва Николаевича, бывшую у него, как у помощника Льва Николаевича, на руках, и увезли¹³.

Подчеркивает Гольденвейзер гнев Марии Николаевны, сестры Толстого, в это время уже монахини Шамординского монастыря. Сам писатель, по всей видимости, лучше сдерживал возмущение, вызванное абсурдным арестом и тяжелой вестью о ссылке по-

¹¹ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. С. 575.

¹² Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 285.

¹³ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. С. 240.

мощника и друга. А вот в Марии Николаевне, как считает Гольденвейзер, проснулась «барская гордость»¹⁴. Примечательно это негодование Марии Николаевны, сила и степень его была связана, конечно, и с вторжением в яснополянский дом, в мирное течение усадьбы жизни, в семью.

Толстой кратко, но образно написал в дневнике об аресте и увозе Гусева, назвав представителей власти разбойниками: «Вчера вечером приехали разбойники за Гусевым и увезли его» (т. 57, с. 111). Кроме того, Толстой емко отметил и общее настроение в доме: «Очень хорошие были проводы: отношение всех к нему и его к нам» (т. 57, с. 111). Толстой обращался к губернатору Д.Д. Кобеко, но Гусеву лишь несколько облегчили переезд до места ссылки. На следующий день после происшествия писатель составил «Заявление об аресте Н.Н. Гусева», которое содержит описание отъезда секретаря и расставания его с Ясной Поляной и ее обитателями:

Надо было видеть, как провожали Гусева и все наши домашние, и все случайно собравшиеся в этот вечер в нашем доме знакомые, знавшие Гусева. Одно у всех от старых до малых, до детей и прислуги, было одно чувство уважения и любви к этому человеку и более или менее сдерживаемое чувство негодования против виновников того, что совершалось над ним (т. 38, с. 127).

Воспоминания Гусева, Булгакова и Гольденвейзера ценны во многом тем, что молодые друзья Толстого непредвзято смотрели и на Толстого, и на усадьбу. Утренние часы писателя лучше всего представлены в его дневниках, но все мемуаристы отмечают умеренность Толстого в еде: завтрак его чаще всего состоял из овсяной каши, в которую Толстой разбивал яйцо.

Позавтракав и поговорив с посетителями, Лев Николаевич отправлялся пешком или верхом на прогулку. Беспокоясь о его здоровье, Софья Андреевна часто спрашивала его, куда он поедет¹⁵.

¹⁴ Там же. С. 240.

¹⁵ *Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 362.

Ясная Поляна как усадьба никогда не ограничивалась для Толстого только домом: писатель всегда много ездил верхом, совершал длительные пешие прогулки, во время которых, как вспоминает Булгаков, Толстой проявлял удивительную смелость, переезжая через овраги и лощины, пробираясь через кусты и ветви деревьев. Прогулки для Толстого были необходимостью, временем размышления над текущей работой (если с Толстым ехал кто-то из секретарей или друзей, то сопровождающий держался на несколько десятков шагов позади, чтобы не мешать писателю). Булгаков вспоминает, как он однажды потерял на прогулке Толстого:

Был в Ясной и ездил с Львом Николаевичем верхом, причем на одном из поворотов в лесу потерял его и вернулись домой мы отдельно. Он вышел, смеясь, к обеду, зная, что я сконфужен. Расспрашивал, где я потерял его, и не успокоился до тех пор, пока ясно этого не понял¹⁶.

В связи с достаточно преклонным возрастом Толстой вечерами уже не работал так напряженно, как днем. Он или читал у себя в кабинете, или участвовал в общих разговорах в столовой, если был кто-то из приезжих. Из воспоминаний мы узнаем, что Толстой часто опаздывал к обеду, который начинался в 18 часов, так как обычно к этому времени возвращался с прогулки, а потом отдыхал или читал.

Утренние разговоры, как можно судить по воспоминаниям Гусева и Булгакова, были более краткими, а вот вечером часто обсуждали новости и спорили, много читали вслух. Разговоры с домашними и гостями, чтение вслух произведений и отрывков помогали писателю увидеть реакцию окружающих, понять общее мнение.

Все три автора воспоминаний о Толстом, как и многие другие люди, близкие к писателю, обращаются к мотиву чтения. Вечерами в усадьбе читали новинки литературы, а также говорили о литературе и искусстве, об истории и географии, общественных проблемах. К примеру, Гусев вспоминает, как сам Толстой читал

¹⁶ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худож. лит., 1960. С. 256.

«Пески» Серафимовича¹⁷, показавшиеся ему примечательными выдержки из английского журнала¹⁸. Толстой нередко просил своих помощников прочесть одно из полученных и чем-то интересных писем. Часто вечерами кто-то из домашних или гостей читал стихи или прозу. Особенное внимание уделялось «Кругу чтения», над которым тогда работал Толстой. Если не было чтения вслух, то домашние и гости «разбредались на несколько кучек», причем в каждой велся свой разговор¹⁹. Гольденвейзер вспоминает, что часто разговоры после вечернего чая затягивались:

Вечером, когда я приехал в Ясную, все сидели еще за обеденным столом и разговаривали. Были Николаев и Ге. Л.Н. стал играть со мной в шахматы. Софья Андреевна и Николаев остались за обеденным столом. Они говорили о революционерах²⁰.

Булгаков рассказывает о том, что всеобщее внимание уделялось словам и фразам Толстого, и стоило ему сделать на чем-то акцент, как все мгновенно стягивались в кружок:

После обеда Лев Николаевич играл с Ернефельтом-отцом в шахматы. Оба обыграли друг друга по разу. По окончании игры завязался разговор, тут же за шахматным столиком. Постепенно все собрались в кружок около них: Татьяна Львовна, Ольга Константиновна, Душан Петрович, дети Ернефельта, я, Дима Чертков²¹.

Особенными разговоры с Толстым во время вечернего чая становятся в те дни, когда уезжала С.А. Толстая, — все домочадцы чувствовали, что с отъездом Софьи Андреевны общение становилось искреннее, непосредственнее: в последние два года жизни Толстой привык ждать от супруги достаточно резких выпадов. Гу-

¹⁷ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 107.

¹⁸ Там же. С. 108.

¹⁹ Там же. С. 132.

²⁰ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. С. 525.

²¹ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худож. лит., 1960. С. 137.

сев прекрасно уловил тот факт, что отъезд С.А. Толстой словно бы стирал условные границы: Толстой переставал быть только отцом семейства, становился отцом-учителем для молодежи:

От десяти до одиннадцати шел общий разговор. И было в этом нашем, молодых людей, разговоре со старым мудрецом что-то трогательное, напоминающее отношение детей к отцу²².

Усадебная жизнь для Толстого предполагала близость к природе, единение с нею. Большинство посетителей Ясной Поляны отмечали необычайную живописность имения, но сам Толстой был лучшим наблюдателем окружающей живой жизни. Булгаков вспоминает, как однажды утром Толстой вернулся с расцветшей вербой в руках и в петличке пальто²³, как в яблоневом саду рассказывал об отличиях листовой почки от цветочной²⁴, как Толстой любовался на звезды:

Уже поздно вечером Лев Николаевич пошел к себе. Потом вернулся и позвал всех на балкон — посмотреть на теплую, звездную ночь. Темные деревья, уже в листве, благоухание и — звезды, звезды <...>²⁵.

Несмотря на тот факт, что Толстой был всецело на стороне крестьян, что на рубеже веков стал поистине адвокатом сто-миллионного земледельческого русского народа, многие мужики, работавшие на земле Толстых, не считали, что их помещик чем-то отличается от прочих. Гусев отмечает, что в одну из поездок-прогулок Толстого пьяные мужики обругали его, причем кроме матерных слов в адрес Толстого звучали и обидные пожелания: «Ваше сиятельство! Дай Бог тебе поскорей околеть!»²⁶

²² Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 100.

²³ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худож. лит., 1960. С. 159.

²⁴ Там же. С. 171.

²⁵ Там же. С. 177.

²⁶ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. С. 56.

По словам Гусева, Толстой почти не обратил внимания за эту ругань.

Писатель редко упускал случай общения с народом, отмечал в дневнике многие свои встречи с мужиками. Как правило, в беседах с крестьянами в последние два года жизни в Ясной Поляне Толстой ни на толику не проявлял психологии хозяина и собственника:

<...> поехал с тремя Танями в лес. Пошел оттуда и набрел на косцов — вся деревня. Говорил о многом с ними, о земле, о солдатчине, о том, что сами себя порабощают, — отмечает писатель 22 июня 1909 г. (т. 57, с. 88).

В случаях нарушений крестьянами порядка, их посягательств на имущество Толстой нередко занимал сторону народа. Обратим внимание на запись писателя в дневнике от 17 июля 1908 г.:

Сейчас застал Соню в гневе за порубленный лес. И зачем, зачем она мучает себя? Так жалко ее, а помочь нельзя. Все сильнее и сильнее стыжусь своего положения и всего безумия мира (т. 56, с. 134).

Остро относился писатель к обвинениям в свой адрес, связанным с роскошной жизнью, использованием своего положения.

Я действительно отказался уже более двадцати лет и от земли, и от денег за сочинения, и, несмотря на это, никто этому не верит, а все считают меня миллионером, — сказал как-то Толстой Гусеву²⁷.

Г.В. Токарев, рассуждая о жизни Толстого в последний год, отмечает:

Толстой болезненно переживает личное материальное благосостояние. Причиной этого является переживание писателем социальной несправедливости. Себя Толстой относит к классу, который,

²⁷ Там же. С. 187.

не имея морального права, живет за счет других, присваивает себе результаты чужого труда²⁸.

Оставаясь центром усадебного мира, который был создан не только его физическим, но и неустанным литературным и духовным трудом, Толстой нередко ощущал себя живущим как бы в гостях. Этому способствовали, конечно, домашние разногласия. Мемуары о жизни в Ясной Поляне замечательно передают желание Толстого изменить порядок усадебной жизни, а вместе с тем и неспособность писателя это сделать. Очень осуждал Толстой лишнее блюдо за обедом и за ужином, которое С.А. Толстая непременно заказывала как рачительная и заботливая хозяйка, удручал писателя факт прислуживания за столом:

Я думаю, через пятьдесят лет люди будут говорить: представьте, они могли спокойно сидеть и есть, а взрослые люди ходили, прислуживали им, подавали и готовили кушанье!..²⁹

В отличие от многих потомственных дворян, привыкших к роскоши, Толстой отличался нетребовательностью. Даже в пожилом возрасте писатель старался не беспокоить слуг. Комфорт для Толстого был связан с привычной для него рабочей атмосферой, но отнюдь не с эгоистическими желаниями. Булгаков пишет, что по приезду к Чертковым Толстой попросил переставить мебель удобным для него образом, сам помогал с перемещением. Еще примечательнее случай с разлитыми чернилами: Булгаков рассказывает, как, гостя у Чертковых, Толстой пролил чернила и сам стирал их мокрой бумагой со стола: «Позвал меня помочь, потому что нужно было с силой тереть, и мы терли до тех пор, пока клеенка не стала совсем чистой»³⁰.

²⁸ Токарев Г.В. Коммуникативные особенности дневника последнего года жизни Л.Н. Толстого // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. Красноярск; Лесосибирск: Сибирский федеральный ун-т, 2019. Вып. 10 (19). С. 81.

²⁹ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худож. лит., 1960. С. 247.

³⁰ Там же. С. 258.

Несмотря на ухудшающееся здоровье, на недуги и болезни, которые периодически заставляли Толстого соблюдать постельный режим, в Ясной Поляне шла неустанная работа по приему посетителей, ответам на поток писем. Как правило, в усадьбе постоянно гостил кто-то из образованных людей — писатели, общественные деятели, знакомые семьи Толстых. Вот как Булгаков вспоминает свой приезд в Ясную Поляну 26 января 1910 г.:

Вечером в аллею яснополянской усадьбы почти одновременно въехало двое саней: мои и чьи-то запряженные парой, с бубенчиками. Оказалось, приехал из Ясенок писатель П.А. Сергеенко <...>³¹.

Посетителей в Ясной Поляне было много: к Толстому тянулся поток людей разных возрастов, сословий и убеждений — они искали совета или просили указаний. В книгах воспоминаний о Толстом свидетельства о гостях становятся фоном усадебной жизни: сложно было не застать у Толстых посетителей. Гольденвейзер, приехавший 31 июля 1910 г., отмечает:

В Ясной я застал гостей: соседи из Басова — супруги Лодыженские и их родственник или добрый знакомый, русский консул в Индии. Сам Лодыженский — человек лет 55, очень громко и много говорящий. Он был в Индии, в Японии; занимается сравнительным изучением индусской и христианской религий. Рассказы его не лишены интереса³².

Повышенное внимание приносило Толстому положительные эмоции и своеобразное удовлетворение: он ощущал себя учителем и проповедником. Однако писатель все более склонялся к отказу от пафоса наставлений, даже если посетители приезжали в усадьбу именно за руководством и уроками Толстого. Нередко писатель корил сам себя за излишнюю несдержанность. Так, 20 января 1909 г. он записывает в дневнике:

³¹ Там же. С. 61.

³² Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. С. 461.

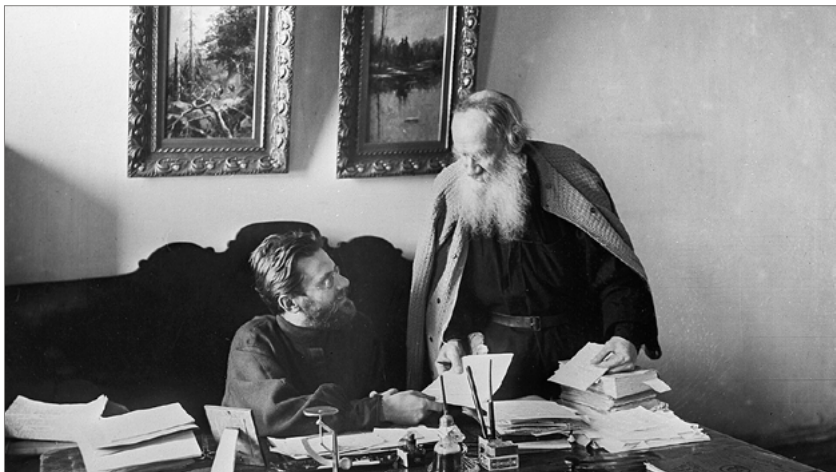
Вчера было много народа и надо было говорить. И разумеется, всё не нужно было говорить, что говорил. — Постараюсь воздерживаться. Вчера же, вследствие этой слабости, болтовни и невоздержности особенно живо почувствовал недостаточное памятование о том, что жизнь только в настоящем <...> (т. 57, с. 15).

Гусев отмечает, что Толстой старался избегать наставлений и повествует об общении писателя с рабочими из Тулы. В борьбе с одним из основных пороков простого народа — пьянством — Толстой нашел выход в замене наставлений *просьбами*: «Я теперь новую манеру изобрел разговаривать: я их всех умоляю не пить вино»³³.

Вместе с тем огромный поток людей часто нарушал если и не распорядок дня Толстого (распорядок этот в 1909–1910 гг. не был очень строгим), то душевное равновесие писателя: просьбы о деньгах, неосновательные жалобы просителей, неготовность людей к серьезному и кропотливому труду часто вызывали в Толстом разочарование, которое он непременно отмечал в дневнике как факт, требующий внутренней работы и исправления. «Сейчас вышел на балкон, и осадили просители, и не мог удержать доброго ко всем чувства», — отмечает писатель 20 апреля 1909 г. (т. 57, с. 51–52). Причем неудовольствие Толстого вызывали не только сторонние посетители или просящие, но и знакомые. Вот запись в дневнике от 26 июля 1909 г.: «Вчера приехал шурин Ал. Берс с семьей. Никак не мог удержать не выражения, но отвращения. Дурно. Стал слаб в общении с людьми <...>» (т. 57, с. 103).

Гусев и Булгаков выполняли значительный объем сложной работы с письмами. С появлением фонографа Толстой стал записывать ответы на отдельные вопросы корреспондентов, но переписка велась преимущественно традиционным способом. Понятно, что отвечая за Толстого корреспондентам, молодые секретари помимо ответственности ощущали и особую интеллектуальную и духовную связь с писателем.

³³ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 164.

Илл. 20. Л.Н. Толстой и Н.Н. Гусев в секретарской комнате в Ясной Поляне. 27 марта 1909 г. Фото В.Г. Черткова.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Как можно судить по словам самого Толстого, помощь Гусева и Булгакова не просто облегчала его работу, но порою кардинально меняла настроение писателя. 26–27 апреля 1910 г. он сообщает в послании к А.Л. Толстой:

Сейчас 12-ый час ночи, пятница. Собираюсь спать. Расположение духа нехорошее, но кроме твоей болезни и твоего отсутствия так много хорошего, что самый желчный человек не мог бы не радоваться. Булгаков очень хорошо помогает мне и так сердечно, что мне легко с ним, и каждый день и посетители и письма таких близких, хотя и неизвестных людей, что нельзя не радоваться (т. 81, с. 256–257).

Дочери Толстого, прежде всего, А.Л. Толстая, его секретари, помощники и последователи, один из главных друзей и распорядителей Толстого — В.Г. Чертков составляли мировоззренческий и идейный кружок. Однако целостная усадебная жизнь складывалась в 1909–1910 гг. из сопряжения и нередко противопоставления данного кружка традиционному семейному барскому укладу, который ценила и оберегала С.А. Толстая. Биографами Толстого

и учеными-толстоведами уже подробно показано, что столкновения внутри семейной и усадебной жизни Толстых имели драматический характер и привели к уходу писателя из дома. Между тем не всегда «накал страстей» был силен, точнее, подогревался он именно личными, семейными причинами, а вот соприкосновения с посторонними иногда имели даже юмористический характер. Гусев рассказывает о визите в Ясную Поляну соседки-помещицы консервативного духа А.Е. Звегинцевой, которая приехала с браунингом и положила его в передней на подзеркальник (наличие браунинга объяснялось чередой нападений на усадьбу Звегинцевой). Молодые помощники писателя решили показать А.Е. Звегинцевой ее ошибку — револьвер в доме Толстого, призывавшего к непровлечению злу силой, выглядел странно: Дима Чертков торжественно вложил книжку «Не убий» в ручку браунинга.

Мне это понравилось, — пишет Гусев, — и через пять минут, с помощью молодого лакея Вани, все карманы важной гостьи оказались наполненными агитационными брошюрами Толстого против государства³⁴.

Жизнь Ясной Поляны в плане досуга и проведения свободного времени отличалась от жизни других усадеб. Критерий пользы, улучшения и преображения жизни, труда и нравственных усилий был приоритетным как для писателя, так и для его близких. Это не означало, впрочем, что Толстой и его домашние, друзья не уделяли время отдыху. Гольденвейзер рассказывает, к примеру, об игре молодых домочадцев Толстого в городки³⁵. Сам Толстой для отдыха от умственного напряжения вечерами периодически раскладывал пасьянс³⁶, иногда играл в карты. Но особенное удовольствие доставляла Толстому игра в шахматы — в последние два года жизни он преимущественно играл с зятем, М.С. Сухотиным, и Гольден-

³⁴ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. С. 182.

³⁵ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. С. 347.

³⁶ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. С. 286.

вейзером. Причем проигрыши вызывали у Толстого разочарование, некоторое подобие горечи.

В плане описания усадебной жизни в рассматриваемых мемуарах большой интерес представляет поездка Толстого в имение Кочеты, принадлежавшее М.С. Сухотину. Булгаков достаточно подробно описывает это старинное имение, поражающее роскошью, как и многие барские усадьбы, но устроенное очень мудро, с большим вкусом:

Кроме прекрасного парка и прудов, замечателен в нем барский дом: тоже старинный, одноэтажный, но очень поместительный, с прекрасным убранством. Обстановка не так роскошна, как бывает в богатых купеческих домах, но и не безвкусна, как там... Много старины: по стенам портреты предков, оружие, шкафы с фамильным серебром и дарованными табакерками и т. п.³⁷

Булгаков точно подмечает состояние Т.Л. Толстой, которая гордилась и восхищалась имением, но, воспитанная отцом в духе честного личного труда и аскетизма, внутренне тяготилась той роскошью, в которой жила. Выход из ситуации, позволявший Т.Л. Толстой жить в относительном спокойствии, заключался в том, что имение это принадлежало все-таки не ей, а ее мужу (ситуация эта проецируется и на дочь, и на отца: всем в Ясной Поляне в это время распоряжался не сам Толстой, а его супруга). Булгаков прекрасно передает красоту усадьбы Сухотиных, которой он восхищался вместе с хозяйкой, и покаянные слова последней: «Знаете, Булгаша, здесь так хорошо, что иногда забываешь, откуда все это берется! И, каюсь, я по большей части забываю»³⁸.

Достаточно эмоциональны письма Толстого от мая 1910 г., которые передают внутреннюю тягу писателя к жизни в большом и живописном имении. Уже приехав в Кочеты, Толстой сообщает дочери Александре о том, как ему хотелось уехать из Ясной, где в последнее время было много суеты и посетителей (т. 82, с. 13). Как

³⁷ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худож. лит., 1960. С. 215.

³⁸ Там же. С. 215.

можно судить по воспоминаниям и письмам Толстого, обстановка в собственной усадьбе и постоянный приток людей его утомляли, хотелось спокойствия, которое всегда было так необходимо Толстому для литературной работы. 8 мая 1910 г. писатель сообщал А.Л. Толстой из Кочетов:

Мне здесь так хорошо, что не верится, что наяву, такая тишина, такой досуг и такой милый *entourage* и такая удивительная природа. Ничего нового не пишу. Да и не успел. И не надо. И так хорошо (т. 82, с. 19).

Примечательно, что Толстой стремился обозреть и окрестности имения зятя: во время одной из прогулок Толстой и Булгаков уехали за семь верст, в парк князя Голицына, поражающий своими размерами и великолепием.

Отношение писателя к усадебной жизни, ощущение внутренней потребности ее сохранения очень хорошо передают слова Толстого о парке в имении Кочеты, которые приводит Булгаков. Он записал, что 3 октября 1910 г. за завтраком зашел разговор о сыновьях Сухотина, которые намеревались вырубить часть деревьев в кочетковском парке. Булгаков передает, что Толстой возмущался по этому поводу, приводит его эмоциональные слова, пафос которых был связан с мыслью о сохранении масштабности и природной уникальности усадебной жизни. Обратим внимание, что в пересказе Булгакова Толстой называет цветы «мерзостью», что очень не характерно для писателя, восхищавшегося цветами и букетами. Данное Толстым наименование можно объяснить лишь контекстом, в котором цветы ассоциируются с быстро увядающим, проходящим, а деревья символизируют почти нерушимую, связующую поколения силу:

Хотят заменить каким-то цветником! Эта мерзость — цветы, которые зарастут крапивой, нужно за ними ухаживать, — и деревья — вечная красота!³⁹

³⁹ Там же. С. 379.

Воспоминания о Толстом и его жизни в последние годы показывают, что желание писателя максимально отказаться от всего лишнего и роскошного было фактически не исполнимо при жизни в усадьбе. Булгаков, разделявший мировоззрение Толстого, взглянув на пять экипажей, в которых совершался переезд из Кочетов в Ясную Поляну, описал их как «совершенно какой-то царский поезд»⁴⁰.

Можно сказать, что секретари Гусев и Булгаков, которые добровольно бы не разлучились с Толстым, оказались верны не просто памяти писателя, но остались «на службе у Толстого» пожизненно — Гусев стал директором музея Толстого в Москве (в 1925–1931 гг.), известным ученым-литературоведом, текстологом, составителем научной биографии Толстого с 1828 г. по 1885 г., принимавшим деятельное участие в издании полного собрания сочинений Толстого в 90 томах. Булгаков, приступивший после смерти Толстого к изданию его произведений, упорядочиванию библиотеки писателя, был в феврале 1923 г. выслан из страны. Как отмечает А.И. Савин, безуспешно ходатайствовала за Булгакова Т.Л. Толстая, которая писала, что «качать за исповедание и выражение вечных истин — недостойно правительства, поставившего среди своих лозунгов принципы свободы, равенства и братства»⁴¹. Исследователь отмечает, что «не помогла Булгакову и его личная жалоба в Президиум ВЦИК, который утвердил постановление о высылке его в Германию сроком на три года»⁴². Булгаков вернулся на родину лишь в 1948 г., поселился в Ясной Поляне, где 20 лет был хранителем музея.

«Воспоминания» Гольденвейзера позволяют почувствовать, что и на его судьбу огромное влияние оказало общение с Толстым, позволившее Гольденвейзеру стать не просто талантливым музыкантом и композитором, каким он уже был и к моменту встречи с писателем и во время общения с ним, но и грамотным музыкальным

⁴⁰ Там же. С. 235.

⁴¹ Савин А.И. Последние пассажиры «Философского парохода». К истории высылки из СССР религиозных пацифистов // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 188.

⁴² Там же.

редактором и еще более успешным и чутким педагогом. А.А. Платонова рассматривает основные принципы работы композитора и отмечает, что из класса Гольденвейзера вышли разнообразные и самобытные, не похожие друг на друга пианисты, что

педагогика Гольденвейзера является примером деятельностного метода совместно с личностно-ориентированным подходом, характеризующимися опорой на активное обучение, глубокое погружение и понимание материала произведения, развитие ответственности и самостоятельности, основанных на личном примере, и взаимное уважение педагога и студента⁴³.

Общение с Толстым многое открыло Гольденвейзеру, показало ему значимость развития и упрочения уникальности личности, развития профессионализма, неразрывно связанного с духовным преобразованием человека.

Таким образом, можно утверждать, что общение и работа с Толстым значительно и по-разному повлияли на судьбу всех трех мемуаристов, во многом направили и осветили их дальнейшее духовное движение и профессиональный рост. Оставленные Гусевым, Булгаковым и Гольденвейзером воспоминания позволяют оценить и проанализировать специфику яснополянской жизни писателя, сделать вывод о том, что, несмотря на многочисленные противоречия в семье, Толстой до последнего не готов был отказаться от усадебного бытия, которое в его представлении неизменно связывалось с монументальностью, основательностью, строгим распорядком и новыми формами жизни на земле.

⁴³ Платонова А.А. Творческие принципы А.Б. Гольденвейзера // Художественное образование и наука. 2020. № 3 (24). С. 99.

ЧАСТЬ III

*«УСАДЕБНЫЙ ПОЛОС»
Л.Н. ПОЛСПОТО
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
СОВЕТСКИХ
И ПОСЛЕСОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ*

ГЛАВА 1

Помещицья усадьба в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: творческое освоение художественных открытий Л.Н. Толстого

«Тихий Дон» М.А. Шолохова по праву считается одним из наиболее масштабных, ярких и значимых произведений XX в. Написанная в основном с 1925 г. по 1932 г., эпопея реалистично отразила жизнь не только донского казачества, но и всей России в первой четверти XX в. В «Тихом Доне» Шолохову удалось передать множество тем и проблем российской, а потом и советской жизни. При этом лауреат Сталинской премии первой степени (1941), Ленинской премии (1960), лауреат Нобелевской премии по литературе (1965), дважды Герой Социалистического Труда, М.А. Шолохов при создании «Тихого Дона» опирался на достижения писателей XIX в., прежде всего, на художественные и идейные открытия первооткрывателя «диалектики души» и автора романа-эпопеи — Л.Н. Толстого. Хотя и в литературоведении, и среди рядовых читателей до сих пор принято разводить взгляд на историю и действительность с позиции общественно-политических взглядов писателей, к примеру, на Б.Л. Пастернака и М.А. Шолохова¹, в своем величии и «честности художников», как справедливо отмечает исследователь, оба писателя явились наследниками русской классической литературы: «Шолохов органично осознавал себя “советским че-

¹ Молодяков В. Нобелевские премии по литературе: «Доктор Живаго» (1958) и «Тихий Дон» (1965) // Родина. 2004. № 4. С. 79–80.

ловеком”, что не мешало ему понимать драму тех, кто не влезал в эти рамки»².

В статье «Литературная критика 1930-х годов о традиции Л.Н. Толстого в “Тихом Доне” Михаила Шолохова» Е.А. Вишнякова обстоятельно показала разнообразные взгляды ранних советских критиков на вопрос преемственности писателя по отношению к наследию Толстого. Автор статьи демонстрирует, что суждения критиков были достаточно поверхностны, касались преимущественно заимствования частных художественных приемов, «творчески перерабатывая которые» Шолохов «формировал самобытное художественное поле своего романа»³. Разумеется, наследие Толстого в это время трактовалось достаточно вольно, многие параллели просто не могли быть отмечены критикой. Последней не позволялось в советское время констатировать тот факт, что Толстой, прославивший русскую усадьбную жизнь, живший в Ясной Поляне хорошим хозяином и помещиком, на самом деле отстаивал интересы народа, был одним из настоящих реформаторов дворянской жизни.

В своем диссертационном исследовании Е.А. Вишнякова убедительно освещает не только мнения советских критиков, но и позиции критиков русского зарубежья (К. Чхеидзе, Ю. Фельзена, В. Александровой, В. Познера), которые достаточно общо, без глубинного сравнения текстов и образов, сопоставляли манеру Толстого и Шолохова, отмечая то новаторство и свободу последнего, то его ученичество⁴. Ф.Ф. Кузнецов подчеркнул, что наиболее ровным путь к триумфу «Тихого Дона» был именно за рубежом. Исследователь в книге о «Тихом Доне» цитирует слова немецкого писателя Франца Вейскопфа, который в 1929 г. в своей статье дал высокую оценку книге Шолохова, сравнив ее с эпикой Толстого:

² Там же. С. 80.

³ Вишнякова Е.А. Литературная критика 1930-х годов о традиции Л.Н. Толстого в «Тихом Доне» Михаила Шолохова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9–1 (75). С. 35.

⁴ Вишнякова Е.А. Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в литературной критике конца 20-х – начала 40-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. С. 182–183.

Величием своего замысла, многогранностью жизни, проникновенностью воплощения этот роман напоминает «Войну и мир» Льва Толстого⁵.

Удивительно, что тема сближений и расхождений Толстого и Шолохова как авторов романов-эпопей поднимается в литературоведении в основном в общих характеристиках произведений. Рассуждая об эпической сущности «Тихого Дона», исследователи не могут не опираться на сопоставления произведений Шолохова с «Войной и миром». Так, в глубокой статье о принципах эпической полноты в «Тихом Доне» С.И. Сухих отмечает разницу между романом, посвященным «полноте разработки *проблемы*», и эпопеей, воссоздающей полноту *жизни*⁶. Ученый отмечает, что в художественных мирах Толстого и Шолохова столько проблем, сколько нет ни в одном романе, однако эти спорные моменты необходимо выявлять при скрупулезном анализе:

Толстой и Шолохов ничего специально не «ставят» и никаких отдельных вопросов не «решают» <...> Перед читателем этих произведений разворачивается просто жизнь со всем ее сложным переплетением вопросов, проблем, малых и больших событий, трагедий, комедий, радостей и драм⁷.

Обратимся к конкретной проблеме рецепции Шолоховым находок Толстого и его новаторства в изображении образа усадьбы (имения) и усадебного топоса в «Тихом Доне». На первый взгляд, переключки и соотнесения, идейные связи между обеими эпопеями невелики, однако при глубинном сопоставительном анализе исследователю открываются значимые и символические параллели, позволяющие говорить об использовании Шолоховым находок и открытий Толстого, опоре на его опыт, причем как автора не толь-

⁵ Кузнецов Ф.Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа / науч. ред. А.Л. Гришунин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 464.

⁶ Сухих С.И. Принцип эпической полноты в сюжете и композиции «Тихого Дона» // Мир Шолохова. 2014. № 1. С. 24.

⁷ Там же.

ко «Войны и мира», но и других эпических романов⁸. Одной из главных наших задач является иллюстрация творческого освоения Шолоховым художественных находок и типов героев, характеров, созданных его предшественником и связанных с усадебной культурой XIX – начала XX вв.

Изображение народной жизни во всех ее видах и проявлениях, представленных в «Тихом доне», не могло не включить рассказа о жизни дворян, их дворовых и наемных людей в начале XX в. Усадебную жизнь с сохранением старых привычек и введением новых, со спецификой отношения хозяев имения к свободным казакам Шолохов показал на примере имения Ягодное и его хозяев — сотника Евгения Листницкого и особенно его отца, старого овдовевшего генерала, пана Николая Алексеевича.

Вне жизнь и история Николая Алексеевича Листницкого и его сына во многом похожа на историю отца и сына Болконских в «Войне и мире». Сходство в ситуации, в которой оказываются герои: старик Болконский безвыездно живет в своем имении Лысые Горы, в то время как ему давно разрешен въезд в столицы; генерал Листницкий безвыездно живет в своем имении Ягодное, хотя «земля его — четыре тысячи десятин, — нарезанная еще прадеду за участие в Отечественной войне 1812 года, находилась в Саратовской губернии»⁹.

Различаются занятия и увлечения Листницкого, который «держал на своей казачьей паевой и купленной земле табуны, сеял — чужими руками — хлеб, зимой и осенью охотился с борзыми, изредка, запираясь в белом зале, пил неделями»¹⁰, и увлечения Бол-

⁸ При создании «Тихого Дона» Шолохов опирался не только на роман-эпопею «Война и мир», но в целом на «эпическое мироощущение и эпическое видение жизни», присутствующие в разных произведениях Толстого, на «эпические константы», найденные Толстым: «Рождение и смерть, ситуация войны и образ земли становятся своеобразными критериями в художественных мирах Толстого <...>». См.: Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. С. 25.

⁹ Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1: Тихий Дон. С. 163.

¹⁰ Там же.

конского: «Сам он постоянно был занят то писанием своих мемуаров, то выкладками из высшей математики, то точением табакерок на станке, то работой в саду и наблюдением за постройками» (т. 9, с. 106). Однако читатели обеих эпопей могут увидеть сходство между *закрытостью жизни* в Лысых Горах и Ягодном: в усадьбах жизнь словно замирает, время если не останавливается, то течет медленнее. Старик Болконский окружил себя множеством образцовых и выдрессированных камердинеров и слуг, а рядом со стариком Листницким живут несколько слуг-помощников: «В имении из дворни, кроме Вениамина, жили: кухарка Лукерья, одряхлевший конюх Сашка, пастух Тихон, поступивший на должность кучера Григорий и Аксинья»¹¹. Однако главное сходство жизни в имениях в том, что *внутренний распорядок ее не меняется*, никакой внутренней динамики тут нет. Толстой не пишет об этом прямо, не дает ярких и однозначных характеристик, ведь усадебный образ жизни был характерен для его предков, однако он показывает тягостную жизнь княжны Марьи, повторение в Лысых Горах похожих дней с одинаковым распорядком. Шолохов не сдерживался в характеристиках усадебной жизни, подчеркивая замкнутый и ущербный ее характер:

В сонной одуре плесневела в Ягодном жизнь¹²;

Меняясь, дул ветер то с юга, то с севера; плыло в синеватой белизне неба солнце; наступая на подол лету, листопадом шуршала осень, зима наваливалась морозами, снегами, а Ягодное так же корежилось в одубелой скуке, и дни, отгородившие имение от остального мира, проходили, похожие, как близнецы¹³.

И Толстой, и тем более Шолохов иллюстрируют, что для молодого и активного человека жизнь в таком добровольном усадебном затворе противоестественна. Перед нами, по сути, пример внутренней эмиграции двух престарелых дворян (и их наследников),

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 166.

¹³ Там же. С. 194.

избирающих для себя различные стратегии выживания и устраивающих каждый для себя собственный порядок жизни. Разумеется, Толстой не мог, да и не желал давать образу существования старика Болконского негативных оценок, однако при этом писатель не преминул показать ущербность затворничества без общения с людьми и расширения жизни (это одна из ключевых идей позднего Толстого). Он вкладывает описание тяжести жизни в Лысых Горах в уста князя Андрея и княжны Марьи:

— Ты живешь в деревне и находишь эту жизнь ужасною, — сказал он (Князь Андрей. — *В.А.*).

— Я другое дело. Что обо мне говорить! Я не желаю другой жизни, да и не могу желать, потому что не знаю никакой другой жизни. А ты подумай, Andre, для молодой и светской женщины похорониться в лучшие годы жизни в деревне <...> (т. 9, с. 129).

Шолохов же намеренно повторяет выбранное им удачное определение: «За все время случилось лишь два события, встряхнувшие *заплесневелую в сонной одуре жизнь*: Аксиньины роды да пропажа племенного гусака» (Курсив мой. — *В.А.*)¹⁴. Можно условно сказать, что Лысые Горы также потрясают лишь два значимых события (за исключением, пожалуй, приезда Анатоля Курагина с отцом) — весть о гибели князя Андрея, которая оказывается ложной, и роды маленькой княгини. Нельзя исключать, что создавая образ Ягодного, Шолохов ориентировался на находки и типы Толстого, ведь для последнего были неприемлемы застой, отсутствие развития и движения. Толстой, а вслед за ним Шолохов показывают, что попытка замкнутого обособления и поиска маленького личного счастья в своем мирке не удовлетворяют его ищущих героев (Андрея Болконского, Пьера Безухова, Григория Мелехова. В некоторой степени и Евгения Листницкого, хотя у него неудовлетворенность трансформируется не в желание поиска себя, а в негативное чувство ненасытности и использования других себе во благо). А.А. Просвирина справедливо замечает, что полная стагнация в Ягодном выглядит драматической и нехарактерной для шолохов-

¹⁴ Там же.

ского текста, который отличает «движение, текучесть, изменчивость», как «обязательные спутники полноты жизни»¹⁵. Отметим, что к такому же движению всегда стремился и Толстой. И.С. Сухих не случайно сравнил образ жизни-реки у Шолохова с толстовским сравнением «Люди — как реки»¹⁶.

В обеих эпопеях этапы жизни Болконских и Листницких прочно связаны с их именами как родовыми гнездами. Конечно, Ягодное значительно отличается от Лысых Гор по размаху и уровню жизни, перед нами разные дворянские владения: у Болконского — крупнопоместное, учитывая и тот факт, что сам князь относил себя к высшей аристократии. У Листницкого — колеблющееся между среднепоместным и мелкопоместным. Имеет значение состояние этих имений, типы построек, расположенные на территории, образ самого жилого дома.

Разумеется, все это зависело и от описываемой эпохи: крепостнической — у Толстого и предреволюционной — у Шолохова. В романе-эпопее «Война и мир» мы видим хорошо слаженное и широко организованное десятками и сотнями людей хозяйство, постройки дворцового типа, где уже один огромный кабинет старого князя Болконского, наполненный беспрестанно употребляемыми вещами, позволяет сделать вывод не просто об удобной, выверенной, но роскошной и наполненной излишествами, пусть и однообразной жизни. Несмотря на возраст старшего Болконского, в начале романа-эпопеи он еще полон сил и задора, Толстой показывает в нем «упорную и много выдерживающую силу свежей старости», а его хозяйство «не стареет», а идет вперед заведенным порядком.

Несколько иную картину мы видим в эпопее «Тихий Дон». Первый же взгляд на Ягодное позволяет читателю оценить состояние имения. Причем в художественном мире эпопеи Шолохова важно, что это не взгляд повествователя, а взгляд Григория Мелехова — человека молодого, работоспособного, из хозяйственной и трудо-

¹⁵ Просвирина А.А. Изображение имения «Ягодное» в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Русский язык в евразийском культурном пространстве. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2023. С. 108.

¹⁶ Сухих С.И. Принцип эпической полноты в сюжете и композиции «Тихого Дона» // Мир Шолохова. 2014. № 1. С. 24.

любивой семьи, знающего порядок, однако при этом решительно-го и горячего. Мелехов не был в усадьбах-дворцах, но он вполне может с позиции мужчины-хозяина оценить быт Листницких. Григорий описывает Ягодное объективно, не завидуя генералу и его сыну, не противясь внутренне классовому расслоению, но подмечая одновременно и состоятельность имения, и его все увеличивающееся запустение:

По большому двору, обнесенному кирпичной *облупленной* оградой, *нескладно* раскидались дворовые постройки: флигель под черепичной крышей, с черепичной цифрой посередине — 1910 год, — людская, баня, конюшня, птичник и коровник, длинный амбар, каретник. Дом большой, *старый*, огороженный со стороны двора палисадником, *ютился* в саду. За домом серою стеною стояли *оголенные* тополя и вербы левады в коричневых шапках *покинутых* грачиных гнезд (Курсив мой. — В.А.)¹⁷.

Григория встречают за двором не люди, не работники или дворовые, а «ватага крымских черных борзых», причем первой обнюхивает героя «старая хромая сука, со слезящимся старушечьим взглядом»¹⁸.

Фактически отмеченные элементы запустения связаны с отсутствием в имении Листницких людей, их нанимали только на летние работы, причем год от года все меньше. Шолохов показывает, как процесс дворянского оскудения нарастал по мере движения русской жизни к революции. Если в XIX в., особенно до отмены крепостного права, усадебная действительность полностью держалась на крестьянах, то на рубеже XIX–XX вв. оставшиеся помещики и дворяне были вынуждены нанимать людей, самостоятельно организовывать и продумывать ход годовых работ. Увиденные Мелеховым в начале романа черты нескладности в Ягодном — это, скорее всего, попытка автора показать неумолимость начавшегося процесса дворянского обнищания, вырождения, разорения. На самом деле, Ягодное в начале «Тихого Дона» оказывается вполне

¹⁷ Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1: Тихий Дон. С. 155.

¹⁸ Там же.

успешным имением, которое опустеет и разительно изменится через несколько лет, в революционное время.

И Лысые Горы, и Ягодное образуют для Болконских и Листницких соответственно образ дома, крепости. С великим нетерпением пан Листницкий ждет домой своего сына Евгения. Два времени, два века в обеих книгах сближены за счет войн и тех катастрофических событий в усадебной жизни, которые эти войны приносят. Только в «Войне и мире» мы видим временные сложности (возмущение и непослушание крестьян), которые разрешаются после завершения войны 1812 г., в «Тихом Доне» же показано, как оскудевшие и обнищавшие за время Первой мировой войны усадьбы переживают последние времена и исчезают в круговороте революционных событий, прекращая свое прежнее существование. Если в «Войне и мире» есть понятие врага, вторгшегося на русскую землю, а главная задача состоит в вытеснении неприятеля с территории страны, то в «Тихом Доне» идет исторический передел земли и богатств: показано завершение усадебного бытия как формы и образа жизни.

Шолохову удастся рассказать историю существования, процветания и последующего разорения имения Ягодное всего в не-

Илл. 21. Ю.И. Игумнова. Л.Н. Толстой верхом у въезда в Ясную Поляну зимой. Начало XX в. Холст, масло. 45,6 × 80,2 см.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

скольких подробных главах (не последовательно данных, а представленных в первой и второй книгах эпопеи и иллюстрирующих определенные финальные стадии жизни русской усадьбы). При этом основным приемом в изображении усадьбы становится *прием контраста*: сначала Шолохов демонстрирует уже устоявшуюся жизнь дворян, в которую только вкрадываются мотивы оскудения (как мы уже показали). Символично, что этот этап в эпопее ассоциируется и с пиком личного счастья Григория и Аксиньи, которые перебираются на житье и службу в Ягодное, где они проживают фактически как супруги, где у них рождается дочь.

Во время Первой мировой войны недостаток ресурсов и дефицит сказываются и на Ягодном, прежде всего, имеет значение отсутствие рабочих рук, необходимых для поддержания усадебного быта. Война забирает людей, на плечах которых лежали важные функции по организации быта в имении, более того, уход жителей имения делает жизнь еще однообразнее:

Война и из Ягодного повыдергала людей. Ушли Вениамин и Тихон, после них стало еще глуше, тише, скучнее¹⁹.

Однако имение не оскудевает полностью, наличие хозяина и заведенного порядка имеют тут большое значение, обязанности перераспределяются, но дело не бросается, потому что остаются люди, готовые служить ему:

Вместо Вениамина прислуживала старому генералу Аксинья; толстозадая, не худеющая Лукерья приняла на себя работу черной кухарки и птичницы. Дед Сашка совмещал обязанности конюха с охраной сада, лишь кучер был новый — степенный, престарелый казак Никитич²⁰.

Наконец, и сам хозяин не чувствует разительных изменений в своем существовании, несмотря на сложности, он продолжает оставаться барином, чьи указания и слова являются в Ягодном законом:

¹⁹ Там же. С. 318.

²⁰ Там же.

Подлинно нечего было писать старому Листницкому о своей жизни, волочилась она, по-старому однообразная, неизменная, лишь рабочие руки поднялись в цене да ощущался недостаток в спиртном²¹.

Некоторое условное «возрождение» Ягодное переживает с приездом женившегося Евгения Листницкого. Но это возрождение становится иллюзорным, Шолохов изображает его как кратковременное улучшение состояния больного перед смертью. Дело заключается и в историческом моменте (надвигающейся революции), и в остаточном принципе жизни Листницкого, который приезжает в Ягодное не хозяином, а постояльцем, желающим обрести «тихую пристань». Шолохов мастерски показывает внешние небольшие перемены в быте обитателей Ягодного с появлением Ольги, которые заключаются в основном в отказе от прежней свободной неряшливости. Фактически незадолго перед разорением Ягодного покидает его Аксинья. Повествователь не скрывает, что именно она становится инициатором последней близости с Евгением Листницким, уже женатым. Шолохов не осуждает Евгения, не дает прямых характеристик и оценок его поведению, выбору, образу жизни, однако читатель видит, что на многих дворян писатель распространяет действие разнузданного и дикого инстинкта, которым жил этот герой, согласно которому он утверждал: «Мне все можно».

Наконец, финальный этап Ягодного, его закат мы наблюдаем также глазами Григория Мелехова, который ненадолго заезжает в оставленное хозяевами имение. Еще раз обратим внимание и на принцип контраста, который у писателя использован вместе с приемом соотнесения и градации. С одной стороны, брошенное имение мало похоже на прежнее живое Ягодное, с другой стороны, обозначенный в самом начале описания мотив запустения открывает нам стадию уже отмечаемого ранее процесса:

Грустью и запустением пахнуло на Григория, когда через поваленные ворота въехал он на заросший лебедью двор имения. Ягодное

²¹ Там же. С. 332.

стало неузнаваемым. Всюду виднелись страшные *следы бесхозяйственности и разрушения*. Некогда нарядный дом *потускнел* и словно *стал ниже*. Давным-давно *не крашенная крыша* желтела *пятнистой ржавчиной*, *поломанные водосточные трубы валялись* около крыльца, *кособоко висели сорванные с петель ставни*, в *разбитые окна со свистом врывался ветер*, и оттуда уже тянуло горьковатым плесневелым душком *нежили* (Курсив мой. — В.А.)²².

Далее обратимся к образам героев и жизненным ситуациям, в которых они оказываются. И старик Болконский, и генерал Листницкий живут достаточно одиноко как уже пожилые вдовцы, у обоих есть сыновья-военные. Как понимают читатели эпопей, для обоих хозяйство и образ жизни значат немало, однако высшей ценностью для них являются все-таки люди, особенно близкие им и дорогие.

При знакомстве читателей со старым князем Болконским и генералом Листницким — людьми гордыми, честолюбивыми, имеющими по поводу всех предметов и вопросов свое веское мнение, — не сразу открывается их чувствительная сторона души. О ней читатель узнает, созерцая героев отнюдь не в рядовых условиях, а тогда, когда ровное течение усадьбы жизни прерывается серьезным событием. Таким событием, нарушающим спокойный распорядок жизни, для князя Болконского становится весть о гибели сына (письмо Кутузова), а также рождение внука и смерть невестки:

Он стоял у самой двери, и, как только она отворилась, старик молча старческиими, жесткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как ребенок (т. 10, с. 41).

Или вспомним генерала Листницкого, когда тот узнает о болезни дочери Аксины, маленькой Танюши: он негодует по поводу запоздавшего признания Аксины и даже угрожает врачу, обязуя его вылечить девочку:

²² Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 4: Тихий Дон. С. 42.

Скажи ему, что он болван! Скажи ему, что он не уедет отсюда до тех пор, пока не вылечит мне девчонку! Во флигеле отведи ему комнату, корми его! — закричал старик, потрясая костистым кулаком. — Пои его, корми, как на убой, а у-е-хоть... не уедет! — Оборвав, подошел к окну, побарабанил пальцами и, подойдя к увеличенной фотографии сына, снятого на руках у няни, отступил два шага и долго смотрел шурясь, словно не узнавая²³.

Отец и сын Болконские, как представители одной из лучших дворянских семей, чувствуют свою преемственность, ощущают свои родовые черты. Внимательный реципиент поймет, что в отличие от генерала Листницкого, его сына Евгения автор не считает настоящим помещиком и дворянином. Не случайно, представляя гостей Сергея Платоновича Мохова (еще до знакомства читателей с Листницкими), Шолохов замечает:

Изредка наезжал из своего имения гостивший у отца — помещика и дворянина — молодой сотник Евгений Листницкий²⁴.

Обособление с помощью тире в предложении не случайно, Шолохов подчеркивает разницу между отцом и сыном Листницкими.

Уважая воинский долг и считая исполнение его неременным делом мужчины, князь Болконский и пан Листницкий отправляют на войну (Отечественную войну и Первую мировую войну) своих сыновей. Однако при всем относительном сходстве образов пожилых героев, Андрей Болконский и Евгений Листницкий могут быть сравниваемы преимущественно внешне, лишь с позиции их разочарования в войне. В.С. Воронин сопоставляет этические модели и поведение разных героев в эпопеях Толстого и Шолохова, не раз проводя параллель между Андреем Болконским и Григорием Мелеховым²⁵. Разумеется, с точки зрения поиска себя, внутреннего благородства и гордости эта параллель героев намного уместнее.

²³ Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1: Тихий Дон. С. 333.

²⁴ Там же. С. 107.

²⁵ Воронин В.С. Этические модели мира в «Войне и мире» Л.Н. Толстого и в «Тихом Доне» М.А. Шолохова // Мир Шолохова. 2023. № 1 (19). С. 43.

А.А. Просвирина справедливо подчеркнула низкое поведение Евгения Листницкого, которое не характерно для дворянина, превыше всего чтущего честь и достоинство, а свойственно для человека, использующего свое положение и временное превосходство над другими для продвижения собственных низких интересов:

Для сотника — это единственный дом, который он знает, однако в этом доме он позволяет себе недостойное поведение, настойчиво преследуя Аксиныю. Унылая атмосфера Ягодного разрушает и счастье Григория и Аксины. Не выдержав горя от потери дочери и одиночества, Аксиныя поддается преследованиям «пожалевшего» ее Евгения. Молодой пан, сотник, хотя и одевается по-казацки и носит чуб на левую сторону, не стремится соблюдать ни дворянскую честь, ни казацкую²⁶.

Евгений Листницкий, который начинает везде искать Аксиныю, не стесняется людей и просиживает целые часы у Григория в людской, пользуясь его отсутствием, смотря на Аксиныю «бесстыдным улыбочивым взглядом»²⁷. Этот герой несколько напоминает Дмитрия Нехлюдова из романа «Воскресение» Толстого в худшие минуты его помрачения, когда Нехлюдовым овладевает животная страсть. Символично, что отвезя Евгения в вербное воскресенье в указанное место, Григорий, возвращаясь, чуть не погибает на реке, на которой ночью сломало лед (вспоминается сцена из романа «Воскресение», когда Нехлюдов пытается побороть встающее в нем животное начало под звуки ломающегося на реке льда).

И.П. Щеблыкин, характеризуя тип художественного повествования в «Тихом Доне», отметил безусловное преимущество эпопеи Шолохова даже перед «Войной и миром». Оно, по мнению исследователя, состоит в том, что Шолохов «сумел представить жизнь

²⁶ Просвирина А.А. Изображение имени «Ягодное» в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Русский язык в евразийском культурном пространстве. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2023. С. 108.

²⁷ Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1: Тихий Дон. С. 167.

народа в своем собственном *имманентном* <...> проявлении»²⁸. И.П. Щеблыкин пишет:

<...> в эпосе XIX в. народная среда раскрывается преимущественно с голоса повествователя. И лишь в шолоховском эпосе народные персонажи действуют в своей внутренней «импульсивности». Вследствие этого мы и наблюдаем в романе ту гигантскую вспышку духовно-нравственной энергии, которая ожидалась, предполагалась в литературе, но явлена в достаточном объеме именно в «Тихом Доне»²⁹.

Указанная И.П. Щеблыкиным импульсивность и свобода поведения героев очень хорошо видны в расправе Григория с Евгением Листницким. Григорий избивает его за себя и за Аксинью:

Григорий коротко взмахнул кнутом, со страшной силой ударил сотника по лицу. Перехватив кнут, он бил кнутовищем по лицу, по рукам, не давая сотнику опомниться. Осколок разбитого пенсне врезался тому выше брови. На глаза падали кровавые струйки. Сотник вначале закрывал лицо руками, но удары учащались. Он вскочил с лицом, обезображенным подтеками и яростью, пробовал защищаться, но Григорий, отступая, ударом в кисть парализовал ему правую руку.

— За Аксинью! За меня! За Аксинью! Ишо тебе за Аксинью! За меня!

Кнут свистал. Мягко шлепали удары³⁰.

Обратим внимание, что для расправы с сотником Григорием используется кнут, которым Мелехов стегал лошадей. Такая месть заставляет читателя задуматься о параллели между сотником Листницким и жеребцом. Уместно в данном случае вновь вспом-

²⁸ Щеблыкин И.П. Тип художественного повествования в «Тихом Доне» М.А. Шолохова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 1. С. 29.

²⁹ Там же. С. 30.

³⁰ Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1: Тихий Дон. С. 349.

нить Дмитрия Нехлюдова, который разительно изменяется после своего первого визита к тетушкам под влиянием дурного общества и службы. «Теперь он был развращенный, утонченный эгоист, любящий только свое наслаждение», — пишет Толстой (т. 32, с. 47). Схоже относятся сбившийся с пути Нехлюдов и Листницкий к женщинам, женщина является для обоих «одним из лучших орудий испытанного уже наслаждения» (т. 32, с. 47). Толстовское описание жеребца в «Воскресении» очеловечено, читатель невольно проводит параллель между этим жеребцом и едущим на нем Нехлюдовым, который встал на путь животного инстинкта:

Дороги до церкви не было ни на колесах ни на саниах, и потому Нехлюдов, распоряжавшийся как дома у тетушек, велел оседлать себе верхового так называемого «братцева» жеребца и, вместо того чтобы лечь спать, <...> поехал на разевшемся, отяжелевшем и не перестававшем ржать старом жеребце, в темноте, по лужам и снегу, к церкви (т. 32, с. 54).

Возвращаясь к эпосе Шолохова, отметим, что подобную сцену расправы мужика (пусть и казака) с дворянином сложно представить как у Толстого, так и у других писателей-классиков XIX в.

Поистине в духе эпизодов Толстого и особенно охоты в «Воине и мире» создана Шолоховым сцена охоты Григория и пана Листницкого, загон волка. Шолохов, как и Толстой, большое внимание уделяет описанию погони, нападениям собак на волка, на первых порах уходящего от преследователей и своры. Толстой особо выделяет среди собак старого кобеля Карая, Шолохов — седого кобеля Ястреба. В сценах охоты в своей искренности и молодецкой силе, в умении жить порывом Григорий очень напоминает Николая Ростова. Оба писателя показывают, что охота объединяет людей вне зависимости от их социального статуса и положения: помещики на время охоты сближаются со служащими у них людьми, Григорий ощущает себя во время азарта охоты наравне с Листницким, как и Данило с Николаем Ростовым.

Обобщая и продолжая наблюдения И.П. Щеблыкина, А.А. Тимакова отметила разную приближенность Толстого и Шолохова к описываемым событиям:

<...> если Л.Н. Толстой с определенной временной дистанции характеризует и оценивает события, то М.А. Шолохов выступает как их непосредственный свидетель, и вектор его внимания направлен в первую очередь на частные проявления жизни, складывающиеся затем во всеобщую, эпическую картину³¹.

Однако нельзя не учитывать, что без глобального замысла автора, без единой концепции, понимания места и значения каждого эпизода, эволюции героев «частные проявления» не сложились бы в настоящий эпос. Именно творческое освоение Шолоховым нащупок Толстого способствовало тому, что молодой писатель XX в. смог новаторски подойти к изображению очередного этапа русской жизни и ее перелома, показать их в надлежащем масштабе, используя приемы мелочности и генерализации. Тема усадебной жизни в ее реализации в «Тихом Доне», как мы постарались показать, имеет значимые переклички с ее воплощением в «Войне и мире». По всей видимости, многие толстовские герои позволили Шолохову лучше понять усадебную жизнь и образ настоящего помещика. Изображение отца и сына Листницких в «Тихом Доне» стало и данью усадебному прошлому России, и наглядной иллюстрацией окончательного вырождения многих дворян на этапе участия России в Первой мировой войне.

³¹ *Тимакова А.А.* Категория эпического в творчестве Л.Н. Толстого и М.А. Шолохова: вопросы сопоставительной характеристики // Литература в школе. 2018. № 4. С. 28.

ГЛАВА 2

Трудный путь познания себя и мира: «усадебное» родство автобиографических героев Л.Н. Толстого и М.М. Пришвина

Роман М.М. Пришвина «Кашеева цепь» до сих пор остается одним из самых малоисследованных произведений автора. Несмотря на тот факт, что «Кашеева цепь» занимает достойное место в ряду автобиографических повествований русских писателей, литературоведы не обращали внимания на творческое освоение Пришвиным в этом произведении наследия Толстого. Отдельной проблемой становится «расшифровка» и правильное понимание символики, мифопоэтических построений и аллегорий писателя, который, как справедливо отмечает И.А. Едошина, «скрывался в природе»: «Скрывшись в природе, как, например, Ахматова в — переводах, Лосев — в античности, Пришвин оказался свободным в условиях общественной несвободы»¹.

Глубинное понимание православных заветов и ценностей, воплощенных в произведениях Пришвина, открывается учеными-литературоведами только сейчас, спустя более полувека после смерти писателя, когда стало возможно понимание его образов в проекции вечности. Так, Е.Ю. Кнорре отмечает, что в творчестве Пришвина «объединяются темы личного духовного пути в обретении подлинного дома и пути народа к осознанию единства мира», что в это время одной из главных тем Пришвина

¹ Едошина И.А. Толстой на страницах «Дневников» Михаила Пришвина // Литературоведческий журнал. 2010. № 27. С. 125.

становится тема духовного домостроительства, осознания своего предназначения².

Обратимся к образам усадьбы и русской земли в романе Пришвина «Кашеева цепь», к проблеме духовно-нравственного становления личности, воспитанию ребенка и постараемся показать, что Пришвин в немалой степени ориентировался на находки классиков русской литературы.

Символично, что «Кашеева цепь» начинается с упоминания усадьбы. Более того, первая глава романа — «Зайчик» — не включена ни в одну из книг, играет роль вступления, зачина и авторского послания. Эта глава содержит ключевые для понимания всего дальнейшего повествования образы: усадьбы и дома, зайца и главного героя, земли и русского народа. Причем указанные образы уже в этой главе представлены в сложном соотношении — их контаминация в проекции насущного времени и вечности рождает множество вопросов, которые требуют длительного осмысления.

В главе «Зайчик» автор проходит мимо усадьбы, «из которой мужики только что выгнали хозяев», и останавливается, пораженный красотой умирания³. В первом абзаце Пришвин реализует контраст, заставляющий задуматься над вопросом: почему автор с умилением воспринимает гибель усадьбы? Для советских властей и читателей ответ на этот вопрос казался очевидным: Пришвин принял новый строй, поэтому его отношение к барскому прошлому, к усадебной роскоши, контрастирующей с жизнью простых мужиков, не могло быть положительным. Разумеется, такая трактовка далека от истины. Умирание усадьбы воспринимается автором не с позиции исторического времени, но с точки зрения вечности — подсказкой для этого прочтения становится помещение эпизода умирания усадьбы в ряд естественных процессов: «<...> усадьба

² Кнорре Е.Ю. «Китеж советского времени»: образ небесной коммуны в усадебном мире М.М. Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950-х гг.) // Усадьба реальная — усадьба литературная. Векторы творческого преображения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 214–215. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6)

³ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 6.

умирала, год умирал в золоте листопада, день умирал»⁴. Появляющийся далее образ зайца изменяет перспективу взгляда: с одной стороны, заяц «приземляет», конкретизирует размышления повествователя, с другой стороны, становится одним из символов, конструирующих мифопоэтическую реальность в романе.

Сначала автор противопоставляет зайца возможному герою, досадуя, что животное появляется на месте *хозяина усадьбы*. В разговоре с Марьей Васильевной образ зайца наделяется inferнальными чертами, однако повествователь показывает не свой взгляд, но позицию необразованного народа, живущего примитивными поверьями:

Старуха потом, конечно, рассказала и на деревне о явлении зайца, и, кто знает, не из-за этого ли зайчика наши суеверные крестьяне через несколько дней разнесли усадьбу в пух и прах⁵.

Еще Пришвин сообщает о своеобразном сопряжении образов мальчика и зайца, называя последнего «таинственным» — этот эпитет позволяет вспомнить о зайце, в котором, по легенде, находится смерть Кощея. В заключительном абзаце вступительной главы Пришвин вновь упоминает об усадьбе:

Вот пень огромного дерева, выросшего от семени, занесенного когда-то птицей в эту усадьбу⁶.

Параллель между жизнью дерева, пробывшего свое время в усадьбе, и жизнью автора указывает читателю на важность и значимость усадебного топоса, который будет занимать в дальнейшем повествовании особое место.

С первых строк жизнеописания Михаил Алпатов обозначает ключевую роль собственного происхождения, определяемого даже не значимостью и родовитостью предков, благосостоянием родителей, а *рождением в усадьбе*:

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 8.

Мне выпала доля родиться в усадьбе с двумя белыми каменными столбами вместо ворот, с прудом перед усадьбой и за прудом — уходящими в бесконечность черноземными полями⁷.

Отец Алпатова, купеческий сын, избирает барский, помещичий образ жизни, весь огромный усадебный двор он окружил строениями для кровных орловских рысаков, однако вместе с этим он усваивает и все красивые, роскошные привычки дворянской жизни, отличается непредусмотрительностью и непрактичностью:

Как жаль мне отца, не умевшего перейти границу первого наивного счастья и выйти к чему-нибудь более серьезному, чем просто звонкая жизнь. Где тонко, там и рвется, и, наверно, для такой веселой, свободной жизни у отца было очень тонко. Случилось однажды, он проиграл в карты большую сумму; чтобы уплатить долг, пришлось продать весь конский завод и заложить имение по двойной закладной⁸.

В романе «Кашеева цепь» автором значительное внимание уделяется этапам становления личности. Так, В.М. Розин справедливо пишет, что на «Кашееву цепь» нужно смотреть глазами психолога, исследователь выделяет в романе основы, характерные для «культуры детства» и «становления личности»⁹. Становление автобиографического героя и его этапы, своеобразная полифония голосов в романе (восприятие ребенка и взрослого), жизнь в любящей семье и в своем доме, усадебный быт, постепенное расширение сознания, изображение процесса обучения и учебного коллектива, сверстников героя и их взаимоотношений, наконец, потеря в раннем возрасте главным героем одного из родителей сближают роман Пришвина с автобиографической трилогией Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Среди упоминаний русских классиков

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ *Розин В.М.* Воспитание и детство героя Курымушки-Алпатова в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь» // Известия Российской академии образования. 2023. № 1 (61). С. 87–88.

в дневниках Пришвина наиболее часто встречается как раз имя Толстого: Пришвину было близко и дорого толстовское понимание мира, его правдивость и искренность, стремление к воссозданию в художественном произведении целостности бытия. 17 июля 1928 г. Пришвин записал в дневнике:

Толстовское творчество так близко к органическому целостному процессу творчества жизни, что его произведения кажутся нам почти как сама жизнь. В наше время господствует литература тенденциозная, только по теме близкая к жизни трудящегося человека, рабочего и крестьянина. Я бы желал, чтобы современная литература заимствовала у Толстого его близость к самой жизни и через это обрела бы естественную правдивость, подвижность, свободу¹⁰.

Осмысление заметок Пришвина о Толстом и его произведениях показывает, что Пришвин понимал силу эпического таланта своего предшественника, видел за условной «простотой» его слов глубинную работу мысли и чувств.

В.Н. Чуваков, комментируя роман Пришвина, отметил:

Примыкая к таким классическим в русской литературе образцам «семейных жизнеописаний», как трилогия «Детство», «Отрочество» и «Юность» Л.Н. Толстого, «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова, «Кашеева цепь» имеет и весьма существенное отличие от них. Это философский роман, в котором на первый план вынесена личность автобиографического героя, проходящего трудный путь познания себя и окружающего его мира¹¹.

Однако данное рассуждение исследователя нуждается в коррективах и уточнении: роман Пришвина не только «примыкает» к биографическим жизнеописаниям с позиции изображения стадий взросления героя, но и ориентирован на находки русской класси-

¹⁰ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8. С. 191.

¹¹ Чуваков В.Н. Кашеева цепь. Комментарии // Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 639.

ческой литературы, прежде всего, Толстого, жизненные поиски его лучших эпических героев и, конечно, Николеньки Иртеньева. Писатель создавал «Кашееву цепь» как *философский роман* не в разрез с русской классической литературой, а творчески используя ее достижения.

Толстого и Пришвина, а также их автобиографических героев сближают прекрасное знание своего прошлого, гордость за род и желание оторваться от корней — не порвать с ними, но выйти в большой мир — стать максимально самостоятельными. «Оказывается, что не так-то легко оторваться от прошлого и объявить себя не связанным родом своим и племенем», — замечает Курымушка в «Кашеевой цепи»¹². Как у Толстого, так и у Пришвина отношение к земле и к людям, усадебное прошлое во многом определяют путь лучших ищущих героев и содержание стадий их взросления.

После усадебного детства, полного чудесных видений, тайн, счастье которого не могли омрачить отдельные сложности, Михаил

Илл. 22. Л.Н. Толстой с семьей на крыльце яснополянского дома. 1892 г.
Фирма «Шерер, Набольтц и К°».

Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

¹² Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 10.

Алпатов отправляется в долгое путешествие, залогом успеха которого оказывается время, проведенное в родной усадьбе. В «Книге первой», носящей название «Курымушка», очень много значимых для автора и его автобиографического героя воспоминаний. Однажды в гости к Марии Ивановне приехали бывшие хозяева имения — генеральша, еще не старая женщина в золотых очках, и ее молодая красавица дочь, прозванная Курымушкой Марьей Моревной. С одной стороны, перед нами детское восприятие, мышление схемами и метафорами, которые ребенок «изобретает или заимствует у взрослого, с целью понимания и разрешения встающих перед ним проблем»¹³. С другой стороны, читатель понимает, что визит генеральши в имение позволяет не просто задуматься о судьбах людей, истории имения и дома, о многочисленных случаях перехода усадеб из рук родовых владельцев в новые руки, но об особой преемственности в целом и мелочах, которую невольно сохраняет Мария Ивановна, новая хозяйка имения. А гордая и экспансивная Марья Моревна по молодости еще не умеет жить в терпении и смирении, выражает всю суть жизни русской аристократии:

Ее бросает в разные стороны: то она цветами осыпает певцов, то вдруг окажется на ма-те-ма-ти-чес-ком, то в Италии, то доит корову у Толстого в Ясной Поляне. Все это от гордости: красавица, порода, а самого главного для жизни нет¹⁴.

В отличие от бывших господ, Марию Ивановну автор-повествователь называет «серьезной хозяйкой»¹⁵. Она правильно и мудро строит распорядок жизни семьи, доит собственных коров, учит своих детей. Пришвин показывает, как Мария Ивановна живо интересуется общественными событиями, политическими новостями. Автор-повествователь «Кашеевой цепи» из-за невозможности указания прямых ориентиров вынужден «играть с читателем» —

¹³ Розин В.М. Воспитание и детство героя Курымушки-Алпатова в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь» // Известия Российской академии образования. 2023. № 1 (61). С. 88.

¹⁴ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 215.

новости о государе и отношении дворянства к императору он называет не стоящими внимания серьезной хозяйки, возникающими из-за большой склонности к русской классике:

Трудно сказать, что подмывало такую серьезную хозяйку интересоваться новостью, не имеющей в повседневной жизни никакого значения. Вероятней всего, это вытекало из ее большой склонности к литературе¹⁶.

Однако чуткий читатель Пришвина понимает, что все дальнейшее повествование о жизненности классики доказывает обратное: интуитивно Мария Ивановна находила правильное руководство для жизни именно в заветах классиков:

Ученная на медные деньги, Мария Ивановна постоянно читала классическую русскую литературу — Достоевского, Тургенева, Толстого, Гончарова, а из иностранных — Шекспира, Диккенса и Сервантеса¹⁷.

Конечно, и сам Пришвин ориентировался на векторы поиска и находки указанных писателей. Не случайно, делая отступление о читателе в главе «От автора»¹⁸, Пришвин заявил о правде, поступавшейся в роман: это один из важнейших толстовских мотивов. Именно правдивость, силу правды, позволяющей увидеть в произведениях Толстого настоящую жизнь, Пришвин ценил более всего. 5 сентября 1928 г. он записал в дневнике:

Произведения Толстого стремятся к правде. Каждая строчка Толстого выражает уверенность, что правда живет среди нас и может быть художественно найдена, как исследователем, например, железная руда¹⁹.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 54–56.

¹⁹ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8. С. 196.

А на закате жизни писатель порою ставил толстовскую силу правды даже выше литературного творчества. 12 июля 1953 г. Пришвин отметил:

В лесу везде просеки со всех сторон света сходятся к одному столбу. И отсюда лес виден далеко-широко-глубоко: на север, на юг, на восток и на запад. Так в истории русской правды сходятся к Льву Толстому нравственные пути нашего русского общества: далеко видно и глубоко. <...> Искусство у Толстого является как бы слугой правды, образующей поведение Толстого, искусство является дивным примером возможности осуществления правды в искусстве, и этот маяк еще долго будет светить нам вперед²⁰.

Тема социального неравенства звучит в романе Пришвина более всего именно в толстовском ее понимании — искреннем, непосредственном, не случайно это восприятие преломляется через детский взгляд. В «Кашеевой цепи» мы видим важное наблюдение маленького Миши Алпатова о том, что многие мужики меняются, переступая через порог барского дома:

Много думал об этом Курымушка, почему такие бедные и несчастные мужики бывают в доме, когда приходят за чем-нибудь к матери, и самые веселые люди, самые хорошие — на полях они — те же самые мужики²¹.

Курымушка считает, что его мать боится мужиков, на самом деле Мария Ивановна уважает мужицкий труд, не хочет выглядеть барыней: про себя она говорит в мужском роде «сам», поскольку ведет все хозяйство, лишний раз не хочет раздражать крестьян видом сословных различий, которые и так вызывают массу проблем: Курымушка недоумевает, когда мать приказывает занести самовар с балкона в комнату, чтобы чаепитие не было на виду у работающих мужиков.

Считая усадебный образ жизни одним из самых правильных, позволяющих помещику заняться реальным трудом и при этом

²⁰ Там же. С. 648–649.

²¹ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 23.

почувствовать силу земли, осознать свою нужность, заняться преобразованием владений, Пришвин в «Кашеевой цепи» показывает вырождение дворянства, особенно мужской его части, неизменно сопровождаемое упадком жизни помещиков. Когда разговор в романе заходит о дворянах Отлетаевых, оказывается, что мужчины у них — самые легкомысленные люди:

<...> У Отлетаевых мужчины были все незначительные, и часто попадались феномены: один вмиг промотал имение, поступил контролером на железную дорогу и так по легкомыслию своему поставил там дело, что только чудаки берут билет, большинство по железной дороге ездит зайцами; другой, когда банк отобрал имение, переселился к мужику и даже мужика испортил, пьянствует с ним, спит с его женой и охотится с единственной уцелевшей борзой²².

Пришвин показывает, что на рубеже веков и в начале XX в. усадебному топосу угрожало разрушение с разных сторон. «Высшей безалаберностью» называет мать Михаила Алпатова поведение Отлетаевых, а мудрый крупчатник Семен Парфеныч Петров убежден, что «дворянство свою кровь истратило, в этом разе не поможет образование»²³. В день Марии Египетской на именины к Марии Ивановне собираются самые разные гости, на примере которых Пришвин показывает разделение дворян по степени состоятельности в дореволюционное время. При описании усадебного топоса в романе используется прием визуализации, когда уезжающий на учебу Курымушка видит по пути разные усадьбы:

Изредка в безлесных полях, как островок, показывалась усадьба с белыми каменными столбиками вместо ворот. Очень странно ду-малось, глядя на эти ворота: что, если заехать туда, будет казаться, будто много там всего и самое главное — там; а если выехать, то главное кажется тут, на большаке, этому конца нет, а усадьба — просто кучка деревьев²⁴.

²² Там же. С. 198.

²³ Там же. С. 218.

²⁴ Там же. С. 57.

Автор оставляет впечатление маленького героя без комментариев, но подводит своих читателей к мысли о том, что усадьба сильна хозяевами, их позицией, взглядом на значимость и ценность усадебной жизни, то есть готовностью ее организовывать и поддерживать.

Кроме дворянского оскудения и обособления в романе «Кашеева цепь» воплощена трагедия русского крестьянства, желавшего земли и воли, но не научившегося видеть духовные смыслы родной земли, считавшего ее исключительно объектом торга. Пришвин показывает своеобразный параллелизм поисков своего автобиографического героя и русских мужиков: если Михаил Алпатов жаждет *открытия новых земель* для расширения горизонта и кругозора, для обретения поистине целостного взгляда на жизнь на Земле, то мужики *ждут «новой земли»* (новых плодородных участков) для увеличения урожаев, улучшения достатка. Нельзя не согласиться с утверждением И.С. Упюпина о том, что

извечная тяга к земле русского человека, его неудовлетворенность насущным и устремленность к недостижимому идеалу порождает мифологему *искушения землей*, которую художественно воплотили в своих произведениях Л.Н. Толстой и М.М. Пришвин²⁵.

Пришвин показывает, что мужики в основной массе лишены чуткого, творческого отношения к хозяйству, что земля для них — предмет возможной собственности и спекуляций. Писатель констатирует, что крестьяне, веками обрабатывавшие землю, ее не любят и не ценят. О.А. Богданова делает вывод о том, что «пришвинская мысль очевидна: крестьяне-грабители предали родную землю, тот высший смысл, который в ней жил», ведь

«русская земля» — это не просто участок суши с определенными географическими координатами, это прежде всего память, традиция, это культурный слой с могилами предков и следами их де-

²⁵ Урюпин И.С. Евразийский контекст мифологемы искушения землей в прозе Л.Н. Толстого, М.М. Пришвина, А.И. Солженицына // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2019. С. 87.

тельности по превращению когда-то «пустой» земли в пашни, сады, усадьбы, подобие рая²⁶.

Вряд ли бы Михаил Алпатов смог прозреть так рано во взгляде на мужиков, на усадебный быт и землю, если бы не учительница Дунечка, которая раскрывает герою утилитарное отношение мужиков к земле, жаждущих обладать ею не как кормилицей и высшей ценностью, а как товаром, наживой:

Они все мое дело понимают материально: дьякон — это не то что мужик, и за это они меня называют не ангелом-хранителем душ, а хранителем тела, каким-то лейб-ангелом. И так все сводится у них к земле, которая не возвышает их, как мы думали, по Успенскому и Некрасову, а уничтожает, вся душа их выходит в реве: «Земли, земли!»²⁷.

Пришвин не выступает в роли судьи, принимая сторону мужиков или господ, он, скорее, созерцает все происходящее. В этом плане автобиографический герой романа «Кашеева цепь» напоминает Дмитрия Нехлюдова из романа Толстого «Воскресение», который жалеет о постепенном разрушении усадеб, их оскудении в связи с неспособностью мужиков сохранить прежнее хозяйство. Автобиографический герой Толстого, как и сам автор, — сторонник американского политэконома Генри Джорджа. Герой Толстого идет по сложному пути совершенствования и преображения, в финале романа писатель в сознании Нехлюдова сопрягает открывшийся ему здравый смысл человеческих взаимоотношений с притчей о виноградарях. Нехлюдов приходит к дорогой самому Толстому мысли о невозможности земли находиться в чьей-то собственности, у героя появляется не потребительское, а высокое отношение к земле как настоящему дому всего человечества и источнику жизни. Вслед за Толстым Пришвин сталкивает в романе два восприятия — детское,

²⁶ Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. Топика. Динамика. Мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 178. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1)

²⁷ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 180.

непосредственное, не испорченное и восприятие взрослого человека, ошибающегося и в погоне за условными материальными ценностями забывающего о душе и духовном богатстве. В «Кашеевой цепи» Пришвин следовал за многими идеями и художественными открытиями Толстого: как Толстой на рубеже XIX–XX вв., так и Пришвин уже в XX в., оглядываясь назад, на прошедшую эпоху, время своей юности и молодости, приходит к выводу о том, что лучшей формой землевладения в России было усадебное, помещичье хозяйство, но при условии нахождения во главе его мудрого и рачительного, чуткого хозяина, готового выступать скорее организатором, отказавшись от роли собственника.

Как и Дмитрий Нехлюдов у Толстого, Михаил Алпатов отправляется в путешествие, только для последнего оно начинается в юном возрасте. И Нехлюдов, и Алпатов отправляются в Сибирь: для Нехлюдова она становится итоговым пунктом на пути прозрения, а для Алпатова фактически открывает дорогу к расширению мира. Н.И. Лишова справедливо считает, что мотив пути в пришвинской наррации — сквозной, концептуальный: «Каждая минута вписана им в вечность, что помогало быть всегда современным»²⁸. Ранее мы уже указывали на двоякое понимание путешествия в романе «Воскресение» Толстого²⁹. С одной стороны, с путешествием связывается мысль о легкой и беззаботной поездке куда-либо, предполагающей получение удовольствия. С другой стороны, путешествие подразумевает и мотив освобождения человека от ложных стереотипов, характерных для неправильного восприятия жизни, исправление ошибок отрочества и юности.

В повести «Юность» Николенька Иртеньев более всего желает вернуться к детской чистоте и непосредственности, утраченным в ходе не совсем правильного пути становления героя. В романе «Воскресение» Толстого для Дмитрия Нехлюдова путешествие косвенно связывается с мотивом детской беззаботности — это точно такое же столкновение двух миров: испорченного и неиспор-

²⁸ Лишова Н.И. Мотив пути в романе М. Пришвина «Кашеева цепь»: композиционно-структурное своеобразие // *Philologos*. 2011. № 1 (8). С. 50.

²⁹ Андреева В.Г. Мотив пути и образ путешественника в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // *Верхневолжский филологический вестник*. 2022. № 1 (28). С. 23.

ченного. Символичной в романе оказывается игра племянников Нехлюдова в путешествие:

Сестра рассказала про детей, что они остались с бабушкой, с его матерью, и, очень довольная тем, что спор с ее мужем прекратился, стала рассказывать про то, как ее дети играют в путешествие, точно так же, как когда-то он играл с своими двумя куклами — с черным арапом и куклой, называвшейся француженкой (т. 32, с. 322).

Толстой показывает, что дети, правильно и искренне воспринимающие все окружающее, в отличие от взрослых людей, лишены сдерживающих их тягостных условностей: это позволяет им видеть радость жизни и целостность мира³⁰.

Михаил Алпатов у Пришвина — тоже настоящий путешественник. Основные открытия совершаются героем романа «Кашеева цепь» после значительных перемещений. Михаил Алпатов знакомится с новыми землями, и в процессе поездок по России и за границе он все более осознает глубинную функцию земли — не просто возможность кормить человечество, но способность рождать урожай для всех, независимо от возраста, социального положения и достатка. На первый взгляд, его поездки по России, а потом и за границу кажутся вызванными течением обстоятельств, необходимыми поступками и меняющимися взглядами, однако на самом деле Алпатов проходит в своих путешествиях сложные уроки, приближающие его к пониманию не сиюминутных и временных общественных веяний, но основополагающих законов жизни, по которым живут не только русские люди, но все человечество.

Во многом «Кашеева цепь» — это роман об освобождении русской земли, и даже шире — об осознании человечеством непреходящей ценности жизни на Земле в ее глобальном масштабе. Вот автобиографический герой Пришвина вспоминает о том, что на месте нынешней новой деревни когда-то стояла родная ему усадьба:

На том месте, где была наша усадьба, теперь новая деревня построилась, и в старом саду — сенокос, но трава на когда-то удобренных

³⁰ Там же. С. 24.

клумбах и теперь растет выше, косцы узнают, вспоминают, что тут раньше были цветы³¹.

В словах Михаила Алпатова не слышно жалости и боли по поводу утраты усадьбы, однако это связано не только с прославлением автором новой советской действительности, в которой не осталось усадебного владения в прежнем виде — Пришвин смотрит дальше, на годы вперед, стараясь представить время, когда не только русские люди, но и жители всех других стран не будут делить землю и ее богатства.

Если говорить о смысле названия произведения, то ««Кашеева цепь» у Пришвина — это, во-первых, собирательный образ социального зла, а во-вторых — условное обозначение всего дряблого, слабого, безвольного, что таится в душе человека и мешает ему выявить свое “я”»³². К этому определению можно добавить, что «Кашеева цепь» в романе Пришвина ассоциируется с узкоутилитарными подходами представителей разных классов и сословий, не готовых жить ради души. Именно такой образ жизни мужиков, тяготящий и разочаровавший человека, старалась описать Михаилу Алпатову Дунечка.

22 сентября 1916 г. Пришвин записал в дневнике важную мысль, четко поясняющую глубинное понимание им причин кризиса накануне революции в России:

Боже мой, что было бы на земле, если бы каждый сельский хозяин ясно и точно видел цель свою: свиную тушу и больше ничего. Не было бы Руссо, Толстого, Аксакова, русского мужика, старинных усадеб, воспоминаний, да, ничего бы не было: поели бы и еще откормили и еще поели, и так бы шло³³.

В «Кашеевой цепи» Пришвин констатирует, что период упования интеллигенции на личный труд был быстро преодолен в связи

³¹ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 28.

³² Чуваков В.Н. Кашеева цепь. Комментарии // Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 639–640.

³³ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8. С. 93.

со сложившейся обстановкой — полным обесцениванием усадебных мест, забвением самим русским народом тех усилий, которые были направлены на созидание усадебного мира.

Юный Михаил Алпатов заражается разными общественно-политическими идеями (народническими, марксистскими), но постепенно, по мере расширения сознания, преодолевает их. Идея путешествия, побега от реальности, сдерживающая человека в условных рамках, возникает у Алпатова очень рано. Читатель понимает, что перед Михаилом Алпатовым стоят вечные проблемы человеческого предназначения, поиска своего места среди людей, правильных взаимоотношений. Алпатову мало усадебного топоса, мало одного города и даже одной России, его тяга к открытиям сродни тому чувству, которое побуждало юного Толстого писать тетушке А.А. Толстой:

Мне смешно вспомнить, как я думывал и как Вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно! (т. 60, с. 231).

Вероятно, именно это же чувство побудило Толстого в осеннюю октябрьскую ночь 1910 г. уйти из Ясной Поляны.

Маленький Курымушка постепенно становится тем, кем он хотел быть — человеком мира — благодаря матери: в самое сложное время она смогла сохранить семью, собственным трудом и участием во всех заботах, выпадающих на долю хозяев, сохранить родовую усадьбу, дать всем сыновьям хорошее образование. У Пришвина отношение к земле и людям, усадебное прошлое во многом определяют путь лучших ищущих героев.

В гимназии Алпатов выступает одним из зачинщиков побега в Азию. Греза мальчика-подростка о путешествии чуть позднее оказывается одним из жизненных векторов: Алпатов едет в Сибирь с дядей, чтобы доучиться в гимназии в одном из сибирских городов. Описание пути в Сибирь дяди и племянника содержит множество отсылок к русской классике, немало библейских и архетипических образов и мотивов:

За Камой — тоже суровый Урал. Поезд незаметно ползет с горы на гору, и все только леса вокруг и кое-где долины, покрытые высокой цветущей травой. Сверкает смелая привольная коса, а позади ее — смиренная женщина с граблями. Он косит, она собирает; вечная пара, покорно выполняющая заповедь: в поте лица своего обрабатывай землю³⁴.

По мере движения из Европы в Азию и далее уже по Азии юный Алпатов проникается некрасовскими мотивами сеятеля и жатвы, поиска счастливого. Но счастье самого героя омрачает мысль о неравенстве, идейном и социальном:

Я счастливый, — думает Алпатов, — хотя и поздно, а у меня вырастает, но почему же вот эти настоящие сеятели бродят по всей нашей земле, и все нет им земли, чтобы посеять свое зерно, и как тут быть, если у меня будет счастье, — я стану на первое место, как дядя советует, а вокруг все будут несчастные, и я буду, как мать, прятаться от мужиков <...>³⁵.

Перед Михаилом Алпатовым стоят не социальные, но вечные проблемы человеческого предназначения, поиска своего места среди людей, правильных взаимоотношений.

Как и в центральной России, в Сибири возникает мотив нехватки земли, поиска лучшей земли:

Ходок руками разводит:

— Много искал, нет земли.

— Как нет земли? — не удержался Алпатов. — Вон все земля и земля.

Все засмеялись.

— Нет, вьюнош, — сказал ходок, — то не земля, много к ней нужно еще капиталу, чтобы вышла земля³⁶.

³⁴ Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 113.

³⁵ Там же. С. 114.

³⁶ Там же. С. 117.

Сибирь открыта и показана главному герою не для того, чтобы он остался на этой земле, на которой осел его дядя, так и не реализовавший свои планы. Алпатов видит и со стороны, и изнутри дом дяди, более похожий на большой корабль, неуклюжий и мрачный. Выстроив эту городскую усадьбу с расчетом на большое общество и хорошую хозяйку, дядя не смог найти достойной женщины, поэтому все в его доме устроено странно и безжизненно, с роскошью и претензиями, но *без продолжения и смысла*.

Из Сибири повествователь вновь переносит нас в имение Марии Ивановны, чтобы показать прочное устройство усадьбы и хозяйства, которыми руководит женщина, сумевшая не только выкупить дважды заложенное имение, но и подновить его, привести в порядок и устроить на новый лад. Писатель отмечает, что благосостояние каждой усадьбы держится на внутренних составляющих и на людях. Усадьба, как не раз убеждается читатель «Кашеевой цепи», это не столько строения, вещи, инструменты, сколько люди, способные организовывать усадебный топос.

Пространство жизни Алпатова тяготеет к постоянному расширению: причем оно происходит как в мечтах, так и в реальной жизни. С художником Михаилом Николаевичем Курымушка переносится в Италию, во время длительного заключения в тюрьме Алпатов обретает смысл в иллюзорном путешествии к северу. С уверенностью можно сказать, что в «Кашеевой цепи» Пришвина воплощены и художественно реализованы своеобразные «реплики» Толстого и Чехова, произнесенные их героями о земле. В рассказе Толстого «Много ли человеку земли нужно» черт искушает главного героя землей. Пахом не мирится с тем, что хозяйство идет хорошо, семья живет в достатке, начинает узнавать, «как бы земли в вечность купить» (т. 25, с. 71). Жадность мужика приводит к смерти, в итоге приговораются ему только три аршина земли. Как мы уже показали выше, эта линия искушения землей находит в романе Пришвина свою реализацию. Однако в художественном мире романа непротиворечиво реализуется и высказывание героя Чехова из рассказа «Крыжовник»:

Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа³⁷.

Е.Ю. Кнорре справедливо пишет о конфликте человека, индивидуального «я» и идеологии государственной системы в произведениях Пришвина:

Новый мир в концепции Пришвина — это взаимодействие бессмертной личности и космоса, преодолевающее «наивный эгоизм» государства³⁸.

Действительно, пространство «нового мира» для Пришвина в меньшей степени связано с государственным устройством, в большей — с заботой о живой жизни на земле. Внимательному читателю романа Пришвина дорог не столько сюжет странствия героя по Европе, сколько его восприятие заграницы и сравнение ее с Россией. Своему новому немецкому другу Отто Алпатов описывает отличие русской земли от немецкой:

<...> там чернозем в аршин толщиной и долго может давать урожай собственной силой. А в лесу иногда рубят охотники огромное дерево, только чтобы выгнать маленькую белочку: дерево в таком лесу ничего не значит. В России есть края, где летом солнце светит и ночью, а на другом конце не бывает зимы. Там, в России, ни в чем нет счета и меры, как в Германии, и если начнутся поля, то это поля: никакой глаз не может досмотреть их до конца, все рожь или пшеница, овес и картофель <...>³⁹.

Молодой Михаил Алпатов говорит Отто про революционную интеллигенцию, поднимающую и пробуждающую народ, однако в контексте последующих изменений героя важна лишь идея будущей гар-

³⁷ Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1986. Т. 10. С. 58.

³⁸ Кнорре Е.Ю. Идеал нового «мы» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1914–1928 гг. // Соловьевские исследования. 2015. № 3 (47). С. 137.

³⁹ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 274.

моничной жизни людей. Несмотря на приземленность и мещанскую сущность немцев, подобных Отто, на широту души русского человека, герой Пришвина здраво оценивает плюсы и минусы русской и европейской жизни. Писатель наглядно иллюстрирует примитивное видение бытия немецким рабочим, чье существование ограничено небольшим отрезком земли, очень похожим на соседние:

<...> с двух сторон тесно зажали каменные стены клочок земли величиной в небольшую комнату, на клочке в одном углу беседка, в другом сортир — и все! Рядом с этим соседний участок, точно такой же картофельный с беседкой и сортиром, и так без конца, потому что эти участки рабочих колоний составляют в Берлине кольцо <...>⁴⁰.

Между тем герой Пришвина очень точно передает и беды русской жизни, особенно хорошо осознаваемые в благоустроенной Германии, где каждый аршин любовно преобразен человеком. Алпатов вспоминает русское бездорожье, где «врагу желают прекрасной дороги, только чтобы он поскорее убрался, а друг осужден всю жизнь тащиться по невылазной грязи»⁴¹. Именно за границей видится Алпатову «новая Родина», однако для героя это страна, освобожденная от рабства и предрассудков, это свободная земля, которая связана не с долгом, а со счастьем человека, не случайно герой готов заменить политически и граждански маркированное слово «родина» на «пейзаж».

Отнюдь не абстрактная тяга к прекрасному и не аполитичность Пришвина побуждают его искать замену слову «родина», писатель не отказывается от родной земли. Он против национализма и уверений в избранности: Пришвин показывает, что «закрытость» человека от живой жизни связана не с национальной принадлежностью, а с неспособностью выйти на более высокий уровень понимания окружающего. Отец и дедушка Отто всю жизнь работали на фабрике в Берлине, поэтому Отто и не может понять замечаний Алпатова о запахе земли. Зато их прекрасно понимает супруга Отто, Мина:

⁴⁰ Там же. С. 276–277.

⁴¹ Там же. С. 301.

<...> Мина вздохнула: она понимала Алпатова. Ведь у нее тоже прекрасная родина — Саксония, там горы и лес. И она очень хорошо знает запах родной земли⁴².

Сам Пришвин отмечал в дневнике, что читатели часто не осознают простых и прямых воззваний, которые есть в его произведениях. Так, 19 мая 1931 г. он писал:

Очень возможно, что творческая предубежденность, которую изображаю я в «Родниках Берендея» или в последней главе «Кашеевой цепи», принимается публикой за то мещанское спокойствие, иллюзорную идиллию, которую вообще соединяют со словом «природа». С другой стороны, в это напряженно-индустриальное время мысль невольно остерегается притягательной силы Земли, как предубежденности индустрии: с этой землей связаны имена Руссо, Толстого и особенно народников. Никому не приходит в голову читать мои вещи не символически, то есть за простотой моего языка видеть и простую, хотя и поэтическую жизнь. Пиши я о заводах, конечно, я и там бы нашел Землю и говорил бы то же самое, но тогда у меня не было бы в обращении таких сбивчивых понятий, как природа и т. п., и я скорее мог бы выбиться к широкому пониманию меня обществом⁴³.

Н.В. Борисова пронизательно отметила, что Пришвин

воспринимает провинцию как близкое себе пространство, где ему хорошо дышится. Писателю с его космическим мироощущением легко «вдали от столиц»; провинция для него «космоцентрична», здесь «живая жизнь», что-то родное, укорененное, без того «убогого урбанизма», подчеркнутого социотризма, в котором, по мнению Пришвина, исчезает дух природной гармонии⁴⁴.

⁴² Там же. С. 277.

⁴³ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8. С. 230.

⁴⁴ Борисова Н.В. Лев Толстой в художественном сознании М. Пришвина // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 90.

В «Кашеевой цепи» писатель превыше всего ставит не абстрактную любовь к земле, а чувство, основанное на неустанном труде и поклонении. В.Н. Чуваков отметил, что «наблюдения над жизнью малоземельных крестьян в сознании Курымушки оформляются в легенду о “втором Адаме”, который пришел на землю, когда “первый Адам”, изгнанный богом за грехи из рая, уже заселил ее, и для “второго Адама” свободной земли не оказалось»⁴⁵.

Михаил Алпатов показывает, что он смог соединить для себя образ земли и матери, распространить свою любовь не на конкретный участок суши, а на всю нашу удивительную планету:

Мне даже и жить не нужно долго в каком-нибудь краю, мне довольно взглянуть на любой ландшафт с тем страстным чувством земли, какое было у моей матери, чтобы эта земля стала мне родной <...>⁴⁶.

Одной из самых частых и распространенных оппозиций у Толстого было противопоставление жизни и отражений жизни, в романе «Кашеева цепь» Пришвин показывает разницу между живой жизнью, которая характерна для Алпатова, и «сухой жизнью», полной условностей и ограничений, сдерживающих развитие личности и осознание человеком своего предназначения. Образ «сухой жизни» лучше всего представлен в романе на примере описания учительниц-народниц, которые работают в музее, создают гербарий и сами постепенно засыхают:

Алпатов смотрел в микроскоп, потом гербарий, жуков, уродов в спирту, но в музее все было сухое, учительницы многие тоже уже совершенно засохли и сами годились в музей⁴⁷.

Образ учителя виделся Пришвину совсем не таким, функция учителя, по мнению писателя, заключается не в узком наблюдении

⁴⁵ Чуваков В.Н. Кашеева цепь. Комментарии // Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 640.

⁴⁶ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 456.

⁴⁷ Там же. С. 191.

за «засушенными» экспонатами, учитель — это человек, способствующий становлению личности и расширению жизни, но не с отказом от прошлого, а с глубинным аналитическим возвращением к исходному пункту развития, к осмыслению представлений о себе и о мире. Именно поэтому думающего читателя романа «Кашеева цепь» поражает сопоставление понятий и масштабов: вместо Азии умирающий от чахотки друг Алпатова Жуков предлагает ему посмотреть альпийские растения на Галичьей Горке, находящейся всего за несколько верст.

Герою Пришвина, представителю лучшей части русской интеллигенции, необходимо было пройти большой и сложный путь, увидеть издалека раскинувшуюся землю с островами имений, потом — гибель этих имений, чтобы далее возродить память о них в собственных произведениях. В стремлении к эпическому всеединству Пришвин в большой степени следует за Толстым. Очень примечательна запись Пришвина в дневнике от 11 ноября 1920 г., в которой писатель вспоминает, ставя рядом, двух дорогих ему людей — мать и большого художника слова, на которого он старался равняться всю свою жизнь:

Вчера подул теплый ветер и растаяла зима. Черная оттепель. Темно, и белая муть над бездною. Ужасный месяц: в такое время умер Толстой, мать умерла <...>⁴⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что в своем философском романе и романе становления героя «Кашеева цепь» Пришвин во многом ориентировался на находки Толстого, как художественные, так и мировоззренческие. Усадебный топос в романе Пришвина и прозе Толстого неизменно связывается с образом земли и становлением личности — прохождением главным героем пути от детской радости, полноты чувства и непосредственности, искреннего восприятия мира через разочарование к новому уровню осознания жизни, сознательному возвращению к ее полноте и многосторонности. Именно вслед за Толстым Пришвин использует в «Кашеевой цепи» схему взросления и становления героя, показы-

⁴⁸ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8. С. 130.

важает важность образов дома, родителей, учителей. От социальных, классовых ограничений, национальной обособленности Пришвин, как и Толстой, выходит к идее бесконечного роста и совершенствования человека, его взаимодействия с миром и сохранения при этом детской чистоты как залога правильного понимания жизни.

В условиях советской власти Пришвин просто не мог в своем романе открыто сказать многого — потребовались сказочные образы, путешествия героев, особые сюжетные ходы. Отдельные пометы писатель делал в каждом издании романа, и в текст последнего прижизненного издания также вносил правку. Для Пришвина, стоявшего выше политических распрей и обособлений, главная проблема выражения заключалась в том, чтобы от любви к русской земле и аромату мужицкого хлеба, от проблемы осушения болот на своем земельном участке выйти к любви ко всей планете и человечеству.

ГЛАВА 3

От утраченного «усадебного рая» к обретению нового дома: толстовские мотивы в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»

Роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» является одним из самых известных и вместе с тем сложных (с точки зрения восприятия, осмысления философии и мировоззрения автора, воссоздания художественной целостности) произведений XX в. «Доктор Живаго» содержит панораму жизни России, размышления о народных судьбах и яркую линию героя-интеллекта. Пастернак не просто стал наследником великой русской литературы, оказавшей значительное влияние на композицию и сюжет, поэтику «Доктора Живаго», историософию автора, во многом именно благодаря рецепции находок русских романистов XIX в. писатель смог создать в начале романа атмосферу если не спокойной, то *размеренной усадебной жизни*, и далее показать сложность, закономерность того кризиса, в котором оказалась Россия.

Постараемся осмыслить место и значение усадебного топоса в художественном мире романа Пастернака, обозначить типологию усадеб в произведении, уяснить представления персонажей и их отношение к форме усадебной жизни в прошлом и ее возможной эволюции в новых условиях. Нам особенно интересна усадебная тема у Пастернака в свете рецепции находок русской классической литературы, прежде всего, наследия Толстого, которые позволили писателю сделать образы усадьбы и дома важнейшими смысловыми и идейными центрами романа.

Противоречия, связанные с обостренной гордостью героев Пастернака, с их стремлением переделать мир, напоминают читателям персонажей Достоевского. О.С. Сухих подчеркивает, что переключки Пастернака с Достоевским присутствуют не столько на уровне сюжетного построения, сколько на уровне философско-этической проблематики¹. Но в рассуждениях о прошлом и настоящем, истории и повседневности, о предназначении человека и его земном пути, о полноте жизни и творчестве Пастернак в романе «Доктор Живаго» в большой степени опирается на наследие Толстого, у которого «перенимал» сам подход к жизни, творчески осваивая толстовское видение окружающего. А. Поповф подчеркнул, что «в понимании Пастернака между его поколением и Толстым не существовало той пропасти, которая видится нам теперь. Из толстовских романов Пастернак черпал многие свои идеи и поэтические метафоры»².

Исследователи творчества Пастернака отмечают, что писатель в 1950-е гг. «продолжал линию позднего Толстого», наследуя как художественные, так и нравственные принципы классика»³. Опора на толстовские принципы и принятие толстовского представления о ходе истории означали для Пастернака разделение непростых и двойственных взглядов предшественника на русскую аристократию, русское дворянство. Юрий Живаго, как и Константин Левин в «Анне Карениной», Дмитрий Нехлюдов в «Воскресении», и дорожит собственным дворянским, усадебным прошлым (вспомним привязанность героев Толстого к своим домам, имениям), и чувствует необходимость решительных изменений, которые в случае с Живаго происходят независимо от него, по воле исторических событий

¹ Сухих О.С. «Великий инквизитор» в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 354.

² Поповф А. О «толстовском аршине» в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 322.

³ Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 468. Дмитрий Львович Быков, 20.12.1967 г. р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» 29.07.2022 г. включен в Реестр иностранных агентов в России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 25.03.2026).

и обстоятельств. С одной стороны, как и Толстой, Пастернак оказывается сторонником дворянской жизни, усадебного бытия — тех форм, которые неизмеримо быстро в конце XIX — начале XX вв. вырождались и уходили из русской жизни. Оба художника показывают, что вина за распадение былого благополучия заключается в безволии и пассивности, неготовности к переменам и работе в новых условиях большинства дворян. Взгляды Юрия Живаго перекликаются с толстовскими, однако именно с воззрениями самого Толстого, а не с идеями толстовцев, фактически извративших мысли классика. Примечательна в данном случае характеристика эпизодического персонажа Выволочнова, который приходит в гости к дяде Юры:

Это был один из тех последователей Льва Николаевича Толстого, в головах которых мысли гения, никогда не знавшего покоя, улеглись вкушать долгий и неомраченный отдых и непоправимо мельчали⁴.

Образы усадеб в романе Пастернака «Доктор Живаго» до сих пор не были предметом исследования литературоведов. Существующие единичные заметки и статьи посвящены не аналитическому осмыслению роли усадеб в художественном мире романа «Доктор Живаго», а усадьбе или дому-музею Пастернака⁵. Отдельные работы ученых направлены на проблему рецепции Пастернаком сюжетов, мотивов и образов русской литературы: как правило, в общих чертах отмечаются традиции классики в прозе Пастернака. Некоторыми исследователями иллюстрируется отступление Пастернака от православных канонов: «Искусство, поставленное на место христианства, может творить лишь выдумку и сказку <...> Гений писателя превращает жизнь в сказку, быт освещается, но не освящается <...>»⁶. Порою достаточно пространно обозначается новаторство писателя:

⁴ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 43.

⁵ Фирсова А.В. «Сад Пастернака»: поэтическая матрица в ландшафте // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преображения. Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 174–193. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6)

⁶ Свицкова А. Тема рыцарства в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Достоевский и XX век. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 272.

Новаторство Б.Л. Пастернака по отношению к прозе XIX в. заключается в попытке объединить поэзию и прозу в пределах одного произведения, представить ментальную сферу героя как осмысление и переплавление объективных событий реальной жизни в субъективность лирического дневника⁷.

В монографических исследованиях о творчестве Пастернака⁸, некоторых статьях⁹ и диссертационных работах¹⁰ подробнее рассматривается возможное влияние творчества классиков русской литературы на Пастернака, однако усадебной тематике внимания уделяется очень мало.

Наиболее ярко примеры усадебного топоса показаны в начале романа «Доктор Живаго», при описании детства и отрочества Юры, его пребывания в некоторых усадьбах. Вместе с тем, с первых глав входит в роман амбивалентное представление об усадебной жизни, формируемое благодаря множеству различных мнений и происшествий. Роман начинается с похорон матери Юры и фактически распада семьи, утраты дома. Вскоре после смерти матери Юры, Марии Николаевны (символично, что это имя носи-

⁷ Вьясова А.П. Традиции русской прозы и новаторство в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Восточно-Европейский научный журнал. 2017. № 12-4 (28). С. 48.

⁸ Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. 600 с. Дмитрий Львович Быков, 20.12.1967 г. р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» 29.07.2022 г. включен в Реестр иностранных агентов в России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 25.03.2026).

⁹ См.: Гаспаров Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. С. 241–273; Нагина К.А. Жалость и соблазн: Пастернак versus Л. Толстой // Характерологические стратегии в русской литературе / науч. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 265–292; Попофф А. О «толстовском аршине» в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 319–329.

¹⁰ См.: Журавлев А.Н. Толстовская концепция человека и творчество Бориса Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 155 с.; Поливанов К.М. «Доктор Живаго» как исторический роман: дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 2015. 262 с.

ла матушка Толстого), покончит жизнь самоубийством и его отец, просадивший и развеявший по ветру миллионное состояние семьи. Сиротство героя Пастернака напоминает читателю о самом Толстом, рано потерявшем мать и отца, о его автобиографическом герое Николеньке Иртеневе¹¹.

Еще до описания усадебного топоса в повествование Пастернака врывается мотив оскудения дворянских гнезд, мотив обездоленности. Однако фактически после констатации разрушения семейного достатка и приговора, вынесенного автором семье Живаго: «Вдруг все это разлетелось. Они обеднели»¹², на некоторое время эти мотивы отступают на задний план, уступая место описаниям счастливого отрочества Юры. Пастернаку важно было сделать Юру наследником лучших дворянских традиций XIX в. Автор показывает сочетание и переплетение в жизни главного героя двух сторон: драматического разрушения личного, семейного уклада, совершающегося на фоне значительных исторических перемен, *беспорядочной жизни без плана*: «Так, в беспорядке и среди постоянных загадок, прошла детская жизнь Юры, часто на руках у чужих, которые все время менялись»¹³, и *мечтаний об упорядоченной жизни*, так необходимой врачу и художнику.

Исследователи романа уже не раз отмечали, что Юрий Живаго, как и его отец, умирает в дороге, вне дома: и тут неизменно возникает ассоциация с оставившим Ясную Поляну и умершим на станции Астапово Толстым. При этом если у старшего Живаго бесконечные переезды были вызваны распушенностью, неумением вести дела: «Юре всегда говорили, что он то в Петербурге, то на какой-нибудь ярмарке, чаще всего на Ирбитской»¹⁴, то Юрий Живаго вынужденно становится странником, жаждущим обрести дом и уют, память о которых он хранит благодаря знакомству с усадебным хронотопом: как личному, так и по книгам.

¹¹ Исследователи отмечают творческое освоение Пастернаком первой трилогии Толстого и ориентацию на нее. См.: *Абрамова К.В.* Повесть Л.Н. Толстого «Детство» как претекст «Детства Люверс» Б. Пастернака // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 94–105.

¹² *Пастернак Б.Л.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 9.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Большое значение в представлении усадебного топоса, а также в первом скрещении судеб главных героев имеет Дуплянка — имение, принадлежащее шелкопрядильному фабриканту и покровителю искусств Кологривову. Иван Иванович Воскобойников, к которому взял Юру его дядя, «на правах приюительства занимал у богача Кологривова две комнаты во флигеле управляющего»¹⁵. В то время, когда Юра в первый раз оказался в имении Кологривовых, там жили только две дочери хозяина, Надя и Липа, с воспитательницей и небольшим штатом прислуги, а сам Кологривов был за границей. Читатель увидит его, «человека передовых взглядов и миллионера, сочувствовавшего революции»¹⁶, позднее, когда Лара поступит в дом Кологривовых в качестве наставницы Липочки, а сам Кологривов не раз будет спасать ее в сложных ситуациях.

Примечательно, что маленький Юра и молодая Лариса независимо друг от друга с большим упоением воспринимают Дуплянку, которая является в романе упоительно-загадочным топосом волшебного места, топосом дома для членов семьи Кологривовых, а при этом остается местом труда и сельскохозяйственной работы для большей части крестьян.

В первый раз Дуплянка открывается именно с позиции народной — как место бесконечных и тяжелых трудов: топос усадьбы через контрастное описание его пространственно-функциональных признаков предстает перед читателем в сложной амбивалентности. При первом появлении в романе владений Кологривова мы не видим *дома, самой усадьбы*, зато видим *господскую и мужицкую землю*, ожидающую работников. В описании жатвы прочитывается некрасовский мотив отсутствия на земле труженика, который актуализируется благодаря образу недожатой полосы, более того, в данном случае некрасовские мотивы сочетаются с размышлениями и образами позднего Толстого, реализованными в его публицистике и романе «Воскресение»:

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 13.

По причине обедненного времени или по случаю праздника в полях не попадалось ни души. Солнце палило недожатые полосы, *как по-луобритые арестантские затылки* (Курсив мой. — В.А.)¹⁷.

Если в некрасовскую эпоху несжатая полоса ассоциировалась с болезнью или смертью крестьянина-кормильца, который занемог в том числе из-за невыносимых условий жизни, то благодаря сравнению Пастернак актуализирует в сознании понимающего читателя тексты позднего Толстого, в которых особенно ярко звучит проблема владения землей и возможности простого человека распоряжаться своей жизнью. На память приходят так ярко описанные в романе «Воскресение» каторжные и политические заключенные, сама идея неуместного и несправедливого наказания, в полной мере позднее почувствованная и воплощенная Пастернаком:

Но не смигивая и не спуская глаз смотревший на шествие арестантов мальчик с длинной, худой шеей решил вопрос иначе. Он знал еще твердо и несомненно, узнав это прямо от Бога, что люди эти были точно такие же, как и он сам, как и все люди, и что поэтому над этими людьми было кем-то сделано что-то дурное — такое, чего не должно делать; и ему было жалко их, и он испытывал ужас и перед теми людьми, которые были закованы и обриты, и перед теми, которые их заковали и обрили (т. 32, с. 332).

Знаковое сравнение привносит в текст романа мотив произвола — мужики и господа предстают двумя противоборствующими лагерьями: стороной, устраивающей беспорядки, и стороной сдерживающей, управляющей, но не всегда способной к мудрому руководству. Однако автор романа не выражает своего отношения к различным трактовкам и представлениям об усадебном топосе, абсурдность сложившегося положения связана даже не с формами жизни, а с неспособностью властей упорядочить жизнь в стране. Судя то тому, как сказочно хорошо чувствуют себя в Дуплянке лучшие герои Пастернака, мы можем сделать вывод о том, что усадебная жизнь, по мнению писателя, была одной из лучших форм жизни в XIX в.

¹⁷ Там же. С. 10.

В.И. Тюпа отмечает, что целое романа Пастернака представляет собой «прерывистую (рвущуюся и возобновляемую) цепь тайн превращения и загадок жизни и одновременно цепь откровения и узнавания все нового и нового о себе и жизни»¹⁸. Особое внимание ученый уделяет линии Нади Кологривовой:

Одним из многочисленных звеньев этой цепи предстает, например, короткая сюжетная линия Нади Кологривовой. В первой части (в Дуплянке, производившей на Лару чарующее впечатление) она олицетворяет тайну женственности, когда Ника Дудоров с нею по-детски неуклюже разыгрывает первую в романе аллюзию парадигмальной пары. Во второй части она помогает Ларе укрыться от Комаровского. Наконец, в четвертой части Надя появляется на свадьбе Лары <...>¹⁹.

В.И. Тюпа отмечает, что благодаря подарку на свадьбу — удивительной красоты ожерелью — «Надя, прежде чем вовсе исчезнуть из текста, словно эстафету передает Ларе сюжетную функцию олицетворения женской тайны»²⁰. Отмеченная ученым сюжетная линия Нади Кологривовой прочно связана с дореволюционной жизнью и высшим аристократическим сословием. На свадьбу к Антиповым Надя приезжает как будто *из другого мира*, которому вскоре суждено будет стать только воспоминанием.

Внимательный анализ художественного мира романа позволяет говорить об определяющем значении усадебного топоса в становлении героев Пастернака. При описании Дуплянки и собственных ощущений Юра делает акцент на «дворянском чувстве равенства со всем живущим»²¹, которое было у его дяди, а также вспоминает маму — о ней ему напоминает красота и живописность усадьбы. Писатель подводит нас к мысли о том, что указанное чувство отличает настоящих дворян, является важнейшим признаком понимаю-

¹⁸ Тюпа В.И. Нарративная интрига «Доктора Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25). С. 87.

¹⁹ Там же. С. 88.

²⁰ Там же.

²¹ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 11.

щих людей. Чувство равенства с живущими возможно только при признании особой одухотворенности бытия, устранения владельческих превосходств, наличие его снимает вопросы о каком-либо проявлении насилия или сдерживания.

Пастернак показывает, как Юра и Лара, в силу возраста, происхождения и финансового положения лишенные проблем помещиков-собственников, еще до глубокого сознательного прихода к высшему смыслу жизни открывают его для себя через ощущения в имении Кологривовых. Дуплянка производит на героев магическое и врачующее действие. Автор отмечает, что Лариса «любила это место до самозабвения, больше самих хозяев»²², что когда по приезде на станцию поезд уходил, «среди воцарявшейся безбрежно-обалделой и душистой тишины взволнованная Лара лишалась дара речи, ее отпускали одну пешком в имение <...>»²³.

Усадебная жизнь словно возвращает Юре и Ларе их собственные силы: такое воздействие становится особенно понятным с учетом типологии имения Кологривовых. Для описания особенностей Дуплянки мы воспользуемся усадебной классификацией В.А. Лётина и Н.Н. Лётиной²⁴. Так, перед нами *загородное, дворянское* имение, очень *зажиточное, крупнопоместное*. Функционально оно является *жилым*, пусть к нему и применим сезонный признак (хозяева, как правило, приезжали в имение летом). Пастернак не описывает богатый дом Кологривовых: к усадьбе читатель подступает не «по-хозяйски», а «издалека», вместе с молодыми героями Пастернака, приезжающими в усадьбу в качестве гостей. Сначала мы приближаемся к усадьбе с Юрой, который живет некоторое время с дядей в домике управляющего, отгороженном от барского дома, парка с прудами и лужайками густой изгородью из черной калины. Взору Юры открывается «периферия усадебного пространства»²⁵:

²² Там же. С. 76.

²³ Там же.

²⁴ Лётин В.А., Лётина Н.Н. Типологические, структурно-функциональные, семантико-символические основания изучения русской усадьбы XVII – начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 4. С. 279–284.

²⁵ Там же. С. 281.

Они прошли мимо *оранжереи, квартиры садовника и каменных развалин неизвестного назначения* (Курсив мой. — В.А.)²⁶.

Все эти структурные элементы усадьбы важны, показывают ее величину и значимость: оранжерея иллюстрирует актуальность жизни в имении в любое время года, квартира садовника ассоциируется с мотивом ухода за садом, наконец, каменные развалины или руины являются, по всей видимости, специально устроенным местом запустения, контрастирующим со всем усадебным великолепием:

Руины <...> функционально могли использоваться в качестве смотровых площадок, эстрад, мест уединения. При этом запустение места подчеркивалось соответствующим декором и посадкой мхов, ползучих растений, кустарников. Символически руины — граница вечного и временного, демонстрация течения жизни²⁷.

Не случайно разговор собеседников после прохождения соответствующего отрезка пути и лицезрения развалин заходит о новых молодых силах в науке и литературе.

Конечно, и для Пастернака описываемая им Дуплянка ассоциировалась с лучшими днями усадебной жизни:

Лето 1913 года — последнего года прежней России — Пастернак проводил под Москвой, близ станции Столбовая Курского направления, в усадьбе Молоди, которую семья сняла на все лето. Дом был старый, двухсотлетний, — классическая екатерининская усадьба с огромным парком; в парке над рекой почти горизонтально росла старая береза, в развилке веток которой, вспоминал Пастернак, образовалось нечто вроде «висевшей над водою воздушной беседки»²⁸.

²⁶ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 13.

²⁷ Лётин В.А., Лётин Н.Н. Типологические, структурно-функциональные, семантико-символические основания изучения русской усадьбы XVII – начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 4. С. 281.

²⁸ Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 69. Дмитрий Львович Быков, 20.12.1967 г. р., на основании статьи 7 Федерального закона от

Значимые откровения, которые коррелируют со всей их последующей взрослой жизнью, приходят к Юре и Ларисе именно под влиянием усадьбы действительности. Прелесть сада, запах цветов, «пригвожденный зноем неподвижно к клумбам», напоминают Живаго Антибы и Бордигеру — воспоминание о матери и одновременно упоминание земель юга Франции и Италии привносит в текст мотив райской жизни. В Дуплянке Ларисе на одно мгновение открывается *потерянный и затемненный смысл существования*:

Она тут, — постигала она, — для того, чтобы разобраться в сумасшедшей прелесть земли и все назвать по имени, а если это будет ей не по силам, то из любви к жизни родить себе преемников, которые это сделают вместо нее²⁹.

В этом значимом откровении Ларе дается понимание *не просто истинной женской сущности, но и смысла творчества* (тут явлены Пастернаком два альтернативных пути бессмертия — в памяти людской и в детях). О.Н. Турышева этому удивительному прозрению юной Лары, пришедшему к ней под влиянием жизни природы, противопоставляет Живаго, который размышляет над статьей о Блоке³⁰. По нашему мнению, исследовательницей в линии Живаго выбран не составляющий парной рифмы эпизод: открытию Лары в Дуплянке соответствует описание состояния Юрия после смерти Анны Ивановны, когда он обретает способность говорить, чувствует единство происходящего. Значим тут и акцент на семейной хронике — память о собственной родословной (это также толстовский мотив) долгое время являлась особенностью дворянской жизни — перед нами вновь «дворянское чувство равенства со всем живущим»:

14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» 29.07.2022 г. включен в Реестр иностранных агентов в России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 25.03.2026).

²⁹ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 77.

³⁰ Турышева О.Н. Читательский опыт в «Докторе Живаго» // Новый филологический вестник. 2012. № 4 (23). С. 61.

Все эти двенадцать лет школы, средней и высшей, Юра занимался древностью и законом Божьим, преданиями и поэтами, науками о прошлом и о природе, *как семейною хроникой родного дома, как своею родословною*. Сейчас он ничего не боялся, ни жизни, ни смерти, всё на свете, все вещи были словами его словаря (Курсив мой. — В.А.)³¹.

Усадьба Кологривовых в романе наделяется лучшими особенностями, появляется своеобразный миф о прекрасной жизни в имении, который уходит в прошлое и сохраняется позднее только в памяти некоторых героев. Отдельные детали усадебного топоса выводят нас к теме исторической судьбы дворянских гнезд, осмысливаемой русскими классиками. Так, Иван Иванович Воскобойников зовет Николая Николаевича посидеть на лавочке на краю обрыва: и упоминание об обрыве, и наличие у Кологривова двух дочерей возрождают в памяти читателя «Обрыв» И.А. Гончарова. И.А. Сухановой представлен очень интересный анализ образа оврага, обрыва в романе Пастернака³². Исследовательница рассматривает все реализации этого образа-символа в романе, отмечая, что слово *овраг* и его синонимы являются частью текстового семантического поля враждебности. Образ обрыва и оврага неизменно соотносится в «Обрыве», а следом и в «Докторе Живаго» с опасностью, угрозой, искушением, падением и искалеченной судьбой женщины. Не случайно оврагу под названием Шутьма автор уделит внимание при описании жизни семьи Живаго в Варыкино, в части старой усадьбы.

Обратим внимание еще на одну особенность образа оврага в романе. «В Шутьме постоянно раздаются выстрелы, и начинаются они сразу после того, как Вакх “представляет” Шутьму приедем <...>», — отмечает И.А. Суханова³³. Сложно в данном случае не вспомнить героя Гончарова — нигилиста и революционера Марка Волохова, призывавшего Веру именно выстрелами со дна

³¹ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 89.

³² Суханова И.А. Лейтмотив оврага в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2. С. 20–25.

³³ Там же. С. 22.

оврага. У Гончарова, Достоевского и Чехова Пастернак заимствует преимущественно те художественные находки, которые связаны с кризисными состояниями человека, его страстями, нездоровым состоянием общества. О.А. Седакова заметила, например, что тема творчества, поэзии во многом чужда Достоевскому в том представлении, которое есть о ней у Пастернака:

Существо творчества и артистического вдохновения, как об этом в стихах и в прозе многократно и в разных словах говорит Пастернак, — это память об Эдеме, память особого рода: не ностальгическая — воспоминание о навеки утраченном золотом веке, но память о рае как вечно действующей силе <...>³⁴.

Как мы уже неоднократно отмечали ранее на страницах данной книги, именно у Толстого все лучшее и светлое, в том числе поэтическое, творческое, связано с мыслью о существовавшем в детстве усадебном рае. Именно первоначально полученное ощущение полноты жизни, ее радостного многообразия, погруженности героя в самый центр Вселенной обуславливает как у Толстого, так и у Пастернака поиск утраченной гармонии.

Д.С. Лихачев справедливо писал, что «ближе всего в своем понимании хода истории Пастернак к Л.Н. Толстому»:

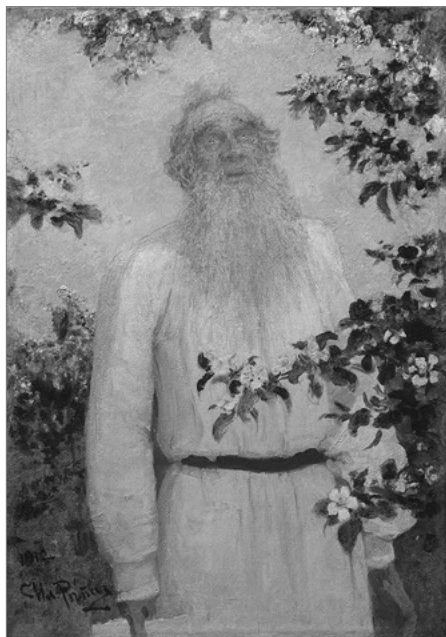
Не будь у Толстого его исторического мировоззрения, исповедуй он взгляд на личность как на главный двигатель истории, народной эпопеи у него не получилось бы. Была бы трагедия лиц, Кутузов легко отошел бы в тень перед Наполеоном, и народ, нация оказались бы где-то внизу событий. Это Пастернак понимал³⁵.

Можно сказать, что в «Докторе Живаго» Пастернак гармонично наследует и воплощает ту двойственность, которая благодаря масштабу личности великого классика непротиворечиво существова-

³⁴ Седакова О.А. Два христианских романа: «Идиот» и «Доктор Живаго» // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 187.

³⁵ Лихачев Д.С. Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый мир. 1988. № 1. С. 20.

ла в жизни и взглядах Толстого. С одной стороны, как и Толстой, Пастернак оказывается сторонником родовой дворянской жизни, усадебного бытия, с другой стороны, и Толстой, и Пастернак разделяли позицию народа, радели за счастье простых людей, оба писателя, несмотря на вызовы и сложности времени, в которое им пришлось жить, верили, что усадебный топос будет востребован в будущем в новых формах.

Илл. 23. И.Е. Репин. Толстой по ту сторону жизни. 1912 г.

Холст, масло. 120 × 88 см.

Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

До того, как отроком Юру Живаго устраивают в нормальную семью и дом, ему приходится скитаться по знакомым дяди. Николай Николаевич, брат Юриной матери, и сам вынужден постоянно переезжать. В Москве, где у него не было собственного угла, Николай Николаевич снимал кабинет у дальних родственников. Дядя Юры тоскует по дому и уюту, не случайно он не хочет останавливаться в гостинице. Пастернак не ограничивается упоминанием

о снятом кабинете — мы видим обстановку этой комнаты, ассоциирующуюся с книжной жизнью хозяина: «Несмотря на свои четыре окна, кабинет был темноват. Его загромождали книги, бумаги, ковры и гравюры»³⁶, и узнаем фактически о субаренде Николаем Николаевичем комнаты, издавна принадлежавшей князьям Долгоруким (как тут не вспомнить «Подростка» Достоевского, переживаний Аркадия по поводу своего происхождения):

Этот двухэтажный флигель, слишком большой для бездетной четы Свентицких, покойные старики Свентицкие с незапамятных времен снимали у князей Долгоруких³⁷.

Владение Долгоруких являет пример городской усадьбы, очень значительной по своим размерам, с садом, включающей множество разностилевых построек, однако расположенной компактно и даже именуемой Мучным городком. Сдача городских усадеб в конце XIX – начале XX вв. была очень прибыльным делом и для известных аристократических семей. Е.Е. Юдин отмечает, что

аристократия продолжала тратить значительные средства, зачастую достигавшие трети всех своих доходов, на содержание роскошных дворцовых резиденций в обеих столицах, но при этом научилась извлекать не меньшие суммы из других своих городских владений. Заключение сделок по сдаче внаем жилых и коммерческих помещений, залоги и другие финансовые операции с недвижимостью вошли в повседневную жизнь, стали привычной составляющей экономических интересов знатных фамилий³⁸.

Уточнение важно писателю не только для организации последующего сюжетного движения — далее у Свентицких будет проходить большой новогодний праздник, на котором окажутся как Юра с То-

³⁶ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 41.

³⁷ Там же.

³⁸ Юдин Е.Е. Аристократия и ее владения в двух столицах Российской империи, 1890–1914 гг.: городская собственность как источник благосостояния // История и архивы. 2021. № 1. С. 34.

ней, так и Лара, стрелявшая в тот день в Комаровского, — но и для иллюстрации дворянской жизни старой Москвы, фактически оставшейся в начале XX в. такой, какой она была в русских классических романах второй половины XIX в. В Москве Юра оказывается «в родственном круге Веденяпиных, Остромысленских, Селявиных, Михаелисов, Свентицких и Громеко»³⁹, причем от «безалаберного старика и пустомели Остромысленского», к которому сначала поселили Юру, мальчика забирают в дом Громеко. Мы узнаем, что родня звала старика Остромысленского просто Федькой, что старик этот сожительствовал со своей воспитанницей, считал себя «потрясателем основ», поборником идей, тратил на себя деньги, предназначенные на содержание Юры, — по нашему мнению, фигура Остромысленского сближается с образом Федора Павловича Карамазова из романа «Братья Карамазовы» Достоевского. От этого развратного старика Юру забирают к Громеко — в семью, живущую в традициях образцовых дворянских домов. По всей видимости, Пастернак намеренно создает контрасты — развращенной среды у Остромысленского и тяги юных героев, живущих в семье Громеко, к абсолютным чистоте и целомудрию:

Этот тройственный союз начался «Смысла любви» и «Крейцеровой сонаты» и помешан на проповеди целомудрия⁴⁰.

Пастернак делает семью Громеко одной из образцовых, а дух их жилища сближает с атмосферой лучших домов, изображенных Толстым, с семьей самого писателя в поздний период жизни — как тут не вспомнить рассказы А.Б. Гольденвейзера о музыкальных вечерах у Толстого и не сопоставить их с описанием в романе Пастернака:

Громеко были образованные люди, хлебосолы и большие знатоки и любители музыки. Они собирали у себя общество и устраивали вечера камерной музыки, на которых исполнялись фортепианные трио, скрипичные сонаты и струнные квартеты⁴¹.

³⁹ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 42.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 56.

Не случайно Пастернак подробно представляет один из музыкальных вечеров у Громеко: и атмосфера вечера, и богатые закуски передают общее благополучие дворянской жизни в городской усадьбе — даже сравнение с зимней дорогой (которая потом будет одной из ключевых в жизни доктора Живаго) не вызывает пока никакой тревоги:

Из зала через растворенные в двух концах боковые двери виднелся длинный, как зимняя дорога, накрытый стол в столовой <...>⁴².

Нельзя исключать того, что фамилия Громеко была выбрана Пастернаком не случайно: Ипполит Степанович Громека был известным ученым-механиком, а Михаил Степанович Громека — критиком и публицистом, испытавшим значительное влияние Толстого и его идей: главная и широко известная в XIX в. литературно-критическая работа его посвящена роману «Анна Каренина»⁴³.

В отличие от Громеко, которые сами постоянно участвовали в организуемых ими музыкальных праздниках и вечерах, Свентицкие каждый год проводили своего рода ритуальное действо по определенному образцу и сценарию. В их городскую усадьбу съезжалось множество людей, причем организовывались две елки — для детей (продолжалась до вечера), а следующая — для молодежи и взрослых (продолжалась до утра). Пастернак описывает все характерные приметы дворянского усадебного праздника, в котором за исключением внешних приличий для гостей не существует более никаких принуждений: общество поделено на части по интересам и увлечениям, возрасту, ритму жизни и отдыха. Примечательно, что при внешней изолированности более пожилых гостей и танцующей молодежи, зала празднования все-таки одна, просто она поделена на зоны, которые легко могут быть преодолимы желающими. В описании интерьеров залы писатель передает элементы дворцового масштаба и величия с указанием на конкретное оформление — помпейский стиль:

⁴² Там же. С. 58.

⁴³ *Громека М.С.* О Л.Н. Толстом. Критический этюд по поводу романа «Анна Каренина». М.: Тип. И.Д. Сытина и К., 1893. 212 с.

Более пожилые всю ночь резались в карты в трехстенной помпейской гостиной, которая была продолжением зала и отделялась от него тяжелой плотной занавесью на больших бронзовых кольцах⁴⁴.

Не случайно, по всей видимости, Пастернак пишет о «помпейской гостиной»: оформление внутреннего убранства комнат с использованием мотивов древнеримского искусства было популярным в XIX в. Но помпейский стиль в художественном мире романа выполняет еще и функцию своеобразного «предзнаменования» — в отличие от общей темы античности, Помпеи напоминают о разрушенном Везувием богатом городе. Наряженная елка, множество прогуливающихся гостей, бал, его дирижер Кока Корнаков, умело руководящий всеми танцующими, удивительное новогоднее угощение, подготовка подарков четой Свентицких переносят героев и читателей романа Пастернака в обстановку богатого дворянского праздника (которая по контрасту соотносится в романе с после-революционной голодной жизнью как в Москве, так и на Урале). Между тем Пастернак сразу же показывает и обратную сторону этого красивого действия, которая связана с выстрелом Лары и сообщениями о несчастье из дома Громеко — помимо разоблачения использования человека писатель подводит нас к мысли о памяти смертной, так не характерной для веселящихся, для «движущейся, шаркающей и галдящей толпы», которую обносили мороженым и прохладительными напитками⁴⁵.

В воспоминаниях Ларисы о своем падении, помимо прямого указания на картину Генриха Семирадского, по всей видимости, есть и аллюзия к сну Стивы Облонского из романа «Анна Каренина» Толстого. Так, Лариса вспоминает кабинет в ресторане, куда увел ее Комаровский:

Как называлась эта страшная картина с толстым римлянином в том первом отдельном кабинете, с которого все началось? «Женщина или ваза». Ну как же. Конечно. Известная картина. «Женщина или

⁴⁴ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 83.

⁴⁵ Там же.

ваза». И она тогда еще не была женщиной, чтобы равняться с такой драгоценностью. Это пришло потом. Стол был так роскошно сервирован⁴⁶.

При внимательном сопоставлении становится понятно, что это описание перекликается с описанием эротического сна Стивы Облонского:

Да, как это было? Да! Алабин давал обед в Дармштадте; нет, не в Дармштадте, а что-то американское. <...> Да, Алабин давал обед на стеклянных столах <...>, и какие-то маленькие графинчики, и они же женщины (т. 18, с. 4).

Однако распущенность, вызванная вседозволенностью, ни у Толстого, ни у Пастернака не соотносится с усадебным топосом — исключительно с людьми, этот мир и его поэзию разрушающими.

В страшной обстановке всеобщего переворота и обесценивания человеческой жизни Живаго хранит в сердце образ семьи и ушедшего домашнего уюта, тщетно пытается найти, обрести свой дом. Рене Э. Фортен отмечает важность в романе Пастернака образа дома, пишет, что «возвращение домой является одним из высших идеалов человеческой жизни»⁴⁷. Он подчеркивает, что

домашняя тема является выражением обиды Живаго на большевистскую революцию именно потому, что она ставит под угрозу сами ценности, связанные с домом, почитание священных традиций, составляющих «весь человеческий образ жизни»⁴⁸.

На протяжении романа доктор Живаго созерцает, как «весь человеческий образ жизни» повсеместно нарушается. Переходя от одного казенного заведения к другому, Живаго констатирует верное и неминуемое исчезновение прежних форм жизни, в том числе

⁴⁶ Там же. С. 55.

⁴⁷ *Fortin R.E.* Home and the Uses of Creative Nostalgia in “Doctor Zhivago” // *Modern Fiction Studies*. 1974. Vol. 20, № 2. P. 203.

⁴⁸ *Ibid.* P. 204.

разрушение или трансформацию городских и загородных усадеб. Сначала этому способствует война, нехватка помещений для военных и больниц, после — революция. Автор не передает оценочных характеристик своего героя, однако благодаря подробным описаниям мы понимаем, что и Пастернак, и Юрий Живаго не приемлют чрезмерной роскоши барской жизни рядом с крестьянской бедностью, как равно не приемлют и арестов, унижения бывших господ (в своем отрицании прежней жизни из-за ее перегибов герой Пастернака соотносится с Дмитрием Нехлюдовым из романа «Воскресение»).

По мере развития революционных событий и движения сюжета романа опасность и возможность расправы приближается сначала к непосредственным владельцам имений и усадеб, а потом и к их родственникам, наследникам. В вагоне Живаго встречается молодого экстремиста-максималиста Клинцева-Погоревших, выросшего под влиянием дяди, а теперь своим влиянием избавляющего от неприятностей родителей-ретроградов. Одним из самых поэтических отрезков по дороге семьи Живаго на Урал становится время расчистки снега. Ключевым образом всего эпизода оказывается «одинокый, отовсюду открытый дом» — по всей видимости, одна из местных усадеб в небольшом уездном городе⁴⁹. Ряд вопросов, которые задает повествователь, остаются без ответа и выражают общую беду времени: бездомность и ненужность образованных людей, прежде всегда радевших о собственных домах:

Жил ли кто-нибудь в доме, или он стоял пустым и разрушался, взятый на учет волостным или уездным земельным комитетом? Где были его прежние обитатели и что с ними случилось? Скрылись ли они за границу? Погибли ли от руки крестьян? Или, заслужив добрую память, пристроились в уезде образованными специалистами?⁵⁰

Повествователь сожалеет не только о людях, но и о доме, который видел не одно поколение жильцов. Драматизм и глубинные сцепления романа хорошо иллюстрируются на примере этого по-

⁴⁹ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 228.

⁵⁰ Там же. С. 229.

кинутого дома, остающегося пустым и заброшенным в то время, когда сотни тысяч людей ищут пристанища и крова, — перед нами картина эпического масштаба, *государства в ситуации угрозы небытия*: Б.М. Гаспаров точно отметил, что

произведение Пастернака является исторической эпопеей в самом полном смысле этого слова: эпопеей, не только в содержании, но и в самой художественной фактуре которой отпечаталась вся сложность и весь полифонический динамизм изображенного в ней времени⁵¹.

Кульминационной точкой на пути доктора Живаго в осмыслении разрушения усадебного прошлого и собственного возрождения, создания своего убежища, дома становится Варыкино. Именно там, в заброшенном имении, когда-то принадлежавшем Крюгеру (деду Антонины Александровны Живаго по материнской линии) Юрий Андреевич с супругой, сыном и тестем обустраивает пристанище, ставшее одним из самых значимых на всем его жизненном пути:

Это зады господского дома, утонувшие в крапиве. Деревянные, а сам он каменный. <...> Там бы стал я рыть и грядки. По-моему, там остатки цветника. <...> Дорожки надо будет обходить, пропускать, а земля старых клумб наверное основательно уваживалась и богата перегноем. <...> При усадьбе был, должно быть, огород⁵².

В обновленной пристройке, которая станет доктору домом, он узнает о беременности жены, которая позднее родит здесь дочь. В этот же дом Живаго спустя некоторое время привезет Ларису, здесь напишет лучшие свои произведения. О.Н. Турышева подчеркивает, что в Варыкино

⁵¹ Гаспаров Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. С. 270.

⁵² Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 272.

на страницах дневника Живаго разворачивается образ жизни, нацеленной на создание своего мира. Причем это не просто «согласное с природным циклом течение жизни», это жизнь, стремящаяся прийти в согласие с ритмами и смыслами, запечатленными в литературе, жизнь, просветленная чтением⁵³.

Именно в этих стенах Юрий Живаго ощутит себя в полной мере мужчиной, отцом, хозяином и творцом, чувствующим слаженное течение времени, исполнение своего жизненного предназначения.

Обзорно выражая цель путешествия семьи Живаго в Варыкино, Самдевяттов обозначает ее как «извечную тягу человека к земле», «мечту пропитаться своими руками»⁵⁴. По сути дела, перед нами одна из ключевых мыслей интеллигенции конца XIX – начала XX вв. и одно из главных желаний Толстого на пути к простой трудовой жизни.

В Варыкино несколько причудливо и специфически реализуется усадебный миф, хранимый Живаго. С одной стороны, читатель понимает, что попытка семьи и самого доктора уйти от реальности иллюзорна — уединенный мир в новой «усадьбе», на «своей» земле будет слишком кратким. С другой стороны, через налаживаемый быт тут просвечивает бытие:

Жизнь в Варыкине, описанная доктором в его дневнике, после всех первоначальных тревог и забот, действительно напоминает пасторальные картины какой-то старосветской усадьбы, где порядок быта обусловлен душевным покоем и возведен в ранг чего-то нерушимого и вечного, где все надежно и хорошо <...>⁵⁵.

Живаго и Лариса не могут освободиться от мысли о преследовании и расправе, которая и побудила их спрятаться в Варыкино, но оставшись наедине, герои забывают о всякой опасности. Побег

⁵³ *Турьшева О.Н.* Читательский опыт в «Докторе Живаго» // Новый филологический вестник. 2012. № 4 (23). С. 68.

⁵⁴ *Пастернак Б.Л.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 259.

⁵⁵ *Сокрута Е.Ю.* Природа // Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении: коллективная монография / под ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014. С. 237.

в Варыкино вроде бы максимально маркирован приметами времени, однако и Живаго, и Лариса чувствуют себя первыми мужчиной и женщиной: они думают о будущей жизни и своей ответственности за нее, за сохранение мифа о настоящем доме, саде, усадьбе, который в будущем будет воплощен в лучших жизненных формах и образцах. М. Келли обращает внимание на разговор между Ларисой и Живаго в Варыкино, который «расширяет и разъясняет образ мифического объятия»⁵⁶. Келли пишет:

В этом разговоре Лара сравнивает себя и Юрия с Адамом и Евой, первыми мужчиной и женщиной. Говоря о распаде семей, общества и культурных нравов, Лара изображает себя и Юрия как изначальных людей, но также и как «последнее воспоминание обо всем том неисчислимо великом, что натворено на свете за многие тысячи лет между ними и нами». Ее сравнение действует в двух основных направлениях, устанавливая понятие трансформации у Пастернака. Во-первых, оно подчеркивает роль Лары и Юрия в романе Пастернака как первозданных мужчины и женщины и как конечных объектов преображения. (Сима ссылается на это понятие, когда цитирует литургию праздника Благовещения.) Во-вторых, оно подчеркивает необходимую взаимосвязь между восстановлением человечества и восстановлением культуры <...>⁵⁷.

Лучшие герои романа «Доктор Живаго» никогда не реализуют свои представления о доме, однако их идеи настолько сильны и неподдельны, что они останутся живы (в детях и в творчестве) и будут реализованы последующими поколениями. Не случайно Живаго искренне рассказывает Антипову не просто о любви Лары к нему, но о лелеемой ею мечте о семье и родном пороге:

Она... сказала, что если бы на конце земли еще раз замаячило видение дома, который она когда-то с вами делила, она ползком, на

⁵⁶ Kelly M.M.F. Cultural Transformation as Transdisfiguration in Pasternak's "Doctor Zhivago" // Russian History. 2013. Vol. 40, № 1. P. 86.

⁵⁷ Ibid. P. 86–87.

коленях, протащи́лась бы к его порогу откуда угодно, хоть с края света⁵⁸.

Исследователи романа «Доктор Живаго» немало рассуждают о деградации главного героя, который, якобы, значительно опускается после того, как покидает Варькино и отправляется в Москву. Между тем возможное внешнее опущение человека и естественное старение Живаго, потеря сил, связанная с одиночеством, разлукой с самыми близкими людьми, болезнью, по справедливому замечанию А.А. Скоропадской, сопровождаются изоляцией «от суетного людского мира», «аскетическим сосредоточением»⁵⁹ — они необходимы для памяти доктора, призванной выполнить высокое предназначение связи прошлого и будущего.

Проанализированный нами усадебный топос и его трансформации в романе «Доктор Живаго» позволяют говорить о двойственном отношении писателя и его героев к дворянской жизни. Однако усадебное бытие, по мнению Пастернака, было лучшей формой, которую человечеству придется возрождать в будущем, переживая тягу к земле и к настоящей работе. Вслед за Толстым и русскими классиками Пастернак показывает, как его герой в детские и отроческие годы обретает особое видение мира, в котором бережное отношение к родным людям и окружающим, поддержание мудрого устройства жизни, кропотливое созидание главенствуют над насильственными методами, вооруженной борьбой, свидетелем которой Живаго становится во время революции. Юрий Живаго у Пастернака, как и лучшие автобиографические герои Толстого, выросшие в традициях усадебной культуры, призваны были во время быстрых изменений и кризисов сохранить честь и совесть, живую душу, вынести и передать другим не зависящее от строя и политических столкновений знание о жизни. Творчество, любовь и семья у Пастернака, как и ранее у Толстого, закономерно связываются с образом дома (для Толстого — дома яснополянского): по воле злого рока и сумас-

⁵⁸ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 409.

⁵⁹ Скоропадская А.А. Тема рая в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2008. № 1. С. 150.

шедшего революционного века Живаго, Лариса, Антипов и многие другие герои романа Пастернака не могут найти свои дома, однако они несут на себе не столько «все темы времени, все его слезы и обиды»⁶⁰, сколько берегут завещанные жизнью XIX в. и русской классической литературой образцы высокой дворянской культуры.

⁶⁰ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 455.

ГЛАВА 4

Усадебный мир русской классики в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского

«Повесть о жизни» (1946–1963) К.Г. Паустовского создавалась автором на протяжении 18 лет и не была им завершена — писатель успел закончить и опубликовать шесть книг, от седьмой остались только наброски и небольшие по объему фрагменты. Первоначальный авторский текст подвергся издателями значительной правке, с которой писатель в большинстве случаев вынужден был смириться¹.

Как справедливо отмечают исследователи, «Повесть о жизни» стала книгой о становлении героя, пробуждении и развитии его писательского таланта. Кроме того, «Повесть о жизни» показывает историю России в сложное время рубежа веков, Первой мировой войны, нескольких революций начала XX в. и установления советской власти через крушение государства, семьи, через выживание главного героя, постоянно преодолевающего серьезные трудности. Так, фактически на первых страницах книги «Далекие годы» читатель видит сцену переправы через бурлящий поток, которая могла унести жизнь юного героя:

¹ См. подробнее: *Скорыходов М.В.* Последняя авторская воля? (размышления над версткой «Повести о жизни» К.Г. Паустовского 1968 года) // *Вестник славянских культур*. 2025. Т. 77. С. 186–206; *Коржова И.Н.* Метарефлексия в неопубликованных главах повести К.Г. Паустовского «Книга скитаний. (На медленном огне)» // *Вестник славянских культур*. 2025. Т. 77. С. 217–229.

Гнедые лошади, задрав морды, храпя, вошли в стремительную воду. Она ревела и сбивала легкую коляску к неогороженному краю гребли².

Первые три книги «Повести о жизни»: «Далекие годы», «Беспокойная юность» и «Начало неведомого века» содержат ряд примечательных и объемных описаний усадебной жизни, которые перекликаются с образами и мотивами русской классической литературы, прежде всего, конечно, толстовскими. Е.Е. Анисимова точно отметила, что «одним из важнейших механизмов, обеспечивающих авторефлексию периодов литературной истории, вычленение писательских поколений, преемственность типов художественного языка (например, сложное взаимодействие стиха и прозы) и художественного сознания в целом, является механизм рецептивной работы»³.

Мы постараемся наметить и обозначить важнейшие моменты рецепции Паустовским творческих находок Толстого и русских классиков, прежде всего, касающихся усадебного текста и различных образов и мотивов, с ним связанных. В советское время художественное творчество Паустовского оценивалось исключительно в духе социалистического строительства, литературоведы ни слова не говорили о писателе как о продолжателе дела классиков и его выходе к важнейшим проблемам духовного совершенствования. Вместо глубинного анализа душевных колебаний, ошибок и побед человека, присутствующих в произведениях Паустовского, исследователи анализировали совершенно чуждое писателю политизированное направление, считая основной задачей Паустовского стремление «акцентировать гуманистические цели»⁴.

При обсуждении кандидатуры Паустовского на присуждение Ленинской премии 1965 г. писатель и общественный деятель Н.М. Грибачев отметил:

² Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 12.

³ Анисимова Е.Е. Рецепция русской литературной классики на рубеже XIX–XX веков: в постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-2 (84). С. 230.

⁴ Ачкасова Л.С. Гуманизм в творчестве К. Паустовского. Казань: Казанский ун-т, 1972. С. 138.

Мы знаем произведения Паустовского, они очень автобиографичны, и в них главное внимание уделяется тем событиям, которые попадали в личное его поле зрения, в отличие от «Войны и мира», которая размахивается огромными безграничными просторами, осмысливает эпоху⁵.

Именно недостаточное, по мнению членов секции литературы Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР, внимание Паустовского к важнейшим событиям эпохи, в отличие от Толстого, привело к тому, что автор не получил Ленинскую премию за «Повесть о жизни».

В последние тридцать лет ученые обращались преимущественно к сопоставлению прозы Паустовского с художественными шедеврами его современников, как оставшихся в России, так и эмигрировавших из страны, однако именно классическая литература и прежде всего наследие Толстого оказали большое влияние на поэтику, стиль, а также на идейную сторону книги Паустовского.

Исследователи гораздо большее внимание уделяют проблеме рецепции литературы Серебряного века в раннем творчестве Паустовского⁶, но в поздний период писатель наиболее емко и полно реализует творчески освоенные им элементы художественных миров классиков — это выглядело тем более органично, что Паустовский в первых двух книгах «Повести о жизни» писал *еще о дореволюционной России*. Также в литературоведении нередко констатируется «романтический» характер прозы Паустовского, в связи с чем наибольшее сходство прослеживается между его произведениями и ранними сочинениями Тургенева⁷. Так, Н.А. Ку-

⁵ Цит по: *Скороходов М.В.* Кандидаты на Ленинскую премию в год 20-летия Победы: К.Г. Паустовский, К.М. Симонов, С.С. Смирнов (по материалам РГАЛИ) // «Они сражались за Родину»: Литература и история / отв. ред. Ю.А. Азаров, А.Г. Гачева, Е.М. Трубилова. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 1173.

⁶ *Громова А.В.* Интертекстуальность ранней прозы К.Г. Паустовского: постановка проблемы // *Русистика и компаративистика*. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 2010. С. 205–214.

⁷ *Куделько Н.А.* И.С. Тургенев и русская литература XX в. (Б. Зайцев, К. Паустовский, Ю. Казаков). Орел: Орловский гос. ин-т истории культуры, 2001. 189 с.

делько пишет о том, что Б.К. Зайцев, К.Г. Паустовский и Ю.П. Казаков — художники разных мировоззрений, но

линия их в русской литературе XX века одна — линия, восходящая к традиции Пушкина и Тургенева <...> Тургенев и его последователи XX века — реалисты по методу, но в их произведениях проявляются черты романтического видения мира, романтические тенденции, которые придают их прозе особый лирико-поэтический колорит⁸.

Однако, как мы покажем далее, не меньшее, если не большее влияние на Паустовского оказали художественные находки Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

«Повесть о жизни» создавалась Паустовским уже после Великой Отечественной войны, кажется, что между писателем, творившим в это время, и второй половиной XIX в. пролегла значительная временная полоса. Однако не стоит забывать, что первые произведения Паустовского были написаны еще в 1910-е гг., и писатель, прекрасно ощущая нравственные и духовные сомнения современников, ориентировался не на авторов Серебряного века, но на высокие образцы классики. Русская литература второй половины XIX в. существовала в непрерывном и сложном полилоге мнений, голосов, замечаний⁹. Автобиографический герой «Повести о жизни» Паустовского, мечтающий стать большим писателем, конечно, не мог не осознавать необходимости собственной включенности в будущее в подобный спор о жизни. Как отмечает А. Измайлов, «Паустовский убедительно утверждал, что “писательство” есть особая ответственная миссия, что талант писателя — это национальное достояние, что “хорошая биография — это полноценная жизнь”»¹⁰. По словам А. Измайлова, Паустовский

⁸ Куделько Н.А. «Не стоит земля без праведника...» Рассказ И.С. Тургенева «Живые мощи» и русская литература XX века (Б. Зайцев, К. Паустовский, Ю. Казаков) // Спасский вестник. 1997. № 4. С. 15.

⁹ Андреева В.Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2016. С. 382–387.

¹⁰ Измайлов А. К.Г. Паустовский — мастер литературного портрета: «портретирование» эпохи как раскрытие сущности человека // Нева. 2022. № 5. С. 198.

показывал высокую социально-эстетическую роль писателя в воспитании мировоззренческих убеждений, патриотизма, художественного вкуса, чувства справедливости, исторических традиций, любви к природе, в активном участии в коллективной работе по развитию культуры современного общества¹¹.

В художественном мире «Повести о жизни» Паустовский часто упоминает о Пушкине, Лермонтове, Тургеневе, Толстом, Чехове и др. Рассказывая об учебе в гимназии, главный герой подробно останавливается на образах учителей, и в большинстве случаев сообщает о людях, характерах, делая исключение для преподавателей русской литературы. Тут повествователь представляет не только учителей — Шульгина, Троянского, Селихановича¹², но и показывает способность открытия последними глубинных смыслов русской литературы. Так, учитель Селиханович, мягкий и талантливый человек, объясняет гимназистам тайны классики:

Он снял с нее пыль и грязь неправильных и мелких оценок, равнодушия, казенных слов и скучной зубрежки. И она заиграла перед нами таким великолепием красок, глубиной мысли и такой великой правдой, что многие из нас, уже взрослые юноши, были поражены¹³.

Получалось так, что пока были живы Толстой и Чехов, о вечном и ключевых смыслах бытия говорили они, но смерть обоих писателей заставляет автобиографического героя Костю переоценить свои взгляды и ощущать особую ответственность, чувствовать себя продолжателем дела классиков. Он обстоятельно говорит о значительном и наиболее серьезном влиянии русской литературы на него самого и на жизнь всех гимназистов:

¹¹ Там же.

¹² См. о преподавателях гимназии статью: *Скорыходов М.В.* Гимназист Константин Паустовский: становление творческой личности и формирование системы образов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 47–62.

¹³ *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 221.

Но понимание русской литературы, всей ее классической ясности и глубины, пришло к нам позже, чем понимание более легкой литературы Запада¹⁴;

Мы росли и постепенно могучая и, быть может, величайшая в мире русская литература овладевала нашими сердцами и вытесняла на второй, хотя и почетный, план литературу Запада¹⁵.

Уход и смерть Толстого, смерть Чехова в художественном мире книги Паустовского воспринимаются не просто как драматические ситуации, но как *семейные и народные трагедии*, становятся своеобразными вехами в истории распада семьи и крушения Российской империи. Об уходе Толстого главному герою сообщает старенькая хозяйка квартиры, пани Козловская: «Костик, — сказала она, — несчастье с графом Толстым!»¹⁶. И слыша об этом несчастье, Костя считает, что мир не может уже оставаться неизменным:

Я тотчас оделся, натянул шинель и вышел на улицу. Мне казалось, что все в городе должно было сразу перемениться с той минуты, когда пришло ошеломляющее известие. Но все было по-старому¹⁷.

Впрочем, автор сразу же вносит коррективы в общую картину: в Киевской гимназии уход Толстого решительно меняет настрой всех преподавателей и гимназистов. Возвращаясь в класс, Костя слышит, как их классный наставник Субоч читает эпизод из романа «Анна Каренина», а гимназисты слушают, пребывая в полном оцепенении.

Смерть Чехова заставляет глубоко задуматься всех членов семьи Кости, а его отец, осунувшийся и сгорбившийся после этой новости, замечает: «Не думал я, что переживу Чехова <...>»¹⁸.

Временная организация «Повести о жизни», особенно ее первых книг, во многом строится не на указании конкретных дат, чисел, но

¹⁴ Там же. С. 177.

¹⁵ Там же. С. 178.

¹⁶ Там же. С. 101.

¹⁷ Там же. С. 102.

¹⁸ Там же. С. 112.

на сцеплении и упоминании значимых событий и вех в судьбе главного героя и других персонажей. Конечно, повествователь приводит и отдельные годы, к примеру: «Осенью 1902 года я должен был поступить в подготовительный класс Первой киевской гимназии»¹⁹; «Отец только что возвратился из поездки в Москву. Было начало января 1906 года»²⁰. Однако эти даты внешние, время в произведении определяется другими мерками: указанным выше сравнением времени жизни Чехова и жизни отца героя, количеством прооперированных раненых и накормленных беженцев, которым оказывается посильная помощь (Костя принимает в этом деятельное участие), степенью седины матери, степенью слепоты сестры Гали и т. д.

Применительно к «Повести о жизни» исследователи склонны говорить об особом методе подачи материала или типе повествования, иногда об особом виде прозы. Так, О.Ю. Маркина отмечает, что в 1950–1960-е гг. возник термин «лирическая проза», который обозначил «качество повествования в произведениях советских писателей: О. Берггольц, К. Паустовского, В. Солоухина, Ю. Казакова и некоторых других»:

Если в традиционном повествовании действительность отражается объективно, но в преломлении восприятия героя, то в лирической прозе именно мироощущение героя, его чувства являются объектом изображения²¹.

Между тем основой и истоком «лирической прозы» Паустовского необходимо признать и «диалектику души» Толстого, художественные находки писателя в первой автобиографической трилогии, состоящей из повестей «Детство», «Отрочество», «Юность», и более поздние открытия Толстого.

Указанную трилогию Толстого и книгу Паустовского, особенно ее первые три части, сближает не только автобиографический

¹⁹ Там же. С. 73.

²⁰ Там же. С. 123.

²¹ *Маркина О.Ю.* Лирическое начало в автобиографических повествованиях Б. Зайцева и К. Паустовского о юности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 312.

характер, но и специфика повествования, производимого одновременно с двух позиций. В «Повести о жизни» уже поздний Паустовский обращается к годам своего детства и юности, правдоподобно и мастерски рассказывает о прошлом, представляя его с точки зрения взрослого человека, вспоминающего, как бы заново переживающего события своего детства, отрочества, юности и молодости, и с точки зрения растущего героя, живо и непосредственно проживающего происшествие, совершающиеся с ним и на его глазах. Впервые в русской литературе такой тип автобиографического повествования был открыт именно Толстым:

В тексте происходит как бы совмещение двух точек зрения на события: «тогда» (время развития действия) и «сейчас» (время написания воспоминаний), что типично для мемуарных произведений. На одни и те же события смотрит, с одной стороны, ребенок, с другой — взрослый человек²².

И у Толстого, и у Паустовского точки зрения причудливо совмещаются на протяжении повествования, благодаря чему возникает эффект одновременного присутствия в герое-повествователе и взрослого, и ребенка. В плане осмысления усадебной тематики у Паустовского это важно потому, что детство у писателя неизменно связывается с усадебным прошлым. Для иллюстрации приведем пример эпизода, в котором изображен поход Кости с дядей и тетей в театр. Паустовский изображает возвращение вместе с театром, казалось бы, навсегда ушедшей роскошной дворянской жизни с ее эмоциональным накалом:

Стены театра хранили в себе отзвуки умолкнувших голосов, память о жизни напропалую, похищениях, дуэлях, заглушенных рыданиях и горячих сердцах²³.

Очень примечательна оценка героем самого себя в этой сцене:

²² Романова Н.И. Маленький и взрослый Иртеньев в повести Л.Н. Толстого «Детство» // Русская речь. 2008. № 1. С. 19.

²³ Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 153.

Я взглянул на себя в тусклое зеркало в аванложе. Я был очень бледен и так еще по-детски худ, что казалось, вот-вот сломаюсь²⁴.

В данном случае «вот-вот сломаюсь» напоминает именно детское впечатление, а общая оценка худобы ребенка дана глазами взрослого.

Как и Толстой, Паустовский показывает, что детские простые душевные впечатления на самом деле не так уж примитивны и нередко очень точно отражают жизненные реалии. «Совсем как рахат-лукум», — говорит про стеклянную розу в прихожей у учителя Чепурнова Костя. «Глупо, но похоже на правду», — пробормотал Чепурнов²⁵.

И у Толстого, и у Паустовского мы видим мотив семейного оскудения, упадка: несмотря на то, что семьи, в которых растут герои, относительно благополучны, оба мальчика (Николенька Иртеньев у Толстого и Костя у Паустовского) теряют близких и параллельно переживают несколько серьезных жизненных кризисов. Как и Толстой в «Детстве», Паустовский в книге «Далекie годы» начинает повествование сразу с действия, без вступлений, пояснений и предысторий:

Я был гимназистом последнего класса киевской гимназии, когда пришла телеграмма, что в усадьбе Городище, около Белой Церкви, умирает мой отец²⁶.

Николенька Иртеньев рано теряет мать (да и в целом родителей), а Паустовский так строит «Повесть о жизни», что начало ее совпадает с потерей Костей отца. Эти смерти и схоже, и по-разному (в проекции исторического времени) отзываются на состоянии и судьбе семей. Если у Толстого (при двух точках зрения на происходящее) действия в трилогии разворачиваются последовательно, то Паустовский очень часто прибегает к ретроспекциям и, наоборот, иногда забегают вперед. Так происходит, в частности, с главой

²⁴ Там же. С. 154.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Там же. С. 8.

«Смерть отца», которая, как мы уже сказали, открывает «Повесть о жизни»: в дальнейшем герой-повествователь возвращается к упоминанию о смерти отца в общей последовательности событий, но так подробно о ней не пишет.

В художественном мире произведения Паустовского принципиально важно, что отец, за год перед смертью переведенный из Киева на Брянский завод, «без всякой видимой причины, бросил службу и уехал в старую дедовскую усадьбу Городище»²⁷. По мере погружения в художественный мир произведения читатель Паустовского понимает, что эта поездка отца к брату и его жене стала *обретением дома, последнего пристанища*, где он заболел и умер: отец Кости много искал любовь и был не статистиком, а поэтом в душе, но его личные неудачи, отсутствие рядом любящей женщины (он расходуется с женой) побуждают героя вернуться в тот единственный дом, который он может считать родным — *семейную усадьбу*.

Для Кости усадебная жизнь ассоциируется с ранним детством и самым большим счастьем, и в данном случае герой Толстого и герой Паустовского похожи: оба вспоминают дорогую сердцу обстановку имений, связанную с особым ходом жизни, родными людьми. Герой Толстого припоминает учителя и отдельные комнаты с мебелью, вид из окна:

<...> прямо под окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы мне; за дорогой — стриженная липовая аллея, из-за которой кое-где виднеется плетеный частокол; через аллею виден луг, с одной стороны которого гумно, а напротив лес; далеко в лесу видна избушка сторожа (т. 1, с. 7).

Воспоминание о людях начинается у Толстого как бы с картинки:

Матушка сидела в гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайник, другою — кран самовара, из которого вода текла через верх чайника на поднос (т. 1, с. 8).

²⁷ Там же. С. 11.

По-настоящему веселым и счастливым временем Костя в «Повести о жизни» называет именно усадебную жизнь своего детства, когда он с родителями приезжал в Городище на лето из Киева:

Утром я просыпался от жаркого солнца, бившего в белые стены <...> Я вскакивал, подбегал босиком к окну и видел: с того берега по гребле, постукивая суковатыми посохами, медленно надвигались на усадьбу старики <...> В хате стариков встречала мама в летнем нарядном платье <...> За домом лежали два огромных глубоких пруда. Там всегда было сумрачно от старых ив и темной воды²⁸.

В портретных зарисовках людей, в повышенном внимании к личности, прозрении за внешними чертами человека характера и душевной жизни, поиске в человеке светлых сторон Паустовский во многом выступает продолжателем дела Толстого.

Именно счастливая пора детства, когда все близкие были рядом, связывается обоими писателями с образом дома. Ю.В. Курбатова справедливо отмечает, что потеря дома героями Паустовского не только делает их вечными скитальцами, но заставляет искать испытанные покой и равновесие, чтобы ощутить связь поколений и не оказаться выброшенным из рода:

Потеряв дом, герои всю жизнь стремятся обрести такой же покой, какой испытывали в семье, остро чувствуя свое одиночество, они ищут утешения в любви, надеясь через нее прийти к внутренней гармонии, умиротворенному спокойствию²⁹.

Усадебный быт неизменно связывается со старинными вещами, в частности, сундуками. Для Иртеньева памятны сундуки Натальи Савишны:

²⁸ Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 21–22.

²⁹ Курбатова Ю.В. Хронотопическая организация романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и «Повести о жизни» К.Г. Паустовского // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 85.

Обыкновенно, когда я вставал и собирался уходить, она отворяла голубой сундук, <...> вынимала из этого сундука куренье, зажигала его и, помахивая, говаривала: «Это, батюшка, еще очаковское куренье. Когда ваш покойный дедушка — царство небесное — под турку ходили, так оттуда еще привезли. Вот уж последний кусочек остался, — прибавляла она со вздохом». В сундуках, которыми была наполнена ее комната, было решительно все (т. 1, с. 37–38).

Такой же сундук, утешая и развлекая Костю, только что похоронившего отца, открывает тетя Дозя, хозяйка имения Городищи:

Она вытащила из чулана — каморы — сундук, полный старинных вещей. Крышка его открывалась с громким звоном. В сундуке я нашел пожелтевшую, написанную по-латыни гетманскую грамоту — «универсал», медную печать с гербом, Георгиевскую медаль за турецкую войну, «Сонник», несколько обкуранных трубок и черные кружева тончайшей работы³⁰.

На первый взгляд, произвольное наполнение сундука символично: оно рассказывает о прошлом рода и по-своему проецирует, предсказывает будущее героя.

В описании усадебного быта у Толстого и Паустовского ощущаются размеренность, устроенность, порядок — необходимые условия организации духовной жизни. И оба писателя представляют детство не столько как начало, сколько как *дальнейший ориентир по жизни*, позволяющий своевременно осознать отпадение от нужного пути.

У Толстого:

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений (т. 1, с. 43).

У Паустовского:

³⁰ Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 15.

Очень жаль, что всю прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. В детстве все было другим. Светлыми и чистыми глазами мы смотрели на мир, и все нам казалось гораздо более ярким³¹.

Паустовский делает акцент на том, что старинная усадебная культура в значительной степени определяла детство Кости: кроме матери и отца на мальчика особое влияние оказали брат матери Николай Григорьевич (или дядя Коля) и его жена тетя Надя. Большое впечатление на Костю произвела снятая дядей и тетей на лето дача около Брянска в старом, запущенном имении Рёвны. Паустовский подробно описывает это имение, показывая близость усадебной жизни к природе:

Все лето я прожил в Рёвнях, в бывшем потемкинском поместье, среди дремучих Брянских лесов, рек, кротких орловских крестьян, в старинном и таком обширном парке, что никто не знал, где он кончается и переходит в лес³².

Глава «Липовый цвет» полностью посвящена рассказу о поместье: его разорившийся хозяин сдавал на лето две–три дачи.

Книга «Далекie годы», в которой повествуется еще о дореволюционной России, была завершена Паустовским в 1946 г. В рассказах 1940–1950-х гг. и в первой книге «Повести о жизни» автор схоже оценивает элементы и приметы усадебного прошлого: перед нами предстает *эпическое расширение хронотопа* — усадебная культура, дорогая для Паустовского и его автобиографического героя, оказывается тесно связанной с литературой и в целом с русской историей: так, эпизодический герой книги «Далекie годы» Володя Румянцев прекрасно знал провинциальную Россию — «ее ярмарки, монастыри, исторические усадьбы, обычаи»:

³¹ Там же. С. 79.

³² Там же. С. 78–79.

Он ездил в Тарханы, на родину Лермонтова, в усадьбу Фета около Курска, в Лебедин на конскую ярмарку, на остров Валаам и на поле Куликовской битвы³³.

В рассуждениях героев Толстого и Паустовского слышится не только сожаление по невозвратно ушедшему времени, в которое ощущалась особая целостность и полнота бытия, но и признание семейно-усадебной формы существования одной из лучших и продуктивных для жизни. Кроме того, в «Повести о жизни» усадебное детство Кости связано с еще одним поистине эпическим образом, наиболее ярко и полно представленным в творчестве Толстого. Мы говорим об *образе земли*:

Ярче было солнце, сильнее пахли поля, громче был гром, обильнее дожди и выше трава. И шире было человеческое сердце, острее горе и в тысячу раз загадочнее была земля, родная земля — самое великое, что нам дано для жизни. Ее мы должны возделывать, беречь и охранять всеми силами своего существа³⁴.

В представлении родной земли и живого окружающего мира Паустовский во многом следует за Толстым: для него земля — это Родина, кормилица, постоянный объект народного труда и т. п. Рассуждая об эпических основах в произведениях Толстого, мы уже писали, что «рождение и смерть, ситуация войны и образ земли становятся своеобразными критериями в художественных мирах Толстого — все эти четыре эпические константы являются не только смысловыми центрами, но и мерилami для толстовских героев»³⁵. У Паустовского мы видим схожую ситуацию: в линии взросления Кости и его человеческого становления решающее значение имеют именно указанные четыре константы. Костя переживает смерти родных и близких, любимой девушки Лёли, ста-

³³ Там же. С. 110.

³⁴ Там же. С. 79.

³⁵ Андреева В.Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 196.

новится свидетелем гибели множества военных и мирных людей; он участвует в Первой мировой войне в качестве санитара, видит революционные события — угрозу и крушение Империи; наконец, Костя даже принимает роды. В «Повести о жизни» есть рассказ солдата о Толстом и Колере. В этом рассказе нет ответов, но есть вопросы о жизни и смерти, о рае, о праведном труде.

Условно можно сопоставить и эволюцию главного героя Толстого в первой его трилогии, кавказских рассказах и Севастопольских рассказах с историей Кости в «Повести о жизни». Не раз появляются в произведении Паустовского именно толстовские образы и мотивы. Писатель выступает как искренний пацифист, и тут можно говорить не просто об идейном сходстве, но о художественных переключках и стилистических рифмах у Толстого и Паустовского: их в «Повести о жизни» немало. Не раз пишет Паустовский о разнице в представлении войны, которая из величественного действия становится грязной и страшной, не раз показывает, что весь живой мир предлагает человечеству одуматься:

<...> ради этой земли, ради слабого блеска сентябрьской паутины, <...> ради всей этой шелестящей, необыкновенно прекрасной России, — все честные люди всего мира огромным совместным усилием останавливают эту войну³⁶.

В рамках усадебной темы и связанной с ней темы народной доли отдельного внимания заслуживает эпизод осознания Костей первой несправедливости, которая развеивает его представления о счастье на земле: на дачу приходит деревенский мальчик, продающий землянику и кратко рассказывающий о своей семье — смерти отца, надорванной матери. Указанный эпизод переключается с рассказом позднего Толстого «Ягоды», включенным в «Круг чтения»: в нем мы видим барствующих господ, пребывающих на великолепной даче, проводящих время в постоянных разговорах и пытающихся организовать себе досуг, и крестьянских детей, собирающих ягоды и продающих их господам.

³⁶ Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 279.

У Паустовского, конечно, нет настолько ярко противопоставленных полюсов, нет пространных антитетичных картин барской и крестьянской жизни, которые были у Толстого:

Обедали в семь часов. После обеда приятели сидели на веранде, прохладжаясь холодным нарзаном с легким белым вином, и беседовали (т. 41, с. 451);

<...> Девчонки прибежали домой, поели и понесли на поле, где отец перепахивал картофель, обедать. <...> Перебрав землянику и уложив ее в чашки, они понесли ее на дачу к Николаю Семенычу, где хорошо платили <...> (т. 41, с. 459).

Однако, несмотря на отсутствие в рассматриваемом эпизоде у Паустовского резкого противопоставления (семья Кости не так богата), образ белоголового мальчика, прячущего кусок пирога для больной матери, отражает общественную несправедливость:

Мальчик принес продавать землянику. От него пахло ягодами и дымом. Он попросил за кувшин земляники гривенник, но мама дала ему двадцать копеек и кусок пирога³⁷.

Вывод автобиографического героя Паустовского однозначен, он далек от толстовских заключений и призывов в поздней публицистике, однако содержит и укор, и жалость, и осознание собственной пассивности:

Я долго не мог забыть этого белоголового мальчика и втайне осуждал маму. Она откупилась от укоров совести пирогом и двугривенным. Я хорошо понимал это. Понимал, что горькая несправедливость требует иных поступков, чем жалкие подачки³⁸.

В художественном мире книги Паустовского юного Костю не раз называют интеллигентом, интеллигентным мальчиком. Именно ин-

³⁷ Там же. С. 109.

³⁸ Там же.

теллигентность ценит как главное человеческое качество мать героя. В третьей книге «Повести о жизни», которая носит название «Начало неведомого века», автор рассуждает о судьбе «великой, гуманной русской интеллигенции», «детище Пушкина и Герцена, Толстого и Чехова»³⁹, под которой прежде всего понимает дворян. Как и многим героям позднего Толстого, в частности, князю Дмитрию Нехлюдову, Косте приходится признать отживающий характер прежних дворянских форм жизни, в том числе помещичьего, усадебного бытия. Оставаясь интеллигентом, человеком образованным и чутким, герой Паустовского еще до революции, находясь в полном одиночестве, осознает необходимость помощи окружающим, ощущает не раз обозначаемую поздним Толстым идею связи всех людей.

У Толстого идея неразрывной связи человека с окружающими людьми, с народом соединена с трансформацией форм прежней жизни помещиков. Но если Нехлюдов волею ситуации, жизненного случая (встречи с Катюшей Масловой и осознания собственной вины) от высшего класса приходит к большому народному миру, то для героя Паустовского такое обретение мысли о единении с простыми людьми становится основой выживания (и фактического — в условиях революции, и обретения внутреннего смысла бытия):

<...> Я думал о родстве одиноких людей, таких, как мадемуазель Мартен, Фицовский и я. Мне казалось, что мы должны сдружиться и оберегать друг друга, чтобы сообща преодолевать эту тугую жизнь⁴⁰.

Стремление героев Паустовского быть со своим народом во многом перенято у Толстого. Имя великого классика каждый раз на страницах «Повести о жизни» появляется не случайно. Вот, к примеру, разговор с сельским аптекарем Лазарем Борисовичем выходит к теме профессии, призвания, и тут последний убеждает Костю, что самое ценное — быть с народом и за народ. В череде призваний, которые перечисляет Лазарь Борисович, есть много разных, но Костя говорит, что хочет быть писателем, вызывая не только грозное удивление, но и страшное волнение аптекаря, кото-

³⁹ Там же. С. 517.

⁴⁰ Там же. С. 190.

Илл. 24. Л.Н. Толстой с просителями-крестьянами.
1908 г. Ясная Поляна. Фото К.К. Буллы.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

рый замечает о необходимости настоящего знания жизни, приводя в пример, конечно же, Толстого — писателя истинного:

Мало ли кто хочет быть писателем! Может быть, я тоже хочу быть Львом Николаевичем Толстым⁴¹.

Суровая реальность войны заставляет Пьера Безухова в «Войне и мире» и Костю в «Повести о жизни» прийти к схожим формулам, выражающим суть жизни. Для Пьера такой формулой становится триада «простота, добро и правда», утверждаемая Платоном Каратаевым, похожее определение находит и герой Паустовского:

Жизнь входила в сознание как нечто суровое и требующее постоянной работы для того, чтобы очистить ее от грязи, сукровицы и обмана и увидеть *во всем ее великолепии и простоте* (Курсив мой. — В.А.)⁴².

⁴¹ Там же. С. 266.

⁴² Там же. С. 307.

Одна из важнейших категорий, сближающих автобиографические книги Толстого и Паустовского, — это категория памяти, первостепенная при представлении усадьбы жизни, ее форм, которые герой Паустовского признает уже безвозвратно ушедшими. Ю.В. Курбатова считает хронотоп памяти ключевым в ряде глав «Повести о жизни», «которые начинаются с объекта или события, вызвавшего в сознании автора череду воспоминаний об определенном отрезке своей жизни»⁴³. Если жизнь взрослых героев Толстого и Паустовского закономерно расширяется как бы «по горизонтали», за счет встреч с людьми, общения, поиска себя, выхода к миру, то детские главы (в повести «Детство» Толстого и в книге «Далекie годы» Паустовского) расширяются за счет целостного восприятия мира ребенком, а также благодаря «вертикальным» связям — историям разных членов рода, событиям семейно-историческим.

Лето перед восьмым классом гимназии герой Паустовского проводит в маленькой небогатой усадьбе Иолча у родственников. Жизнь усадьбы показана в сложное время набегов на помещиков, совершаемых бандами разбойников, позиционирующих себя защитниками бедняков. Семья Севрюков, в которую приезжает Костя, находится в постоянной опасности, однако из усадьбы не уезжает. Собственно, и сама усадьба Севрюков не роскошна, это не дворец или замок, даже не большой усадьбный дом, выстроенный по заранее созданному архитекторами плану, но предмет усилий и несколько хаотичных достраиваний хозяина и хозяйки:

Показалась усадьба, окруженная частоколом. На поляне в лесу стоял странный восьмиугольный деревянный дом со множеством веранд и пристроек⁴⁴.

С трудом выстроенная Иолча держится на фоне страшных погромов, совершаемых в других имениях, о которых рассказывает лесник-обходчик.

⁴³ Курбатова Ю.В. Хронотопическая организация романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и «Повести о жизни» К.Г. Паустовского // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 84.

⁴⁴ Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 194–195.

Но описание Иолчи представлено в «Повести о жизни» не так подробно и ярко, как сцена гибели мальчика-проводника. Она очень схожа с одним из удручающих рассказов Ивана Карамазова брату Алеше в романе Достоевского «Братья Карамазовы». История о мальчике-поводыре, который сопровождал слепца и был затравлен псом-волкодавом, спущенным сторожем-ингушом богатого помещика Любомирского, сразу же воскрешает в памяти читателя рассказ Карамазова:

Одну, только одну еще картинку, и то из любопытства, очень уж характерная, и главное, только что прочел в одном из сборников наших древностей, в «Архиве», в «Старине», что ли, надо справиться, забыл даже, где и прочел. Это было в самое мрачное время крепостного права, еще в начале столетия, и да здравствует освободитель народа! Был тогда в начале столетия один генерал, генерал со связями большими и богатеиший помещик <...>⁴⁵, —

сообщает Иван Алеше и далее повествует о маленьком мальчике, бросившем камень и попавшем в ногу любимой генеральской гончей, а потом затравленном собаками на глазах матери по приказанию старого генерала.

Этот случай, описанный в «Братьях Карамазовых», чудовищен, он поражает безжалостностью и особенно запоминается всем читателям романа Достоевского. У Паустовского мы видим явную аллюзию:

Слепец остановился, а поводырь испугался и бросился бежать. Волкодав догнал его и задушил. <...> Крестьяне подобрали мертвого мальчика и принесли в село Погонное. Завтра мальчика будут хоронить⁴⁶.

Паустовский «зарифмовывает» с текстом Достоевского не только сцену гибели мальчика, мотивы и важнейшие идеи творчества классика реализованы им в ряде соседних эпизодов, в том числе в сце-

⁴⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 221.

⁴⁶ Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 197.

не похорон ребенка и речи слепца. Последний исполняет песню о сиротском сердце мальчика, слабом сердце униженного ребенка, которое становится даром Господу, поднимающему его к небесному престолу. Аллюзия к роману Достоевского позволяет Паустовскому многократно усилить оппозицию карающих господ, имеющих власть, и бесправного народа, в котором Костя с удивлением обнаруживает немало талантливых людей. Примечательно, что в художественном мире Паустовского приказание спустить собаку отдает не хозяин усадьбы, а его сторож: эта деталь чрезвычайно важна, учитывая, что действие происходит за несколько лет до революции. Подразумевая, в том числе, и сословное противопоставление, наличие правых и неправых, Паустовский подчеркивает не звериную сущность помещиков и зажиточных владельцев имений, а извращенную, *больную природу* некоторых людей. Очень важно, что Паустовский одной фразой отвечает на все вопросы искusstеля Ивана, обращенные к Алеше и читателям, предполагающие отрицание Бога, допускающего такие кошунства. «Тысячи лет живут люди, а до добра не докумекались»⁴⁷, — говорит в «Повести о жизни» после длительного молчания и похорон мальчика лесник Трофим, показывая, что ответственность за подобные деяния лежит на людях, живущих во зле, извративших божественную мысль о мире.

В литературе есть явные реминисценции и аллюзии, а есть другая разновидность феномена актуализации старых литературных форм. Н.Г. Морозов отметил, что

это явление предположительно можно определить как спонтанный, то есть неожиданно возникающий в творческом сознании писателя, не зависящий от его воли, образный, сюжетный резонанс, своеобразное неожиданное эхо предыдущих литературных героев, их судеб, их жизненных обстоятельств, запечатленных в сюжетных эпизодах и жанровых сценках⁴⁸.

⁴⁷ Там же. С. 200.

⁴⁸ Морозов Н.Г. Судьбы крестьянской и дворянской России в прозе А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Шмелева. Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2009. С. 16–17.

Эффект спонтанного литературного резонанса возникает у Паустовского с прозой Достоевского при описании «великого афериста» Соколовского — игрока, шута, фанфарона, ловкого мошенника и при этом необычайно бесстрашного и талантливого человека, по глазам определявшего эпилептиков. С Соколовским связаны в тексте мотивы преступления, вызывающего поведения, непомерной гордости, мести, так характерные для идейных персонажей Достоевского, многие из которых одновременно показаны как преступники и глубоко несчастные люди.

О.А. Богданова подробно показала связь усадебной темы у Достоевского с поднимаемой писателем проблемой «случайного семейства»⁴⁹, по мнению исследовательницы, особенное внимание роману «Подросток» Достоевского не случайно начинает уделяться (учеными, критиками, религиозными философами и др.) в первые два десятилетия XX в.⁵⁰ В «Повести о жизни» Паустовский изображает параллельно идущие процессы: государство разваливается «как ком мокрой глины», но и предшествуют этому процессу, и сопровождают его особые семейные разлады и трещины. Чуткий Костя пытается как-то обойти, миновать семейные конфликты, предчувствуя непоправимость надвигающегося разрушения: «Всякие семейные конфликты меня пугали. Я не хотел больше быть их свидетелем и невольным участником»⁵¹. В «Книге скитаний» Паустовский обратится к прошлому и наметит необходимость описания и изучения лучших традиций семей:

Такие семьи с большим культурными и трудовыми традициями были украшением провинциальной жизни, своего рода очагами передовой мысли⁵².

⁴⁹ Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. Топика. Динамика. Мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 91–103. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1)

⁵⁰ Богданова О.А. Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов 1900–1940-х гг.: религиозно-философское осмысление, биография, психоанализ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 172–173.

⁵¹ Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 194.

⁵² Там же. Т. 5. С. 438.

Согласно легендам и рассказам, которые обсуждали юные герои «Повести о жизни», рядом с когда-то богатым и роскошным имением в Рёвнях, принадлежащем теперь разорившемуся помещику, был раскольниковый скит. Обратим внимание на то, *каким образом* представлена информация о ските:

Володя Румянцев уверял, что в лесах есть заброшенный раскольниковый скит. В скиту водились дикие пчелы, и можно было набрать меду. Но скит мы не нашли⁵³.

Автор не ставит под сомнение существование скита: его не может не быть, просто герои *не в состоянии еще его увидеть (необходимое время и осознание к ним еще не пришло)*. Костя увидит скит намного позднее, после революции, в маленькой лесной усадьбе Копань, куда переедут его мать и сестра Галя: «Тетя Вера давно уже сокрушалась, что усадьба стоит заброшенная и некому заняться хозяйством»⁵⁴. Мотив оскудения усадеб и их вымирания представлен в «Повести о жизни» с помощью своеобразной градации (по нисходящей). Так, приехавший в Копань герой находит там не столько усадьбу, сколько заброшенный хутор:

На поляне в лесу стояла большая старая хата под гнилой соломенной крышей и какие-то ветхие сарайчики. Изгороди не было. Лес обступал хату со всех сторон⁵⁵.

Читатель прекрасно чувствует, что это уже собственно не усадьба, даже наименование ее — Копань — больше похоже на обиходное название огорода.

Паустовский тонко и пронизательно показывает связь усадебной культуры с православной верой, с религиозным сознанием уходящего времени, иллюстрирует одновременное оскудение обеих. Костя приезжает в Копань, уже очень мало связанную с былым усадебным великолепием, и *наконец-то находит монашеский скит*:

⁵³ Там же. Т. 4. С. 105.

⁵⁴ Там же. С. 429.

⁵⁵ Там же. С. 521.

Мама рассказала, что в десяти верстах от Копани, в самом глухом углу леса на берегу реки Уж, с давних времен стоит маленький скит. Сейчас, после революции, все мало-мальски здоровые монахи разбежались, и в скиту осталось несколько немощных старцев⁵⁶.

Как советский писатель, Паустовский не мог прямо сказать о тех религиозных, духовных основах, которые являются залогом стойкости русского человека, его внутренней силы. Но очень символично, что именно после революции герой оказывается в так долго искомом скиту: «С тех пор я каждый раз, когда ходил на реку Уж ловить рыбу, заходил в скит. Монахи угощали меня старым медом с холодной водой»⁵⁷. Писатель показывает стойкость оставшихся старцев, констатирует выпадение героя из своего времени, и хотя Паустовский не может прямо сказать, что это *прикосновение к вечности*, вдумчивый читатель все понимает:

Я вошел в заросший дворик, увидел рубленную из сосны косую маленькую церковь и сразу как бы *выпал из своего столетия*. Из церкви слышалось старческое пение. Изредка тренькал на звоннице колокол (Курсив мой. — В.А.)⁵⁸.

Мать Кости и его сестра Галя бросают Копань и уходят пешком в Киев, бандиты расстреливают монахов и разоряют скит — Паустовский показывает финал прежнего века и начало другого века, неведомого. Редкие и очень незначительные приметы в художественном мире «Повести о жизни» позволяют понять, насколько дороги и близки были автобиографическому герою и самому писателю православная вера и усадебная жизнь, с которыми ему приходилось расставаться. Внимательный читатель четвертой, пятой и шестой книг «Повести о жизни» отмечает, что лучшие минуты, поистине счастливые мгновения автобиографический герой Паустовского переживает в моменты сопряжения дорогого ему прошлого с верой в будущее. Так происходит в главе «В глубине

⁵⁶ Там же. С. 522.

⁵⁷ Там же. С. 524.

⁵⁸ Там же. С. 523.

ночи», в которой герой сходит ночью во время стоянки с парохода «Пестель» в Ялте и, одолеваемый странным чувством, отправляется в город, находящийся на военном положении. Волею случая Костя оказывается у дачи Чехова, где забывает настоящее и вспоминает лучшее, что было в его жизни — это лучшее для героя связано с прошлым:

Я подумал о маме и Гале, о двойной, где-то далеко горящей и не заслуженной мною любви, о покойной Лёле, о внимательном и утомленном взгляде Чехова сквозь пенсне⁵⁹.

Схожие чувства испытывает герой в скудной и почти нищей обители отца Петра, приход которого по неведомым причинам не трогают советские власти.

Воспоминания и отзывы современников о Паустовском, его художественные произведения позволяют сделать вывод о том, что писатель тщательно *оберегал свои детские и отроческие воспоминания*, которые были связаны с усадебным бытом, семейной жизнью. Паустовский в частных беседах не раз говорил о преходящем, условном характере государственной власти, которая забывает о чести и достоинстве, о совести и долге. Л.А. Левицкий вспоминает, как однажды Паустовский был возмущен по поводу участия романа Гроссмана:

Тогда он сказал, что «они», то есть руководители страны, долго не продержатся, что в одно прекрасное утро они будут сметены, как это случилось в феврале семнадцатого с их предшественниками⁶⁰.

И рассказывая о событиях 1917 г., Паустовский убеждал Левицкого, что «эта бессовестная власть кончится так же внезапно. Потому что она куда хуже той, что была до семнадцатого <...>»⁶¹. Не случайно в «Повести о жизни» Паустовский уверенно говорит

⁵⁹ Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5. С. 211.

⁶⁰ Левицкий Л.А. Голос Паустовского // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 292–323.

⁶¹ Там же.

о том, что культура — это память, в которой живут века, история страны и народа: как Толстой и вслед за ним, вслед за русскими классиками Паустовский более всего мечтал о сопряжении народной жизни и жизни счастливой семьи.

ГЛАВА 5

Поэтика усадьбы в романе В. Старого «Пьер и Наташа» — современном «продолжении» «Войны и Мира»

Как правило, исследования поэтики усадьбы XVIII–XIX вв. в литературе связаны с осмыслением того, каким образом писателями прошлых столетий понималась и претворялась в художественных мирах усадебная жизнь, как она оценивалась ими в плане развития и становления личности, возможностей ее взаимодействия с широким кругом людей, участия в семейной и общественной жизни. Не менее интересным и достаточно малоизученным в науке является *ретроспективное изображение усадебной жизни* современными писателями. Данная глава посвящена осмыслению поэтики усадьбы в романе В. Старого «Пьер и Наташа», включающем два тома и вышедшем в издательстве «Вагриус» в 1996 г. Важной особенностью является то, что творческое изображение усадебного мира в указанном романе не может быть рассмотрено без соотношения, без интеллектуальной корреляции с романом-эпопеей Толстого «Война и мир», поскольку «Пьер и Наташа» названы автором «продолжением» толстовской эпопеи.

Василий Старой — это псевдоним, под которым писали Александр Степанович Старостин (1936–2007) и Лариса Николаевна Васильева (1935–2018). Принципиально важен при прочтении романа тот факт, что авторы или издатели сами сделали акцент на *продолжении* толстовского произведения, дав это указание и на форзацах, и на титульных листах книг. В. Старой заимствует героев Толстого: Пьера и Наташу, Николая Ростова и ставшую его женой Марью, делает их своими персонажами, при этом нередко

обращает их к воспоминаниям о прошлом, организуя связь с толстовской эпопеей.

В наши задачи не входит идейное осмысление романа «Пьер и Наташа», целью исследования является анализ ключевых характеристик усадебного топоса, понимание поэтики усадьбы, ее места и значения в романе. Однако последнее невозможно без прояснения глубинной связи двух художественных произведений, которые, используя терминологию литературной адаптации, можно назвать первичным и вторичным текстами.

Появление романа В. Старого и его издание в непростое для России время, наличие его в библиотеках уже примечательны сами по себе. Факт появления литературной адаптации, продолжения романа-эпопеи позволяет сделать вывод о необходимости нового осмысления классической литературы в эпохи перемен и социально-экономических сломов:

Адаптации 1990-х – начала 2000-х принесли с собой опыт немиметического освоения классики, опыт попыток обжить и оживить ее — опыт пародии, сомнения в клишированности «высокой духовности» — и вместе с тем опыт обнаружения в классике актуальности, злободневности¹.

Исследователями написано немало работ, посвященных вторичным текстам, связанным с классикой. Но необходимо учитывать объем, специфику, художественный уровень и характер связи вторичного текста с первичным. В.В. Петров справедливо отметил, что «первые читательские тексты по мотивам русской литературы представляли собой профессиональные переработки, продолжения классики»². Ключевой акцент в рассуждении о переработках и адаптациях конца XIX – начала XX вв. необходимо сделать на идейной стороне и борьбе мнений. А.Ю. Кудина, рассматривая проблему вторичных текстов, наиболее пристальное внимание

¹ Федорова Л. Адаптация как симптом: русская классика на постсоветском экране. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 22.

² Петров В.В. Авторские стратегии интерпретации русской классики в англоязычном сообществе фикрайтеров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 100.

уделяет как раз «продолжениям», подчеркивая, что в современных работах ученых

<...> практически не затрагивается проблема «текстов-продолжений», то есть текстов, которые являются продолжениями известных оригинальных произведений, ставших, как правило, каноническими, многие из которых являются не только признанными шедеврами национальных литератур, но и оказываются плотно вплетенными в целом в текст культуры, как национальной, так и мировой³.

Примечательна возможность «перекочевывания героев в другие культурные эпохи», о которой пишет Ю.Б. Балашова⁴. То есть может возникать ситуация, когда персонажи, жившие в исходном тексте в определенной эпохе, переносятся автором вторичного текста в иное время. В романе В. Старого временного сдвига не происходит, автор «подхватывает» героев на том временном промежутке, где их «оставил» Толстой. В эпилоге «Войны и мира» писатель доводит повествование до 1820 г., перескакивая с 1813–1814 гг. к 1820-м гг. и упоминая, прежде всего, настоящее двух семей: Безуховых и Ростовых. Николай и Марья живут в Лысых горах. Пьер и Наташа, как сообщает Толстой в эпилоге, живут то в Москве, то в Петербурге, то в подмосковной деревне: «Наташа вышла замуж раннею весной 1813 года и у ней в 1820 году было уже три дочери и один сын, которого она желала и теперь сама кормила» (т. 12, с. 265). В самом финале «Войны и мира» новорожденному мальчику Наташи и Пьера, Пете, всего три месяца. Повествование в романе В. Старого начинается летом 1825 г., спустя примерно пять лет после оставленных в эпилоге в 1820 г. героев, причем автор внимательно выверяет все факты и даты, относящиеся к толстовским и далее уже его персонажам. Маленькому Пете в это время исполняется пять лет.

³ Кудина А.Ю. «Текст-продолжение» как разновидность вторичных текстов: к постановке проблемы // Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н.М. Лебедева: Тверь: ООО «СФК-офис», 2017. С. 143.

⁴ Балашова Ю.Б. Феномен «дописывания»: социальная и авторефлексивная функция // Русская литература и журналистика в движении времени. 2016. № 1. С. 54.

Использование толстовского текста В. Старым шло сразу по *нескольким направлениям*. Писатель не только «заимствует» героев Толстого, временные рамки повествования, но и выбирает одну из близких классике тем — *декабристскую*. Интересны находки В. Старого, связанные с представлением и описанием образов декабристов, но скрытая «рифмовка» с видением и планами Толстого может быть понята только исследователями, погруженными в проблематику творческих исканий классика.

Кроме того, В. Старой спорит с толстовской философией истории, предлагая свое видение ключевых сил, движущих историю и влияющих на смену власти. Толстой главной движущей историческую силой в романе-эпопее считал народную волю, при этом у него вопрос о власти не ставился во главу угла, он отодвигался вопросом о судьбе народа и страны. У В. Старого в свете рассмотренного в романе конфликта власти и общества (декабристов) на первый план выходит проблема власти и неспособности народа повлиять на ее выбор или смену:

Как ни играй лукавыми словами, ссылаясь на народ, на его зрелость или незрелость, — он всегда и зрел, и незрел, — как ни взвешивай его готовность или неготовность к решительному действию, как ни тверди, что декабристы были страшно далеки от народа, будто те, кто спустя век заняли Зимний дворец, были страшно близки к нему, — все факты российской истории говорят одну упрямо повторяемую и простую истину, которой никто не желает замечать: *народ никогда не играл и не играет никакой роли при захвате власти* (Курсив автора романа. — В.А.)⁵.

Именно в контексте всех этих сложных сцеплений с толстовским художественным миром и необходимо рассматривать роман «Пьер и Наташа», реализованные в нем *усадебные образы*, которые являются не просто важным элементом изображаемой эпохи, но и своеобразными ее маркерами, наполняемыми современным автором глубоким смыслом.

⁵ Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 1. С. 477.

В предисловии к произведению, данном якобы «от издательства», подчеркивается, что роман «Пьер и Наташа» — «это вовсе и не продолжение, а скорее фантазия на тему “Войны и мира”», «а может быть, исторический роман о декабристах, где наравне с реальными историческими личностями действуют и герои толстовского романа»⁶. Интересно и не скучно написанный, «Пьер и Наташа» неоднороден с точки зрения мастерства, он не имеет той художественной высоты, удивительного слога, которые были характерны для Толстого. Однако при неоднородности художественного текста и некоторых явно провокационных сценах, связанных с историческими лицами, фактами и реалиями, необходимо отдать должное В. Старому в том, что у него в романе получает глубокое и интересное воплощение сюжет о восстании декабристов, реализуются и частично опровергаются существующие мифы о декабристах, их участии в восстании на Сенатской площади⁷.

«Пьер и Наташа», помимо явных параллелей с «Войной и миром», для образованного и понимающего читателя или литературоведа все-таки соотносятся при чтении и со всеми творческими исканиями Толстого, с фигурой классика, его поисками, образом жизни, наконец, даже с его уходом.

Тема декабризма интересовала Толстого долгое время, она просматривается в эпилоге «Войны и мира», она разрабатывалась автором и далее:

Но только в эпилоге «Войны и мира» тема декабристов снова заявила о себе со всей очевидностью. Писатель не считал ее вполне освоенной, в 1870-х гг. он снова вернулся к «декабристскому» замыслу. Но особенно увлекла его эта работа после окончания в 1877 г. романа «Анна Каренина», когда в 1878–1879 гг. было написано подавляющее большинство из пятнадцати сохранившихся «начал» «декабристского» романа⁸.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Парсамов В.С. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М.: Алгоритм, 2016. 461 с.

⁸ Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. С. 101.

Можно предположить, что работа над романом о декабристах, которая растянулась у Толстого фактически на два десятилетия, вступила в противоречие со взглядами писателя на историю и роль в ней народа. Вероятно, Толстой понял, что декабризм не был идейным и целостным движением дворянства, но объединил к 1825 г. по-разному думавших, но схоже относившихся к власти и обществу молодых людей, главной целью которых было продвижение своих интересов. Именно поэтому Толстой не смог продолжить работу над романом о декабристах. М.А. Цявловский отметил, что писатель в определенный момент погрузился в чтение записок самих участников движения, которые, как можно предположить, и открыли Толстому их разобщенность:

В последний период работ его над романом — с декабря 1878 г. по начало февраля 1879 г. — Толстой, кроме напряженной, можно сказать, мучительной работы обдумывания, был занят почти исключительно чтением материалов и выписками из них. Так, вероятно, к этому времени нужно отнести записи на листах А и Б, основанные на главе: «Мое пребывание в России с 1816 по 1824 г.» книги Н.И. Тургенева «Россия и русские», на пятой и шестой частях воспоминаний Ф.Ф. Вигеля и на других материалах⁹.

В. Старой, нередко используя иронию, делает Пьера Безухова одним из первых, но самых спокойных и умеренных участников декабристского движения, который на Сенатской площади появился в силу своего праздного интереса. В «Войне и мире» у Толстого не оказалось героя, который бы проделывал путь из центральной части России в Сибирь. Однако вектор с запада на восток был прочерчен, при отступлении в 1812 г. русская армия оставила Москву и устремилась далее на восток. Наличие огромного пространства до Урала и далее Сибири, Дальнего Востока давало русским преимущества для сбора сил и восстановления. И поступок юной графинечки Наташи Ростовской, отдавшей подводы для перевозки раненых, прекрасно зарифмовался в эпическом художественном

⁹ Цявловский М.А. История писания и печатания романа «Декабристы» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. С. 511–512.

мире Толстого с позицией Кутузова. Русским войскам тогда не пришлось отступать далеко, однако Отечественная война показала, что Россия — это не только Европа, но еще и Азия. Путь через всю Россию, из Петербурга в Томск, продуманный им ранее на примере Петра Лабазова (героя-декабриста, возвращавшегося из Сибири в центральную Россию в ранних черновых материалах к «Войне и миру»), Толстой все-таки реализовал позднее, в романе «Воскресение».

В «Пьере и Наташе» мы видим путь декабристов и конкретно Пьера Безухова в Сибирь, за ним отправляется Наташа Ростова (в романе она осуществляет подвиг жены-декабристки, выступая в роли княгини Волконской). И этот отъезд из дома, пусть не побег, конечно, а вынужденный отъезд все-таки соотносится читателем и с дорогой следующего за Катюшей Масловой Нехлюдова, и с уходом из дома самого Толстого. Необходимо отметить, что и декабристки, и Наташа в романе В. Старого, и Дмитрий Нехлюдов у Толстого оставляют в прежней жизни те покой и комфорт усадебной жизни, к которым они так привыкли.

При изображении прозрения Наташи, которое происходит все-таки по пути в Сибирь, В. Старой очень отдаленно, но осязаемо обозначает открытия Дмитрия Нехлюдова в «Воскресении» (и отчасти самого Толстого). Современный писатель вслед за Толстым, лучше даже сказать обращаясь к его произведениям для осмысления эпохи и ее противоречий, показывает, что мир господ живет по своим законам, а мир народный — совершенно по другим. Наташа у В. Старого в силу своей натуры, обостренной телесной чувствительности, а не глубокого анализа, конечно, не может рассуждать так, как Дмитрий Нехлюдов, который противопоставляет господскому расчету — непреложные Божьи законы, сохраненные народом: «Все дело в том, что люди эти признают законом то, что не есть закон, и не признают законом то, что есть вечный, неизменный, неотложный закон, самим Богом написанный в сердцах людей», а «праздному и роскошному миру» «с ничтожными, жалкими интересами» — «новый, неизвестный и прекрасный мир» (т. 32, с. 351, 361). Однако Наташа у В. Старого, общаясь с простыми людьми, осознает:

Наш господский мир снисходителен к ним с высоты своих титулов, но и они снисходительны к нам с высоты тех законов природы, согласно которым живут. А ведь титулы перед законами природы — ничто¹⁰.

Образ Наташи еще и помогает В. Старому выразить собственный взгляд на народ, который писатель с помощью сначала толстовской, а далее уже своей героини оценивает не так возвышенно, как поздний Толстой: Наташа говорит о природном, но не о «Божеском» начале в народе. Лишь в финале второго тома романа В. Старого происходит прозрение героини, которая вдруг понимает, что раньше они «жила дурно: лениво, серо, бессмысленно»¹¹. Изменившаяся Наташа Безухова выражает в романе В. Старого по сути дела взгляды Толстого в поздний период творчества, когда писатель много думал о форме новой усадьбы — частном доме на лоне природы.

На протяжении всего первого тома писатель рисует прекрасную усадьбную жизнь Безуховых, второй том во многом посвящен изображению нахождения Пьера под стражей, расследования по делу декабристов, придворным вопросам, и лишь *к финалу романа*, теряя все свои дворянские права, Наташа понимает, что она просто человек, блуждающая по жизни душа, сущность которой не определяется дворцами и титулами.

С точки зрения изображения усадьбного благополучия и в целом мировоззрения главных героев можно говорить о противопоставлении финала романа, заключительных двух глав — всему произведению. Причем только после завершения чтения романа В. Старого становится понятна еще одна значимая рифма с толстовскими представлениями. В. Старой не претендует на историческую достоверность в изображении событий, часто существующее в исторической науке в виде версий становится у писателя ключевой линией. Примером может быть судьба Александра I, который у Старого имитирует свою смерть и скрывается. В данном случае В. Старой использует не только историческую леген-

¹⁰ *Старой В.В.* Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 2. С. 468.

¹¹ Там же. С. 470.

ду, но идет вслед за Толстым как автором «Посмертных записок старца Федора Кузьмича» (1905), показывая, что вместо Александра I был похоронен солдат, насмерть забитый шпицрутенами. В художественном мире романа В. Старого рифмуются судьба Александра I, оставляющего трон и сбегающего в Сибирь под видом старца, судьба Наташи Безуховой, отказывающейся от титула и семьи, от детей и отправляющейся в Сибирь за мужем-декабристом. Наконец, и сам Толстой в финале жизни более всего хотел сказать то, что когда-то произнес его герой, оказавшийся в Сибири и ухаживающий за больными отец Сергей, что он только «раб Божий».

В. Старой пытается объективно взглянуть на усадебное прошлое своих героев, поэтому предметом внимания писателя оказываются *не только достоинства*, но нередко *издержки усадебного существования* первой половины XIX в., когда дворянские забавы переходили грань допустимого. Мы обозначим сначала некоторые перегибы, отмечаемые писателем, а далее обратимся к положительным сторонам усадебного бытия, которых в романе намного больше.

Так, писатель демонстрирует тот случай, когда неограниченная власть помещика приводила к мании величия. Е. Власова отметила, что «после Отечественной войны 1812 года число крепостных театров значительно сократилось. Театральные усадебные увеселения начали приобретать новые формы»¹². В «Пьере и Наташе» демонстрируется одна из игровых крайностей помещика, который любил переодевания:

Помешался на придворных церемониях, воображает себя царем, а своих крестьян подданными. У него есть гофмаршалы и камергеры, камер-юнкеры, фрейлины и даже статс-дама, толстая дама-попадья. Она носит на груди род ордена — миниатюрный портрет хозяина, усыпанный аквамаринами, а, может, и стеклами. Этот «царь» устраивает особые балы, где дамы из крестьянок ходят в атласных платьях с галунами и бутафорскими шифрами, делают реверансы, а он позволяет им целовать свою руку¹³.

¹² Власова Е. Симфония перемен, или досуг в русской усадьбе галантного века // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2016. № 2 (14). С. 93.

¹³ Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 1. С. 240.

Но еще примечательнее, каким образом В. Старой вписывает героев в круг этих вольностей. Николай Ростов, по словам Марьи, поддерживает с этим помещиком приятельские отношения и даже лихо отплясывает у него. Прочитав об этом в письме Марьи, Наташа и сама загорается идеей гулянья. Толстовская сцена пляски Наташи у дядюшки преобразуется у В. Старого: теперь повзрослевшая героиня не поэтически вписывается в реальность, где гармонично соседствуют дворянское и крестьянское начала, а сама жаждет организовать праздник:

Хорошо! — подумала Наташа. — Хорошо бы закатиться к этому «царю» и сплясать «Барыню». Рождественская ночь, Святки, ряженые <...>¹⁴.

Однако этот факт можно оценить и положительно: он показывает наличие в Наташе инициативы и даже отражает необходимость опрощения, так необходимого героям, имеющим в себе «толстовское» зерно. Е.С. Шевченко справедливо отметил, что

художественная антропология русской усадебной жизни базируется на гармоничном сосуществовании дворянского и крестьянского миров, самодостаточных и в то же время остро нуждающихся друг в друге, дополняющих друг друга. Антропологическим кодом русской усадьбы является единство этих двух миров¹⁵.

Преимущественное внимание поэтике усадьбы уделено В. Старым в первом томе романа, при описании размеренной жизни семей, которых еще не коснулись несчастья. Самая большая беда, переживаемая Ростовыми, связана с самоубийством их сына-подростка, Андрюши, который застрелился из отцовского пистолета около усадебной плотины. Автор романа демонстрирует, что внешне благополучная жизнь помещика Николая Ростова и его набож-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Шевченко Е.С. Ценностные коды усадьбы в русской литературе // Русская литература в России и мире III. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т им. Д. Банзарова, 2024. С. 42.

ной жены графини Марьи имеет изнаночную сторону. Она связана с изменами Николая жене, его непреодолимой тягой к любовнице-крестьянке, с холодностью графини Марьи, которая не может удержать мужа. В художественном мире романа ярко реализуется мотив самодурства помещика, мотив распушенности. И в какой-то момент графине Марье не хватает понимания, чтобы осмыслить движения души и колебания уже подросткового сына, она просматривает его внутренний кризис. А граф Николай Ростов и вовсе считает, что главное дело заключается в физическом становлении мальчика, что его переживания вторичны.

Наташе казалось, что «у Ростовых хорошие дети, оттого что растут в деревне, нет на них пагубного влияния петербургского двора»¹⁶. Наташа, находясь в Москве и Петербурге, нередко вспоминает о деревне и тех забавах, которые открываются детям на лоне природы. Исследователи усадеб отмечают, что детство, проведенное в деревне, положительно влияло на подрастающих дворян:

В деревне ребенок часто взаимодействовал с простыми людьми. На Новый год устраивалась елка, куда созывались деревенские ребята, где они вместе с дворянами и их гостями водили хороводы у елки, получали подарки и дружной толпой шли пить чай. На Пасхальные торжества все молились так же в одной церкви, и стар, и млад, независимо от сословий и социальных статусов, вместе стояли на заутренней, вместе участвовали в гуляниях и играх¹⁷.

Однако маленький Андрюша Ростов остается непонятым, не вовлеченным в мир радости и жизненной простоты, который должны были показать старшие своим примером. В трагедии повинны родители Андрюши: увлекающийся внешними факторами граф Ростов и отрешенная от жизни, думающая о праведности графиня Марья. В давно устоявшемся усадебном порядке бытия, в обилии помощников и воспитателей родители нередко не вникали в проблемы ребенка, не считая их важными.

¹⁶ *Старой В.В.* Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 1. С. 238.

¹⁷ *Клоос Э.В.* Воспитание дворянских детей в условиях загородной усадьбы // Смысл истории: журнал историческо-философского общества. 2022. № 4. С. 86.

Еще одна драма разворачивается в семье Безуховых, когда Пьер ставит интересы личные и собственные увлечения выше семьи. Л.Н. Зинченко справедливо отметила, что

с самого момента своего рождения усадьба в России была противовесом службе и карьере, культурно-художественной формой проявления личной и родовой независимости, что выразилось в культе просвещения, в «поклонении изящному», в понимании жизни как праздника¹⁸.

Пьеру недостаточно спокойной жизни, хозяйствования, его притягивает общественная деятельность. В. Старой показывает внутренний конфликт Безухова, который, считая большинство обществ, в том числе и декабристское, фактически бесполезными, все-таки тянется к ним. Как и у Толстого в финале романа-эпопеи, у В. Старого Пьер совсем не похож на заговорщика и человека, посягнувшего на жизнь императора. А.В. Гулин отметил:

Безухов — очень странный декабрист, не заговорщик, не политик. Он человек, всем без исключения желающий добра, каким он его себе представляет, каким он понял его в 1812 г.¹⁹

В. Старой изображает Пьера кабинетным философом, который занимал в обществе значимые позиции, но постоянно метался между разными станами.

Соединение собственного видения и изображения эпохи с вовлечением в действие романа толстовских героев позволило В. Старому прийти к очень интересным выводам, поданным через художественные образы. Писатель показывает хаотичные, мало слаженные действия декабристов, руководимых не общими идеями, а личностными планами и чувствами, при этом Пьер в романе попадает в самую гущу событий, забывая о семье, которую очень любит:

¹⁸ Зинченко Л.Н. Ностальгическая тема усадьбы в русской литературе // Культура и текст. 1997. № 2. С. 50.

¹⁹ Гулин А.В. Декабристы в эпическом отображении Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 103.

Солдаты оцепления, увидев Пьера, устремленного к каре с шапкой на отлете, не сделали ни малейшей попытки остановить его: он вел себя так, словно закон писан не для него²⁰.

Не замышлявший убийства императора или причинения царской семье какого-либо вреда, не покушавшийся на государственную власть, Пьер, движимый просто любопытством, оказывается на Сенатской площади.

Почти как в романе-эпопее у Толстого перемежаются военные и мирные главы, в «Пьере и Наташе» перетасованы сцены, посвященные частным героям и придворным лицам: императорам, их семьям, приближенным. Немалую роль в организации художественного мира играет усадебный топос. Усадебная тема выдвигается на первый план, когда речь идет о быте и ежедневном обиходе семьи. Вот, к примеру, описание имущественных владений семьи Безуховых:

<...> дворец в Петербурге, две усадьбы в Москве, несколько летних дворцов в обеих столицах, один из них в непосредственной близости от Царскосельского императорского дворца, множество слуг, конюшни, тысячи лошадей, охотничьи угодья едва ли не во всех губерниях, окружающих Петербургскую и Московскую²¹.

Как видим, Безуховы занимают положение зажиточных, крупнопоместных дворян. Роман открывается изображением просторного кабинета Пьера Безухова, «обитого синим штофом и обставленного мебелью из орехового дерева с синей бархатной покрывкой», в котором бродит в отсутствие мужа Наташа²². В. Старой немалое внимание уделяет описанию бюро в кабинете Пьера — «работы знаменитого мебельного мастера Гамбса»²³. Конечно, это авторская стилизация под век, но в начале романа она вполне справляется со своей функцией — иллюстрацией соответствия. Известно, что

²⁰ Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 1. С. 447.

²¹ Там же. С. 65.

²² Там же. С. 9.

²³ Там же.

Г.Д. Гамбс стал основателем в России сети мебельных магазинов, что «гамбсова мебель» в XIX в. отличалась высоким качеством, она нашла отражение в литературе: кресло работы Гамбса стояло в кабинете Пушкина, о мебели из магазинов Гамбса упоминается в «Отцах и детях» Тургенева, где рассказано о кресле, в котором сидит Павел Петрович Кирсанов.

В. Старой подробно описывает бюро в кабинете Пьера «с пати-нированной и золоченой бронзой: головками сфинсков у верхнего основания четырех ножек, бронзовыми лапами внизу и накладками в виде розеток, лир, пятиконечных звезд <...>»²⁴, отмечая, что эти украшения понравились Наташе, которая уговорила мужа на покупку бюро, и *Пьер, желавший видеть свой летний кабинет в светлых тонах, подчинился*. Писатель мастерски показывает владение Наташи всем домом, точнее, почти всем: Наташа может владеть только тем, что поддается ее пониманию и осмыслению. Более того, благодаря указанию о подчинении Пьера мнению супруги читатель выстраивает примерную иерархию дворянской семьи, в которой не было, в отличие от крестьянской, явного доминирования мужчины. Наташа в романе В. Старого (вслед за героиней Толстого) продолжает руководить Пьером.

С первых строк в обстановке городской барской усадьбы появляется авторское указание на *порядок* и его отсутствие в действительности. Н.Л. Вершинина отметила, что парные понятия *порядок* / *беспорядок* основательно характеризуют любой усадебный топос и не могут быть проигнорированы:

<...> *порядок* как позитивно сознаваемая данность, идея усадебного мира, и *беспорядок* как несомненный показатель присущей ему ущербности, недостаточности, выведенный тем самым «за скобки» усадебного «рая», — рассматривались в разных онтологических модусах²⁵.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Вершинина Н.Л. Идея порядка в онтологии усадебного быта (на материале русской литературы XIX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 116.

Читатель узнает, что «кабинет графа Безухова был единственным местом в доме, где графиня Безухова, необъяснимо почему, следила за порядком»²⁶. В. Старой с некоторой долей иронии показывает отношение Наташи к Пьеру: наряду с чувством глубокой привязанности, ревности, уважения, Наташа испытывает и некоторое снисхождение к своему мужу. И единственное место, остающееся для нее в доме не понятным до конца, — это кабинет Пьера. Здесь Наташа не может властвовать полностью. Но она начинает командовать детьми и гувернантками сразу, как выходит из кабинета.

Приехавшая предупредить Наташу о визите императрицы камер-фрейлина Плетнева видит беспорядок уже в прихожей. При чем этот беспорядок Наташа сама начинает устранять, помогая слугам:

Графиня Наташа проводила взглядом Плетневу, отъезжавшую от крыльца, созвала всех взрослых, сообщила новость и заметалась вместе с ними по первому этажу, рассовывая в углы, чуланы, под диваны всё, что попадалось под руку <...>²⁷.

В описании предметов, которые прячутся, показана домашняя, изнаночная сторона жизни семьи, которой руководит в целом привлекательная, но при этом не слишком озабоченная внешней строгостью женщина, как и у Толстого героиня более живая, непосредственная, нежели правильная, выдержанная.

Разумеется, беспорядок в доме Наташи распространяется только на ряд комнат — спальни и будуар самой Наташи все-таки находятся в порядке. В. Старой показывает, что, отдав дань своему живому и деятельному характеру, Наташа все-таки быстро возвращается к установленному в дворянской усадьбе уставу жизни, согласно которому хозяйка не должна перенапрягаться. Автор удачно выбирает эпитет *послушно*, отмечая, как Наташа забывает про дела:

²⁶ Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 1. С. 9.

²⁷ Там же. С. 14.

И графиня Наташа, в самом деле устав от пятиминутного участия в уборке, послушно пошла вверх длинной деревянной лестницей с резными китайскими шарами по обе стороны перил. В будуаре она послушно отдала себя в ловкие руки горбуньи Фисы²⁸.

Сочетание порядка и беспорядка передает живой ритм дома Безуховых: «И порядок, и беспорядочность усадебного жизнеустройства обнаруживают, таким образом, далеко не декларативную содержательность, относительность и взаимообратимость в отношении друг друга»²⁹. Исследовательница также справедливо отметила, что «указанные явления тесно связаны с понятием праздности — еще одной, не до конца осмысленной составляющей усадебного быта»³⁰.

В. Старой показывает наличие у Наташи свободного времени, нередко нескольких часов в течение дня, когда героиня предоставлена сама себе. К примеру, несмотря на популярность мотива усадебного чтения, так характерного для художественной и публицистической литературы XIX в., Наташа читать не любит (предоставив это занятие супругу). В. Старой отмечает, что книги для Наташи заменяли пространные послания из Лысых Гор от графини Марьи Ростовой. В духе толстовской героини Наташа изображена В. Старым слишком живой и активной, чтобы размышлять и переживать над книжным вымыслом, ее намного больше интересуют новости. Кроме того, на протяжении двух томов читатель видит в Наташе Безуховой настоящую барыню, умеющую тратить время на отдых и использовать с максимальной пользой свои усадебные владения.

Наташа нередко обходит дом и прилегающие территории, легко отдает приказание слугам, причем все домашние понимают ее по кивку головы. Она не всегда последовательна в отношении к слугам, часто импульсивна, однако именно Наташа, а не княжна

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ *Вершинина Н.Л.* Идея порядка в онтологии усадебного быта (на материале русской литературы XIX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 117.

³⁰ Там же.

Марья реализует в романе характерный для России XIX в. «диффузный» характер «усадебной культуры»:

Можно констатировать своеобразный «диффузный» характер «усадебной культуры» XIX в. — взаимопроникновение народной «почвенности» и дворянской «образованности»³¹.

Графиня Марья не может понять «панибратства Наташи с простыми людьми», находя нечто плебейское в ее поступках. Она в целом не может осознать и смысл слов Наташи, которая по пути в Сибирь и в самой Сибири окончательно осмысляет силы, заключенные в жизни простого народа, а также ту огромную и непреодолимую дистанцию, которая была в XIX в. между дворянством и крестьянами. «Я всегда воспринимала мир своих слуг, как нечто подобное животному миру», — пишет Наташа, обращаясь к Марье³². И при всей способности быть снисходительной к слугам и крепостным, Наташа осознает свою равную с ними сущность, только вырвавшись из усадебного мира, который отгораживал ее от мира большого и защищал от проблем.

Как и все настоящие барыни, Наташа любит одеваться и наряжаться, хотя это не составляет предмет ее постоянных забав, одежда лишь подчеркивает ее теперь уже женскую полноту и красоту. Порою В. Старой сообщает читателю подробности, упрощающие образ героини. К примеру, читая длинное письмо от Марьи, Наташа в романе ест трюфельные конфеты, причем писатель останавливается периодически на том, как Наташа раскусывает конфету, и сразу нащупывает в коробке следующую, потом — еще одну, наконец, «отдает явившейся Дуняше пустую коробку от трюфелей и велит принести себе нюрнбергских пряников и гранатового соку»³³. Не менее любопытной в романе оказывается тяга Наташи к бане, к хорошей парной. Причем в романе в том числе «актуализируется

³¹ Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. Топика. Динамика. Мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 39. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1)

³² Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 2. С. 468.

³³ Там же. Т. 1. С. 235–236, 238.

традиционное для многих культур представление о бане как особом пространстве, способствующем внутренней трансформации человека»³⁴. В. Старой не раз подчеркивает, что владельцы усадеб прекрасно знают благотворное влияние бани, ее омолаживающий эффект. Так, Наташа в бане «выпаривает из себя все яды от расстройства нервов и меланхолии»³⁵.

Семья Безуховых живет достаточно уединенно, Наташа в основном находится дома с детьми, редко показываясь в свете. Однако писатель четко проводит грань между петербургской и московской городской жизнью и усадебной жизнью в деревне. В столице и Москве высшая знать оказывается вовлеченной в придворные интриги, в отличие от именитого дворянства, проживающего в далеких уездных усадьбах. И в этом плане В. Старой логично продолжает антитезу столичной и загородной жизни, которая была реализована Толстым еще в «Войне и мире». Вспомним, что у Толстого старый князь Николай Андреевич Болконский, прозванный в обществе «пруссским королем», «при Павле был сослан в деревню»:

И в новое царствование, хотя ему и был разрешен въезд в столицы, он также продолжал безвыездно жить в деревне, говоря, что ежели кому нужно, то тот и от Москвы полтораста верст доедет до Лысых Гор <...> (т. 9, с. 106).

В романе В. Старого Наташа и графиня Марья продолжают жить по-разному. Наташа вроде бы избегает светской суеты и шума, однако при этом мы видим ее в центре общества: Наташе наносит визит сама императрица, Наташа становится объектом размышлений не только Александра I, но и Николая I. Круг занятий графини Марьи специфичен, он отличается от досуга столичной женщины. Марья предпочитает тишину и походы в Лысогорскую церковь, она, как и многие жившие в уездных имениях хозяйки, отдает свое время детям, музицированию, чтению, хотя, как показывает писатель, и тут ключевую роль в жизни хозяйки усадьбы имеют часы

³⁴ Александров И.А. Образ бани как пространство трансформации героя // Филологос. 2021. № 1 (48). С. 13.

³⁵ Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 1. С. 127.

простого пребывания в одиночестве, в воспоминаниях, фантазиях, собственных думах.

Сравнивая два типа жизни дворян, столичный и уездный, знающий читатель романа В. Старого ассоциативно представляет реалии быта самого Толстого и его семьи, долгое время живших достаточно замкнуто в Ясной Поляне, позднее купивших дом в Москве (в Хамовниках), откуда писатель при возможности уезжал в Ясную Поляну. Такие свободные ассоциативные связи героев Толстого у В. Старого и самого классика проводятся достаточно легко не только потому, что в «Войне и мире» Толстой воплотил немало автобиографического, но и потому, что «Пьер и Наташа» зарифмованы в целом и с жизнью Толстого. Финальная, седьмая часть романа «Пьер и Наташа» состоит лишь из одной главы, включающей единственное предложение:

28 августа 1828 года у графа Николая Ильича Ростова и графини Марьи Николаевны Ростовой родился сын ЛЕВ <...>³⁶.

В. Старой находит мастерский финал, который соединяет литературу, историю и реальную жизнь. В этом окончании романа отражается и творческое преклонение писателя перед классиком, и важная для романа В. Старого мысль о кольцевом движении истории, о повторении на протяжении веков определенных периодов зарождения, становления, развития и переживания идей.

Выше мы уже останавливались на описании одного из интерьеров дома Безуховых, тема описаний внутреннего убранства различных усадеб в романе достаточно обширна. Приведем еще несколько значимых примеров, которые содержат интересные свидетельства. В.А. Доманский отметил, что

важную роль в тексте усадебной повести играют интерьеры: описание комнат, мебели, картин, посуды, библиотек и отдельных книг, фамильных портретов и картин, разных милых безделушек, на что также целесообразно обратить внимание читателей. Это

³⁶ *Старой В.В.* Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 2. С. 495.

своего рода культурные, исторические, семейные декорации к действию³⁷.

Одно из примечательных описаний удобной и не очень удобной мебели в романе дано в сцене приезда императрицы в дом Безуховых. Тут автор отмечает, что «графиня Наташа свозила на дачу вышедшую из моды мебель»³⁸. Под дачей в данном контексте понимается один из загородных дворцов, принадлежащий Безуховым. Для стилизации повествования, насыщения текста историческими фактами и для игры с читателем В. Старой периодически использует реалии XIX в., причудливо обыгрывая их. Наташа и Пьер в романе (первая даже в большей степени) становятся объектами внимания известных современников. После ухода императрицы Наташа смотрит на картину «Всадница» Карла Брюллова, оригинал картины висит у нее в гостиной. В. Старой создает провокацию, согласно которой на известном полотне Брюллова изображена Наташа Безухова. Причем эта провокация не только привлекает и интригует читателей, продолжая сложное смешение реального и выдуманного, но и раскрывает характер Наташи. Символично, что В. Старой допускает намеренную оплошность: девочка на картине Брюллова лишь одна, Наташа упоминает про обеих своих дочерей:

Милый Карл явно польстил ей — в жизни она была и старше, и грубей лицом, — зато дочек, Лизу и Машеньку, изобразил похоже. И отлично написал любимую Пьерову болонку Жози <...>³⁹.

В. Старой не упускает возможности представить Царскосельский дворец Безуховых, а Пьера делает поклонником и другом скульптора Ф.П. Толстого (в жизни — дальнего родственника Л.Н. Толстого). Предметом внимания автора становятся увлечения

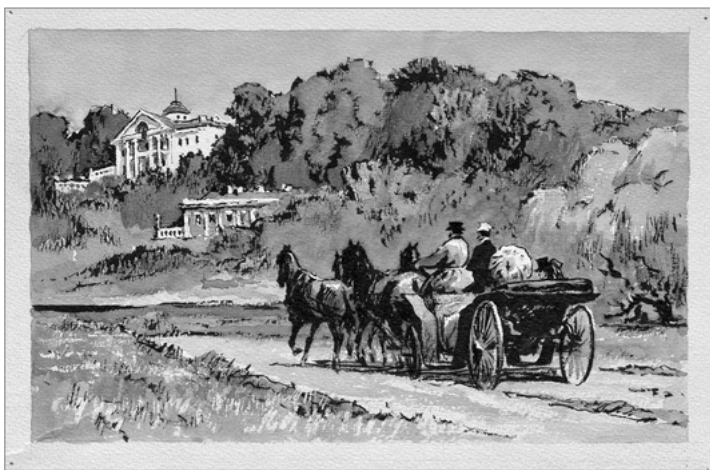
³⁷ Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 57.

³⁸ Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 1. С. 23.

³⁹ Там же. С. 35.

детей (прогулки на просторах у дворцов) и взрослых (легкоатлетические занятия и т. п.).

В связи с обилием описаний царских покоев и дворцов в романе отметим, что все они представлены не просто так, а в каждом отдельном случае *характеризуют владельцев*. В. Старой представляет тонкости восприятия сменяющих друг друга императоров и императриц. К примеру, читатель узнает, что «покои императрицы Марии Федоровны были самым пышно убранным местом при дворе российских исператоров»⁴⁰. В торжественном убранстве этих покоев писатель прочитывает утверждение краткого торжества на русском престоле, которое будет продолжаться, пока жива сама Мария Федоровна.

Илл. 25. О.Г. Верейский. Приезд Долли в имение Вронского Воздвиженское. Рисунок к роману «Анна Каренина». 1979–1981.

Бумага, акварель. 19 × 25 см.

Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Отдельное внимание уделяется в романе саду Наташи, любимому месту ее времяпрепровождения. Сад этот делится на плодовую и декоративную части и обслуживается пятью садовниками, постоянно проживающими во флигелях рядом. В. Старой, демонстрируя

⁴⁰ Там же. С. 274.

наполнение зимнего сада, показывает естественную сторону жизни героини — Наташа тянется к природе, а при этом подчеркивает роскошь Безуховых, позволяющую им выписывать из-за границы экзотические деревья в кадках. Наташа не задумывается о том, какие средства позволяют ей жить, ни в чем себе не отказывая. Но она всей душой отдается увлечению растениями, позволяющему забывать о проблемах. Нельзя исключать, что при подготовке романа автор опирался, в том числе, и на книгу Д.С. Лихачева, посвященную поэтике садов. В. Старой точно передает идею ученого о том, что настоящий сад отвечает всем потребностям человека. Д.С. Лихачев писал:

Хотя сады «кухонные», овощные огороды, «аптекарские» сады лекарственных растений существовали всегда и их, конечно, не следует в обособленном виде включать в рассмотрение истории садов, тем не менее также всегда существовало и представление о том, что истинный сад должен удовлетворять всем человеческим чувствам: не только зрению, но и вкусу (откуда необходимость и плодово-ягодных растений в саду), слуху (отсюда забота о птицах, шумящих водопадах, эоловых арфах, садовых концертах), обонянию (поэтому постоянное то более, то менее настойчивое требование сажать душистые цветы, душистые травы, цветущие деревья и кустарники), ощущениям <...>⁴¹.

Обратим внимание, что сад Безуховых не только приносит владельцам хороший урожай (Наташа наблюдает уборку последних яблок и арбузов), но используется также и для прогулок. Во-первых, в саду Наташе нравится находиться одной, ощущая не сознаваемую в других местах городской усадьбы связь с природой и землей: «Когда графиня входила в пределы сада, садовники исчезали, зная, что барыня любит бывать здесь одна»⁴². Во-вторых, сад для Наташи — предмет гордости, так как он во многом собран ею, а в своей декоративной части «красотою, пестротою и

⁴¹ Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие; Тип. «Новости», 1998. С. 23.

⁴² Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 1. С. 256.

количеством диковин» способен был поспорить с садом Его Императорского величества⁴³. В-третьих, сад для героини становится услаждением всех органов чувств, это место поистине райского наслаждения: «<...> всё это пестрело и пламенело на фоне напитанного сыростью петербургского дня, наводя на мысли о существовании рая, из коего были мы изгнаны во тьму внешнюю за недолжное поведение»⁴⁴. Наконец, в-четвертых, сад стал для Наташи местом творческих экспериментов, где она сама выращивала и рассаживала побеги, наблюдала за реакцией растений на разных гостей-посетителей.

При описании сада в усадьбе Безуховых становится понятно, что это для хозяйки самое сокровенное место, «сердце» усадьбы. Исследователи уже не раз справедливо писали о том, что усадьба была своеобразной землей обетованной, местом спасения для хозяев:

Дворянская усадьба на этапе своего расцвета с середины VIII до первой половины XIX в. предстает в русской классике как локус спасения, как Эдем, Аркадия, идиллическое место⁴⁵.

Еще раз обратим внимание на важную функцию сада, делающую его особенным местом для Наташи: в своем саду героиня укрывается не только от внешних проблем, но и от собственных тяжелых мыслей.

Читатель романа приходит к выводу, что спокойная усадебная жизнь, финал которой пришелся на время революции в России, уже в начале XIX в. начала подтачиваться изнутри, причем усилиями самих дворян. Движение декабристов в широком плане можно толковать в романе В. Старого как попытку частного самоутверждения каждого из его участников, одолеваемых тщеславными мечтами, сомнениями и противоречиями. Фактически

⁴³ Там же. С. 257.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Денисов С.Ф., Денисова Л.В.* Философско-антропологическая специфика эволюции усадьбы (на материале классической русской литературы) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (18). С. 27.

отказом от семьи и побегом из нее оказывается в романе поведение Пьера. В жажде общественной славы и особого влияния на людей, а потом и ослепленный ревностью к императору Безухов губит не только себя, но и положение своей семьи. «Всё было! Чего не жилось, не радовалось человеку, прости, Господи!» — в сердцах говорит горничная Дуняша, когда Наташа провожает Пьера, увозимого жандармами⁴⁶.

В. Старой показывает, как избавляемый Наташей от ссылки Пьер по своей глупой ревности к государю вновь оказывается осужденным: общественное и личное начала в романе неразделимы, то, что было бы спокойно воспринято в среде простого народа, неуместно в придворном обществе, где ярко проявляемые искренность и открытость становятся первыми признаками опасности человека.

Глубоко символично, что в финале романа графиня Марья переезжает с детьми в дом Безуховых: руководит ею не столько ссора с мужем, сколько необходимость опеки над детьми Наташи и Пьера. Марья Ростова поднимается в спальню Наташи, на порог которой приходит и Николай Ростов, далее разговор супругов ведется в кабинете Пьера. Окончательного и полного примирения Ростовых, расстающихся из-за измены Николая, мы не видим, но беседа между ними состоялась, а главное — они оказались вместе в усадьбной атмосфере дома Безуховых. Благодаря непревзойденным параллелям реального и выдуманного у В. Старого они становятся родителями сына Льва, то есть будущего писателя Льва Толстого, на протяжении всей своей жизни старавшегося преодолеть разрыв двух миров, господского и народного.

Ю.Б. Балашова интересно рассуждает о феномене «дописывания». Исследовательница делает акцент на диалоге первичного и вторичного текстов, вовлечении понимающей аудитории в художественный диалог и актуализации исходного произведения в новую эпоху. Она отмечает, что творческое и искусное освоение текста и его специфическое продолжение требует внимания и творческой работы читателя:

⁴⁶ *Старой В.В.* Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996. Т. 1. С. 467.

Для восприятия таких жанров, как перепев, подражание, продолжение (дописывание чужого произведения), требуется активность воспринимающего сознания, способного распознать претекст и одновременно — сам игровой сдвиг, искажающий первичную условность текста-источника. Осознание подобной трансформации доставляет удовольствие и массовому и элитарному сознанию, как доставляет удовольствие разгадывание загадки и игра; этот процесс способствует освобождению сознания от власти догм и клише⁴⁷.

Таким образом, мы приходим к выводу, что создавая «продолжение» «Войны и мира», В. Старой смог творчески освоить не только сюжет и характеры Толстого из романа-эпопеи «Война и мир», но и многие факты и события из жизни писателя, художественные элементы из других его произведений и, конечно, отечественной истории. «Пьер и Наташа» — это роман второго ряда, разновидность романа-адаптации, написанный в самом конце XX в., но автору удалось передать в художественном мире и дух эпохи, и ее сложности и противоречия. В «Пьере и Наташе» отражены полюсные точки зрения на декабристов и восстание на Сенатской площади, представлена наиболее близкая к действительности версия, к которой, по всей видимости, вплотную подошел Толстой при подготовительной работе, связанной с декабристской темой. Описание усадеб и усадебной жизни в романе стало одним из основных приемов стилизации повествования под реалии XIX в. Не развеивая обаяния усадебной жизни, которое было важнейшей характеристикой толстовского художественного мира (семьи Ростовых и Безуховых), В. Старой творчески освоил многие рассуждения позднего Толстого, связанные с необходимостью упрощения усадебного быта, возвращения хозяев к жизни своей семьей на земле, преодоления разрыва между классами, которые стали основой критического взгляда писателя на внешне благополучный усадебный быт.

⁴⁷ Балашова Ю.Б. Феномен «дописывания»: социальная и авторефлексивная функция // Русская литература и журналистика в движении времени. 2016. № 1. С. 53.

ЧАСТЬ IV

*ЛОКУС ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XX–XXI ВВ.*

ГЛАВА 1

«Усадебный миф» и локус Ясной Поляны в «Записках на манжетах» М.А. Булгакова

«Записки на манжетах» (1922–1923) — одно из первых произведений М.А. Булгакова, в котором немаловажную роль играет появляющийся в эпизодах книги локус Ясной Поляны. Булгаков, в раннем творчестве часто ориентировавшийся на лучшие произведения классиков, создает и *усадебный миф* о Толстом, связанный с местом усадебной жизни великого писателя. Постараемся осмыслить роль и место *усадебного топоса*, *локуса Ясной Поляны* и *усадебного мифа* в книге Булгакова «Записки на манжетах» — произведения сложного и специфического с точки зрения композиции и затронутых проблем, принципов изображения и отбора материала. Это книга автобиографическая и при этом критическая, сатирическая, рассказывающая о жизни, точнее о непростом существовании героя во Владикавказе и потом в Москве. Повествование отрывочно и субъективно, чем-то напоминает эго-документы, порою — дневник, проглядывают в книге исповедальные мотивы, однако в большей степени она представляет собой достаточно разорванную цепь событий и зарисовок, мелькание которых в полной мере передает суету и хаотичность первых лет послереволюционной жизни.

Комментаторы произведения в собрании сочинений писателя отмечают своеобразный параллелизм, лучше даже сказать поэтапность, последовательность в появлении «Записок на манжетах» и «Записок юного врача» Булгакова, подчеркивая, что первое произведение подготовило почву для второго:

Появившиеся через несколько лет рассказы о враче, не случайно сближенные с «Записками на манжетах» заглавием («Записки юного врача»), давали герою булгаковской прозы новое измерение: перед читателем оказывалась как бы предшествующая стадия его бытия¹.

По справедливому суждению исследователей, у «Записок на манжетах» предыстории не было. Можно подумать, что их автору фактически нечего было вспоминать. Однако это, конечно, не так. Несмотря на острую полемичность «Записок на манжетах», нередко проявляющуюся иронию автора, есть в книге то жизненное утверждение, которое Булгакову было дорого, — это прежняя жизнь рубежа XIX–XX вв., усадебный быт. И чем больше Булгаков погружался в перипетии новой советской действительности, тем более дорогой и невозвратимой выглядела старая жизнь. В.Я. Лакшин отметил по этому поводу:

Можно лишь догадываться, что первые впечатления революции в смоленской деревне, когда горели барские усадьбы, пожаром гулял мужицкий гнев, а ревкомы крутой поры военного коммунизма осуществляли в Вязьме бессудные расправы, произвели сильное впечатление на Булгакова и заметно качнули его в сторону старого режима, с которым связывалось в воспоминании «мирное время», счастливое «до войны»: просторный уютный дом, любящие братья и сестры, ноты «Фауста» на пюпитре рояля, светло, тепло, жена молодая <...>².

Москва начала 1920-х гг. была полна людьми, ищущими пристанище, работу, одним из фактически нищих странников, приехавших в столицу, стал и Булгаков. М.А. Котова отмечает, что

¹ Лурье Я., Рогинский А., Чудакова М. Комментарии // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 605.

² Лакшин В.Я. Мир Михаила Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 14.

в начале 1920-х годов Москва кипела — город поразил жилищный кризис, толпы приезжих искали в столице комнату или хотя бы угол в любом подходящем для жилья помещении³.

В подобной ситуации Булгаков прекрасно понимал невозвратимость былой усадебной счастливой жизни, пусть и не роскошной, но окружающей человека, особенно творческого, спокойствием и расположением как к сельскохозяйственной (в летнюю пору), так и к кабинетной работе (в осенне-зимний период). Уместно в данном случае процитировать в качестве примера письмо Л.Н. Толстого к А.А. Фету (оба были увлечены сельскохозяйственным трудом в своих имениях, совмещая его с писательской работой). 1..3 мая 1863 г. Толстой сообщал своему корреспонденту:

Теперь я пишу историю пегого мерина, к осени, я, думаю, напечатаю. Впрочем, теперь как писать, теперь незримые усилия даже зримые, и притом я в юханстве (Напомним, что этим словом в семье Толстых называли хозяйственную деятельность, сельскохозяйственный труд. — *В.А.*) опять по уши. И Соня со мной. Управляющего у нас нет, есть помощники у меня по полевому хозяйству и постройкам, а она одна ведет контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый сад, и винокурня⁴.

Эпизод с изображением Ясной Поляны становится в «Записках на манжетах» Булгакова единственным, но при этом очень ярким свидетельством заботы о человеке, внимания к нему, уважения личного пространства. Этот эпизод контрастен всему остальному повествованию в книге; хронотоп Ясной Поляны противопоставлен хронотопу Владикавказа и Москвы. Однако воображаемое появление в Ясной Поляне, рядом с Софьей Андреевной, не настоя-

³ Котова М.А. Михаил Булгаков в московских редакциях: «Записки на манжетах» // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI вв.: мат. Одиннадцатых и Двенадцатых Междунар. науч. чтений, приуроченных к дню ангела писателя. М.: Гос. бюджетное учреждение культуры г. Москвы «Музей М.А. Булгакова», 2022. С. 50.

⁴ Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 364–365.

щего Льва Толстого, а героя «Записок на манжетах» создает еще один конфликт, усугубляемый поведением мнимого графа.

Находящаяся почти в конце книги Булгакова сцена с пребыванием героя в Ясной Поляне имеет немаловажное значение в реализации многих мотивов произведения: естественного и душевного голода, литературного труда, нищеты, необходимости самостоятельной организации рабочего дня и т. д. Многие смысловые акценты, намеченные в «Записках на манжетах», проявляются постепенно, причем они оказываются по-разному, порою двойственно связаны со сценой пребывания героя в Ясной Поляне. К примеру, характерно присутствующее в начале книги, во время болезни героя, его желание сбежать, убежать из Владикавказа. Сложно тут не вспомнить про побег, уход из Ясной Поляны самого Л.Н. Толстого. Также примечательно постоянно присутствующее на протяжении книги чувство голода главного героя, которое сопровождает его и во Владикавказе, и далее в Москве:

Помидоры. Черного хлеба не помногу. И араки. Какая гнусная водка! Мерзость⁵.

<...> Идет жуткая осень. Хлещет косой дождь. Ума не приложу, что ж мы будем есть?⁶

Я голоден, я сломлен! В мозгу у меня нет крови. Я слаб и боязлив. Но здесь я больше не останусь⁷.

На фоне отсутствия мяса и вообще сытной пищи в рационе главного героя «вегетарианский обед» Толстого выглядит чуть ли не издевательством.

Локус Ясной Поляны появляется у Булгакова в маленькой главе «О том, как нужно есть»: после первого на протяжении всего сюжета сытного обеда герой видит сон, в котором ему представляется, что сам он Лев Толстой, женат на Софье Андреевне:

⁵ Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 482.

⁶ Там же. С. 486.

⁷ Там же. С. 490.

Я сижу наверху в кабинете. Нужно писать. А что писать, я не знаю. И все время приходят люди и говорят: «Пожалуйста обедать»⁸.

В воображении героя присутствует определенный *усадебный локус*, в котором есть дом Толстого с характерной планировкой, кабинет писателя, деревянная лестница. При этом предлагаемое описание быта и поведения якобы Толстого, зафиксированное в книге, становится мифом о яснополянской жизни: читатель в свете мотивов, реализованных Булгаковым, пытается представить усадебную жизнь (какой она была бы) с поправкой на современные ему знания и реалии. О.А. Богданова отмечает различие понятий *усадебный топос*, *усадебный локус* и *усадебный миф*, важность их разграничения:

<...> Топос — категория, связанная не только с пространственностью и культурной памятью, но и с многовековой продолжительностью, диахронией; миф же в Новое время способен спонтанно возникать в какой-либо точке культурного развития, становясь формой как идеологического, так и образно-интуитивного освоения новых социокультурных феноменов, задавая стратегию их встраивания в культурное поле нации, региона, мира⁹.

В исследованиях об *усадебной культуре* нами принято такое значение локуса, где он является не просто составной частью топоса как более крупной пространственной единицы (например, «топос русской усадьбы» и «локус Дарового»), но сугубым выразителем именно пространственного признака на фоне топоса как одной из общекультурных универсалий¹⁰.

Мастерское воплощение Булгаковым эпизода из жизни великого писателя в Ясной Поляне противопоставлено современной герою

⁸ Там же. С. 506.

⁹ Богданова О.А. Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность / отв. ред. М.В. Скорыходов. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 54. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 9)

¹⁰ Там же. С. 53.

действительности, ее беспокойному ритму, который не оставляет времени на размышления и творчество. Именно поэтому страх, боязнь, так часто появляющиеся на страницах «Записок на манжетах», перемещаются и сюда, в усадебное бытие. Современная исследовательница отметила, что

тематическая группа «Страх / Ужас» объединяет лексические единицы, номинирующие данную эмоцию и симптомы ее проявления у главного героя, в нее также входят соответствующие квалификаторы, характеризующие эмоциогенные объекты и ситуации¹¹.

Страх героя, который он чувствует во сне, связан с подлогом: он сидит в кабинете Льва Толстого, по сути является для всех Львом Толстым, но при этом сам знает, что он совершенно другой человек. Боязнь героя и ее интерпретация позволяют говорить о частотности мотива творчества в книге и его реализации в данной сцене:

А я боюсь сойти. И так дурачки: чувствую, что тут крупное недоразумение. Ведь не я писал «Войну и мир».

А между тем здесь сижу. И сама Софья Андреевна идет вверх по деревянной лестнице и говорит:

— Иди. Вегетарианский обед¹².

По масштабу и уровню постижения действительности, по своему объему и монументальности «Записки на манжетах» являются антитезой роману-эпопее «Война и мир», но обостренное чувство авторства у автобиографического героя, который является писателем и не раз ориентировался на Толстого и сравнивал себя с ним, ведет его в сновидении.

Специалисты по творчеству Булгакова уже обращали внимание на откровенный тон писателя, на его исповедальность и на «дневниковый» характер «Записок на манжетах», который,

¹¹ Кривошеева И.А. Апокалиптические мотивы в повести М.А. Булгакова «Записки на манжетах» // Наука сегодня: вызовы и решения. Вологда: Маркер, 2016. С. 119.

¹² Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 506.

с одной стороны, мотивирует недоговоренности, с другой же — требует интенсивного читательского внимания к тексту, вынуждая достраивать оставленное за его пределами. Напряженность отношений между текстом и затекстом — важная и художественно значимая черта «Записок на манжетах»¹³.

Ключевым автором XIX в., дневник которого был на слуху, являлся для русских людей XX в., конечно же, Толстой.

Илл. 26. Л.Н. Толстой и С.А. Толстая в яснополянском кабинете.
Снимок, сделанный для картины И.Е. Репина
«Л.Н. Толстой и С.А. Толстая».
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Герой Булгакова по-своему доводит до апогея те семейные конфликты, которые происходили между Толстым и Софьей Андреевной, и, в частности, касались именно благ усадебной жизни и того, что Толстому казалось роскошью, а Софье Андреевне — необходимостью.

¹³ Лурье Я., Рогинский А., Чудакова М. Комментарии // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 606.

Скорее всего, Булгаков был неплохо осведомлен о том, что жизнь супругов Толстых в последний период творчества писателя не была гладкой. Н.Г. Михновец в книге «Любовь и бунт» представила очень удачную подборку из дневников и воспоминаний самого Толстого, Софьи Андреевны, людей, вхожих в их семью, отметив при этом, что частная жизнь писателя перестала быть к 1910 г. секретом для общества:

Окружающие великого Толстого уже давно начали фиксировать каждое его слово, богаты фактами были ежедневные яснополянские записки деликатного человека доктора Д.П. Маковицкого, вместе с тем в 1910 году не только расширился круг записывающих, но и, в отдельных случаях, появилась заданность в наблюдениях¹⁴.

Исследовательница подбирает цитаты, которые показывают, что кризис в семье был значительным. Приведем как пример отрывок из дневника Софьи Андреевны:

Вечер. Опять было объяснение, и опять мучительные страдания. Нет, так невозможно, надо покончить с собой. Я спросила: «С чем во мне Лев Ник. хочет бороться?» Он говорит: «С тем, что у нас во всем с тобой разногласие: и в земельном, и в религиозном вопросе». Я говорю: «Земли не мои, и я считаю их семейными, родовыми». — «Ты можешь *свою* землю отдать». Я спрашиваю: «А почему тебя не раздражает земельная собственность и миллионное состояние Черткова?» — «Ах! Ах, я буду молчать, оставь меня». Сначала крик, потом злобное молчание¹⁵.

Голодный герой Булгакова, воплотившийся во сне в образе Толстого, отказывается от вегетарианского обеда, сердится, доводит до слез супругу собственными возражениями и требованиями. Однако конфликт в «Записках на манжетах», как мы видим, ориентируясь на пожелания мнимого графа Толстого, перевернут.

¹⁴ Михновец Н.Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2025. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 39.

Испытавший сложности герой, увидевший революцию и послереволюционные будни, крушение усадеб, имеет совсем другую точку зрения. В.В. Курьянова точно отметила:

Оказавшись во сне на месте Толстого, Михаил хотел бы воспользоваться всеми внешними благами, предоставленными великому писателю, теми благами, отсутствие которых не позволяет ему жить и творить достойно. Но булгаковская ирония заключается не в профанировании образа Толстого, несмотря на использование традиционных для профанного вектора биографического мифа о Льве Толстом маркеров плачущей жены, духоборов и вегетарианства¹⁶.

Герой Булгакова отказывается от вегетарианского обеда, ведет себя вызывающе, потому что возможность жизни в усадьбе навсегда утрачена, потому что чувствующий в себе силы к творчеству герой вынужден разменивать талант на ремесло, поденную работу, потому что у него нет не только рабочего кабинета, но даже письменного стола:

И когда все кругом мертво спит, писатель читает мне свою новую повесть. Некому больше ее слушать. Ночь плывет. Кончает и, бережно свернув рукопись, кладет под подушку. Письменного стола нету¹⁷.

М.С. Штейман справедливо пишет, что

исповедальная проза Булгакова была для того времени достаточно смелым шагом. Она изначально не совпадала с общей направленностью советской литературы, стремящейся запечатлеть драму народной жизни в огне гражданской войны. Главным для нее было запечатлеть массовость революции, ее социально-политические и нравственные цели. А Булгакова не привлекали процессы, происходившие в общественном сознании народных масс. Его интересовала проблема соотношения революции и войны и вечных цен-

¹⁶ Курьянова В.В. Миф о Л.Н. Толстом в русской литературе начала XX века: дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 2015. С. 327.

¹⁷ Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 482.

ностей. Писатель стремился сохранить лучшие нравственные и культурные традиции дореволюционной русской интеллигенции¹⁸.

К локусу Ясной Поляны и толстовского кабинета в «Записках на манжетах» необходимо подойти еще и с другой стороны. Автобиографический герой Булгакова не эмигрировал в Париж, он перебрался жить и работать в Москву, поближе к новой советской власти, сотрудничество с которой сам писатель воспринял не только как средство не погибнуть с голоду, но и как вынужденный поворот судьбы. В ситуации относительной конфронтации с властью Булгакову будет мало разрешено, однако себя он воспринимал как наследника великих русских классиков, и этого ощущения у писателя было не отнять.

Как мы уже отметили, герой Булгакова в книге лишен предыстории:

Его прежний статус отменен, новый еще не сложился. Энергичные действия не приносят успеха, а только ухудшают ситуацию. Встроиться в новый социальный механизм, войти в контакт с «массой» он может только одним, неестественным для него путем — написав заведомо «бездарную» пьесу¹⁹.

Однако автобиографический персонаж Булгакова, как и ранние герои Л. Толстого и Достоевского, является мечтателем, для которого душевная жизнь значит иногда больше, чем окружающая обстановка:

Главные коллизии бытия большинства его героев происходят из несоответствия реальности жизни тому идеалу, который порождается их мечтательностью. <...> Мечтательность помогает человеку увидеть сложность, вариабельность окружающего бытия, именно поэтому он оказывается более проницательным, он ви-

¹⁸ Штейман М.С. Исповедальные интенции в «Записках на манжетах» М. Булгакова // *Philologos*. 2016. № 31 (4). С. 93.

¹⁹ Лурье Я., Рогинский А., Чудакова М. Комментарии // *Булгаков М.А. Собр. соч.*: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 605.

дит в мире больше возможностей для себя, чем обычный человек <...>²⁰.

Приезжая в Москву, герой «Записок на манжетах» надеется, что окунется в полную событий и литературных встреч жизнь, что сможет общаться с литераторами, коллегами по цеху. Однако этого не происходит: герой приезжает фактически в пустоту:

В Лито не было ни стульев, ни столов, ни чернил, ни лампочек, ни книг, ни писателей, ни читателей. Коротко: ничего не было²¹.

Эта пустота является свидетельством не просто отсутствия вещей, дефицита, но и душевной, идейной пустоты, неустроенности жизни, когда старое разрушено, а до нового содержания никому нет дела. Какие воспоминания остаются герою? Конечно, усадебные. Из «пустоты» (то есть невообразимо откуда, учитывая ситуацию в Москве того времени) герой достает старинную конторку красного дерева. В конторке оказывается артефакт прошлого:

В ней я нашел старый пожелтевший золотообрезный картон со словами: «<...> дамы в полуоткрытых бальных платьях. Военные в сюртуках с эполетами; гражданские в мундирных фраках и лентах. Студенты в мундирах. Москва 1899 г.»²².

Герой-мечтатель додумывает и медлительную, печальную бабышню, которая появляется за конторкой.

Усадебный миф, точнее, усадебные образы, воссозданные героем Булгакова, связаны также с мотивом неузнанности большого художника и высокой ценности его личности. Символично, что в тексте Булгакова духобор с окладистой рыжей бородой не узнает

²⁰ *Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю.* Две версии портрета «человека усиленно со-знающего»: «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского как творческий отклик на «Отрочество» и «Юность» Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 149–150.

²¹ *Булгаков М.А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 496.

²² Там же.

своего известного сторонника и благодетеля, называя его Львом Ивановичем вместо Льва Николаевича. Это вызывает приступ гнева мнимого графа: автобиографический герой Булгакова в этот момент всерьез встает на место Толстого, отвечая и за него, и за себя, и за русскую литературу:

Какой я Лев Иванович? Николаевич! Пошел вон из моего дома! Вон! Чтобы ни одного духобора²³.

Появление духобора в тексте Булгакова также символично: духоборы, переселившиеся в Канаду с помощью Толстого, особенно отколовшееся от них течение «свободников» быстро забыли и помощь Толстого, и его самого²⁴.

Обезличенность московского послереволюционного пространства связана с отсутствием настоящих хозяев у квартир и домов; произошедший передел собственности привел к тому, что люди для проживания стали искать углы. Ясная Поляна и как конкретный локус, и как составляющая *усадебного мифа* прочно связана с Толстым. Мы уже писали о том, что, создавая финал своего романа «Воскресение», вышедшего в свет в последний год XIX в., Толстой не представлял другой формы усадебной жизни, нежели та, какую он вел сам в Ясной Поляне или в Хамовническом доме в Москве. В условиях советской действительности, после смерти Толстого и осуществившейся революции, Ясная Поляна некоторое время продолжала оставаться домом С.А. Толстой и ее детей, однако в 1921 г. (как раз в период работы Булгакова над «Записками на манжетах»), усадьбе был присвоен статус музея:

10 июня А.Л. Толстая присутствовала на заседании ВЦИК, 13 июня декретом ВЦИК усадьба Ясная Поляна была национализирована. Планировалось, что Ясная Поляна станет крупным культурно-про-

²³ Там же. С. 506.

²⁴ См.: Христенко Д.Н. Русские классики и судьба России в произведениях американского писателя Мориса Хиндуса // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 245.

светильским центром и в ней будет создан музей. Все мероприятия будут находиться в ведении Наркомпроса²⁵.

Наступило то время, когда Толстого-писателя, мыслителя и человека можно было лучше понять, оказавшись в его доме, прикоснувшись к его быту и вещам. И это теперь уже советское усадебное наследие также было дорого Булгакову.

Подводя итоги и возвращаясь к вопросу о роли усадьбы Ясная Поляна в «Записках на манжетах», необходимо кратко сказать и о том, что в итоговом тексте произведения оказались реализованными лишь две первые части книги из трех задуманных, которые Булгаков отдаленно соотносил, вероятно, с «Мертвыми душами»:

Трехчастность напоминает (может, и пародийно) трехтомность гоголевских «Мертвых душ», которые Булгаков тогда перечитывал. Первая часть — мрак искаженного и псевдокультурного существования (характерная деталь: пушкинский вечер, украшенный портретом поэта, на котором Пушкин похож на Ноздрева). Вторая часть — признаки жизненной активности, духовного пробуждения, неявное присутствие новых классиков («Брюсов с Белым»). Третья часть, если следовать гоголевской логике, должна быть патетической, обращающей к русской классике, но, как и в гоголевской поэме, эта часть лишь угадывается в первых двух и существует как вдохновляющий мираж²⁶.

По всей видимости, сон героя с иллюстрацией усадебного прошлого Ясной Поляны и подлинного литературного труда, направленного не на заработок, а на преображение мира и напоминание о главных нравственных заветах, был призван служить своеобразным переходом к третьей части книги. Скорее всего, в ней, как «вдохновляющий мираж», могла быть полностью раскрыта утраченная в реальности, но требующая возрождения в будущем форма усадебной жизни.

²⁵ Михновец Н.Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2025. С. 692.

²⁶ Кораблев А.А. Контуры русской литературы в «записках на манжетах» Михаила Булгакова // Донецкие чтения 2024. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2024. С. 233.

ГЛАВА 2

Ясная Поляна как «сердце России» в романе К.А. Федина «Костер»: «усадебный текст» в литературе соцреализма

Творчество К.А. Федина относится и к *направлению* социалистического реализма, и к так же обозначаемому учеными *периоду* соцреализма — времени «в истории отечественной литературы и культуры, отмеченному попытками самой власти сформировать новую литературу и искусство»¹. Внешне оценивая жизненные и биографические события, отношения Федина с властью, его можно назвать одним из самых успешных, востребованных и признанных советских писателей. Об этом говорят и его должности: он был первым секретарем (1959–1971) и председателем правления Союза писателей СССР (1971–1977), и его награды: Федин стал Героем Социалистического Труда, получил несколько орденов (Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени) и медалей, а в 1949 г. был удостоен Сталинской премии первой степени за романы «Первые радости» (1945) и «Необыкновенное лето» (1947–1948).

Между тем произведения Федина, к сожалению, так мало переосмысляемые в современной науке о литературе, открывают глубину его мировоззрения, неоднозначность суждений писателя и его отношения к власти, к происходящему в России в 1930–

¹ Богатырев Д.К., Святославский А.В. Мифология и поэтика социалистического реализма // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 266.

1960-е гг., его ориентацию с самых юных лет на высокие образцы русской классики, в особенности — на произведения и мировоззрение Толстого. В данной части работы мы обратимся к фигуре Толстого и локусу Ясной Поляны в трилогии Федина «Первые радости» (1943–1945), «Необыкновенное лето» (1945–1948), «Костер» (1949–1967), наиболее подробно проанализируем итоговый незавершенный роман писателя, в котором усадебная тема и толстовское наследие оказываются своеобразными центрами.

Толстовские мотивы, появляющийся на страницах романов образ Толстого (возникающий при упоминаниях о личной жизни писателя, о толстовских произведениях и героях), наконец, ключевой для романа «Костер» локус Ясной Поляны с уверенностью можно назвать сквозными для всей трилогии Федина. Однако распределены указанные образы в произведениях неравномерно, что связано, по всей видимости, как с особенностями замысла Федина, так и со спецификой его воплощения.

Ю.М. Оклянский немалое внимание уделил своеобразию построения и проблеме целостности романов Федина, которые одновременно составляют трилогию, могут быть прочитаны отдельно, независимо друг от друга, но при этом нередко подразделяются на диологию и незаконченный роман:

Каждый из романов — относительно самостоятельное произведение со своим сюжетом, особым жанровым рисунком и складом композиции, отличающимся от других. Каждый из них можно читать и отдельно, независимо от предыдущего и последующего. И вместе с тем цикл романов явно распадается как бы на две «серии», разграниченные между собой и более значительным промежутком по времени действия (двадцать два года!), и различием большинства персонажей².

Примечательно, что после завершения дилогии, ее выхода в свет, после получения Фединым Государственной премии первой степени, писатель даже предполагал остановиться на вышедших двух романах. Размышления над предполагаемой третьей ча-

² Оклянский Ю.М. Федин. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 298.

стью достаточно сильно затянулись, как можно судить по роману «Костер», и стиль, и взгляды писателя на некоторые вопросы значительно изменились к 1950-м гг. Однако масштаб замысла, единый угол зрения писателя, прорисованное полотно русской жизни более чем за 30 лет позволяют проследить многочисленные связи между всеми тремя произведениями.

Конечно, все три романа Федина логично вписываются в традиции социалистического реализма, они отражают специфику исторической ситуации, которая складывалась в СССР. Для нашей работы наиболее важен тот факт, что в романе «Костер» Федин несколько по-иному, чем в своей предшествующей прозе, переосмысляет дворянское прошлое России, делая акцент не столько на негативных владельческих сторонах жизни помещиков, сколько на том культурном и духовном наследии, которое было оставлено лучшими деятелями XIX в., прежде всего, Толстым:

Федин был убежден, что качество, высота таланта во многом зависят от высоты и качества тех традиций, которым следует писатель. Для Федина самыми дорогими были толстовские традиции³.

Авторы статьи о социалистическом реализме отмечают, что

во главу угла литературы соцреализма может быть поставлен героический пафос <...> Героический пафос предполагает создание определенного типа героев, связанных с революционными, трудовыми или боевыми подвигами⁴.

Если в «Первых радостях» и «Необыкновенном лете» речь все-таки больше идет о строительстве молодой страны, о юных героях нового времени, которые готовы отдавать силы на благо общего дела, жертвовать собой ради идей революции, то в романе «Костер» на первом плане — мысль о жизни по чести и совести.

³ Федин К.А. «Костер» (Материалы к творческой истории романа) / вступ. заметка, коммент. и публ. И. Феединой // Вопросы литературы. 1978. № 12. С. 233.

⁴ Богатырев Д.К., Святославский А.В. Мифология и поэтика социалистического реализма // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 259.

Мы видим мерило если не праведности, то правильности поведения и совестливости, героизм в художественном мире романа связан уже не с идеей строительства, а с защитой своей земли, восстановлением мира — и тут на помощь Федину приходят усадебные ценности и заветы русской классической литературы. В романе «Костер» автором не только максимально воплощаются толстовские традиции и образы, ключевым для этого произведения оказывается усадебный топос (в различных проявлениях) и локус Ясной Поляны — знаменитого дома Толстого, его судьбы, роли в истории страны.

Действие последнего романа Федина, по первоначальному замыслу автора, должно было происходить в середине 1930-х гг. Однако «в 1944 году стало известно об отказе художника от этого замысла и о том, что действие третьего тома романа будет вместо 1934 года перенесено в годы Отечественной войны <...>»⁵. По нашему мнению, это временное перенесение действия романа оказалось знаковым: Федин на определенном этапе работы понял необходимость ухода от прославления социалистического строительства, важность иного, объективного взгляда на предвоенную советскую реальность.

Жизненный материал середины 1930-х гг. не позволял Федину так проникновенно написать о личной ответственности, о выборе человека, о дилемме между собственным или семейным интересом и делом общественной важности. М.М. Голубков справедливо отметил, что в 1930-е гг. на первом месте в литературе стояла проблема героической личности и ее подвига, примечательно, что исследователь в ряду других писателей приводит тут в пример и творчество К. Федина 1930-х гг.:

В 20-е годы становление «нового реализма» выделило имена Л. Леонова, А. Фадеева, А. Толстого, К. Федина, М. Шолохова и др. В их творчестве формировалась новая концепция личности: не только характер испытывает на себе воздействие «среды» («среда заела»), но утверждается способность личности влиять

⁵ Старков А. Комментарии // Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 8. С. 399.

на среду, преобразуя ее. Перед героем и художником открывались глобальные перспективы и великие надежды на благое пересоздание мира. В 30-е годы «новый реализм» достиг своих художественных вершин: появились философские романы Л. Леонова «Дорога на океан» и «Скутаревский», эпопеи «Жизнь Клима Самгина» М. Горького и «Тихий Дон» М. Шолохова, «Похищение Европы» и «Санаторий Арктур» К. Федина. (Возможно, будущие историки литературы назовут период 20–30-х годов временем несбывшихся надежд, разочарование в которых пришлось на вторую половину XX в.)⁶.

Федин не только сдвинул временные границы романа, но и работал над ним долго, причем писал своеобразными этапами: работа над романом «Костер» была начата летом 1949 г., затем на некоторое время приостановлена, так как писателя не удовлетворяло начало произведения. В 1952–1953 гг. Федин возвратился к раздумьям над началом романа, его сюжетом, хотя работа «продвигалась медленнее, чем хотелось бы Федину»:

В октябре того же 1953 года роман был начат заново, а к середине ноября 1961 года, восемь лет спустя, первая книга романа — «Вторжение» — была наконец подготовлена к печати.

Не менее длительной работы потребовала вторая книга «Костра» — «Час настал»: если не считать публикации в 1956 году двух глав, то лишь в 1965–1967 годах в печати появились известные сегодня читателю тринадцать глав второй книги, так и оставшейся незавершенной⁷.

Важно, что новому толчку в работе над романом предшествовала поездка писателя в Тулу. Так, в августе 1952 г. Федин несколько дней пробыл в городе, где и разворачивается основное действие романа. Понятно, что временная дистанция, уход из жизни Стали-

⁶ Голубков М.М. О литературе социалистического реализма // Наука о литературе в XX веке: история, методология, литературный процесс: сб. ст. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 248.

⁷ Старков А. Комментарии // Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 8. С. 401.

на в 1953 г. позволили Федину многое изменить не только в концепции последней книги, но в судьбах героев и поведенческих характеристиках. Конечно, Федин кардинально не менял своих взглядов, в условиях советской действительности были лишь расставлены акценты. Однако писатель, в том числе за счет длительности написания всей трилогии (над которой Федин работал около 40 лет) смог показать разные эпохи — оказавшиеся связанными воедино благодаря образу Толстого. В «Первых радостях» и «Необыкновенном лете» Федин изобразил фактически культурную революцию, когда на первое место вышла идея позитива:

Это сильные, красивые, здоровые улыбающиеся люди, у которых все хорошо в настоящем и для которых существует абсолютно оптимистическое и светлое будущее. Конечно, в жизни советских людей большое количество проблем, но 1) люди уверены, что все проблемы решаемы, 2) что путь, которым они идут, ведет в правильном направлении. Это дает уверенность, формирует удовлетворенность жизнью и такие понятия как счастье и благополучие⁸.

В романе «Костер» во внешне спокойной жизни героев (и в личной, и в рабочей) очень много драматических моментов. Поэтика усадебной жизни органически вплеталась писателем в переосмысление советской действительности, позволяла иллюстрировать высокий нравственный уровень, не обретенный заново, а не потерянный за годы войн и переворотов Россией, подспудно хранившей главные примеры «райской жизни», в которой высшим счастьем и достижением является не благополучие, а *детская чистота и непосредственность чувств, возможность выбирать свой путь без опасения и любить без страха*.

Д.А. Романов справедливо подчеркнул, что Федин смог очень удачно и талантливо передать состояние и чувства Кирилла Извекова, который приезжает из Москвы в Тулу (переводится из Москвы в губернский город по причине вскрывшейся большой оплошности, которая могла стоить Извекову в пору репрессий

⁸ Шульц Э.Э. Социалистический реализм как тип культуры // Наука. Общество. Обозрение. 2024. Т. 12, № 2 (39). С. 19.

жизни), показать «Связь внутреннего состояния опустошенного и растерянного (не исключено, что и испуганного) героя с тишиной старинного, в чем-то весьма патриархального города»:

События 1937 года очерчены в романе намеком, полутонем, насколько это допускала советская цензура послесталинского времени, но их грозное дыхание вполне ощутимо. Спасение Извекова — настоящее чудо (или, как говорят нынешние критики, «залакированное событие»), которое на самом деле едва ли могло произойти. Еще более удивительно и неправдоподобно, что Кирилл избежал повторного привлечения к разбирательству НКВД, находясь в непосредственной близости от Москвы. Разумеется, в свое время Федин не мог сказать правды, но настроение героя передал удивительно точно⁹.

Федин работал над завершением романа «Костер» до конца жизни, т. е. до 1977 г. В распоряжении исследователей остались черновики и наброски писателя, которые позволяют прикоснуться к замыслу Фебина, однако его нельзя назвать итоговым. А вот опубликованная первая книга романа «Костер» и тринадцать глав второй книги позволяют нам говорить и о специфике композиции, и о неоднозначности образов.

Однако прежде чем переходить собственно к анализу образа усадьбы и локуса Ясной Поляны в романе «Костер», необходимо кратко остановиться на важных эпизодах первого романа Фебина — «Первые радости», содержащих толстовские мотивы или упоминания о Толстом. На протяжении всех трех романов герои Фебина ведут немало разговоров об искусстве. Однако в романе «Костер» Александр Владимирович Пастухов является уже известным и признанным драматургом, многие реплики его самого и друзей, коллег становятся более глубокими и четкими. Для «Костра» характерны внутренние монологи героев, подробные воспоминания, позволяющие проследить ход мыслей и изменения

⁹ Романов Д.А. За Константином Фебиным по Тульской земле: комментированные страницы романа «Костер» (взгляд из XXI века) // Тульский краеведческий альманах. 2017. № 14. С. 220.

персонажей. В «Первых радостях» читатель видит еще молодого, начинающего литератора и журналиста Пастухова, который нередко апеллирует к опыту и авторитету Толстого в разговорах с приятелями и при принятии важных решений. Интересно, что в проекции всей трилогии несколько рассуждений Пастухова об искусстве и Толстом в ту пору, когда тот был еще жив, делают главного героя *осязаемым современником классика и его наследником*.

В одной из бесед с Цветухиным Пастухов обращается к теме фантазии и реальности в художественном произведении, упоминая, как «двадцать–тридцать лет назад Золя всем своим трудом проповедовал точное перенесение действительности в романы», как Золя «ездил на паровозе, чтобы затем изобразить в книге машиниста, спускался в шахты, ходил в веселые дома»¹⁰. При этом Пастухов противопоставляет Золя, с одной стороны, Толстого и Бальзака — с другой, показывая силу художников слова, могущих следовать за своим богатым воображением, открывающим любые двери. Пастухов в данном случае *очень по-своему, специфически следует* идеям социалистического искусства, обращаясь к мысли о жизни воображения и душе. Символичным в эпизоде разговора является появление маленькой красной книжечки, в которую Пастухов записывает ценные мысли, а далее воспроизведение им на память высказывания Толстого:

Мне передавали, будто Лев Толстой кому-то там, может быть за чайным столом, недавно сказал: чтобы быть художником слова, надо, чтобы было свойственно высоко подниматься душою и низко падать. Тогда, сказал Толстой, все промежуточные ступени известны и художник может жить в воображении жизнью людей, стоящих на разных ступенях¹¹.

Обратим внимание, что Федин в данном случае *дословно цитирует толстовскую дневниковую запись* от 3 декабря 1909 г.:

¹⁰ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 5: Санаторий Арктур; Первые радости. С. 137.

¹¹ Там же.

Чтобы быть художником слова, надо, чтоб было свойственно высоко подниматься душою и низко падать. Тогда все промежуточные ступени известны, и он может жить в воображении, жить жизнью людей, стоящих на разных ступенях (т. 57, с. 181).

В Юбилейном полном собрании сочинений Толстого том 57-й, фрагмент которого процитирован, был издан только в 1952 г., а роман «Первые радости» был написан и вышел в свет гораздо раньше. Дневники Толстого 1909 г. не выходили отдельным изданием, однако у нас нет сведений о работе Федина с толстовскими архивами. Скорее всего, указанная цитата была почерпнута писателем в одном из изданий, впервые опубликовавших отдельные отрывки из дневников и записных книжек Толстого позднего периода творчества (т. 57, с. 291).

Соглашаясь с высказыванием Толстого, Федин и его герой отстаивают нравственную высоту писателя, показывают свою неготовность поступаться совестью ради возможной правды искусства. По всей видимости, фигура Толстого в данном случае используется Фединым и для иллюстрации абсурдности вовлечения писателя в травматический для него в нравственном отношении опыт, необходимый для правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии (как того требовал социалистический реализм).

И, заметь, Толстой говорит: подниматься и падать душою. Душою, дорогой мой Егор, то есть тем же воображением, а не как-нибудь еще. Иначе получится карикатура на Золя. Получится, что низко пасть — значит совершить подлость не в воображении, а в быту, украсть, чтобы постичь душу вора. Вот этакому изучению жизни *Толстой и Бальзак* и противоречат (Курсив мой. — В.А.)¹².

Не случайно в тексте первого романа Федина оказываются рядом имена Толстого и Бальзака. Как и Бальзак, Федин планировал показать разные сцены жизни; как и Толстой, — написать эпическое полотно о прошлом и настоящем России, представить единое

¹² Там же. С. 138.

изображение всех аспектов русского, а далее уже советского общества. Однако Бальзак и его изобразительные стратегии достаточно быстро отошли на второй план, главным кумиром оказался Толстой с проповедью нового искусства, его нравственными ориентирами и заветами, помощью бедным, идеей самосовершенствования и работы над собой, а главное — с его мыслью о роли народа в истории и героями-мечтателями. Именно вслед за Толстым Федин думает об эпосе, хотя в советской трактовке «время проявления эпопейных возможностей в русской литературе *ограничивалось именно настоящим*»¹³:

Охват исторических событий в трилогии Федина, таким образом, широк. Жизнь героев разворачивается на крутых гребнях больших общественных переломов, становящихся этапами «биографии» различных социальных слоев, мужания и проявления русского революционного характера. <...> Такое повествование близко к эпическому. Многие сюжетные «узлы» при этом передают важнейшие коллизии эпохи, а повороты в судьбах персонажей нередко определяются движениями и переменами в судьбе народной <...>¹⁴.

Толстой для Федина и его героя выступает не только моральным и литературным авторитетом, но и совестью времени. С одной стороны, герой Федина сравнивает творчество Толстого с наследием французских писателей XIX в., с другой стороны, подчеркивает, что русский классик жив, является его современником, не случайно делается акцент на том, что слова были произнесены Толстым *за чайным столом*.

Актуальность мнений Толстого и его непререкаемая величина как современного классика утверждаются в романе во внутреннем монологе Лизы, готовящейся к сдаче выпускных экзаменов. Воображение Лизы настолько уносится вдаль, что она представляет не только то, что видит, но и то, что скрыто за стенами дома, шко-

¹³ Андреева В.Г. Эпический роман: к проблеме освобождения термина от псевдосмыслов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 94.

¹⁴ Окладский Ю.М. Федин. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 302–303.

лы, к примеру, подвальные окна с тяжелыми решетками, комнату Кирилла «с синим чертежом над кроватью и портретами великих людей»¹⁵. Далее Лиза вспоминает свой разговор с Кириллом, который возражает в ответ на ее замечание о недоступности великих людей:

«Почему недоступны? — не согласился он. — Ездят же в Ясную Поляну к Толстому, и он *разговаривает с кем хочешь*». — «А ты поехал бы к нему?» — «Нет. Я с ним расхожусь. Он считает, что в человеке надо *насаждать хорошее*, а я считаю, что надо *бороться с плохим*». — «Это одно и то же». — «Нет. Важно, в каком порядке. Сначала надо уничтожить плохое» (Курсив мой. — В.А.)¹⁶.

Толстой выступает единственным большим нравственным образцом современности, ссылку на которого может дать Кирилл: для молодого человека это не кто-то из политиков или общественных деятелей, но именно Толстой. Федин подчеркивает *безусловный авторитет* классика в последние годы его жизни, высоту положения Толстого в русском обществе. В данном случае, особенно при ослабевавшей власти государя к концу имперского периода России, фигура Толстого оказывается подспудно понимаемой как образ возможного неформального духовного лидера государства.

В романе появляется локус Ясной Поляны, неотделимый от образа Толстого. Подчеркивается *демократическая настроенность писателя*, его открытость народу («*разговаривает с кем хочешь*»), тот факт, что ворота усадьбы писателя открыты для всех посетителей. Не случайно в предложении используется неопределенно-личное предложение («*Ездят же в Ясную Поляну к Толстому*»), акцент в данном случае делается на глаголе, подразумевается, что ездят все, кому это нужно, кому захочется приехать.

Интересно, что Федин демонстрирует разницу во взглядах своего молодого героя (Александра Пастухова) и классика русской литературы, причем взгляды Толстого (первое десятилетие XX в.)

¹⁵ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 5: Санаторий Арктур, Первые радости. С. 188.

¹⁶ Там же.

Илл. 27. Г.А. Расин. Столбы — въезд в усадьбу Л.Н. Толстого
Ясная Поляна. Зима. 1949 г.

Холст на картоне, масло. 24,7 × 34,9 см.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

в данном случае условно сближаются с утверждением, характерным для социалистического реализма. У Федина получается, что Толстой своим величием даже предвосхитил многие ключевые позиции грядущей советской литературы (времени написания романа «Первые радости») или был просто уже изначально выше и социалистического, и критического реализма:

<...> Советское литературоведение использовало эту мысль, так что главное *отличие социалистического реализма от критического* сводилось к тому, что критический реализм *развенчивал и ниспровергал* буржуазную реальность, а социалистический *утверждал новую реальность*, новый тип отношений в обществе¹⁷.

Одной из ключевых для всего романа «Первые радости» и для трилогии Федина в целом является глава двадцать девятая, по-

¹⁷ Богатырев Д.К., Святославский А.В. Мифология и поэтика социалистического реализма // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 256.

священная уходу Толстого из Ясной Поляны, реакции общества и главного героя на это событие:

Вдруг вспыхнули оконные лампочки, и на загоревшейся желтым светом полосе Пастухов прочитал ничем не отличный от прочих заголовок: «Исчезновение Л.Н. Толстого». Взгляд быстро схватил первые фразы: «Потрясающую весть принес телеграф. Исчез из дома неизвестно куда великий писатель земли русской...» Пастухов протер покрепче глаза. <...>

Что такое? — сказал Пастухов, наваливаясь всем телом на чью-то спину и перескакивая напряженным взглядом через рябившие строчки. «От собственного корреспондента... Местопребывание неизвестно. Первые поиски безрезультатны... Графиня Софья Андреевна покушалась на самоубийство... велел заложить лошадей и... Вечерние телеграммы. Вчера в 1-м часу ночи семья Толстого вся в сборе... Горе семьи, особенно Софьи Андреевны, не поддается описанию...»¹⁸.

Обратим внимание, что во всем этом отрывке Федин намеренно избегает слов *уход* или *побег*. Они пропускаются, создается своеобразная интрига, автор романа словно оставляет без ответа этот неразрешенный для его героя и для многих сложный вопрос. Федин с живостью описывает голоса разных людей, предлагающих версии ухода Толстого, но ни сам автор, ни его герой не берутся судить или конкретно отвечать что-либо по поводу ухода Толстого:

В нем как будто исчезло обычное, жадное его любопытство к внешнему миру, заменившись настойчивым, единственным вопросом, который он задавал самому себе и все же не мог бы с точностью этот вопрос выразить¹⁹.

Писатель даже не задумывается о причинах ухода Толстого из Ясной Поляны, причины эти называются в толпе, но Федин не готов судить Толстого или хотя бы обсуждать его поступки. Его ге-

¹⁸ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 5: Санаторий Арктур, Первые радости. С. 326–327.

¹⁹ Там же. С. 328.

рой Пастухов еще слишком молод и неопытен, чтобы не только предполагать ответы, но и ставить правильные вопросы.

Федин мастерски изображает в романе мелькающие в прессе подробности об уходе Толстого из Ясной Поляны, отражает стремление корреспондентов запечатлеть каждый шаг великого писателя:

— Что известно о Толстом? Он обнаружен?

— Он болен. Он сошел с поезда в Астапове.

— На нашей дороге. Не так далеко.

— Есть подробности?

— В наборе. Сейчас принесут гранки. Вся Россия пишет только о Толстом. Хотите вот пока почитать, это все пойдет в завтрашнем номере²⁰.

Пастухов созерцает на столе в редакции три портрета Толстого, один из которых ему особенно близок — Толстого именно в такую пору он вспомнит во время своего финального визита в Ясную Поляну в романе «Костер», старик Толстой в этом образе будет видеться ему на подходе к известной на весь мир усадьбе. Далее в тексте трилогии Ясная Поляна будет именоваться «сердцем России», но основа грядущего понимания близости этого усадебного локуса Пастухову и всем русским людям заключается в силе влияния Толстого на общество, в том, что именно он рассказал всем о рае усадебного детства, о той чистоте жизни, стремление к которой дает силы на длинный путь:

Вдруг он понял, что с этим Человеком он родился, вырос, жил изо дня в день, не замечая его, не думая о нем, как не думают о воздухе. Пугающее изумление охватило его, подобное изумлению ребенка, внезапно потерявшего отца, за спиной которого жилось бездумно и просто. Он смотрел и смотрел на голову старика. Странно летели его мысли. Почему-то больше всего ему вспоминалось детство и какая-то причиненная взрослыми и не понятая ими обида. Потом он думал, что теперь надо переменить жизнь, начать ее по-другому, — начать с необыкновенной ясности²¹.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 329.

Пастухов возмущается в редакции тем, что живого Толстого заранее отпевают, называет все происходящее тризной. Федин умело описывает многоголосие толпы, мнения и слухи, а его главный герой берется написать статью не об уходе Толстого и его пребывании вне Ясной Поляны в октябре и ноябре 1910 г., а о живом писателе, о жизни.

Федин передает нравственные и творческие потуги Пастухова, описывает главные мысли своего героя. Первой и наиболее ценной в свете нашей темы является мысль героя о *нераздельной и неразрывной связи Толстого с Ясной Полянкой*. Пастухов рассуждает о том, что Толстой хотел уйти и ушел, но ухода как бы и не получилось:

Он хотел сказать о том, что сердце России не могло выпустить за свои пределы человека, принадлежавшего ему как сама тайна жизни, без которой нет сердца. Человек хотел уйти в неизвестность, но это намерение противоестественно, потому что часть не может уйти от целого. Природа восстала против бунта и удержала то, что ей принадлежит. Человек остановлен там, где он всегда был и где всегда будет — в сердце России. Астапово овеивается теми ветрами, какие дуют в Ясной Поляне²².

Далее мысли Пастухова переходят к идее передачи движения от одного человека к другому, он вроде бы ощущает в себе частицу силы, переданной людям Толстым. Потом он рассуждает о главном в личности классика, о любви. Но Пастухову так и не удастся написать статью о Толстом. Он принимается писать об известном Дереве бедных, которое «над площадкой перед яснополянским домом простерло ветви»²³, но самому герою не нравится его слог. Против своей воли Пастухов, желавший написать возвышенную статью, пишет в драматическом ключе, причем его не покидает мысль о смерти. Парадокс в том, что при всем обилии знаний и достаточной глубине натуры Пастухова, ему не удастся создать статью о Толстом на протяжении всей жизни. Пастухов тянется к великому классику, но не может преодолеть самого себя, эгоизма,

²² Там же. С. 333.

²³ Там же.

самолюбования, неготовности к жертве не только ради человечества, но и ради близких. В отличие от Кирилла Извекова или своего сына Алексея, драматург Александр Владимирович Пастухов не до конца честен, искренен, поэтому написать хорошую статью о Толстом, тем более об уходе Толстого, он не может.

Однако в 1910 г. об уходе и состоянии Толстого говорит, как показывает писатель, вся Россия. В романе, написанном в русле социалистического реализма, Федин стремится быть максимально правдивым и честным с читателями (пусть и в разрез с идеями революции). Он не скрывает, что люди забывают о социальных проблемах, когда речь идет о судьбе Толстого. Д.А. Романов отмечает:

В «Первых радостях» рассказывается о том, каким потрясением была для России в 1910 г. смерть Толстого. Это событие в изображении писателя не менее значительно, чем нарастание в это время классовой борьбы. Под знаком Толстого идет история этой страны. Едва ли подобная мысль Фебина очень нравилась советским идеологам. И ее высказывание — проявление писательской и человеческой смелости Фебина²⁴.

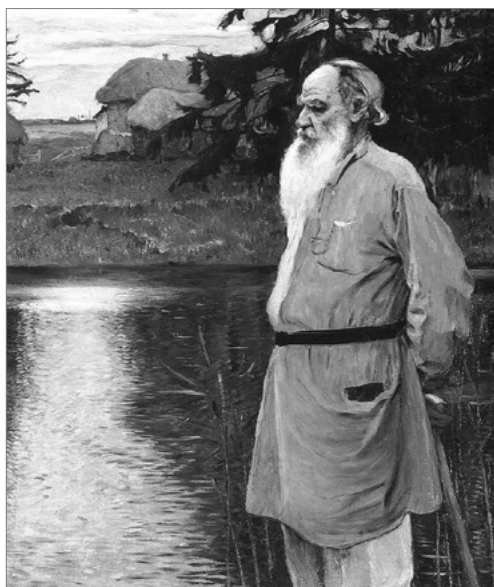
В.Ю. Оклянский справедливо отметил, что

Лев Толстой в трилогии — это неподкупная, мятежная совесть русской литературы, неколебимо убежденная в своем высоком народном предназначении, та самая совесть, с которой не в ладах Александр Владимирович, которую ему временами удастся обхитрить, усыпить, но окончательно отделаться от которой он не может²⁵.

Черновые материалы к роману «Костер» открывают нам, что Федин все-таки планировал довести своего героя до работы над статьей о Толстом. Однако в художественном мире трилогии это оказывалось возможным *только после посещения Пастуховым*

²⁴ Романов Д.А. За Константином Фебиным по тульской земле: комментированные страницы романа «Костер» (взгляд из XXI века) // Тульский краеведческий альманах. 2017. № 14. С. 232.

²⁵ Оклянский Ю.М. Федин. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 311.

Илл. 28. М.В. Нестеров. Портрет Л.Н. Толстого на фоне пруда. 1907 г.
Масло, холст. 113 × 102 см.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Ясной Поляны, приобщения к усадебному миру великого писателя, личного осмысления его как «сердца России», обретения в Ясной Поляне единения с сыном, с русским народом, с самим собой. Более того, согласно черновикам и наброскам Федина, опубликованным в журнале «Вопросы литературы», статью о Толстом, его уходе Пастухов брался писать на исходе своего пути, именно тут смерть «перехватывала его на дороге»²⁶.

В набросках писателя итоговым размышлениям Пастухова о мотиве ухода Толстого, о мотиве бегства от себя, от народа или, наоборот, в народ, посвящено несколько важных абзацев:

Почему с такою последовательной настойчивостью Л.Т. обращался к этой теме ухода, в поисках решения чуть не каждой тяжелой

²⁶ Федин К.А. «Костер» (Материалы к творческой истории романа) / вступ. заметка, коммент. и публ. И. Феединой // Вопросы литературы. 1978. № 12. С. 229–268.

задачи человеческой судьбы? Кажется, только в «В. и М.» тема эта не занимает центрального места. Однако возникает и там: уход Пьера от жены, и уход к народу, к солдатам... Но сколько вариантов «ухода» выплывает затем в дальнейших произведениях: Каренина, Отец Сергей, Протасов и пр. И, уже в старости, примерка такого же решения к самому себе: уход из Ясной!..²⁷

Тем не менее, эти планы писателя остались нереализованными, и неизвестно, куда бы вывело далее Федина самодвижение сюжета и его героев, которые, как признавался сам автор, нередко руководили им. Однако нам важнее всего тот факт, что в книге «Костер» Федин в значительной степени использовал усадебную тематику, которая стала в художественном мире произведения и основой, и лучшим показателем нравственного роста героев (в том числе Пастухова), их приближения к жизни по совести.

Обращение к усадебной проблематике, в своих главных и вершинных проявлениях связанное с Ясной Поляной, обусловило сложность и неоднозначность романа «Костер», в котором *основные признаки романа социалистического реализма* (жертвенность, героизм масс, пафос преобразования и пафос труда и т. д.) оказались совмещенными с *главными усадебными ценностями*.

Д.А. Романов подчеркнул, что

особое значение в замысле Федина играла Ясная Поляна. В романе Ясная Поляна выступает не как место изображения и развития сюжета, а как полноправный художественный образ, как составляющая хронотопа произведения. Образ родовой усадьбы Л.Н. Толстого в романе несет огромную идеологическую и символическую нагрузку, порой более важную, чем функции советских атрибутов и социалистических реалий, что для произведения 1960-х гг. совсем не обычно²⁸.

²⁷ Там же. С. 249.

²⁸ Романов Д.А. Лингвостилистический феномен романа К.А. Федина «Костер» // Университет XXI века: научное измерение. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2017. С. 312.

Исследователи творчества Федина уже не раз отмечали тот факт, что одна из первых заминок писателя в работе с романом «Костер» была связана с невозможностью начала повествования с главы о Пастухове. Следуя толстовским традициям, Федин искал для своего широкого романа героя из народа, которым оказался Матвей Веригин (именно семья Веригиных описана в первых главах произведения). Примечательно, что для сына кузнеца Ильи Веригина Федин выбирает библейское имя — Матвей, а фамилия «Веригин», скорее всего, могла быть знакома Федину по кругу общения позднего Толстого. Петр Васильевич Веригин был руководителем одной из ветвей секты духоборов, он испытал на себе значительное влияние Толстого, следовал многим его советам, выраженным в поздней публицистике, переписывался с писателем по поводу переселения секты, а потом вместе с братьями и несколькими другими влиятельными духоборами был сослан в Сибирь²⁹.

В первой книге романа «Костер» — «Вторжение» — Федин представляет несколько эпизодов, в которых важен топос усадьбы, причем при осмыслении последовательности этих эпизодов становится понятно, что в романе описана *своеобразная «эволюция» жизни усадьбы в послереволюционное время, как бы те этапы, которые проживала усадьба* (учитываются разные типы усадеб и их судьба): от истории разграбления бывшей дворянской усадьбы Федин переходит к описанию усадеб, переделанных под дачи, и новых литературных дач, составляющих целый поселок, далее писатель упоминает жизнь в 1930–1940-е гг. Ясной Поляны, не только самой усадьбы-музея, но и прилегающих построек, потом Федин *заглядывает в будущее или передает сокровенные мечты героя* — его Константин Извеков думает о планах застройки коттеджного типа (фактически по новому усадебному образцу, о котором говорил в поздний период творчества Толстой).

Первая глава книги Федина содержит сцену разграбления одной из типичных усадеб центральной России. Писатель подчеркивает, что примеры и образцы усадебной жизни XIX в. еще не ушли далеко в прошлое, что крестьяне и новая власть не везде и

²⁹ Толстой С.Л. Путешествие с духоборами в Канаду. Дневники и переписка / вступ. ст. А.А. Донскова. М.: Кучково поле; Киммерийский центр, 2017. С. 45–46.

не до конца расправились с владельцами бывших имений, которые были очень разными. Федин оговаривается о том, что владельцы поместья «мало что заслужили, кроме худой о себе славы по округе»³⁰, поэтому для писателя логична и понятна процедура экспроприации земли в собственность ближних деревень. Писатель не идеализирует прошлое России и не собирается к нему возвращаться, Федину не близка идея барства и значительного социального расслоения, но из прошлого он намерен взять в новую жизнь культуру, национальные традиции и некоторые устоявшиеся формы бытия.

Усадьба оказывается брошенной хозяевами, а населяет ее оставшаяся в одиночестве могижанка прошлых времен, не сумевшая ни уехать, ни устроиться в жизни:

Но в разгар спора выскочила из дома ополоумевшая старая дева, родственница помещиков, оставленная в усадьбе за хозяйку, и принялась грозить мужикам на все лады и тюрьмой, и сумой, и страшным на том свете судилищем³¹.

Федин показывает быстро проводимый между крестьянами дележ усадьбы, фактически расхищение всех предметов быта, обихода, приусадебного хозяйства:

Кто поозорнее — уже выносили из дома зеркала и стулья, кто хозяйственнее — заторопились на скотный двор и в сарай, кто поголоднее — в амбар и в погреб³².

То, что скапливалось в усадебном хозяйстве на протяжении долгих лет, выносится без промедления, причем Илья Веригин с трудом останавливает поджог усадьбы. Федин показывает разнужданность народа, неготовность его к соблюдению новых порядков, согласно которым нужно было бы произвести конфискацию скота и орудий через волостное управление, под запись. «Закон»,

³⁰ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 15.

³¹ Там же. С. 15–16.

³² Там же. С. 16.

как показывает писатель, прочно ассоциировался в умах крестьян с помещиками и старыми порядками, поэтому для народа легче было устроить хаотичное разграбление усадьбы — мало кто в это время думал о необходимости сохранения старинных и основательных усадебных зданий, которые потом стали использоваться под санатории и больницы, школы и детские оздоровительные лагеря и т. п. Федин не скрывает неграмотности и серости народа, для которого конфискация равноценна грабежу.

В начале третьей главы романа мы видим подмосковный дачный поселок (уже более позднего времени). Перед нами — литературная дача, владельцем которой является драматург Александр Владимирович Пастухов, оставивший жену и сына и строящий для себя и молодой жены дачку в Подмосковье. Литературная дача Пастухова существует не сама по себе, «но в особом континууме дачного поселка»³³:

Дорога от станции вела мимо усадеб, огороженных штакетником, обтянутых проволокой либо кружевными полосками жести, выкинутыми за ворота штамповальных фабрик и рачительно подобранными владельцами дачек³⁴.

На место бывшего усадебного простора приходит четкое обособление новых хозяев, которое вдоль дороги обозначается, как мы видим, *жесткими границами*. Федин представляет интерьер и экстерьер дач по-разному, показывая двойственность атмосферы и обстановки, которая зависит от людей. Писатель переходит от описания летней природы (естественного и гармоничного) к внешнему виду дач (иллюзорно-нарядного и не всегда правдивого):

Давно отцвели петушки, и лиловый водосбор уже не покачивал на жидких ножках колокольцами в шпорах, и стручки люпинов начинали чернеть... <...> Но беззаботны казались на солнце доми-

³³ Богданова О.А. Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 23. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 9)

³⁴ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 89.

ки с излюбленными под Москвой резными наличниками оконцев и раскрашенными карнизами мезонинов³⁵.

Федин посвящает читателя в ход строительства дачи, который ведет Александр Пастухов, делая нас наблюдателями визита сына к отцу:

Александр Владимирович принял сына у себя на недостроенной подмосковной даче, водил его по участку, где разбивался сад и были выкопаны ямы под яблони, показывал саженцы, завернутые в рогожу, неостекленные рамы для теплиц³⁶.

У Пастухова нет ничего особенного, что явно отличало бы дачу известного советского драматурга от других дач. Впрочем, А.В. Марков отметил, что «мы никогда не можем угадать, дача ли это номенклатурного работника, или режиссера, или офицера, или начальника треста»³⁷. Пастухов по-хозяйски руководит процессом строительства, хотя Федин показывает его дилетантизм во многих вопросах: Пастухову скорее все интересно, ему нравится процесс подходящего к финалу обустройства уютной загородной дачки:

<...> Он пошучивал с печниками, которые клали плитку, пробовал, хорошо ли подогнаны дверные замки, лазил на чердак и через слуховое окно любовался отдаленными холмами, побуревшими от поднятой зыби³⁸.

Строительство дачи Пастухова идет в эпоху перемен, когда еще не ушли в прошлое старые традиции, не забыты прежние формы быта и только внедряются новые. Не случайно «плитку кладут печ-

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 91.

³⁷ *Марков А.В. Усадьбно-дачный локус в литературе и искусстве социалистического реализма // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 82. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8)*

³⁸ *Федин К.А. Собр. соч. в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 91.*

ники», а еще большая дискуссия разворачивается по поводу колодца, место копки которого по-разному определяют специально вызванный инженер и мужик-колодезник.

Вслед за Толстым и русскими классиками Федин создает сложную игру восприятия героями друг друга. Памятуя о том, что он совсем забыл о финансовой помощи бывшей жене и сыну, Пастухов прикрывается расходами на строительство и обстановку дачи. Между тем и сын про себя дает отцу не вполне лицеприятную характеристику. Алеше кажется, что все лучшие стороны отца вытеснены «пошловатым хозяйским запалом»³⁹. Читатель понимает, что мнение сына не объективно, однако внимательный и чуткий Алеша до определенной степени прав: Федин показывает, как его герой убегает от самого себя, как он не может честно общаться с сыном из-за расставания с первой супругой, как *старается быть хозяином*. Пастухов на протяжении почти всего времени не столько живет искренне, сколько старается играть выдуманную им самим роль:

Пастухов во многом приспособленец, отступник от великих гражданских заветов русской классики. Но талант, зоркость художника, остатки внутренней честности, сознание единственной истинности этих подвижнических традиций, к которым он и тянется и которых себялюбиво страшится, заставляют Пастухова в нерешительности топтаться где-то неподалеку от последней роковой черты⁴⁰.

Далее писатель изображает и готовую дачу, мудро и со вкусом устроенную. С гостеприимством Пастухова и широтой его жизни, с любовью к дорожному алкоголю и хорошему застолью дача эта явно оказывается наследницей усадебного быта, тем более, что у Пастухова и его супруги Юлии есть и помощники: водитель, стряпуха, садовник и сторож по совместительству. Примечательно, что Юлия Павловна не боится широты сравнений, которой опасался в молодости сам Пастухов, за обеденным столом в день рождения мужа она вспоминает о взаимоотношениях в семье Толстых:

³⁹ Там же. С. 93.

⁴⁰ Ожлянский Ю.М. Федин. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 311.

Софья Андреевна Толстая — всем нам поучительное назиданье. Если бы она терпеливо слушала за обедом и ужином проповеди Льва Николаевича, может быть, не было бы никакого Астапова?..⁴¹

Толстовские сравнения и параллели в романе буквально окружают Пастухова, причем герой и сам в них погружен. К примеру, мучимый изменами жене, он перечитывает рассказ «Дьявол», поражаясь близостью ощущений с толстовским персонажем.

Образ Ясной Поляны в романе разрастается до значительных размеров. Еще до изображения в последних главах самой усадьбы Федин показывает, что все ближайшие к усадьбе объекты, построенные в СССР или переделанные под потребности советских граждан, невольно приобретают *особый колорит* из-за близости к знаменитому дому Толстого. Федин подчеркивает, что существовавший ранее *усадебный комплекс* сохранился в новое время, только несколько изменились роли и функции зданий и сооружений в окрестности Ясной Поляны. М.В. Скороходов пишет, что

<...> усадебный комплекс вбирал в себя не только собственно помещичью усадьбу, но и окрестные общественные пространства, крестьянские усадьбы и другие объекты. Усадебный комплекс — это культурный ландшафт, часто простирающийся на несколько километров⁴².

Федин отмечает большую роль в жизни советской России музея-заповедника Ясная Поляна, который не только включает объекты культурного наследия, природные объекты, но и по-своему организует жизнь и инфраструктуру района, вовлекая в свое влияние множество учреждений. Так происходит с *яснополянской школой* — по всей видимости, обыкновенной советской школой, но расположенной неподалеку от усадьбы писателя. А Надя Извекова

⁴¹ Федин К.А. Собр. соч. в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 130.

⁴² Скороходов М.В. Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е.В. Глухова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 31. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4)

считает яснополянскую школу особенной — это связано не с программами обучения или сохранившимися в школе педагогическими приемами Толстого, но с тем влиянием, которое оказывается Толстым как совестью русской литературы на процесс становления и развития человека. Не случайны представления Нади о реакции окружающих на упоминание ею окончания школы в Ясной Поляне (но связаны они отнюдь не с Надей и ее школой, а, по Федину, с близостью девочки к известной на весь мир усадьбе):

Завтра, в понедельник, она явится в канцелярию университета. Ее спросят: «На какой факультет?» Она ответит. Ее спросят: «Образование?» Она скажет: «Яснополянская средняя школа». Все сразу обернутся. Все будут смотреть на нее. У всех засветятся глаза. «Ах, из Ясной Поляны!» — скажет делопроизводитель или даже начальник канцелярии <...>⁴³.

Те же смыслы реализованы в разговоре Нади с двумя женщинами в поезде:

— А какую школу вы окончили? — спросила младшая.

Тут наступил миг торжества Нади <...>

— Я училась в Ясной Поляне.

— О-о, — вместе отозвались обе женщины и опять переглянулись⁴⁴.

В Ясной Поляне играют свадьбу молодые герои Маша и Павел, причем в поселениях, расположенных вокруг музея, есть даже загс. Когда у героини Нади обнаруживают в легких инфильтрат, ее отправляют не куда-нибудь, а именно в Ясную Поляну. Девочку просто отправили поближе к бывшему поместью Толстого: в советское время в Ясной Поляне не было ни легочного, ни какого-либо другого санатория. Однако мы видим, как Федин *сгущает, концентрирует действие романа вокруг Ясной Поляны*,

⁴³ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 8: Костер. Роман. Кн. 2. Очерки. С. 9.

⁴⁴ Там же. С. 10.

показывая, каким образом *могли в советское время быть использованы бывшие владельческие усадьбы*. Федин, конечно, не говорит о санатории в Ясной Поляне, поскольку этот факт противоречил бы истинному положению вещей (из-за отсутствия такого объекта), но постоянно приезжающий в Ясную Поляну дядя Нади, Павел, отмечает: «Славно у тебя на курорте»⁴⁵.

О.А. Богданова в статье про усадебный топос» в романе К.А. Фебина «Санаторий “Арктур”» отмечает, что усадьба-санаторий — важнейшая модификация «усадебного топоса» в советской литературе⁴⁶. Федин, который сам лечился от туберкулеза легких, не упускает возможности в романе «Костер» подчеркнуть огромное значение *усадеб-санаториев* — бывших дворянских усадеб, нередко и дворцов, которые в советское время были частично переделаны в плане внутренней планировки и оперативно приспособлены под разного вида санатории — лечебные и оздоровительные⁴⁷.

Намеренно, с целью подчеркнуть значимость усадебной жизни, вводится Фебиным в повествование рассказ о подмосковной усадьбе. В художественном мире романа история, поведенная врачом Нелидовым, пришедшим к другу и пациенту Пастухову, с которым случился один из первых приступов, обыграна с помощью испуга Юлии Павловны, супруги Пастухова, которая якобы пугается того, что в Подмосковье (где они и живут) могут уже быть фашисты:

— Ну, скажи Юленьке про Подмосковье, Леонтий.

⁴⁵ Федин К.А. Собр. соч. в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 165.

⁴⁶ Богданова О.А. «Усадебный топос» в романе К.А. Фебина «Санаторий “Арктур”»: европейская парадигма и традиция русской классики // Вестник Череповецкого государственного университета. 2026. № 4 (133). (В печати).

⁴⁷ См.: Кнорре Е.Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н.А. Островского «Как закалялась сталь» // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 328–345; Трубецкая Н.А. Усадьба-санаторий «Узкое» — «приют спокойствия, трудов и вдохновения» для советской интеллигенции 1920-х гг. // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 417–435 (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8)

— Уже? — пораженная, воскликнула Юлия Павловна. — Уже в Подмоскovie? Что там такое?⁴⁸

Целью Федина было изображение бывшей усадьбы, переделанной в детский лагерь. В художественном мире романа для автора важна *не только итоговая деталь*, на которой сделан был акцент для советской цензуры: изображение листа фанеры, на котором «вкось и вкривь, детской ручонкой по листу выведены мелом буквы “Смерть Гитлеру” <...>»⁴⁹, но *иллюстрация того, что бывшая дворянская усадьба имеет материальную и нравственную ценность*, что она может быть использована под разного рода учреждения в мирное и военное время. Так, до войны там был лагерь, позже, по всей видимости, будет учреждение, в котором поместится штаб.

Вчера я с начальниками ездил осматривать дома под наши учреждения. Недалеко. Усадьба такая старая. За день до нас оттуда вывезли детей. Детский лагерь был. Мебель не успели всю отправить, кое-где еще и не сложили. Картинки над кроватями. А вокруг пустынно... Когда знакомились с парком, садом, набрали на горку песку. В песке разбросаны каравайчики — как играли, так и оставили. Поодаль желтый башмачок с развязанными шнурками. Разулся какой ребяенок, играючи, а искать — было не до того⁵⁰.

Федин описывает быт лагеря как «большого дома детей» с любовью; по мнению писателя, бывшая усадьба с ее расположением, планировкой здания, продуманной системой комнат является замечательным наследием ушедшей эпохи, *которое необходимо сохранить и передать детям*. Обратим внимание, что волею судьбы многие герои Федина в романе «Костер» ищут дом или пристанище после какого-то жизненного события. Этот мотив поиска дома, конечно, не случаен, он генетически связан со всеми пре-

⁴⁸ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 83.

⁴⁹ Там же. С. 84.

⁵⁰ Там же.

дыдущими произведениями Федина, в частности, с «Санаторием “Арктур”». О.А. Богданова проницательно показала, как Лёвшин (главный герой этого романа) хранит спасительную мечту о подлинном доме:

Да, это Россия, русская усадьба не как барское владение, но как «культурное гнездо» и территория высоких бытийных смыслов — толстовская Ясная Поляна, сохранившаяся, несмотря на исторические катаклизмы 1910–1930-х гг. И технические достижения советской России — трубы торфяных топок, гидроэлектростанции, опоры высоковольтных передач — воспринимаются в романе Федина продолжением, а не отрицанием прежней высокой традиции. Как нам представляется, инициация Лёвшина, помимо вышесказанного, состояла еще и в том, что из советского он преобразовался в русско-го человека, за спиной которого — великая тысячелетняя история и культура. Вот то чудо, которое спасло фединского героя⁵¹.

В романе «Костер» у читателя складывается ощущение, что смыслы произведения сводятся к Толстому и Ясной Поляне. Бытует мнение, что «Федину не удалось сделать другие образы романа “Костер” такими же значительными, как образ Ясной Поляны, а потому не удалось композиционно соединить столь разновеликие части повествования»⁵². Неизвестно, собирался ли писатель делать другие образы столь же значительными или все-таки Ясная Поляна и должна была, согласно итоговой задумке, стать тем центром романа, которым она оказалась в опубликованном тексте. У Федина получается так, что не военная и героическая тема, как того требовал социалистический реализм, подчиняет себе все формы бытия людей и обстоятельства, но на первый план выдвигается *усадебная тема*. Ясная Поляна в романе оказывается не просто местом паломничества туристов, в определенный момент читатель романа

⁵¹ Богданова О.А. «Усадебный топос» в романе К.А. Федина «Санаторий “Арктур”»: европейская парадигма и традиция русской классики // Вестник Череповецкого государственного университета. 2026. № 4 (133). (В печати).

⁵² Романов Д.А. Лингвостилистический феномен романа К.А. Федина «Костёр» // Университет XXI века: научное измерение. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2017. С. 314.

ощущает, что Федин отдает ей *роль духовной столицы России*, не показывая, но подразумевая возможную оппозицию Москве, столице, советской власти.

Один из главных и любимых героев Федина, Кирилл Извеков, переселяется в Тулу из Москвы в связи со своей «партийной неблагонадежностью». Не будем подробно останавливаться на карьере этого честного труженика, который долгое время горел идеей социалистического строительства и в первый раз ощутил на себе давление режима, тяжесть несправедливых решений. Федин писал роман не в стол, а надеясь на его публикацию и продолжение, этим и обосновывается двойственность Извекова. Несмотря на все препятствия судьбы, Кирилл готов строить города по новым планам, но при этом он слишком хорошо знает русскую классику и любит ее настолько, что может сделать руководством современности. В Туле Извеков видит старину, не тронутую несколько веков, идя по городским улицам, он словно читает «конспект истории русской литературы»⁵³.

Конечно, герой сразу же начинает славить новую эпоху, в романе соцреализма по-иному быть и не могло, вот только отношение к усадебному прошлому и Ясной Поляне выдает особенную глубину Извекова, который был слеплен не из нового теста, а вырос в лучших традициях русской культуры (как тут не вспомнить, к примеру, совершенно неуместный в партийной организации рассказ-воспоминание Извекова про мужской скит и старца, почивающего в дубовой домовине на протяжении уже двадцати лет). При таких обстоятельствах получается, что Извеков — совсем не новый герой:

Постепенно в произведениях социалистического реализма складывается определенная типология характеров. Положительный герой является носителем правильной партийной идеологии, чаще всего — выходцем из рабочих, городских низов, или из революционеров эпохи подполья. Отрицательный герой или прямо олицетворяет собою буржуазную, мещанскую, дворянскую, прежнюю

⁵³ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 173.

крестьянскую культуру, или несет на себе отпечаток этого «темного» прошлого⁵⁴.

Извеков не вполне живет делом партии, поскольку слишком много в его размышлениях поворотов назад, стремлений сохранить традиции:

<...> путь писателя наглядно показал, что можно отречься от многого, но нельзя лгать в своих произведениях, что видимые поступки не всегда демонстрируют внутреннее состояние их совершающего⁵⁵.

Еще интереснее тот факт, что честно выполняя возложенное на него новое дело (Извеков занимается коммунальным хозяйством Тулы), герой только мельком вообразил новенькую восьмиэтажку рядом с архитектурными памятниками Тулы — и делать акцент на этом было бы ошибкой в художественном мире романа. На самом деле, *мечты* у Извекова совершенно другие, близкие к *трансформации усадебной идеи в новых условиях*. Своими сокровенными мечтами герой может поделиться лишь с самыми близкими, например, с женой — актрисой Анной Улиной:

Знаешь, я все чаще думаю о маленьких домах. Даже о каких-нибудь шестистенках. По-русски. Доступнее, скорее строить. Кварталы, которые омываются дыханием леса, полей. С водоемами, а зимой с катками для ребятишек⁵⁶.

Интересно, что это говорит тот же герой, который только что показывал своей жене новый парк отдыха с аляповатыми фигура-

⁵⁴ Богатырев Д.К., Святославский А.В. Мифология и поэтика социалистического реализма // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 260–261.

⁵⁵ Хусиханов А.М. К вопросу о целостном исследовании проблем психологизма в художественном наследии К.А. Федина // Известия Чеченского государственного университета. 2017. № 1 (5). С. 62.

⁵⁶ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 216.

ми то ли атлетов, то ли греческих богов и богинь — «антиков в трусиках», которых ловко отливали для советских мест спорта и отдыха. Однако мы понимаем, что парк, обустроенный Извековым, это реальность, в которой он не выбирает декора и оформления, довольствуясь имеющимся. А вот *мечта* у Кирилла иная, связанная с усадебным наследием именно в том виде, в каком мыслил его в начале 1900-х гг. Толстой: небольшой частный дом на природе, который под силу содержать семье своими трудами без наемных работников и помощников.

Следование отдельных советских писателей, в том числе Федина, утверждению усадебных ценностей происходит не явно, а за счет *криптоусадебной мифологии*, позволяющей литераторам «спрятать» дорогие усадебные приметы за оболочкой новой реальности. А в том, что Федин, точнее его герой, вслед за Толстым видит в усадебном типе нового жизнеустройства будущее страны — не слабость, а сила романа, поскольку, как отмечает О.А. Богданова:

<...> усадебный тип жизнеустройства является элементом общечеловеческого культурного кода и универсальным архетипом, заложенным в основание человеческой природы в самом начале мировой истории⁵⁷.

Когда встает вопрос о возможной малоэкономичности построек, Извеков оговаривается о том, что «это не барские особняки, разумеется»⁵⁸. Кирилл отвергает идею роскоши, но он мечтает о том, чтобы большой государственный план давал людям не городские «пыль, сажу, грохот, толкотню», а свободу и жизнь у земли. Эти рассуждения героя Федина аккуратно вписывает для советского читателя в своеобразную речь-тираду, вроде бы не очень уместную и своевременную.

⁵⁷ Богданова О.А. Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность / отв. ред. М.В. Скорыходов. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 461. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 9)

⁵⁸ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 216.

— <...> Дело в пропорциях между промышленностью и жилыми строениями. В размещении по плану. В большом государственном плане!

— В *мечте*, — улынулась Аночка.

— Да, в *битве за мечту*, подтвердил он сурово <...> (Курсив мой. — В.А.)⁵⁹.

Однако думающий читатель понимает, что именно мечта спасает Извекова и позволяет ему остаться самим собою. О.А. Богданова, анализируя роман Федина «Санаторий “Арктур”», показала, что главный герой Федина Лёвшин *выжил благодаря мечте*:

Его спасла *мечта о доме*. И под этим *домом* Федин подразумевал, судя по всему, не только СССР с его урбанизацией, индустриализацией, принудительной идеологией и т. д., но и традиционную Россию, классическую литературу, писательскую усадьбу Ясную Поляну, в которой он в 1940-м г. дописывал свой «Санаторий “Арктур”»⁶⁰.

Именно на *мечте о своем доме* держится и жизнь Извекова. Для начала он ищет уютный дом в Туле, но впереди, как мы видим, ему грезится идея о новом доме, когда все будет так, как ему хочется.

Юность Нади Извековой, с судьбой которой писатель связывал будущее романа, проходит в Ясной Поляне, усадьбу Толстого она считает фактически родной, а живет долгое время в избе музейного сотрудника, экскурсовода музея Толстого и матери своей одноклассницы. Заповедник, усадьба, толстовские места — все это близко и дорого одноклассникам из Ясной Поляны, которые в детстве играют не во что иное, как в семью Толстых:

— Мы — Толстые! — требовательным взглядом ответила Надя на изумление подруги. — Понимаешь? Я — Левушка, а это — Нико-

⁵⁹ Там же. С. 217.

⁶⁰ Богданова О.А. «Усадьбный топос» в романе К.А. Федина «Санаторий “Арктур”»: европейская парадигма и традиция русской классики // Вестник Череповецкого государственного университета. 2026. № 4 (133). (В печати).

ленька. Мы приехали к тебе на скотный двор с нашими тетушками из Ясной есть творог со сметаной. Только, прости, мы забыли, как тебя зовут. Ведь ты скотница, правда? Накрывай на стол⁶¹.

Федин приводит краткие эпизоды воспоминаний Нади, благодаря которым читатель понимает, что девочки, особенно сама Надя, основательно, вплоть до мелочей, погрузились в фактографически точное представление жизни и быта русской усадьбы и ее хозяев XIX в.:

<...> Были на линейках кожаные фартуки, которыми покрывались ноги. Ты никак не можешь себе представить старых дворян⁶².

Федин передает своей юной героине то, что было дорого ему самому. Большое значение в романе имеет описание музейной работы и усадьбы-музея, его сотрудников, проведения экскурсий и т. п. М.В. Скорыходов показал начавшийся в 1930-е гг. процесс оскудения внимания к изучению усадеб:

В 1930-е гг. наблюдался процесс реорганизации музеев, деятельность многих из них, как и деятельность организаций, занимавшихся сохранением и изучением усадеб, сворачивалась, внимание к мемориальным комплексам и историческим интерьерам сменялось тиражированием в музеях-усадебх идеологически актуальных экспозиций, которые должны были свидетельствовать о торжестве нового политического строя⁶³.

Однако в толстовском музее Федин отмечает противоположные процессы: показана популярность Ясной Поляны как усадьбы-музея, отражен поток очень разных посетителей, который стекался

⁶¹ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 105.

⁶² Там же.

⁶³ Скорыходов М.В. Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е.В. Глухова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 21. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4)

в имение Толстого до войны, сделан акцент на сохранении духовной и идейной составляющей усадьбы, остающейся поистине толстовской и в определенной степени *вступающей даже в оппозицию к новому политическому строю*.

Интересен момент, когда Надя вспоминает о приезде в Ясную Поляну наркома, для которого искали непременно лучшего экскурсовода (к наркому выражается определенное пренебрежение):

Пусть приезжает в другой раз. На балет небось время находится? Там он не торопит, чтобы скорей оттанцевали, — сидит и ждет. Ясная Поляна поважнее балета⁶⁴.

Если для кого-то Ясная Поляна оказывается просто объектом культурного наследия, то для самых проникательных усадьба берегает несколько ценнейших пластов смыслов, становится духовно ресурсной основой России. Для Федина Ясная Поляна всегда больше, чем музей, она многогранна, в жизни Нади и ее одноклассниц Ясная становится родным домом, не случайно девочки говорят «наши сады» про яблоневые сады Толстых.

Апофеозом народной идеи и одновременно усадебного прошлого и настоящего России, заключающими ее силу, становятся финальные главы романа «Костер». В усадьбу Толстого, в «сердце России», когда страна столкнулась с несоизмеримой бедой в виде войны, независимо друг от друга тянутся душой драматург Пастухов и его сын Алексей.

Пастухов приезжает в усадьбу в некоторой растерянности и страхе: он не только фактически «потерял» сына, он потерял совесть, самого себя, именно поэтому он отправляется к Толстому, в Ясную Поляну. Глубоко символично, что, несмотря на уход писателя из дома осенью 1910 г., Ясная Поляна остается домом Толстого, его творческой лабораторией, «раем» на земле. Для утверждения этого факта Федин создает два эпизода, во время которых драматург Пастухов общается с Толстым, слишком живо и воочию представляя его: первый раз — в собственной сказке о седом про-

⁶⁴ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 8: Костер. Роман. Кн. 2. Очерки. С. 108–109.

нищательном старике, сразу угадывающем сущность Пастухова, второй раз — в очень ясном видении, когда Толстой проезжает через лес в двухместной коляске, запряженной крупным вороным конем. Через своего героя писатель пытается показать, что усадьба-музей — это не просто хранилище вещей писателя или дом, в котором соблюдается заведенный порядок и говорят о хозяине, в исключительных случаях — это духовная обитель, которую словно бы не покидает ее насельник:

Пастухов робко снимает шляпу. Он видит лицо Толстого почти рядом. Вот Толстой быстро оглядел его с ног до головы и задержался на его редчайшего цвета пальто. Не понятно, почему такой стыд и такой ужас испытывает Пастухов! Вот Толстой перехватил вожжи одной рукой и пожевал недовольно губами. <...>

— Я к Вам, Лев Николаевич, — отвечает Пастухов со страшной решимостью, точно махнув на все рукой.

— А я на Козлову Засеку, за почтой, — весело говорит Толстой и смотрит на него с высоты коляски почти задорно и вот-вот засмеется неслышно... <...> Ну, подождите меня в Ясной⁶⁵.

Две заключительные главы произведения, ставшие итоговыми (так как роман далее не был продолжен), рассказывают именно о Ясной Поляне. Очень важно описание толстовской усадьбы, которую до этого Пастухов видел много раз в книгах, а теперь описывает вживую. Он видит то самое «дерево бедных», которое столько раз представлял и о котором собирался писать в юности.

В Ясной Поляне происходит чудо — встреча Пастухова с сыном (по планам Федина, последняя в их жизни), во время которой отец и сын наконец-то понимают и принимают друг друга. Писатель иллюстрирует, как в сложное военное время, когда решается судьба страны и народа, люди тянутся к особенным местам, дающим силу.

По всей видимости, Федин считал не случайными первые победы Красной Армии под Тулой и особенно значимым тот факт, что с Ясной Поляны началось крушение фашистской армии, что именно в усадьбе Толстого совершился начальный перелом за все

⁶⁵ Там же. С. 177.

Илл. 29. Л.Н. Толстой в пальто на лавочке под «деревом бедных». 1908 г. Фото П.Е. Кулакова.

Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

время войны, когда был подписан первый приказ об отступлении немецких войск⁶⁶. Федин не успел подробно отразить эти факты, он только готовил материалы, однако многие будущие планы писателя угадываются по его изображению Ясной Поляны.

Алеша отпрашивается у командира на пару часов, чтобы посмотреть усадьбу-музей, он сходу понимает, что привело в толстовскую усадьбу его отца — необходимость «себя упрочить прикосновением к самому драгоценному в своей жизни <...>»⁶⁷. Физические и духовные смыслы усадьбы показаны в романе воочию: пока Пастухов осмысляет свою жизнь, кается и кланяется Толстому как отцу, вспоминает молодость и то время, когда Тол-

⁶⁶ Об этом подробнее см. следующую главу нашей книги.

⁶⁷ Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. С. 185.

стой еще был жив, хранителями пакуются для отправки в тыл все возможные вещи усадьбы-музея.

Подчеркивая силу людей, вступивших в войну и готовых к жертве ради мира и справедливости, Федин одновременно показывает, что народ оказался способен на подвиг благодаря примеру Толстого, сохранению Ясной Поляны. Пастухов проходит с экскурсоводом по дому-музею, просит оставить его в опустевшей после эвакуации вещей комнате со сводами, наконец, читает своеобразную «летопись войны», сделанную бойцами в памятной книге музея. Драматург не отважился вписать что-либо после сына, поскольку Алексей значительно превзошел отца в силе духа и сознательной готовности «отдать жизнь за счастье народа, которому служил Толстой»⁶⁸.

В последнем недописанном романе «Костер», завершающем трилогию Федина, усадебный топос и усадебный локус Ясной Поляны играют ключевую роль как при изображении мирной жизни советского государства, так и при описании начала Великой Отечественной войны, первых ее месяцев. Федин разделял политику партии, однако в своих произведениях он продемонстрировал, что строительство светлого будущего в СССР невозможно без опоры на высокие образцы поведения, сохраненные русской классической литературой, без ориентации на усадебный тип и образ жизни, дающий человеку в процессе роста и становления прочные духовные опоры.

⁶⁸ Там же. С. 201.

ГЛАВА 3

Потічка Ясної Поляни в романе Б.Ш. Окуджави «Похождения Шипова, или Станный водевиль»

До сих пор исторический роман Б.Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Станный водевиль» (1971) является одним из малоизученных произведений автора. Между тем художественный мир книги сложен и разноаспектен: имея явную историческую основу, относящуюся ко времени, предшествующему написанию произведения примерно на 90 лет, роман был чрезвычайно актуальным в 1970-е гг., остается не менее насущным в наши дни. Хотя, как справедливо отмечает Е.Н. Матюшкина,

на фоне исторической романистики 1960–80-х годов произведение Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Станный водевиль» выделяется, прежде всего, неожиданной в рамках избранной жанровой формы трактовкой прошлого. Критика того времени не смогла адекватно оценить роман, осознать его документальный характер. Исследователи определяли роман как «непонятную вещь» или «странный прозу»¹.

Мы не предполагаем проводить целостный анализ романа и его ключевых героев, обратимся к аналитическому осмыслению роли усадебного локуса Ясной Поляны в произведении, а также осоз-

¹ Матюшкина Е.Н. Авантюристичность в исторической прозе Б. Окуджавы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 3. С. 44.

нению конкретных уровней семантики усадебного сверттекста. Однако усадебный локус настолько значим в романе, что характеристика композиции, стилистики романа, ключевых принципов организации художественного текста немыслимы без оценки роли усадебного локуса.

Прежде чем перейти собственно к предмету исследования, обратимся к исторической основе романа, его жанровой характеристике. Роман вышел в № 12 журнала «Дружба народов» за 1971 г. и назывался в первой публикации чуть пространнее — «Мерси, или Похождения Шипова: Старинный водевиль: Истинное происшествие». Исследователи отмечают, что одним из главных источников романа Окуджавы стала статья И. Ильинского «Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г.» (1932). Тема политического сыска и преследования политических преступников была актуальной во все времена, не оказался исключением и Советский Союз. Разумеется, прямо о героях своего времени Окуджава писать не мог, поэтому им в качестве реальной жизненной фабулы был выбран сюжет о слежке за Толстым и проведении в усадебном доме Толстого в Ясной Поляне обыска. Е.Н. Матюшкина подчеркивает, что

роман «Похождения Шипова» создавался в тот период, когда разворачивалась писательская кампания в защиту А. Гинзбурга, создавшего «Белую книгу» (лето 1966 года), когда Б. Окуджава подписал письмо в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля².

В художественном мире романа гармонично сочетаются историческая канва и авантюрно-психологические элементы, которые и слагают основной сюжет произведения. При этом все герои делятся на два противоположных лагеря. Главную антитезу на уровне персонажей «Л.Н. Толстой — сыщик Шипов» усиливает значительная группа лиц, занимающих руководящие посты и допустивших, утвердивших слежку за писателем.

При создании произведения Окуджава использовал реальные исторические документы — доносы и письма, лишь немного изменяя их. К примеру, первая выдержка из донесения жандармского

² Там же. С. 46.

штаб-офицера трансформирована всего на несколько слов. Чтобы не усложнять роман пояснениями, Окуджава заменил наименование революционной группы «Великорусс» на описательное выражение «из разных предосудительных изданий»³. В материалах к биографии Толстого Н.Н. Гусев восстанавливает всю канву событий со слезкой за Толстым и последующим обыском в Ясной Поляне, показывая, как правительство было напугано привезенной из Лондона и составленной Н.В. Шелгуновым прокламацией «К молодому поколению», как жандармский полковник Воейков сообщил в третье отделение слухи и опасения, связанные с деятельностью Толстого, как далее раскручивалось колесо слежки, а сыщику Шипову было поручено наблюдать за писателем в Москве и Ясной Поляне⁴. Разумеется, Окуджава несколько приукрасил приключения Шипова и его помощника Амадея Гираса, однако исторические свидетельства показывают, что элементы авантюры присутствовали и в реальной истории, что писателем была мало изменена суть фигуры и натуры Шипова.

В.В. Выдрина справедливо отметила, что в романах Окуджавы второй половины XX в. «очевидна ориентация на классические образцы литературы XIX в.»⁵. Исследователи находят в образе сыщика Шипова отдельные поведенческие черты Чичикова — главного героя «Мертвых душ». Окуджаве было важно создать в романе полюсное и контрастное противопоставление, кроме того, авантурные элементы в повествовании (как и у Гоголя) часто связаны с картинами и явлениями быта, а также с окружением и привычками героев.

Локус Ясной Поляны появляется уже в первой строке романа:

<...> В Тульской губернии проживает в собственном имении «Ясная Поляна» отставной артиллерийский офицер Толстой, очень

³ Окуджава Б.Ш. Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. URL: <https://lib.ru/PROZA/OKUDZHAWA/shipov.txt> (дата обращения: 16.01.2026).

⁴ Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 497–498.

⁵ Выдрина В.В. Проблема историзма и исторического романа в творческом сознании А. Пушкина и Б. Окуджавы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 125.

умный человек, воспитывался, кажется, в Московском Университете и весьма замечателен своим либеральным направлением, в настоящее время он очень усердно занимается распространением грамотности между крестьянами <...>⁶.

Донесение жандармского офицера в целом можно свести к тому, что Толстой в своем загородном имении живет как хочет, и делает что хочет. В сведениях о Толстом, сообщаемых разными административными лицами друг другу, то и дело встречаются наугад написанные факты, мало или совершенно не соотносимые с реальными событиями жизни Толстого. Окуджава иллюстрирует невежество большинства жандармов, которые в то время (действие происходит в 1862 г.) не знали уже широко известного всей России талантливого писателя Толстого. Так, из текста послания генерал-майора Потапова заметно, что он гораздо лучше осведомлен о материальном — об имении, нежели о хозяине этого имения и роде его деятельности. Так, в финале Потапов отмечает:

Кстати, кажется, Граф Лев Николаевич — автор «Детство», «Юношество», «Воспоминание о Севастополе» и проч.⁷

Окуджава не раз в романе высмеивает примитивность и ограниченность людей, преимущественно главного исполнителя, Шипова, которому поручено было дознание. Цыган Амадей Гирос, взятый Шиповым в помощь, намного лучше самого сыщика понимает положение дел с либеральной интеллигенцией. Когда Гирос рассказывает Шипову о своей второй иллюзорной встрече с Толстым, он выдумает линию о финансовой помощи Толстого Герцену.

«Кому?» — переспрашивает Шипов, не зная фамилии известного всем образованным кругам эмигранта. И Гирос отвечает:

⁶ Окуджава Б.Ш. Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. URL: <https://lib.ru/PROZA/OKUDZHAWA/shipov.txt> (дата обращения: 16.01.2026).

⁷ Там же.

Известный возмутитель, Мишель. Живет в Англии... Да, помогать, значит, этому Герцену, крестьянам жужжать в уши, что больно их притесняют, притесняют... А когда придет, мол, время, молнию-то и запустить⁸.

Сыщики уровня Шипова или Гирова не смогли самостоятельно разобраться во взглядах и жизненной позиции Толстого, но Окуджава показывает, что ни один из начальников более высокого ранга не позаботился о том, чтобы четко узнать взгляды писателя и общественного деятеля. Если бы усилия жандармского управления были направлены не на внутреннюю переписку, а вовне, то жандармы бы узнали, что и Толстой, и яснополянские учителя были заняты поиском наилучших способов и приемов обучения крестьянских детей:

Толстой выступил против заформализованности обучения не только в школах Западной Европы, но и в самой России, считая, что формализм европейского образования имеет наукообразный характер, а формализм отечественной школы — схоластически религиозный⁹.

На протяжении всего повествования фигура Толстого и локус Ясной Поляны неразрывно связаны. Несмотря на тот факт, что горе-сыщики будут рисовать в воображении сцены общения с Толстым, главной целью станет поиск запрещенного в усадьбе.

С точки зрения взаимоотношений представителей усадебного бытия в прошлом и настоящем важным оказывается то, что Шипов до своей карьеры сыщика был служащим в доме князя Долгорукова. «За столом служил, подавал-с», — рассказывает Шипов¹⁰. У высоких чинов складывается прочное убеждение в том, что бывший человек шефа жандармов и начальника III отделения Васи-

⁸ Там же.

⁹ Хуторской А.В. Свободная школа Л.Н. Толстого // Школьные технологии. 2010. № 6. С. 93.

¹⁰ Окуджава Б.Ш. Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. URL: <https://lib.ru/PROZA/OKUDZHAWA/shipov.txt> (дата обращения: 16.01.2026).

лия Андреевича Долгорукова не может не выказать в деле глубокой преданности и старательности. Между тем Шипов не просто лентяй и пьяница, он еще и завидует Толстому. Его не покидает ощущение своей незначительности по сравнению с владельцами имений, не случайно перед хозяйкой квартиры в Туле (Дасей) Шипов пытается предстать помещиком, знающим французский.

Главная ошибка властей, которую много раз подчеркивает Окуджава, заключалась в выборе человека слишком низкого уровня. Сама слежка за Толстым отвратительна и безосновательна, однако хоть сколько-нибудь образованный сотрудник жандармского управления смог бы все быстро выяснить и отвести подозрения от Толстого и его имения. Именно такую попытку открыть начальству правду предпринимает в романе жандармский полковник Муратов (во многом повинный в возникновении скандала). Однако Окуджава прекрасно демонстрирует, что заведенный механизм обвинения продолжает работать. Не случайно губернатор, при одном взгляде оценивший Шипова, сразу называет его «чудовищем» и далее недоумевает, почему «охотник за жуликами должен соваться в жизнь графа Льва Николаевича»¹¹. Шипов боится приблизиться к Толстому: и лично к писателю, и к Ясной Поляне. Постоянное пьянство сыщика в некотором роде оказывается его уходом от реальности, в которой он должен уличить Толстого. С.С. Бойко отметила, что у Окуджавы

сопоставление персонажей связано не со «сменой эпох», а с мозаичностью синхронного среза культуры, которая складывается из субкультур разного типа с присущими характеристиками: <...> аристократ Толстой — жулик Шипов <...>¹².

В художественном мире романа существуют два образа Ясной Поляны — вымышленный и реальный. Вымышленный образ появляется на первых страницах произведения и существует до финальной поездки с обыском в имение Толстого, которое наконец-то

¹¹ Там же.

¹² Бойко С.С. Проза Булата Окуджавы на исторические сюжеты в историко-литературном контексте // Филологические науки. 2010. № 1. С. 6.

предстает перед жандармами и перед читателями в истинном виде. Реальный образ Ясной Поляны появляется в тексте за счет небольших по объему выдержек из писем самого Толстого к родным и друзьям. Если для жандармов вымышленный образ имения рисуется в виде дома, в котором установлены типографские станки и печатаются прокламации, то для Толстого Ясная Поляна — не просто дом, но самое родное на земле место, источник силы и вдохновения. Необходимо пояснить, что в 1861–1862 гг. Толстой был занят не столько литературной деятельностью (от которой он готов был и вовсе отказаться), сколько педагогикой — организацией школ и обучением крестьянских детей. Открывавшиеся им в усадьбе школы были значительной новацией для усадебного топоса и, конечно, не могли не смущать власть, постоянно опасавшуюся распространения революционных настроений.

Мы уже писали о том, что в одном из писем к Б.Н. Чичерину в начале 1860-х гг. Толстой сообщал об ошибках, о непозволительных промахах зрелого возраста, когда «шлянье вне дома, или писанье повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагопристойно» (т. 60, с. 327). Под «шляньем вне дома» Толстой, конечно же, имел в виду европейские поездки Чичерина, а под «писаньем повестей» — собственную работу литератора:

Этим иллюзорным и эфемерным делам Толстой противопоставлял свое новое занятие — организацию школы в Ясной Поляне: Толстой серьезно начал заниматься обучением детей и взрослых крестьян, со своей увлеченностью писатель готов был посвятить этому делу всю жизнь, обосновывая необходимость просвещения народа¹³.

Поразительно, но неграмотные сыщики в романе Окуджавы пытаются уличить Толстого, развернувшего именно просветительскую работу с народом.

¹³ Андреева В.Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л.Н. Толстого и Б.Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 68–69.

Для максимально полного и контрастного противопоставления локуса Ясной Поляны с точки зрения хозяина и жандармов Окуджавы умело выбирает краткие толстовские цитаты. Так, отрывок из письма Толстого к Т.А. Ергольской иллюстрирует тягу писателя в родное усадьбное гнездо: «<...> скучно ужасно и хочется домой»¹⁴; отрывок из послания писателя к В.П. Боткину раскрывает увлеченность Толстого школами и изданием журнала «Ясная Поляна», уединенность писателя в своем имении и радость в связи с этой изоляцией: «Я смотрю из своей берлоги и думаю — ну-ка, кто кого!»¹⁵; отрывок из письма Толстого к графине А.А. Толстой показывает, что, несмотря на московское оживление, писатель неизменно ощущал необходимость продолжения дел, которые ждали его в имении: «Нынче еду назад в деревню. Дела у меня пропасть и по школе, и по журналу, и по роману <...>»¹⁶; наконец, отрывок из письма Толстого к А.Е. Берсу открывает удивительное ощущение писателя от нахождения в собственной усадьбе и занятий любимым делом и т. д.

Согласно логике движения авантюрного сюжета, мы видим несколько повторяющихся «подходов» сыщиков к Толстому и Ясной Поляне. Элемент повтора виден и в трех рассказах Гироза. Примечательно, что в выдумках Гироза Толстой оказывается обывателем, и как это характерно для людей с ограниченным кругозором, сыщик представляет Толстого ровней себе. Все три рассказа Гироза содержат необходимый для создания действенной иллюзии уровень деталей и подробностей усадьбного быта. В первый свой «разговор» с Толстым Гироз успевает осмотреться в буфетной рядом с гимнастическим залом, где находит поистине барскую роскошь:

Ковры, Мишель, кругом ковры, кресла, вазы с цветами, лакей в ливрее. Хорошо, тепло... Графу я нравлюсь, это сразу видно¹⁷.

¹⁴ Окуджава Б.Ш. Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. URL: <https://lib.ru/PROZA/OKUDZHAWA/shipov.txt> (дата обращения: 16.01.2026).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Илл. 30. И.Е. Репин. Л.Н. Толстой за работой. 1891 г.
Бумага на картоне, карандаш графитный. 32,5 × 23,9 см.
© Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Второй разговор происходит в номере Толстого, причем выдуманная Гирсом картинка барской жизни, когда он представляет Толстого в вишневом халате с персидскими чужаками из парчи на ногах и с трубкой, дополняется реальными воспоминаниями Шипова о жизни в имении Долгорукова:

В этом месте Шипов вдруг вспомнил, как, бывало, выкатывал он в доме князя Долгорукова столик красного дерева, полированный, с перламутровыми украшениями на крышке, весь такой важный, на четырех изогнутых ножках да на колесиках. Крышка его поднималась, опрокидывалась, а из-под нее вылезал на свет Божий целый полк графинчиков и штофчиков, тоненьких, пузатых, граненых, плоских, в которых мягко колыхались всевозможные настойки, окрашенные в невероятные цвета то ли сами по себе, то ли от

разноцветного посудного хрусталя. Каких там только настоек не было!¹⁸

Именно во втором рассказе Гироса имение Толстого четко противопоставляется городскому топосу, характеризуется как «глушь».

Наконец, в третьем из придуманных рассказов Гирос повествует о якобы состоявшемся посещении им Ясной Поляны. Формульный образ дворянской усадьбы, который представляет герой, никак не соответствует локусу настоящей Ясной Поляны. Гирос говорит о белом доме с колоннами в четыре этажа, фактически о дворце. Он рисует свой проход по длинному коридору с расходящимися от него коридорчиками, которых, разумеется, никогда не было в Ясной Поляне. Неизменным символом роскоши и обеспеченности дома является для Амадея Гироса полностью уставленный яствами стол.

Характеризуя семантику усадебного сверттекста, О.А. Гриневич отметила, что она «неоднородна и разделяется на несколько подуровней»:

Первый, архетипический, уровень составляет мифологическое ядро сверттекста, основанное на мифах о Золотом веке, Аркадии, Элизиуме, библейской легенде изгнания из Рая. Второй уровень связан с логическим расщеплением мифологической семантики, что приводит к формированию бинарных оппозиций: деревня — город, природа — цивилизация, естественное — искусственное, свое — чужое, прошлое — настоящее, воображение — реальность и др. На основе семантических оппозиций складывается система мотивов и образов усадебного текста, система топосов (план выражения), составляющая третий уровень¹⁹.

В романе Окуджавы мы видим реализацию всех трех уровней семантики, причем это воплощение характерно (разумеется,

¹⁸ Там же.

¹⁹ Гриневич О.А. Динамика функционирования усадебного сверттекста русской литературы: семантика, синтактика, прагматика // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 1 (49). С. 48.

в оппозиционном смысле) как для иллюзорного, «жандармского» представления об усадьбе, так и для реальной оценки усадьбы и жизни в имении самим Толстым.

Первый уровень связан с недостижимостью происходящего в имении Толстого для жандармов и возведением самим Толстым своей усадебной жизни в особый ранг — в Ясной Поляне поистине происходил грандиозный эксперимент писателя по возвращению в «рай» или строительству своего «рая»:

Ясная Поляна + женитьба наиболее близко стояли возле идеала. Это был предметный и олицетворенный «рай»²⁰.

Он нарисовал этот рай в своем воображении до такой степени прозрачной ясности и в то же время конкретности, что, по сути, уже жил в нем²¹.

Читая воспоминания сыновей Толстого о яснополянском детстве, нельзя не прийти к мысли, что если он мечтал устроить в Ясной Поляне отдельно взятый рай, то ему это безусловно удалось. Но только не в отношении себя и жены, а в отношении маленьких детей²².

Второй уровень связан с противопоставлением деревни и города, но для жандармов деревня ассоциируется с «глушью», куда тяжело добраться сыщикам, где так вольготно заниматься противозаконной деятельностью, а для Толстого усадьба противопоставлена городам как обетованный уголок — развратному Вавилону.

Наконец, *третий уровень* ассоциируется в представлении Толстого с мотивом снятия покровов, естественности, родной обстановки, убежища и т. д., а в представлении жандармов и сыщиков — с мотивом преступления, тайной, опасностью и угрозой. Примечательно в этом плане письмо, которое Шипов сочиняет для подполковника Шеншина. Выпрашивая денег на дальнейшие тра-

²⁰ Басинский П.В. Лев Толстой: бегство из рая. М.: АСТ; Астрель, 2010. С. 60.

²¹ Там же. С. 75.

²² Там же. С. 135.

ты и придумывая опасность, с которой ему приходится сталкиваться, Шипов так описывает усадьбу:

А в Ясную Поляну попасть очень трудно, у них там двадцать мужиков сторожат днем и ночью, а уж поймают — псами затравят, палками забьют <...>²³.

Кульминационным моментом произведения становится подготовка к обыску имения и собственно сам обыск. В художественном мире романа пространному описанию поездки целой процессии жандармов в Ясную Поляну предшествует длительная переписка с массой указаний, ложных обвинений и фактов, причем Шипов в этой переписке почти вытесняет Толстого. В финале представленных бумаг и писем находятся отрывок из послания Толстого к Т.А. Ергольской и письмо князя Долгорукова к полковнику корпуса жандармов Дурново, выбранному старшим для осуществления обыска в имении. Отрывок из письма Толстого максимально прост и душевен, писатель сообщает тетушке, что почти месяц находится без известий из дома, скучает, выздоравливает потихоньку, а к Ильину дню собирается быть в усадьбе. В послании же Долгорукова собраны все фантазмагорические и гиперболизированные суждения о Ясной Поляне, в их числе — наличие 30 или 40 студентов, которые нелегально проживают у Толстого в качестве учителей; доставка в усадьбу станков и красок для печати запрещенных сочинений; надежная охрана усадьбы, в которой имеются множество потайных помещений и др.

Совершающийся в 13-й главе романа обыск усадьбы расставляет все и всех по своим местам. Более того, в процессе вмешательства в жизнь Ясной Поляны и жандармы, и Шипов понимают, что вторглись они в мирный дом, который, наоборот, заслуживает охранения от царящего в большом мире беспорядка и шума. Окуджава передает, как атмосфера усадебного проспекта, благословенного дома мудрого хозяина переносит сыщиков в совершенно дру-

²³ Окуджава Б.Ш. Похождения Шипова, или Старинный водеvil. Истинное происшествие. URL: <https://lib.ru/PROZA/OKUDZHAWA/shipov.txt> (дата обращения: 16.01.2026).

гой и непривычный им мир. И «возмездие» в виде умиротворения начинается с Шипова, который оказывается на некоторое время, как пишет автор, «на небесах»:

Михаил Иванович и сам не заметил, как перешел с рысцы на медленный шаг. Медленно так, прогуливаясь, двигался, окруженный столетними великанами, чуть склонившись в правую сторону, где будто бы вышагивал рядом с ним граф, и так они шли, покуда не показался из-за деревьев приземистый дом <...>²⁴.

Знаменитый подъезд к дому Толстого почти в том же самом виде, каким его созерцал писатель, мог наблюдать и Окуджава:

Главная планировочная ось — аллея Прешпект, подводящая от въездных башен к дому-музею, занимающему центральное положение в усадьбе²⁵.

Шипов, сразу осознающий свою ошибку, предпринимает жалкие попытки защиты наиболее понятных ему «элементов» усадьбы — так, он старается заступиться за открывшую дверь и испугавшуюся горничную Дуняшу. Однако «заступничество» Шипова — такая же игра, какой было и его дознание.

Перед тем, как понести наказание за свое бездействие и ложные сведения по поводу Ясной Поляны, Шипов успевает мысленно обратиться к хозяевам — Марии Николаевне Толстой, которая в отсутствии брата была в имении, и к самому Льву Николаевичу Толстому, который грезится сыщику. Центральная тема обоих обращений Шипова — покаяние в уроне, нанесенном усадьбе.

Эх Марья Николаевна, Машенька, — подумал Шипов, — казните меня, голубушка! Да кабы я знал!.. Весь дом переверотили, разбойники! А какой дом был...

²⁴ Там же.

²⁵ Кулешова М.Е. Русская усадьба как перспективный объект Всемирного наследия ЮНЕСКО: на примере «Ясной Поляны» Л.Н. Толстого // Наследие и современность. 2020. Т. 3, № 4. С. 112.

А я, ваше сиятельство, к вам бечь собрался, — сказал Шипов. — Дай, думаю, добегу, где граф кумыс пьет, расскажу, что да как... Я все рассуждаю, в ножки бы упасть, прощения у вас просить, да ведь вы не простите...²⁶

Примечательно, что читателю еще раз приоткрывается усадебное прошлое Михаила Ивановича — Мишки Шипова, прекрасно служившего официантом и теперь воспринимающего свое усадебное прошлое как благословенное время, а настоящее — как досадную ошибку:

Михаил Иванович усмехнулся невесело, покачал головой и увидел, как он, еще молодой и красивый, в розовой рубашке и новых сапогах, легко летит к берегу озера <...> Рыбу запекает на углях в тесте княжеский повар, укладывает ее на блюдо, украшает луком, укропом, лимонными дольками, устанавливает блюдо на поднос, и Мишка Шипов летит обратно к поляне, где раскинулся княжеский пикник. Затем господа уходят в лес беседовать и аукаться, а Мишка сливает остатки вина, и пьет, и ест запеченную остывшую рыбу <...>²⁷.

Таким образом, локус Ясной Поляны играет в произведении Окуджавы первостепенную роль, получая реализацию на разных уровнях семантики усадебного свертхтекста. Именно локус Ясной Поляны способствует гармоничному сочетанию жанров исторического и авантюрно-психологического романов, позволяет писателю выстроить целую систему оппозиций героев, точек зрения, отношений к событиям. Торжество усадебного начала в произведении показано как восстановление справедливости, происходящее в результате вторжения жандармов в то место и тот дом, которые (как и их хозяин) оказались оклеветанными.

²⁶ Окуджава Б.Ш. Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. URL: <https://lib.ru/PROZA/OKUDZHAWA/shipov.txt> (дата обращения: 16.01.2026).

²⁷ Там же.

ГЛАВА 4

Генерал Гудериан в усадьбе Л.Н. Толстого (по роману Т.Н. Владимова «Генерал и его армия»)

Георгий Николаевич Владимов (1931–2003) не принадлежал к поколению фронтовиков, он был, скорее, одним из представителей поколения, называемого ныне «детьми войны». Первая, истинная фамилия писателя — Волосевич, Владимов — литературный псевдоним, который писатель взял в честь поэта Владимира Маяковского, однако в 1967 г. он официально поменял фамилию на Владимов. Писатель прошел непростой жизненный путь, неоднозначными и сложными оказались все его произведения. Наибольшую известность Владимову принес роман «Генерал и его армия», получивший две буковских премии: в 1995 г. — за год, а в 2001 г. — по результатам десятилетия.

Роман Владимова композиционно и тематически сложен, не менее насыщен и многоаспектен он и в плане поставленных проблем. В данной главе мы обратимся лишь к нескольким вопросам, до сих пор фактически не освещенным в литературоведении и составляющим один важный в романе тематический узел. Во-первых, мы обратимся к образу генерала Гудериана, созданному писателем, покажем, что Владимов проводит черту, разделяет нацистов, с одной стороны, и потомственного немецкого генерала — с другой стороны. Во-вторых, нас интересует не столько даже образ Гудериана, сколько его символическое пребывание в усадьбе Ясная Поляна, изображаемое далее Владимовым как знаковое для знаменитого немецкого военного и всего хода войны. Роман «Генерал и его армия» имеет немало аллюзий к творчеству Толстого, но обра-

щение к Толстому и его идеям, чтение Гудерианом романа-эпопеи «Война и мир» в кабинете русского классика становится одной из ярких и содержательных сцен всего романа. В-третьих, мы кратко обратимся к проблеме бытования усадьбы знаменитого русского писателя в годы Великой Отечественной войны, истории оккупации усадьбы фашистами. В целом этот вопрос освещен музейными сотрудниками, работавшими в Ясной Поляне в 1941–1942 гг.¹, однако нас привлекает в данной статье изображение Ясной Поляны у Владимирова в соотношении с указанными воспоминаниями, которые оказали влияние на все последующие описания истории усадьбы в военное время.

Прежде чем перейти собственно к генералу Гудериану, иллюстрации усадебного топоса в произведении, отметим, что многие исследователи романа «Генерал и его армия» писали об обращении Владимирова к толстовским образам и сценам (речь идет не только о фигуре генерала Гудериана, но и шире). А.В. Мартынов отмечает «относительно высокую цитацию в романе Г. Владимирова “Генерал и его армия”», которая в первую очередь отсылает нас к творчеству Л.Н. Толстого². Л.В. Павлова и И.В. Романова подчеркивают одну из особенностей романа Владимирова, «которая заключается в том, что в нем много прямых отсылок к эпосе Л. Толстого “Война и мир”». В этом контексте для Владимирова важно, что Россия ведет вторую Отечественную войну за последние сто пятьдесят лет»³.

Приведенное замечание интересно не только при учете значительной нагрузки, которая легла на Россию и русский народ за указанные сто пятьдесят лет, в романе Владимирова подспудно сопо-

¹ Фашисты в Ясной Поляне // Ясная Поляна. Статьи. Документы / сост. С.А. Толстая-Есенина, Э.Е. Зайденштур, Е.Н. Чеботаревская. М.: Госполитиздат, 1942. С. 143–168.

² Мартынов А.В. Воротынцев и Гудериан. К вопросу о некоторых интертекстуальных источниках романа Георгия Владимирова «Генерал и его армия» // Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья: (к 95-летию со дня рождения писателя). Рязань: Концепция, 2014. С. 139.

³ Павлова Л.В., Романова И.В. Тема военных преступлений в современном литературном дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1 (41). С. 12.

ставляются две отечественные войны с точки зрения отношения народа к военным действиям, историко-политической ситуации, наконец, культурного развития разных слоев общества и их настроений в периоды, предшествующие войнам.

Тему сопоставления двух войн (Отечественной войны и Великой Отечественной войны) в романе впервые ярко поднимает адъютант Донской. А.И. Солженицын счел переключку этого героя с толстовским образом Андрея Болконского наигранной и вторичной, а характер адъютанта не вполне завершенным и целостным:

Адъютант Донской — и ничего бы, но автор склонился на игру сопоставлять его с Андреем Болконским; настоятельные напоминания о том, и мысли самого Донского о том — от этого появляется привкус вторичности. А сам по себе служебный эгоизм — конечно, част, но мало его для характера⁴.

Скорее всего, в задачи Владимова не входило изображение целостного и завершенного образа адъютанта в его развитии и динамике. Донской во многом был нужен писателю как раз для открытия этого сопоставления, для иллюстрации жизненности и актуальности толстовских типов в среде избранной военной интеллигенции. Не согласимся с А.И. Солженицыным в его характеристике Донского и позиции автора. По нашему мнению, Владимову было необходимо это сравнение адъютанта с героем Толстого, оно одновременно раскрывало важный для писателя акцент на командовании и военной верхушке, о которых идет речь в романе, а также иллюстрировало уровень героев.

Аккуратно и вполне естественно Владимов вводит в текст романа упоминание о «Войне и мире»:

Среди немногих книг, которые он таскал в чемодане по своим фронтовым путям, были неполные «Война и мир», и то обстоятельство, что адъютант командующего был чуть не главным ге-

⁴ Солженицын А.И. Георгий Владимов — «Генерал и его армия» // Новый мир. 2004. № 2. С. 150.

роем эпопеи и его любила чуть не главная героиня, определенно вселяло гордость⁵.

Уже сам факт чтения романа-эпопеи Толстого Донским и позднее генералом Гудерианом показывают вневременную значимость произведения и всего наследия классика. Конечно, Донской и генерал Гудериан обращаются к разным моментам эпопеи, но это и подтверждает абсолютную актуальность прозы Толстого. Генерала более всего интересует позиция Толстого относительно решающей силы в военных действиях, его представления о военачальниках и народе, наконец, его взгляд на русскую армию, адъютант Донской находит в эпопее свое, он подражает Андрею Болконскому. Владимов мастерски выстраивает параллель, показывая, как Донской стремится повторять действия Болконского:

Из своего века князь Андрей Николаевич Болконский протягивал маленькую руку Андрею Николаевичу Донскому и одобрительно похлопывал по плечу. Что князь Андрей был небольшого роста и слабый, это Донской заносил ему в минус, а себе в плюс, по «усталому скучающему виду» и по «тихому мерному шагу» их достижения уже примерно сравнились, но вот своим чертовским умением «по привычке переходить на французский» князь его оставлял далеко позади, хотя Донской себя оправдывал, что воюет не с французами, а с немцами. Оно, правда, и на немецкий «перейти по привычке» не выходило, но кое-что другое уже удавалось у князя при случае перенять: его манеру говорить с женщинами «с своим нежным и вместе высокомерным видом», а с мужчинами — «с спокойной властью в голосе» и вот в особенности «презрительно сощурившись (с тем особенным видом устивой усталости, которая ясно говорит, что коли бы не моя обязанность, я бы минуты с вами не стал разговаривать)»⁶.

Герой Владимирова фактически наизусть знает многие фразы из романа Толстого, сделав Болконского своим кумиром, Донской

⁵ Владимов Г.Н. Генерал и его армия. М.: НЭБ «Свет», 2021. С. 31.

⁶ Там же. С. 31–32.

тренируется в подражании герою Толстого и его умению общаться с окружающими в пренебрежительной манере. Как понимает читатель, в военной среде адъютанту необходимы были как раз навыки отстранения от окружающих, поэтому он так вторил тщеславно-высокомерному Болконскому (напомним читателям, что герой Толстого неоднозначен, что в романе-эпопее он проходит ряд фаз, этапов):

Не сказать, чтобы со стилем всегда выходило гладко, все-таки князь Андрей умел здорово его варьировать: с одними «морщить лицо в гримасу, выражающую досаду», других «ласково притягивать за рукав, чтобы тот не вставал»; у Донского это либо выходило невпадет, либо он отступал от стиля по забывчивости и в спешке, и весь эффект не то что пропадал, а был прямо противоположный. К примеру, хотелось ему перенять у князя его частенько упоминавшийся «неприятный смех», как бы это сгодилось при случае! Но сколько он этот смех ни культивировал, а выходило либо наоборот, даже еще приятнее, и собеседники умилялись и расплывались ответными улыбками, либо уж так фальшиво, что взглядывали с опаской — не рехнулся ли⁷.

Отсутствие у Донского своего стиля жизни и поведения, желание подражать герою Толстого, неспособность в целом повторить жесты и манеры Болконского говорят отнюдь не об ограниченности Донского (вспомним, что для самого Болконского долгое время кумиром был Наполеон), а об отсутствии в среде иных примеров. Вывод адъютанта состоит в том, «что и война эта, и люди на войне были не совсем те, что в 1812-м»⁸. Писатель в данном случае сокрушается, конечно, по поводу режима, несвободы личности.

Наиболее органично и символично в плане рецепции толстовского наследия даны в романе эпизоды, посвященные генералу Гудериану. Л.В. Павлова и И.В. Романова справедливо отметили, что

Владимов создает не «лейтенантскую», а «генеральскую» прозу.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Там же.

Это роман о тех, кто вершит войну и предопределяет ее ход, для кого война — не суровая, грязная, смертельная работа, а талантливо разыгранная шахматная партия. И правда здесь не столько «окопная», сколько «штабная», хотя немало в романе и мощных батальных сцен⁹.

Конечно, «Война и мир» — это книга с предложенной точки зрения более широкая: в романе-эпопее главным героем является народ. Однако толстовское изображение потому и целостно, жизненно, что нам показана, в том числе, жизнь высшего командования, французский и русский генералитет. Наконец, главными героями «Войны и мира» являются преимущественно дворяне, почти все лучшие семьи, изображенные в произведении, принадлежат к аристократии. Несмотря на тот факт, что Толстой с самого начала работы над «Войной и миром» (в ранних редакциях это было произведение под названием «1805 год») стремился «показать, как сущность характера русского народа и войска выразилась и в “эпоху неудач и поражений”»¹⁰, «Война и мир» была написана аристократом. Пусть Толстой всегда страстно желал сблизиться с народом, помогал крестьянам, образовывал их, а в поздний период усиленно проповедовал идею опрощения, писатель по своей сути оставался потомственным дворянином, наследником древнейших родов.

Взгляды Толстого и генерала Гудериана на войну и основные двигающие историю силы кардинально расходятся, хотя сам Толстой и Гудериан в романе Владимова косвенно сопоставляются. Изображая адъютанта Донского и сравнивая его с любимым толстовским героем Андреем Болконским, Владимов готовил в романе скрытое сопоставление Толстого и Гудериана, пусть и очень условное, и скорее даже сопоставление Гудериана и любимых героев Толстого — всегда живых, терпящих настоящие поражения и умеющих их принимать.

⁹ Павлова Л.В., Романова И.В. Тема военных преступлений в современном литературном дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1 (41). С. 10.

¹⁰ Зайденинур Э.Е. Как создавалась первая редакция романа «Война и мир» // Первая завершенная редакция романа «Война и мир». М.: Наука, 1983. С. 20. (Серия «Литературное наследство». Т. 94)

Глубоко символична в романе сцена, когда генерал Гудериан оказывается в кабинете Толстого. В описании портрета генерала Владимовым использованы толстовские находки, его стиль динамичного портрета с обозначением некоторых — важных или бросающихся в глаза, характерных — деталей:

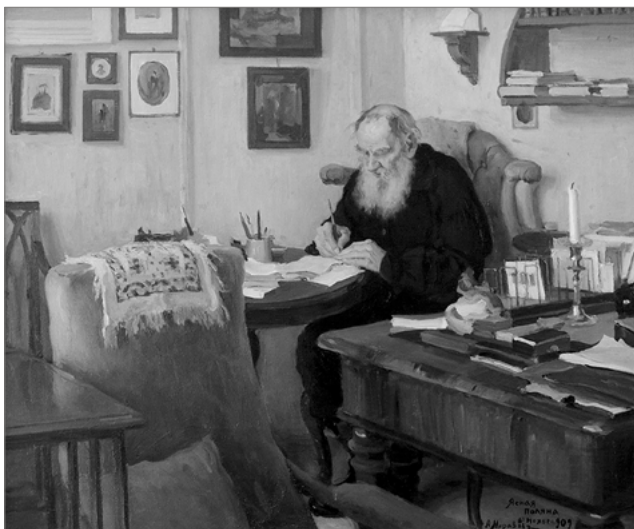
Зеркало, в которое, наверное, любили смотреться дочери Толстого, отразило сухощавую, но и достаточно плотную фигуру 53-летнего генерал-полковника германских бронетанковых войск, в сером мундире с черным плюшевым воротником, с Рыцарским крестом на шее и особо ценимой наградой — дубовыми листьями к Рыцарскому кресту, начавшее стареть мальчишеское лицо с серо-голубыми глазами и небольшими, пшеничного цвета, усами. Сейчас, когда лицо не для кого было делать, не выглядело оно ни улыбочивым, ни лукавым, а было измученно-серым. Вглядываясь в себя придиричиво, как женщина, он его умыл рукою, но только резче обозначились набрякшие потемнения под глазами. Затем рука опустилась, расстегнула две пуговицы мундира, проникла за обшлаг к левой стороне груди. Никто во всей армии, даже из самого близкого окружения, не знал, что бравый Гейнц, казавшийся воплощением здоровья духа и тела, в сущности, очень больной человек, подверженный внезапным обморокам и сердечным припадкам¹¹.

Символично, что еще до приказа об отступлении генерал Гудериан за столом Толстого пишет послание своей супруге. Владимов показывает, как общая семейная атмосфера усадьбы влияет на немецкого генерала (наверное, под силой воздействия гения Толстого и его личных вещей, предметов быта его семьи). Однако для Гудериана личное письмо становится военным, в силу тщеславия генерала оно перерастает в военный отчет с разбором неудач, пусть и несколько лирический:

Взяв тяжелый подсвечник, он перешел в кабинет хозяина, к письменному столу, которые были теперь его кабинетом и его рабочим столом. Решение было ясно и почти готово, но, страшась его, отодвигая его в сознании, он решил прежде написать письмо жене.

¹¹ Владимов Г.Н. Генерал и его армия. М.: НЭБ «Свет», 2021. С. 84.

Он ей пожаловался на теснения в сердце, о которых она уже знала, описал подробно свои ощущения и попросил, чтоб она осторожно, без огласки, посоветовалась с врачом. И далее, почти без перехода, обрушил на нее жалобы совсем не медицинского свойства, точно бы фрау Маргарита Гудериан, его Гретель, одна во всей Германии, могла ему и в этом помочь. <...> К ней, наконец, посылался вопль души, говоривший и о том, что ее Гейнц знает цену себе, своему умению, и о том, что резервы его умения исчерпаны: «Не могу же я один опрокинуть весь Восточный фронт!»¹².

Илл. 31. А.В. Моравов. Толстой в своем рабочем кабинете. 1909 г.
Холст, масло. 66 × 81 см.

Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Конечно, между великим русским писателем и немецким генералом Гудерианом намного больше различий, чем сходств. Однако в данной ситуации необходимо осознать, что Владимов представляет нам не столько генерала вермахта, сколько генерала еще Германской империи, прусского генерала, военного теоретика и стратега. Гудериан изучает жизнь русских людей и судьбу России, он очень хорошо понимает, что для осмысления силы нации нуж-

¹² Там же. С. 84–85.

но взглянуть не только на настоящее, но на историю страны, на ту предыдущую войну, которая показала слабости и неодолимую силу русских. «Что же это за страна, где, двигаясь от победы к победе, приходишь неукоснимо — к поражению?» — рассуждает про себя генерал¹³. Владимов не оправдывает Гудериана и не одобряет его действий, он очень хорошо показывает, что главное поражение Гудериан, по своей воле ставший одним из гитлеровских генералов, *терпит именно в усадьбе Ясная Поляна*.

Писателя неоднократно обвиняли в том, что он идеализировал, романтизировал образ генерала Гудериана, жалеющего солдат, бережно относящегося к людям. Такое обвинение, по нашему мнению, справедливо лишь отчасти. Прежде всего, стоит обозначить степень достоверности описываемого и долю художественного вымысла в романе. Конечно, произведение Владимова не назовешь ярким явлением субъективной художественной мифологии, но можно согласиться с О.С. Сухих, который рассуждает о том, позволительно ли рассматривать роман Владимова как реалистическое произведение. Исследователь говорит о невозможности «беспредельного плюрализма в интерпретации события, когда речь идет о Великой Отечественной войне»¹⁴. Так, И.С. Сухих отмечает, что в романе «Генерал и его армия» «немецкий генералитет и профессионально, и морально превосходит карикатурно показанных советских генералов <...>»¹⁵.

Мы не предпринимаем попытки сравнения образов различных генералов в романе. Нам важнее тот факт, что в изображении Гудериана и его продвижения по России, его визита в Ясную Поляну, рассуждений и решений Владимов не отходит далеко от исторической правды, сохраняет те важные символы и совпадения, которые были устроены, по всей видимости, по воле самого Провидения. Сложившаяся на фронтах ситуация по мере подхода немецкой армии к Туле, и *собственно усадьбе Ясная Поляна, как уникальному*

¹³ Там же. С. 89.

¹⁴ Сухих О.С. Концептуальная основа системы идей и мотивов романа Г. Владимова «Генерал и его армия» // Грехневские чтения. Н. Новгород: Изд. Ю.А. Николаев, 2008. Вып. 5. С. 143.

¹⁵ Там же. С. 144.

для всех русских людей усадебному локусу, в котором генералу Гудериану становится до конца понятной описанная Толстым правда о русских людях, меняет ход войны, определяет тот перелом, с которого начинается не явное, но уже определенное поражение фашистской армии.

Еще до принятия решения за письменным столом Толстого генерал Гудериан чувствует и понимает знаки, которые посылает ему жизнь. Обратим внимание на тот факт, что Владимов не придумывает эти знаки, но тщательно воссоздает те реальные события, в которых они проявились. Напомним читателям, что могила Толстого находится в Ясной Поляне, в отдалении от дома и построек, в лесу на краю оврага — на краю которого, по словам самого писателя, вспоминавшего о детской игре с братьями, была зарыта волшебная палочка, хранящая секрет счастья всех людей. В романе Владимова события приезда Гудериана в Ясную Поляну, осмотра им войск изображены примерно такими же, какими они были в реальности.

В воспоминаниях Гудериан рассказывает о том, как он в танке с экипажем отправился к отдельным частям своей армии для того, чтобы выяснить их боеспособность:

Однако решающее значение для всей обстановки под Тулой имели следующие вопросы: во-первых, обладает ли еще 43-й армейский корпус достаточной наступательной мощью для того, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг Тулы и соединиться севернее города с 4-й танковой дивизией, и, во-вторых, в состоянии ли 4-я армия оказать на противника такое давление, которое помешало бы ему подтянуть свои силы к Туле. 3 декабря я отправился в Грязново, в 43-й армейский корпус для того, чтобы лично ознакомиться с боеспособностью его соединений¹⁶.

Далее немецкий генерал повествует о том, как на обратном пути из-за выюги танк сбился с пути, *как съехал в овраг, из которого никак не мог выбраться в темноте*. После долгого и отчаянного

¹⁶ Гудериан Х.В. Воспоминания солдата / пер. с нем. Смоленск: Русич, 1998. С. 180.

блуждания по дну этого оврага Гудериана вызволила прибывшая машина штаба группы, которая далее доставила его в Ясную Поляну:

Адъютант и офицеры штаба, ждавшие его с докладами, помогли ему стащить комбинезон, и он поужинал с ними за семейным столом Толстых, отогреваясь коньяком и рассказывая со смехом о происшествии в овраге. Он знал, что об этом будут рассказывать в армии его словами и подражая его интонации¹⁷.

В романе Владимова этот эпизод передан ярко и колоритно, писатель показывает, как танк генерала плутает по дну оврага, как замерзший генерал думает о худшем. Ситуация воспринимается внимательным читателем как знак того, что отнюдь не генерал Гудериан является хозяином этой земли и этих мест, что его танк — лишь песчинка, как равно и он сам на просторах великой России. Не случайно потом, *при подписании приказа об отступлении, за столом Толстого*, Гудериан вспомнит эту страшную ночь и плутание по дну оврага, и это воспоминание станет решающим при подписании приказа. Каждая деталь, связанная с Толстым и его именем, особенно значима в художественном мире романа:

Близко к полуночи случайная машина связи подобрала их и доставила в штаб 2-й танковой армии, расположившийся в Ясной Поляне, имени Толстого. Белые башни ворот — как и впервые, когда он в них въезжал, — *показались ему бастионами, которые всякий раз приходится брать заново*, и, поднимаясь к усадьбе аллеей могучих лип, он чувствовал, что *поднимается к самому значительному за всю его жизнь решению* (Курсив мой. — В.А.)¹⁸.

Фигура Гудериана стала находкой для романа Владимова, она вдохнула жизнь в его художественную мифологию. Фигура немецкого полководца позволила Владимову представить не просто ар-

¹⁷ Владимов Г.Н. Генерал и его армия. М.: НЭБ «Свет», 2021. С. 83–84.

¹⁸ Там же. С. 84.

мию Гитлера, но мудрого человека и опытного противника во главе части этой армии. Зарубежный исследователь пишет:

Гудериан Владимова — не зашоренный нацистский дурак. Он выдающийся практик блицкрига, выдающийся тактик и генерал, который хорошо знает очевидные исторические параллели между французскими и немецкими вторжениями в Россию¹⁹.

Литературоведы, характеризуя образ Гудериана, отмечают:

Крупным планом в романе дан образ Гейнца Гудериана как достойного — интеллектуального и благородного — соперника. Он по-отечески относится к солдатам, он в Ясной Поляне, в имении Толстого, перечитывает «Войну и мир», мысленно полемизирует с Толстым, недооценившим, по его мнению, полководческий гений, силится понять загадку русской души. Владимов очевидно романтизирует этот образ, однако ему важно, чтобы верноподданный гитлеровец, непобедимый «быстроходный Гейнец», вторгшийся в чужую страну, «мучительно искал — и не находил — ответа на вопрос: откуда эта страна черпает силу сопротивления и почему в ней, двигаясь от победы к победе, приходишь к поражению»²⁰.

Появление генерала Гудериана в Ясной Поляне сохранилось в воспоминаниях о военном времени в усадьбе, оставленных С.И. Щеголевым. В рассказе о приезде генерала С.И. Щеголев не называет имени Гудериана, однако и описание немецкого командира, и даты позволяют говорить о том, что это был именно он. Так, под датой 1 ноября 1941 г. С.И. Щеголев отмечает, как «во второй половине дня музей посещает один из больших немецких генералов»:

¹⁹ Frank E. Georgii Vladimov's "The General and His Army": The Ghost of Andrei Vlasov // The Modern Language Review. 2001. Vol. 96, № 2. P. 440.

²⁰ Павлова Л.В., Романова И.В. Тема военных преступлений в современном литературном дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1 (41). С. 14.

Прихожу к музею и вижу, что у двери стоит немецкий генерал. Пожилой, бритый, с морщинами на лице. Шинель походная, золотые нашивки на воротнике и рукавах. Насколько это был важный генерал, можно было судить по отношению к нему офицеров и штабных врачей — все они были перед ним навтыяжку, буквально целый балет был перед генералом²¹.

Расхождение во времени между воспоминаниями С.И. Щеголева и самого генерала Гудериана не имеют серьезного значения (могут быть неточности авторов, связанные с датами). Х. Гудериан отмечает:

Свой передовой командный пункт мы организовали в Ясной Поляне, бывшем поместье графа Толстого. Я посетил командный пункт 2 декабря. Ясная Поляна находилась позади командного пункта полка «Великая Германия», в 7 км южнее Тулы²².

Как мы уже отметили, для немецкого генерала Ясная Поляна была знаковым местом, но стала еще более важным, содержащим глубокий смысл локусом, поэтому нельзя согласиться с исследователями, считающими, что нахождение «в имении великого художника нисколько не волновало душу генерала»: «Для него это скорее — одно из очередных мест нахождения немецкого штаба»²³. Примечательно, что в Ясной Поляне Гудериан начинает ощущать себя в одиночестве, как оторванным от своей армии, так и отделенным от немецкого командования. Владимов не случайно подробно представляет рассуждения немецкого генерала, в которых предельно близкими и взаимосвязанными оказываются положение самого Гудериана, положение Наполеона в 1812 г., рассуждения Толстого по поводу роли личности и народа в истории.

²¹ Фашисты в Ясной Поляне // Ясная Поляна. Статьи. Документы / сост. С.А. Толстая-Есенина, Э.Е. Зайденшнур, Е.Н. Чеботаревская. М.: Госполитиздат, 1942. С. 150.

²² Гудериан Х.В. Воспоминания солдата / пер. с нем. Смоленск: Русич, 1998. С. 177–178.

²³ Демидович Т.В. Г.Н. Владимов: Последний роман о Великой Отечественной войне // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 51.

Представления и ожидания генерала Гудериана решительно изменяются: военачальник долгое время не понимал Толстого и в определенный момент, уже пережив начавшуюся трагедию немецкой армии, вдруг смог осознать и почувствовать силу главных рассуждений и образов писателя. Владимов умело и интересно расставляет акценты, показывая временные и пространственные противопоставления. То, что генерал Гудериан читал до войны, то, как он ранее воспринимал «Войну и мир», оказывается лишь малой частью правды, открывающейся ему в Ясной Поляне, в кабинете Толстого:

Между тем он не мог не помнить, что на этом самом столе, за которым сидел он, лежала некогда рукопись, в которой объяснялось, что это за страна и откуда же черпает она такую силу сопротивления, когда уже всему миру и самой себе кажется поверженной и разбитой. Готовясь к вторжению, он читал эту книгу в числе материалов, относящихся к походам в Россию Карла шведского и Бонапарта, разыскал ее и здесь, в библиотеке усадьбы, но именно теперь, когда она его больше интересовала, он мог читать лишь урывками, по несколько минут перед сном. Все же одно место, подводившее итог Бородинскому сражению, было у него заложено муаровой ленточкой, и он к нему возвращался и возвращался <...>²⁴.

Немецкий генерал читает у Толстого о нравственной победе русского народа при Бородине и сначала отказывается понимать этот отрывок, основную мысль великого классика. Гудериан начинает размышлять о нравственности и возможном превосходстве немецких или русских генералов, немецких или русских войск. Военачальник отдает должное русским солдатам, их жертвенности, однако полагает, что в сравнении с немцами они проигрывают в силу своей безынициативности. По всей видимости, забывая о том положении, в котором оказалась его блистательная армия, генерал Гудериан спорит с Толстым и возвышается над писателем, испытывая чувство неловкости за автора в определенных сценах:

²⁴ Владимов Г.Н. Генерал и его армия. М.: НЭБ «Свет», 2021. С. 89.

Сколько страсти было потрачено — доказать, что Наполеон не руководил и не мог руководить ходом сражения при Бородине! И при этом автор забыл начисто, какой комплимент он уже отпустил Наполеону, когда описывал, как он с ходу, еще до начала сражения, атаковал конницей Шевардинский редут <...>²⁵.

Исследователи справедливо отмечают, что генерал вступает в своеобразный диалог-спор с Толстым: «Здесь уже строй фразы, где сталкиваются разные мнения и взгляды, служит передаче острой конфликтности повествования»²⁶.

Однако дальнейшее чтение и размышление раскрывает Гудериану всю суть и силу русских людей. Генерал находит объяснение всему в образе Наташи Ростовской, отдающей подводы раненым офицерам, приказывающей убирать с них фамильное добро, оставляя его в Москве, которая сдается неприятелю:

Вот что было любопытно: этот поступок сумасбродной «графинечки» предвидел ли старик Кутузов, когда соглашался принять сражение при Бородине? Предвидел ли безропотное оставление русскими Москвы, партизанские рейды Платова и Давыдова, инициативу старостиhi Василисы, возглавившей отряд крепостных? Если так, то Бонапарт проиграл, еще и не начав сражения, он понапрасну растратил силы, поддавшись на азиатскую приманку «старой лисицы Севера», на генеральное сражение, которое вовсе и не было генеральным, поскольку в резерве Кутузова оставались главные русские преимущества — гигантские пространства России, способность ее народа безропотно — и без жалости — пожертвовать всем, не посчитаться ни с каким количеством жизней. И что же, он, Гудериан, этого не предвидел? Где же теперь искать его Бородино?²⁷

²⁵ Там же. С. 91.

²⁶ Чистяков А.В., Денисенко А.В. Авторская нравственная позиция в романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 2. С. 268–269.

²⁷ Владимов Г.Н. Генерал и его армия. М.: НЭБ «Свет», 2021. С. 91–92.

Яснополянский усадебный локус имеет большое значение: Владимов не упускает случая показать, что для многих фашистов усадьба является лишь одним из пунктов остановки, но для Гудериана Ясная Поляна становится его Бородинским полем. Не случайно сразу после размышлений о поступке Наташи Ростовой Гудериан переключается на рассуждения о провале блицкрига, понимая, что было губительным уходить с главного направления на Москву и отправляться на приманку, которой стал Киев. В Ясной Поляне, имении Толстого, Гудериан вдруг понимает, что Россия — отнюдь не европейская, а евро-азиатская страна, что, отступая на восток, русские будут поддерживать друг друга, поскольку в момент всеобщего единения перед лицом врага население России не делится на воинов и работников-торговцев.

В рассуждениях генерала Гудериана мелькает словосочетание «азиатские приманки», которое в романе получает достаточно широкий смысл. «Азиатами» (загадочными и иными) для немцев становятся все русские. Очень по-русски поступающая Наташа Ростова переигрывает многих военных: «<...> никем не предсказанная, не учтенная, сумасбродная “графинечка” Ростова без колебаний раздает свои подводы раненым. А между тем она ему объявила свою войну — и не легче войны Кутузова и Барклая!...»²⁸.

Впечатляющие результаты военного продвижения, которые были получены за счет «главных принципов Гудериана» — «огня, движения и быстрой связи»²⁹, оказываются ничтожными, когда этот генерал осмысляет следующие этапы войны, сидя в рабочем кресле Толстого. Генералу, пришедшему на русскую землю без спроса и зова, посягнувшему на свободу и счастье русской земли, занявшему кабинет Льва Толстого, выступили навстречу все русские герои. И в то время, как рядовые и командиры более низших званий не понимали провала Гитлера, генерал Гудериан увидел его воочию достаточно рано. Владимов эффектно показывает, как он еще раз представил себя на земле Толстого и подписал приказ, лежавший на столе великого классика:

²⁸ Там же. С. 93.

²⁹ Гонзуревский И.А. Развитие бронетанковых сил в Германии: взгляды и стратегия Гейнца Гудериана // Научный альманах. 2018. № 8-1 (46). С. 202.

Приказ лежал на столе Толстого. Он заканчивался обычным «Хайль Гитлер!», оставалось лишь подписать его. А «Быстроходный Гейнц» все медлил, точно бы опасаясь, что когда эта бумажка будет подписана, он станет уже не господин ее, а покорный исполнитель. Но вдруг он увидел себя со стороны, сверху, бредущим по дну бесконечного оврага, указывая путь одному-единственному танку, бессильному одолеть совсем не крутой склон. И, уже не колеблясь, он расписался. Впервые обычная его подпись — без имени, звания, должности — показалась ему как бы отделившейся от него, чуждой всему, что он делал до сих пор, чего достиг, чем прославился. Просто человек, голый и беспомощный, — Гудериан <...>³⁰.

В своих воспоминаниях генерал Гудериан отмечал, что это решение об отступлении далось ему с большим трудом:

Перед лицом угрозы моим флангам и тылу и учитывая наступление неимоверно холодной погоды, в результате которой войска потеряли подвижность, я в ночь с 5 на 6 декабря впервые со времени начала этой войны решил прекратить это изолированное наступление и отвести далеко выдвинутые вперед части на линию: верхнее течение р. Дон, р. Шат, р. Упа, где и занять оборону. За все время войны я не принимал ни одного решения с таким трудом, как это³¹.

Наконец, необходимо остановиться на вопросе разрушений, совершенных гитлеровскими войсками в Ясной Поляне, и подчеркнуть, что они были сделаны не с подачи генерала Гудериана и не по его приказу. За период оккупации Ясная Поляна не была разрушена, начавшийся в усадьбе-музее пожар, произведенный при отступлении фашистов, был потушен силами сотрудников музея. Однако вся территория усадьбы и постройки понесли значительный урон в результате движения техники, обстрелов, варварского отношения немецких солдат: «Машины, не считаясь с тем, есть ли проезжая дорога, двигались повсюду, ломая деревья, кусты. Мно-

³⁰ *Владимов Г.Н.* Генерал и его армия. М.: НЭБ «Свет», 2021. С. 100.

³¹ *Гудериан Х.В.* Воспоминания солдата / пер. с нем. Смоленск: Русич, 1998. С. 181.

гие парковые насаждения не удалось сохранить. Все затоптано»³². Примечательна оценка, данная усадьбе тремя немецкими врачами, которые первыми приехали в поисках места для госпиталя: «<...> они сказали, что проделали путь в 2 тысячи километров и впервые увидели такой *благоустроенный уголок*, как Ясная Поляна <...> (Курсив мой. — В.А.)»³³. По всей видимости, особенный вид и дух Ясной Поляны поражал отдельных приезжавших немецких военных, однако массовое наступление привело усадьбу в «проходной двор»: безжалостно сдвигались и складывались в разных помещениях вещи из дома Толстого для освобождения новых комнат, были утрачены, растащены многие артефакты, которые сотрудникам музея не удалось вывезти до наступления фашистов.

Илл. 32. В.С. Баюшкин. Ясная Поляна.
Крыльцо литературного музея. 1943 г.
Бумага на картоне, масло, гуашь. 19 × 23,1 см.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Нельзя оправдывать генерала Гудериана, однако организованный в Ясной Поляне штаб, по всей видимости, на время остановил

³² Фашисты в Ясной Поляне // Ясная Поляна. Статьи. Документы / сост. С.А. Толстая-Есенина, Э.Е. Зайденштур, Е.Н. Чеботаревская. М.: Госполитиздат, 1942. С. 149.

³³ Там же. С. 145.

стремительные разрушения в усадьбе Толстого, которые наблюдались повсеместно. В отличие от массы военных генерал понимал значение усадьбы-музея, так, Мария Ивановна Щеголева (которую вызвали для объяснения с генералом) отметила: «Генерал наклонился над книгой посетителей, я попросила генерала перевести мне первую запись, сделанную немцами. Он перевел. Генерал был очень нетерпелив и не задерживался ни в одной из комнат»³⁴. С.И. Щеголев, рассказывая о прохождении немецких войск через Ясную Поляну, описывает бесчинства солдат и офицеров, при этом о размещении генерала отзывается отдельно:

С 25 ноября по 10 декабря усадьба превращается в проходной двор. Одна часть сменяет другую. В деревне опустошаются погреба. Идет безудержный грабеж, насилия, издевательства. <...> В усадьбе готовят квартиру для генерала, проводят электричество, готовят помещение для штаба³⁵.

Описывая вступление гитлеровских войск в Ясную Поляну, Владимов не показал тех реальных разрушений, которые были там учинены, в романе создается впечатление закрытости, изолированности генерала от его армии, рядом с которой он находился. Владимов иллюстрирует, что Гудериан думает о солдатах и пытается знать все о своих корпусах, что он находится не в отдаленном Орле, а организует штаб в Ясной Поляне, в непосредственной близости от своей армии. Скорее всего, при непосредственном пребывании генерала в усадьбе разрушения на время прекратились и были возобновлены после его отъезда. Документальные свидетельства музейных сотрудников и очевидцев, живших поблизости, не содержат подобную информацию: издание 1942 г. со статьями и материалами о пребывании фашистов на территории усадьбы было выпущено не как научное, а как политически-агитационное. В нем не могло быть ни одного нейтрального слова о генерале Гудериане, посмевавшем занять место русского писателя в его усадебном кабинете.

³⁴ Там же. С. 150.

³⁵ Там же. С. 157.

ГЛАВА 5

Деконструкция яснополянского мифа в романе В.О. Пелевина «Т»

Постмодернистский, сложный с точки зрения воссоздания художественной целостности роман Пелевина «Т» продолжает привлекать читателей и исследователей не только своей уникальностью, специфическими решениями и сюжетными ходами, но и тем, что в центре произведения находится фигура графа Т. — близкая к образу Л.Н. Толстого, или, лучше сказать, почти полностью отождествляемая с ним. М.Н. Иванова пишет, что

с первых страниц романа акцентируется сходство главного героя графа Т. и великого русского писателя, в романе широко представлены биографические и портретные детали, с которыми для массового читателя связан образ писателя Толстого. <...> Пелевин, взяв за основу этот образ Толстого (каким его видит массовый читатель, поверхностно знакомый с его биографией и произведениями), трансформирует его, превращает великого писателя в супергероя наподобие Джеймса Бонда: он неуловим, неуязвим, ловок. Но это превращение выглядит вполне убедительным, потому что сохраняется общая канва толстовского биографического мифа¹.

Интерес к личности одного из выдающихся классиков русской литературы, его образу мыслей и поступкам, наследию был огром-

¹ Иванова М.Н. Цитаты из биографического мифа в романе Виктора Пелевина “Т” // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 76.

ным как при жизни Толстого, так и после его смерти. Писатель стал легендарной фигурой для многих поколений, и у каждого исторического периода, который переживала наша страна после смерти Толстого, было свое понимание классика, его позиции и творчества.

В. Пелевину в романе «Т» удалось создать художественный мир, который вобрал в себя множество реальных фактов и сведений о Толстом и отсылок к его творчеству — чувствуется большое уважение Пелевина к классику, прекрасное знание современным писателем его творчества:

Пелевин <...> порождает у своих читателей интерес к истокам родной культуры, духовности. Кроме того, он открывает нам своего Толстого, прочитанного им от корки до корки (что подтверждают многочисленные аллюзии на толстовские сюжеты в его произведениях), Толстого-писателя, Толстого-мыслителя. Не принимая проповедь в искусстве, Пелевин отдает дань общественной позиции Толстого. На наших глазах происходит своеобразная реинкарнация Толстого, писателя и общественного деятеля².

Порою Пелевин достаточно вольно обращается с толстовскими идеями, мотивами и художественными находками, подвергая их иронии и вольному переложению. Однако нельзя забывать, что в художественном мире романа «Т» несколько реальностей, что автор высмеивает абсурд и мелочность, расчетливость современных людей. В.С. Симкина отметила, что

Виктор Пелевин, высвечивающий в своем творчестве контуры современного мира, образованного напластованиями языка (в соответствии с концепцией «мира как текста» Ж. Деррида), анализирует образы массового сознания, вскрывая их откровенную знаковую и условность, индуцирующие потребительский спрос³.

² Кириллина О.М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин // Художественное образование и наука. 2014. № 1. С. 110.

³ Симкина В.С. Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевина // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: мат. XXIII Шешуковских чтений. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2019. С. 138.

Роман «Т» полон мифами о Толстом самых разных периодов. Эти мифы отличающихся эпох порою развенчиваются автором полностью, порою только обозначаются, иногда частично подвергаются демифологизации, поскольку, как мы понимаем, сам роман «Т» содержит яркий авторский миф об исканиях и определенном отрезке пути графа Т.

Илл. 33. Обложка книги В.О. Пелевина
Фото из открытых источников

В.В. Курьянова справедливо отмечает, что выбор вектора направленности мифа о Толстом в любом случае связан с авторским отношением к фигуре классика:

Толстовский текст как именной (персонический) свертхтекст проявляется в художественном творчестве по-разному. Выбор того или иного варианта интерпретации зависит от восприятия поэтом или писателем толстовского мифа, закрепленного мифологизированными константными представлениями в обществе. В основу именного свертхтекста положен биографический миф, который направ-

лен двухвекторно: либо на сакрализацию личности того или иного художника, либо на ее профанирование. При этом выбор одного из двух возможных направлений связан с мироощущением автора, особенностями его биографии, отношением к конкретной исторической фигуре в семье создателя мифа⁴.

В наши задачи не входит подробный анализ романа Пелевина, мы видим своей целью осмысление локуса Ясной Поляны в произведении, анализ художественных элементов, соотносимых с усадебным топосом, их роли и значения.

Большинство исследователей, которые пишут о романе Пелевина «Т», отмечают, что произведение прямо или косвенно связано с уходом Толстого из Ясной Поляны — потомственного имения, в котором писатель провел многие и лучшие годы своей жизни. На самом деле, роман издан к 100-летию со дня смерти писателя, так как вышел он в 2009 г., фактически за год до вековой даты, прошедшей со времени ухода Толстого из Ясной Поляны и его кончины.

О.М. Кириллина идею ухода Толстого из Ясной Поляны ставит в центр своей статьи о романе Пелевина:

Возможно, Толстой бежал из Ясной Поляны от конфликтов в семье, от навязчивого внимания поклонников и противников, устав от необходимости доказывать свою точку зрения в словесных, интеллектуальных дуэлях, желая максимально сосредоточиться на духовных переживаниях⁵.

Стоит отдать должное автору статьи в том, что эта фраза написана *в форме предположения*. Однако вряд ли можно так настойчиво делать идею ухода Толстого из Ясной Поляны центральной для романа Пелевина. Действительно, великий классик умер не дома, ушел из Ясной Поляны, но ведь его уход и последующие две

⁴ Курьянова В.В. Толстовский неомиф в творческом сознании А.А. Ахматовой // Наука и школа. 2023. № 1. С. 12.

⁵ Кириллина О.М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин // Художественное образование и наука. 2014. № 1. С. 106.

недели стали лишь завершающим этапом долгого, насыщенного, полного сложностей и прекрасных моментов жизненного пути.

Финальный уход Толстого из дома лишь косвенно и ассоциативно соотносится с путем графа Т., который ищет в романе Оптину Пустынь. Конечно, многих читателей не может не сбивать появление в романе названия мужского монастыря, в который после отъезда из Ясной Поляны направился Толстой в конце октября 1910 г. Писатель провел там сутки, правда, так и не решился постучаться к старцам. Однако Толстой на протяжении жизни несколько раз бывал в Оптиной Пустыни. Поэтому, с нашей точки зрения, неверно однозначно соотносить путь графа Т. с дорогой ушедшего из усадьбы Толстого. Более того, в художественном мире романа Пелевина получается так, что Толстой *одновременно и путешествует, и находится в усадьбе*. Значимость усадебного топоса в романе несомненна и значительна, усадебный топос оказывается фундаментальной точкой, базисом для странствующего графа.

В отличие от критиков, любителей скандалов и семейных драм, Пелевин, представляющий в своем романе ряд биографических мифов о Толстом и их преодолевающий, показывает, что уход Толстого из Ясной Поляны был во многом условен. Пелевин настаивает, что, покинув свою усадьбу, Толстой *не потерял глубокой и прочной связи с ней*, что этот поступок графа Т. был вполне объясним, он был вызван *поиском себя и дома в себе*.

Символичны и значимы те факты, которые вспоминает о себе граф Т., частично потерявший память в результате контузии:

Почему, кое-что приходит на ум. Вот Ясная Поляна, например. Беседки, борозда от плуга... Фру-Фру... Так лошадь зовут...⁶

Усадьба оказывается на первом месте: это не просто воспоминание, это своеобразная *идентификация себя*. Мы уже отмечали, что усадебная тема, проблема правильного хозяйства является в творчестве Толстого одной из основных, именно к форме лучшего усадебного устройства всю жизнь стремился сам писатель. Называя свое потомственное имение — Ясная Поляна, — доставшееся

⁶ Пелевин В.О. Т. М.: Эксмо, 2023. С. 132.

ему по наследству, в котором Толстой реализовывал планы семейной жизни, литературного труда, хозяйства, писатель по сути дела представляет себя как наследника самых родовитых русских семейств.

Л.В. Дубаков предлагает интересную трактовку названий в романе:

<...> в романе говорится не просто об Оптиной Пустыни, а об «Оптиной Пустыни соловьев». Здесь Пелевин использует игру смыслов: с одной стороны, называя фамилию В.С. Соловьева, с другой — используя образ соловья как символа свободы. В буддийской традиции схожий по смыслу образ — образ кукушки, которая указывает на освобождение сознания. Важно также, что выходит граф Т. из Ясной Поляны. Этот топоним может быть истолкован подобно Оптиной Пустыни: *Ясная Поляна* — *состояние, в котором пребывает сознание, не отделенное от ясного света Дхармакайи*. Путешествие графа Т. таким образом оказывается путешествием ума (который изначально пробужден, но просто забыл об этом) — к самому себе (Курсив мой. — В.А.)⁷.

В плане духовного скитальчества и обретения себя, конечно, примечательна тяга графа Т. *домой* в финале романа («Но теперь пора домой»⁸) и его диалог с лошастью, произносящей: «Только сперва следовало бы подобрать этому дому название <...>»⁹. Однако в художественном мире романа сосуществуют несколько реальностей. И пока граф Т. метафизически путешествует, спящий или дремлющий Толстой находится в Ясной Поляне, в своем кабинете:

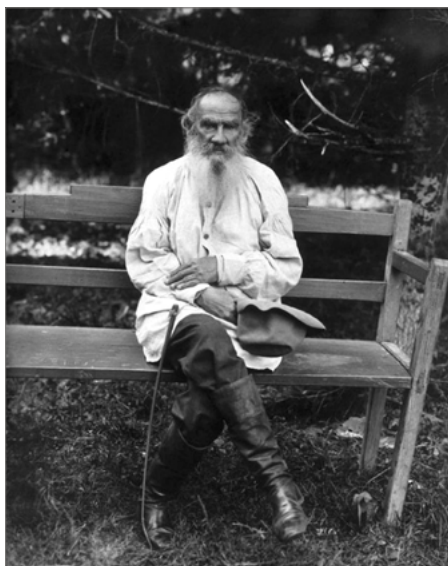
Он положил сложенные руки на стол и опустил на них голову, приняв ту же самую позу, в которой пришел в себя перед обедом¹⁰.

⁷ Дубаков Л.В. Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина «t» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 1 (882). С. 129.

⁸ Пелевин В.О. Т. М.: Эксмо, 2023. С. 472.

⁹ Там же. 473.

¹⁰ Там же. С. 447.

Илл. 34. Л.Н. Толстой на скамейке со шляпой в руках.
1903 г. Фото Ф.Т. Протасевича.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Нельзя забывать о том, что вопрос Толстого о доме, его сомнения о цели движения в финале могут быть связаны с пожаром в Ясной Поляне, уничтожившим усадьбу во сне писателя и в реальности графа Т.

Своим романом Пелевин демонстрирует, что уход Толстого глубоко символичен, но при этом он был подготовлен предшествующей жизнью писателя. Не случайно появляется *миф о двойнике Толстого* — подставном человеке, который изображает самого писателя и хозяина Ясной Поляны, пока тот отлучается из усадьбы:

<...> граф Т. завел себе двойника, высокого детину из крестьян. Сделал ему бороду из старого парика. И отправляет пахать к курьерскому каждый раз, когда хочет незаметно исчезнуть из усадьбы. А сам скрывается в переодетом виде¹¹.

¹¹ Там же. С. 10.

Из романа мы узнаем, что это скорее даже побег из усадьбы, поскольку за графом Т. ведется полицейский надзор, и ему запрещено покидать место жительства. Мы видим сразу несколько коннотаций, связанных с усадьбой графа, можем говорить об усадьбе-духовной колыбели, усадьбе-крепости, усадьбе-тюрьме и т. д.

Принципиально важно, что усадьба в романе *сразу же называется*: «А знаете ли, что за таинственный замок на холме, отец Паисий? Это Ясная Поляна, усадьба графа Т.»¹². Автор романа легко вписывает Ясную Поляну в духовный путь Толстого. Согласно созданному Пелевиным мифу получается, что Толстой и *не может уйти из Ясной Поляны, поскольку не просто отождествляется с нею окружающими людьми, но как бы несет ее образ в себе* как образ истинного дома, настоящего автора-демиурга.

Образ дворянской усадьбы появляется на первой странице романа. Причем автор придает этой усадьбе слишком бросающийся в глаза и запоминающийся вид. И дело даже не в состоятельности хозяина, о которой сказано: *но в мифе об узнаваемости Ясной Поляны*, ее круглых въездных башен, ее скромных белых каменных построек — флигелей. Пелевин намеренно делает главное здание усадьбы совершенно не похожим на него в реальности — писатель с первой страницы вовлекает реципиента в литературную игру:

Здание было красивым и странным: оно напоминало не то жилище эльфов, не то замок рыцарей-монахов. Белые шпили, стрельчатые окна, легкие мраморные беседки, поднимавшиеся из причудливо стриженных кустов парка — все это казалось нереальным на сквозном российском просторе <...>¹³.

Усадьба в романе одновременно оказывается и далеким краем, откуда *молодому графу Т.*, мастеру боевых искусств, поступает подкрепление в виде различных снарядов, метательных ножей, инновационных бомб и пр., и местом творческой силы уже *пожи-*

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 5.

лого Толстого, в усадьбу к которому стекаются многочисленные посетители со всего мира:

Прибыли новые гости. <...> «Двое образованных рабочих, — на-смешливо сказал вошедший вслед за лакеем сын Толстого Дмитрий Львович, — и еще девушка-курсистка. Кажется, из нигилистов — коротко стриженная, рыжая и курит папиросу. Хорошенькая¹⁴.

В обоих случаях хозяин прочно *духовно и физически связан с усадьбой*, это место его силы, подпитывающий его источник. О.А. Богданова очень точно подчеркивает этот факт:

<...> архетип Ясной Поляны — родового поместья Толстых — создает сквозную композицию произведения: в начале граф Т. сбегает из своей усадьбы в неведомую ему Оптину Пустынь <...>; на протяжении всего действия его стремятся насильно вернуть в Ясную Поляну, чему он всячески сопротивляется — тем не менее оружие для борьбы с Ариэлем он получает именно из усадьбы как источника своей силы¹⁵.

Обратимся к двум обозначенным нами выше эпизодам подробнее. Когда речь идет об отправке помощи графу Т. (два раза) в виде оружия, сами посылки не только фактически спасают его, но и являются символичным жестом связи с домом, усадьбой, где о нем не просто помнят, где граф Т. — хозяин, распорядитель, ради благо которого трудятся люди. Исследователи отмечают, что «Ясная Поляна — место для тренировок, база, из которой протагонисту доставляются необходимое снаряжение и инвентарь <...>»¹⁶. Чудесным образом в Ясной Поляне знают, что необходимо в данный момент их барину:

¹⁴ Там же. С. 446.

¹⁵ Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 220. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1)

¹⁶ Осмухина О.Ю., Марьюшкина А.П. Интертекстуальное поле романа В. Пелевина «Т» // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 196.

Рано с утра, когда Т. еще спал, из Ясной Поляны пришла подвода с вещами и оружием. Это было кстати <...>¹⁷.

Перед нами, с одной стороны, фантастическое преувеличение, когда о потребностях графа Т. узнают в усадьбе даже без его письма и присылают оружие, далеко превосходящее уровень развития науки и техники своего времени. С другой стороны, в этой заботе о барине, в готовности услужить ему в первую очередь («Один из свертков, прибывших из Ясной Поляны, был упакован с особым тщанием»¹⁸), а также в устроении бытия в усадьбе по его интересам и планам чувствуется один из основных законов дореволюционной усадебной жизни.

Толстовская идея непротивления злу силой толкуется в романе фактически противоположно, на основании одного из мифов об увлечении писателя азиатскими техниками боя, которые имеют своеобразную «декоративную философию». При интересе графа Т. к восточным боевым приемам, он создает даже свою школу рукопашного боя, которая «основана на обращении силы и веса атакующего противника против него самого с ничтожной затратой собственного усилия»¹⁹. В том, что графу Т. в борьбе нет равных, есть большая заслуга его помощников и верных учеников из усадьбы. Достаточно прочитать руководство по эксплуатации к присланным бомбам, увидеть подпись верного кузнеца и оценить реакцию самого графа Т.:

Де Мартиньяк? — подумал Т., вынимая бомбу из алого бархатного гнезда. — Видимо, кто-то из последователей. Стал кузнецом, молодец²⁰.

Пелевин вводит в роман *мотив усадебного оскудения*, произошедшего в результате несчастного случая в Ясной Поляне. В этом событии, о котором с горечью сообщает графу управляющий име-

¹⁷ Пелевин В.О. Т. М.: Эксмо, 2023. С. 129.

¹⁸ Там же. С. 131.

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ Там же. С. 132.

нием Семен Голубничий, показано печальное будущее многих дворянских усадеб. Напомним, что реальность графа Т. видится во сне самому Толстому как проекция будущего или как будущее, пропущенное сквозь призму восприятия писателя. В реальности грабежи и поджоги, охватившие многие усадьбы летом 1905 г. и позднее, вплоть до революции 1917 г., не коснулись Ясной Поляны. Однако в семье Толстого, как мы уже отмечали в предыдущих главах, летом и осенью 1905 г., в связи с негативными вестями о соседских имениях и угрозами в адрес хозяев Ясной Поляны, ожидали худшего.

Письмо о несчастьи в усадьбе приходит вместе со второй посылкой снаряжения из Ясной Поляны, упадок граф чувствует, уже глядя на снаряжение и еще не читая письма: «Что-то было не так. Нахмурясь, Т. внимательно оглядел снаряжение»²¹. Т. открывает посылку в гостиничном номере, и в этой столичной обстановке «казенного дома» чувствуется разница с положением уездных усадеб, которую Т. отмечает уже при виде прибывшей телеги. О беде, постигшей имение, рассказывается в письме:

Перед тем две недели стояла засуха, а в ту ночь был ветер, и сгорело, ваше сиятельство, все — и дом, и флигель, и кузня, и пристройки. Сгорел и фехтовальный зал со всеми вашими чучелами да манекенами, хоть и стоял поодаль. И народу погорело немало, всех еще не сочли²².

Значимы последующие комментарии графа Т. С одной стороны, уже достаточно погрузившийся в теорию создания автором героя, Т. с большим недоверием относится к письму, которое должно его расстроить: «Отчего я так легковверен? Скорей всего, этот Семен Голубничий существует исключительно как подпись под этим письмом <...>»²³. С другой стороны, Т. метко характеризует цыгана Лойко, в духе тех мужиков-зачинщиков, которые затевали грабить и поджигать имения.

²¹ Там же. С. 396.

²² Там же. С. 398.

²³ Там же. С. 400.

В «реалистичной» главе книги, становящейся своеобразным центром, вокруг которого организовано путешествие героя в его провидческом сне, Толстой действительно живет в Ясной Поляне, быт и устройство которой в это время подчинены идеям писателя и его распорядку. Усадьба оказывается мало похожей на замок, представший перед попутчиками на первой странице романа. Читатель видит Толстого в его кабинете, в рабочей обстановке, причем интерьер составляют исключительно необходимые и предназначенные для работы вещи, в описании нет и намека на роскошь:

Толстой опустил взгляд. На подоконнике лежали сапожные инструменты. Под окном стоял деревянный ящик с колодками и обрезами кожи. Все вокруг выглядело как обычно²⁴.

В обращении со слугой, домашними и гостями, в поведении Толстого, в стилизации его записи в дневнике Пелевин достигает большого мастерства. Писатель передает деликатность, даже кротость Толстого, но при этом его внутреннюю силу и роль хозяина усадьбы. Комфорт Толстого заключается не в обладании дорогими вещами и использовании труда других людей, но в организации жизни в Ясной Поляне по своему разуму и усмотрению.

В главе о настоящем писателе, который видит сон о себе, Пелевин старается максимально воплотить детали быта семьи Толстых. Мы видим некоторые подробности обстановки в Ясной Поляне, к примеру, подобие приемной, отделенной от рабочего кабинета графа книжными шкафами. Подчеркивая великолепное знание Толстым иностранных языков, Пелевин упоминает о полдюжине книг на немецком, английском и французском, лежавших на столе в приемной.

Большое внимание уделяет Пелевин описанию разговора Толстого, его гостей и близких в столовой, общая беседа пронизана нотами тонкого юмора, размышлений, воспоминаний. Называет реальных героев из своего сна сам Толстой, а пояснения по поводу этих лиц, их встреч с писателем в прошлом дает С.А. Тол-

²⁴ Там же. С. 433.

стая. О творческих беседах и философских разговорах с Толстым, происходящих в усадьбе в последнее время, говорит В.Г. Чертков. К примеру, он удачно комментирует переводчику смех Толстого по поводу того, что человек является божественным воплощением:

Он потому и смеется, что два дня назад мы говорили как раз об этом. И Лев Николаевич замечательно, по-моему, сформулировал ответ²⁵.

Интересен оттенок общения Толстого с супругой: Пелевин показывает, что писатель относится к Софье Андреевне с нежностью и пониманием, но не упускает возможности представления ироничных замечаний в ее адрес:

«Наверное, и про меня увидел какую-нибудь гадость, — весело сказала Софья Андреевна, — не так ли, Лева?» Толстой отрицательно помотал головой. «Тебя вообще не было», — ответил он²⁶.

Отсутствие во сне Толстого супруги и присутствие любовницы, деревенской красавицы Аксиньи, встречающейся графу Т. по пути, говорит о представлении писателем себя еще совсем молодым, приблизительно тридцатилетним.

Еще один миф, не получивший в романе полной деконструкции, связан с доходами Толстого, точнее, с доходностью его имения. Аксинья, неплохо устраивающая свою жизнь, зарабатывает на нее литературным трудом, то есть написанием романов невысокого качества. Она ловко использует знакомство с Толстым и близость с графом, разворачивая целое повествование «Моя жизнь с графом Т.: взлеты, падения и катастрофа». На несколько укоризненное замечание Толстого про книгу Аксинья отвечает: «Лева, людям надо зарабатывать на жизнь. *Не у всех есть усадьба на холме и белая лошадь с декоративным плугом* (Курсив мой. — В.А.)»²⁷. Перед нами, конечно, миф о полной обеспеченности семьи Толстого

²⁵ Там же. С. 445.

²⁶ Там же. С. 436.

²⁷ Там же. С. 348.

и о его вольготной и устроенной жизни в Ясной Поляне. Усадьба нередко воспринимается персонажами как особенно благодатный топос, защищающий человека от всех внешних бед и тревог. Однако, по словам Ариэля, одного из авторов-переписчиков, Толстой в этом плане человек особенный: «Это только вас сомнения терзают. Так они вас и в усадьбе мучить будут»²⁸.

В продолжающемся сне Толстого графу Т. выносят серьезное обвинение во многих преступлениях и трагических смертях, причем появляется и мотив возможного и упущенного предотвращения преступлений, который был связан с пресечением намерений графа. И вновь базой для незаконной деятельности Толстого названа Ясная Поляна, без которой писатель не обошелся бы, как и без своих верных слуг:

Еще при покойном министре Долгоруком у вас в Ясной Поляне были устроены тайные ходы и лестницы на случай встречи с законом, знаем-знаем. А по ночам на караул выходило столько народу, сколько вокруг острога не ходит²⁹.

В финале романа наблюдение графа Т. *за букашкой с длинным зеленым брюшком* отсылает читателя к открытиям Константина Левина, отраженным в финале «Анны Карениной», которыми так дорожил сам Толстой. И букашка в романе Пелевина, конечно, родственница той букашке, которой пытался открыть дорогу Левин, как и сам Толстой размышлявший о жизни и ее смысле в своей усадьбе:

Да, надо опомниться и обдумать, — думал он, пристально глядя на несмятую траву, которая была перед ним, и следя за движениями зеленой букашки, поднимавшейся по стеблю пырея и задерживаемой в своем подъеме листом снытки. Все сначала, — говорил он себе, отворачивая лист снытки, чтобы он не мешал букашке, и пригибая другую траву, чтобы букашка перешла на нее (т. 19, с. 378).

²⁸ Там же. С. 309.

²⁹ Там же. С. 452.

О.А. Богданова в обзоре современной прозы уделяет внимание новому роману В. Пелевина «Transhumanism Inc.», в котором «немалая часть действия происходит в сибирских усадьбах отдаленного будущего»³⁰. Таким образом, можно говорить о большом значении, которое В. Пелевин придает усадебному топосу во многих своих произведениях, в том числе в романе «Т». Писатель продолжает рассуждать о различных особенностях и коннотациях усадебного топоса в русской жизни и литературе. В романе «Т» Ясная Поляна предстает для Толстого одним из ключевых элементов жизненной силы. Она становится необходимой и важной точкой на пути писателя к самому себе (как отправной, так и заключительной). Ясная Поляна является первым в ряду ключевых понятий, связанных с Толстым в отечественной и мировой культуре. Образ потомственной усадьбы, ассоциирующиеся с нею мотивы позволили Пелевину развенчать множество мифов о писателе и дать свое представление фигуры и образа Толстого, подчеркнуть значение его наследия для будущих поколений. В романе «Т» Пелевин оценивает не определенный отрезок пути Толстого и не конкретные поступки и решения классика, уход из Ясной Поляны становится только внешним поводом для изображения духовных поисков и открытий Толстого.

³⁰ Богданова О.А. Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность / отв. ред. М.В. Скорыходов. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 484. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 9) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>

ГЛАВА 6

Книга П.В. Басинского «Л.Н. Толстой: бегство из рая»: беллетризированная биография как литературное «расследование»

Четвертую часть данной монографии, посвященную анализу локуса Ясной Поляны в русской литературе XX–XXI вв., на наш взгляд, уместно завершить разделом об изображении Ясной Поляны в книге современного публициста и литератора П.В. Басинского «Лев Толстой: бегство из рая». За последние пятнадцать лет Басинским написано немало произведений о Толстом, его героях и различных литературных произведениях, но именно в указанном выше издании с наибольшей яркостью и полнотой представлен локус Ясной Поляны, который оказывается фактически в центре книги.

Исследование и разыскание П.В. Басинского *не является собственно научным*: книга «Лев Толстой: бегство из рая», скорее, исследовательски-публицистическая биография, беллетризированная биография, чем-то близкая к книгам серии ЖЗЛ, но отличающаяся от нее детективными, развлекательными элементами, повышенной степенью проблематизации. Некоторые современные исследователи, отзывавшиеся о книге Басинского, отмечают, что ее «называют “романом”, чему способствует речь от первого лица разнообразных персонажей толстовских времен, и конкретно — людей из окружения Толстого или его родственников»¹. Значительное отличие книги от научной монографии (Басинский однозначно

¹ Тимашева О.В. Критика как роман, или жердочка для попугая // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 69.

жертвует объективностью в пользу интереса повествования, привлечения читателей) и позволяет нам сделать ее предметом нашего анализа.

Илл. 35. Обложка книги П.В. Басинского
Фото из открытых источников

Примечательно, что сам публицист в аннотациях к изданию и своих статьях, в материалах для прессы многократно подчеркивал большую проведенную им работу по изучению архивов и источников. Вот, к примеру, начало аннотации к книге:

Ровно 100 лет назад в Ясной Поляне произошло событие, которое потрясло весь мир. Восьмидесятидвухлетний писатель граф Л.Н. Толстой ночью, тайно бежал из своего дома в неизвестном направлении. <...> Известный писатель и журналист Павел Басинский на основании строго документального материала, в том числе архивного, предлагает не свою версию этого события, а его живую реконструкцию (Курсив мой. — В.А.)².

² Басинский П.В. Л.Н. Толстой: бегство из рая. М.: АСТ, 2011. С. 3.

Обратим внимание на два важных факта, обуславливающих возможность анализа текста Басинского как не собственно научного в нашей монографии. Во-первых, публицист делает значительный акцент на образе Ясной Поляны; усадебный локус оказывается в центре его повествования и рассуждений, имплицитно, под образом «рая», он присутствует и в названии. Во-вторых, сам Басинский подчеркивает, что документы стали лишь *основой* его расследования. Так, в одном из журналов 2010 г., в представлении материала, посвященного 100-летию со дня смерти писателя, предлагается своеобразная «реклама» книги:

20 ноября (7 ноября по старому стилю) 2010 г. исполнилось 100 лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого. А 3 ноября в Москве состоялась церемония вручения Национальной литературной премии «Большая книга» 2010. Ее главным лауреатом, получившим первую премию, стал Павел Басинский с фундаментальным исследованием «Лев Толстой: бегство из рая». *Скрупулезно изучив все архивные и документальные материалы, работы литературоведов*, Павел Басинский создает литературную реконструкцию жизни писателя, пытаясь понять мотивы ухода Толстого из Ясной Поляны (Курсив мой. — В.А.)³.

Нельзя отрицать огромной работы, проведенной Басинским, обобщения им множества мнений современников Толстого, его родных и близких, журналистов. И тут необходимо подчеркнуть специфику анализируемой книги, которая позволяет говорить о собственно авторском использовании локуса усадьбы: взгляды разных лиц представлены в книге в достаточно хаотичном и вольном порядке, кроме того, наряду с ними повествование содержит немало как аргументированных мнений, так и неподтвержденных предположений автора, его догадок, которые прямо или косвенно связаны с главным местом жизни Толстого — его наследственным имением Ясная Поляна.

³ Басинский П.В. Десять дней, которые потрясли мир. Сто лет назад в Ясной Поляне случилось событие, открывшее собой XX век // Инициативы XXI века. 2010. № 4–5. С. 112.

Книга Басинского, как уже не раз отмечалось в литературной среде, не собственно документальная и четко следующая хронологии и документам, какой, например, является книга Н.Г. Михновец «Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого»⁴. Басинский активно использует и художественный вымысел (в трактовке событий, вольном их описании, обозначении причинно-следственной связи), он предлагает читателям своеобразный «белетризированный детектив» или даже «журналистское расследование»: в его «литературном романе» центральным загадочным происшествием, обстоятельства которого неизвестны и должны быть выяснены, является *уход или побег Толстого из Ясной Поляны* (хотя эта дилемма между уходом и побегом видится нам в книге одной из самых слабых).

Усадебный локус оказывается в центре вопроса об уходе Толстого, поэтому находится в самом сердце контекстуального анализа автора. Басинский задается не только вопросом: «Почему, по какой причине ушел Толстой?», в книге то и дело поднимаются вопросы о том «Откуда ушел Толстой?» и «Куда он отправился?». Уход Толстого *из дома, из своей усадьбы* связан с внутренней оценкой и ощущением усадебной жизни, ее значения для писателя на протяжении всего пути и в последний месяц жизни.

Обратим внимание на первый небольшой раздел первой главы книги Басинского:

В ночь с 27 на 28 октября 1910 года в Крапивенском уезде Тульской губернии произошло событие невероятное, из ряда вон выходящее, даже для такого необычного места, как Ясная Поляна, родовое имение знаменитого на весь мир писателя и мыслителя — графа Льва Николаевича Толстого. Восемьдесятдвухлетний граф ночью, тайно бежал из своего дома в неизвестном направлении в сопровождении личного врача Маковицкого (Курсив мой. — В.А.)⁵.

⁴ Михновец Н.Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2025. 928 с.

⁵ Басинский П.В. Л.Н. Толстой: бегство из рая. М.: АСТ, 2011. С. 6.

Само действие писателя (уход, бегство) в книге Басинского не имеет глубинного значения *без определения оставляемого места*. В своеобразном «зачине» мы видим повторы, уточнения места, локуса усадьбы, без которых сам побег не имел бы силы, фактически не был бы возможен. Кроме того, за счет эмоциональных эпитетов, показывающих нестандартность происходящего (невероятное событие, необычное место), актуализируется интерес читателя.

Обозревая разные источники информации, которые по-своему подавали уход Толстого, Басинский продолжает делать акценты, увеличивающие значимость события. Конечно, все они связаны с усадьбой: «что произошло в Ясной Поляне»⁶, «яснополянский беглец»⁷, «обстоятельства исчезновения Толстого из Ясной»⁸. Первые несколько десятков страниц книги посвящены всестороннему представлению процесса ухода или побега Толстого. Басинский строит повествование по принципу многократного усиления центрального события: к бегству далее добавляется информация о невозможности возвращения графа в усадьбу:

Но главное — не сказал врачу, что *уезжает из Ясной Поляны навсегда*, о чем сказал Саше (Курсив мой. — В. А.).

Бедный Маковицкий не сразу понял, что Толстой решил *уехать из дома навсегда* (Курсив мой. — В.А.)⁹.

В построении книги Басинского использована обратная хронология: начиная с бегства Толстого из дома, пытаясь дать определение этому событию, автор далее возвращается назад, к началу жизни Толстого, его молодости и юности, детству, его происхождению, привычкам, кругу общения, самым решительным переменам в жизни писателя. Литератор немало внимания уделяет разным периодам и аспектам пути Толстого, однако в рамках художественной целостности книги получается так, что вся предыдущая жизнь писателя, несмотря на ее яркость, полноту, мно-

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 10.

гогранность, становится лишь объяснением финального ухода. Дневники и письма Толстого и его близких, мемуары С.А. Толстой и детей писателя, все ближайшие и удаленные контексты используются Басинским не для трактовки мыслей, воззрений, произведений Толстого, а для ответа на вопрос об итоговом побеге из Ясной Поляны.

В одном из разделов книги Басинский отмечает:

В биографии Толстого можно выделить три события, которые не просто оказали влияние на течение его жизни, но радикально изменили ее, развернули на 180°. Это женитьба, духовный переворот конца 70-х – начала 80-х годов и уход из Ясной Поляны¹⁰.

Однако в контексте всей биографии Толстого, своеобразно поданной в книге, получается так, что особенное значение имеет только бегство писателя. Басинский прослеживает путь Толстого из Ясной Поляны буквально по часам и дням, перемежая рассказ о преодоленном им и Душаном Маковицким расстоянии историей о предыдущих десятилетиях жизни писателя. При этом у читателя возникает ощущение, что уход Толстого, с одной стороны, был очень спонтанным, с другой стороны, подготавливался самим писателем не одно десятилетие. Отталкиваясь от ситуации бегства из усадьбы, Басинский *примеряет под этот ход* многие другие эпизоды жизни писателя, некоторые держатся исключительно на ассоциациях и внешних параллелях. Бегство из Ясной Поляны сравнивается с возможным для Толстого (и его автобиографического героя Левина) бегством из-под венца.

Книга Басинского при всем ее интересе и динамике полна необъясненных противоречий. При этом локус Ясной Поляны обретает особое значение. Ясная Поляна у Басинского — это не просто родовое имение Толстых, доставшееся самому младшему из четырех братьев, но также локус, представленный в художественных текстах Толстого (прежде всего, тех, в которых мы видим автобиографических героев), это «земля обетованная» и периодически «адский котел» в видении самого Толстого, это «часть большого

¹⁰ Там же. С. 102.

семейного проекта писателя» и «место памяти», а потом — один из самых известных литературных музеев страны и т. д.

Произведения Толстого в книге «Бегство из рая» также становятся контекстом, который помогает осмыслить оставление писателем усадьбы и выход за рамки всей той привычной и так горячо любимой им, комфортной для него жизни. Басинский несколько раз обращается к повести Толстого «Отец Сергей», показывая своеобразный параллелизм писателя и его героя в отрешении от мира, в изменении форм жизни в результате произошедших переворотов. И Басинский верно отмечает разницу, которая далее будет многократно показана на страницах его книги. Степан Касатский отказывается от светского образа жизни фактически сразу, он почти одновременно отрекается и от изменившей ему с государем невесты, и от собственности — принадлежавших ему земель и имения. Для Толстого же Ясная Поляна была местом памяти и единственной спокойной обителью, противопоставленной Москве и Петербургу. На примере разных произведений писателя автор осмысляет появляющийся в них мотив бегства и делает вывод, что совершенный героем побег оказался правильным и счастливым исключительно в «Кавказском пленнике». Чаще всего Басинским используются именно те примеры из произведений Толстого, которые связаны с усадебным топосом. Приводя описание сельскохозяйственных экспериментов Толстого, автор упоминает и его автобиографического героя Константина Левина.

Книга Басинского убеждает читателя в том, что все положительные и отрицательные моменты жизни Толстого были прочно связаны с усадебной темой, с его жизнью в Ясной Поляне. Описывая напряженную обстановку яснополянского дома и случающиеся там семейные сцены, Басинский рисует писателя как «старинного русского барина»¹¹, однако при этом отмечает, как Толстой мечтал избавиться от земной славы, «превратившись в обыкновенного старика»¹².

Одна из проблем книги Басинского, которая, к примеру, отсутствует в четко выверенном и изобилующем цитатами науч-

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 40.

ном исследовании Н.Г. Михновец, связана с отсутствием явных указаний на источник информации, некотором субъективном представлении, взгляде Толстого. Расставленные в книге акценты периодически настолько сильны, что у читателя возникает некоторый перекося в осмыслении отношения Толстого к Ясной Поляне в последние месяцы его жизни. Примером может быть описание страха, который писатель испытывал в каретном сарае усадьбы, опасение им «мучительной, душераздирающей сцены, которая станет crescendo того, что происходило в Ясной Поляне последнее время»¹³. Описывая состояние усадьбы и обстановку в ней, Басинский заставляет читателя поверить, что страх стал главным чувством Толстого:

Страх, что С.А. настигнет его, был не только нравственным переживанием, но и просто страхом. Этот страх проходил по мере того, как Толстой удалялся от Ясной, хотя при этом голос совести не умолкал в нем¹⁴.

Периодически в общем логичном повествовании Басинского находятся удачные и меткие наблюдения, которые позволяют оценить атмосферу в имении. К примеру, параллельно с развернутым рассказом о бегстве Толстого Басинский сообщает читателю и о вынужденном отъезде из Ясной Поляны дочери Толстых Александры. Это событие, послужившее причиной припадка у Толстого и поспешного примирения матери и дочери, все-таки позволяет оценить и степень конфликтности в семье, и *предлагает сценарий ухода из родового имения*:

Незадолго до этого она (Софья Андреевна. — В.А.) страшно поругалась с Сашей и Феофритовой и фактически выгнала дочь из дома. Саша переехала в Телятнишки, близ Ясной Поляны, в собственный дом. Толстой тяжело переживал разлуку с Сашей, которую он любил и которой доверял больше всех родных. Она была его бесценной помощницей и секретарем наравне с Булгаковым.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 18.

Разрыв матери с дочерью стал одной из причин припадка. Они поняли это и помирились на следующий день.

Воспоминания Саши:

Спустившись в переднюю, я узнала, что меня ищет мать.

— Где она?

— На крыльце.

Выхожу, стоит мать в одном платье.

— Ты хотела говорить со мной?

— Да, я хотела сделать еще один шаг к примирению. Прости меня!

И она стала целовать меня, повторяя: прости, прости! Я тоже поцеловала ее и просила успокоиться...

Мы говорили, стоя на дворе. Какой-то прохожий с удивлением смотрел на нас. Я попросила мать войти в дом¹⁵.

В повествовании и цитате своеобразным знаковым рубежом является порог дома. Басинский выстраивает свой нарратив таким образом, что далее упоминается символический рубеж в движении убежавшего Толстого — выезд из усадьбы.

Центральный в рамках семейной темы — вопрос *от кого* ушел Толстой. Рассуждая о первом письме ушедшего Толстого к Софье Андреевне, Басинский отмечает, что оно стало для супруги Толстого своеобразной «охранной грамотой»:

Смысл его, грубо говоря, был такой: Толстой уходит не от жены, а *от Ясной Поляны*. Он не может больше жить в барских условиях, которые не совпадают с его мировоззрением¹⁶.

Глубоко символичен в данном случае использованный предлог «от», который *одушевляет усадьбу Толстого*.

Ошибочные и неверные толкования поступков и действий Толстого, неудачные попытки современников «подсмотреть» происходящее в Ясной Поляне также становятся своеобразным контекстом в книге. Басинский показывает типичный путь осуждения Толсто-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 19.

го. Когда-то он пожалел зелена (озимые), в которых лошадь оставляет глубокие следы и губит нежную зелень. «Хочется воскликнуть: “зеленя” пожалел, а старую жену — нет?! К сожалению, это типичный путь осуждения Толстого <...>»¹⁷.

В книге о бегстве Толстого из усадьбы с нею связано, на самом деле, почти все. Даже анекдот, по словам Басинского, набивший оскомину в рассуждениях об опрощении Толстого, невозможно понять без представления усадебных жизни и быта: «Ваше сиятельство, плуг подан к парадному! Изволите пахать?»¹⁸.

В каждой последующей главе книги писатель все больше объясняет не случайно использованный им предлог «от» в отношении усадьбы. Ясная Поляна стала местом хозяйственных экспериментов писателя, его литературного труда, уединения, сложнейшего комплекса самовоспитания. Басинский справедливо рисует образ, который стал символичным в русской культуре:

В этом образе великого мудреца и гениального художника, смиренно идущего в крестьянской одежде за плугом, есть что-то необыкновенно важное для понимания сущности человеческого бытия, не менее важное, чем образ египетских пирамид или вид простого деревенского кладбища¹⁹.

Литератор проникновенно показывает, как в борьбе с условиями, в стремлении к опрощению Толстому, ушедшему из дома, постоянно не хватало самых простых мелочей, которые были под рукой в Ясной Поляне.

Примечательно, что образ Ясной Поляны, символ усадебной жизни, используется Басинским для иллюстрации широты и масштаба личности Толстого. В плане мотива оставления усадьбы Толстой предвещает многих эмигрантов революционного времени, с болью покидавших Россию, однако открывавших в своем бегстве познание мира, выход за границы одной страны, осмысление всечеловеческого масштаба. Басинский справедли-

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 21.

¹⁹ Там же.

во проводит логическую связь, в которой одно следует из другого:

Ведь уход из Ясной Поляны был, по сути, бегством из России! «Без своей Ясной Поляны, — писал Лев Толстой, — я трудно могу представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его». Насколько же должна была измениться жизнь в Ясной Поляне или сам Толстой, чтобы пребывание в родовой усадьбе стало казаться ему «адам»?²⁰

В книге Басинского отчетливо прослеживается антитеза «рай» — «ад» в отношении усадебной жизни, причем в итоге чтения мы оцениваем степень и возможность использования обеих лексем. Читатель понимает, что лексема «ад» ситуативна, относится не к самой усадьбе, не к дому, а к обстановке и противоречиям, от которых бежал Толстой. Автор подчеркивает внутреннюю тяжесть писателя, связанную не с созерцанием усадебной жизни в целом, а с необходимостью пребывания в Ясной Поляне, где царила сложная и нервная обстановка, в то время как Толстой очень нуждался в душевном покое и равновесии:

По крайней мере, с лета 1909 года он лучше чувствовал себя в гостях, чем дома. Уезжая в Кочеты к старшей дочери Татьяне и зятю М.С. Сухотину, он отдыхал душой и не только не торопился обратно в Ясную, но и по возможности оттягивал это возвращение. Приехав в гости к В.Г. Черткову в подмосковное село Мещерское летом 1910 года, Толстой с неохотой покидал его и вернулся только после второй тревожной телеграммы о ненормальном состоянии С.А.²¹

А вот у лексемы «рай», использованной в отношении Ясной Поляны, существует *прочная смысловая основа*. Басинский показывает, что ассоциировавшаяся с раем в определенный период

²⁰ Там же. С. 31.

²¹ Там же.

Илл. 36. Л.Н. Толстой в Кочетах.

1910 г. Фото В.Г. Черткова.

Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

жизни, на каком-то этапе (более коротком или длительном), усадьба жизнь далее не может представляться иначе — она всегда будет соотноситься с самыми высокими образцами (преимущественно детского восприятия). Басинский раскрывает читателю секрет, согласно которому люди, знающие, как построен рай и на чем он держится, не всегда могут насладиться этим рукотворным человеческим раем.

Эта бытовая поэзия Ясной Поляны, оставившая столь неизгладимое очарование в детях Толстого, что все они вспоминали о яснополянском детстве как о рае, на их мать, в ее восемнадцать — девятнадцать лет, произвела впечатление совсем не однозначное. В конце концов, она просто привыкла к ней²².

Через всю книгу проходит противопоставление полюсных сил, которые так часто упоминал Толстой в своем творчестве, однако между раем и адом оказывается обыкновенная человеческая жизнь

²² Там же. С. 108.

с ее проблемами и сложностями. Басинский в своем расследовании-биографии наглядно подтверждает, что и для самого Толстого, и для его детей Ясная Поляна однозначно была раем на протяжении детства:

Читая воспоминания сыновей Толстого о яснополянском детстве, нельзя не прийти к мысли, что если он мечтал устроить в Ясной Поляне отдельно взятый рай, то ему это безусловно удалось. Но только не в отношении себя и жены, а в отношении маленьких детей. Неслучайно лучшее произведение, написанное сыном Львом, — это повесть под названием «Яша Полянов». В этом замечательном имени-названии как бы соединяются личность ребенка и личность усадьбы. Они становятся одним целым. Дети Толстого в детстве и отрочестве были в какой-то мере этими Яшами Поляновыми²³.

Позднее эта счастливая и безмятежная пора усадебной жизни (как мы уже отмечали в предыдущих главах) давала и самому Толстому, и его детям силы для творчества, для преодоления многих сложностей.

Басинский показывает Ясную при Толстом в разное время и Ясную, только что оставленную им, иллюстрируя то смятение, которое происходит в кругу родственников — жены и детей писателя. Более того, положение в усадьбе оценивается и с позиции стороннего наблюдателя — контекст расширяется:

Никакой «роскоши» в Ясной Поляне не было и в помине. Но миф о якобы «роскошных» условиях, в которых жил до ухода Толстой, до сих пор прочно бытует в российском сознании. Между тем посещавший Ясную Поляну в 1899 и 1910 гг. канадский политэконом Джеймс Мейвор, родившийся и учившийся в Великобритании, писал: «Уровень жизни в Ясной Поляне, помимо характерной для России краткости промежутков между приемами пищи, был скорее ниже, нежели выше уровня семьи среднего достатка в Англии»²⁴.

²³ Там же. С. 135–136.

²⁴ Там же. С. 31.

Автор отмечает, с одной стороны — рядовое, а, с другой стороны, — особенное место Ясной Поляны среди других усадеб. Сходство — в общем устройстве хозяйства, в поведении мужиков, в течении русской уездной жизни. Отличало усадебный быт Толстого не просто подчинение распорядка жизни всей семьи планам отца, но и подчинение жизни семьи потоку внешней информации, которую приносили в усадьбу многочисленные приходящие за советом люди. Басинский прекрасно передает демократизм Ясной Поляны, который стал тяготить Толстого, не оставляя ему личного пространства:

Тем не менее необходимо признать, что именно «пропасть людей», приезжавших и приходивших в Ясную в 1900-х годах, весьма серьезно осложняла жизнь его и близких²⁵.

Уважение к Толстому в России было настолько велико, что Ясная Поляна и при жизни писателя, и после его смерти воспринималась как знаковое место для страны, место неприкосновенное, обуславливающее понимание людьми друг друга, место любви и уважения к ближним.

Сначала Ясную Поляну почти обходят стороной «грабизжки» и большие беспорядки:

Эти «грабизжки» происходили и в Ясной Поляне, хотя и не в таком масштабе, как в других имениях, в том числе и в Тульской губернии, где крестьяне просто жгли помещичьи дома²⁶.

Далее история сохранения дома-музея и усадьбы великого русского классика воспринимается русскими людьми как дело не только личное, но и общенациональное.

Чрезвычайно интересны в книге временные срезы, когда автор показывает один и тот же объект или предмет, его появление в усадьбе, причину возникновения и дальнейшую судьбу, связанную с изменением статуса усадьбы (которая стала музеем). Примером

²⁵ Там же. С. 32.

²⁶ Там же. С. 35.

может быть история о подушечке с надписью «Одна из семисот Шамординских дур», вышитой для писателя его сестрой М.Н. Толстой:

Подушечка эта и сегодня лежит в спальне Толстого в музее-усадьбе «Ясная Поляна»²⁷.

Бегство графа из Ясной Поляны лучше всего оттеняется в книге *возвращениями* Толстого в свое имение, *бегством домой* (как тут не вспомнить желание убежать из Самарского имения в Ясную Поляну Тани Толстой, о котором мы упоминали в одной из предыдущих глав):

Отныне она (Ясная Поляна. — В.А.) становится для него не просто родовой усадьбой, где он родился и провел детство, не просто собственностью, но *землей обетованной*, куда он будет возвращаться всякий раз, пройдя очередной этап сомнений и искушений. И всякий раз он будет бежать в Ясную, нетерпеливо, по-детски бросая всё на свете: университет, армию, светскую жизнь, литературные круги и даже многодетную семью, когда она поселится в Москве (Курсив мой. — В.А.)²⁸.

Басинский тонко показывает разницу между загородной и городской усадьбой:

Одно дело поменять деревню на город. И совсем другое — из родовой усадьбы, своей вольной крепости — перебраться в скопище чужих крепостей²⁹.

Автором отмечено изменение сознания Толстого, которое расширялось по мере принятия им быстро текущей жизни за пределами Ясной Поляны. Своя крепость становится лишь одной из многих других, когда Толстые переезжают в дом в Хамовни-

²⁷ Там же. С. 126.

²⁸ Там же. С. 45.

²⁹ Там же. С. 155.

ках — трансформируется и взгляд на Ясную Поляну. Басинский не оставляет выбранной метафоры, но тот усадебный рай, который прирастал за счет имения в Самаре, за счет купленного дома в Хамовниках, вдруг не оказывается раем, а складывается для хозяина в тяжелую и полную разочарований жизнь.

Немалое количество страниц в книге Басинского посвящено вопросу отказа Толстого от собственности, составления завещания. На первый взгляд, такое подробное рассмотрение этих проблем кажется несколько излишним и громоздким в рамках всей книги, однако читателю приоткроется многое, если он сразу поймет, что с отказом от владения всем Толстой отрекался и от своего проекта рая. Художественное творчество писателя порою предрекает, как показывает Басинский, странные жизненные повороты — сознание и действия человека формируют его реальность.

Образ усадьбы как рая все более отступает на задний план по мере приближения повествования к XX в. Ясная Поляна теперь уже не крепость одного Льва Толстого и его детей, это крепость рода. Женится Илья Львович:

После венца молодые отправились в Ясную Поляну, где провели медовый месяц одни, в трех нижних комнатах, как робинзоны, наслаждаясь свободой и независимостью от родителей (семья Толстых в это время жила в Москве)³⁰.

Вновь, как когда-то при четырех братьях и сестре Толстых, когда происходил раздел между ними, оказывается под вопросом целостность крепости — наступает проверка того, насколько дорог для выросших детей создаваемый когда-то отцом яснополянский рай.

Басинский дает общую характеристику загородной усадьбы Толстого и его городской усадьбы в Хамовниках, отмечая, что это были теплые, открытые для посетителей и гостеприимные дома. Автор показывает и практическую роль усадьбы, которая оказывается убыточной:

³⁰ Там же. С. 205.

По-настоящему доходным было только самарское имение. Купленные Л.Н. впрок нетронутые и плодородные самарские земли постоянно росли в цене и не требовали серьезных капиталовложений. Сдача этих земель в аренду приносила семье чистый доход. Что касается тульских имений, всё было намного печальнее. Ясная Поляна не была доходным имением. Напротив, она приносила семье ежегодные убытки, покрывать которые приходилось из других источников. Переводя разговор на язык сегодняшнего дня, можно сказать, что Ясная Поляна была огромной дачей, которая кормила семью, но отнюдь не одевала. При этом требовала неустанных хозяйских забот и ежегодных капиталовложений, не покрываемых доходами от самого имения³¹.

К Ясной Поляне конца 1890-х гг. вдруг оказывается применимо определение «дача», «дачный локус», находящееся в некоторой оппозиции с термином «усадебный локус». В Ясной как на даче, например, чувствует себя композитор Танеев, в которого была влюблена Софья Андреевна. Танеев приезжает на лето в Ясную Поляну, и еще ощутимее, как показывает Басинский, еще быстрее рушится прежний выстраиваемый усадебный мир.

В психологическом плане значима ситуация, когда на исходе жизни Толстой забыл, что не владеет Ясной Полянкой и забеспокоился о передаче земли мужикам. Басинский подчеркивает, что, несмотря на желание отказаться от собственности, писателю всегда была важна принадлежность ему так долго строимого рукотворного рая.

Автор книги немало пишет о сложностях в семье Толстых, обращая внимание даже на интимные моменты, связанные с возрастом и супружеской жизнью Льва Николаевича и Софьи Андреевны. Слишком ярко и многогранно представленный мотив ухода, «бегства из рая», к сожалению, значительно вытесняет из биографии-расследования общественные и социально-политические моменты, идею вызова Толстого миру, в котором очень много грабят и воюют, присваивают чужое и угнетают людей.

³¹ Там же. С. 214.

Басинский рассуждает о желании Толстого превратиться в обыкновенного старика, но не размышляет о том, что уход из усадьбы, которая более всего ассоциировалась окружающими с самим Толстым, был для всего мира одним из самых показательных жестов. В.А. Кошелев, говоря о парадоксе «бегства из рая» в русской словесности, ссылается на Л.Н. Гумилева, который

определял парадокс «бегства из рая» как личностную усталость от «гомеостатического» общества, члены которого, «тихие люди, которые были никому не заметны», проповедуют принцип — живи и не мешай другим <...>³².

Басинский не пишет о том, что толстовский уход был *вызовом всему старому миру*, всей прежней жизни и ее формам, в том числе усадебным — владельческому характеру земли, имений.

В книге Басинского есть некоторые странности и места с затемненным смыслом. К примеру, автор пытается «подтянуть» к уходу Толстого случай, когда писатель заблудился в собственном доме в Ясной Поляне:

В середине 70-х годов с Толстым происходит случай, который был предвестником того, что будет происходить во время его ухода из Ясной Поляны. Толстой заблудился... в своем доме³³.

Эта ситуация, конечно, искусственно притянута к уходу Толстого, она никоим образом не могла быть признаком или поводом будущего побега писателя.

Басинский завершает свою книгу уходом С.А. Толстой, которая уже без мужа жила в Ясной Поляне и увидела ее другой — опустевшей и потерявшей того человека, который составлял ее славу, но не утратившей известности и силы, благодаря произведениям и всей жизни Толстого и его семьи. Читатель, завершивший чтение книги Басинского, понимает, что вопросы об уходе Толстого,

³² Кошелев В.А. Парадокс «бегства из рая» в русской словесности // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 2. С. 125.

³³ Басинский П.В. Л.Н. Толстой: бегство из рая. М.: АСТ, 2011. С. 144.

причинах этого «бегства» должны оставаться без ответов. Иное дело — судьба Ясной Поляны, потомственной усадьбы Толстых, ставшей национальным музеем: она призвана напомнить каждому живущему о возможности приближения если не рая на земле, то хотя бы надежды на то, что большинство людей смогут быть счастливыми.

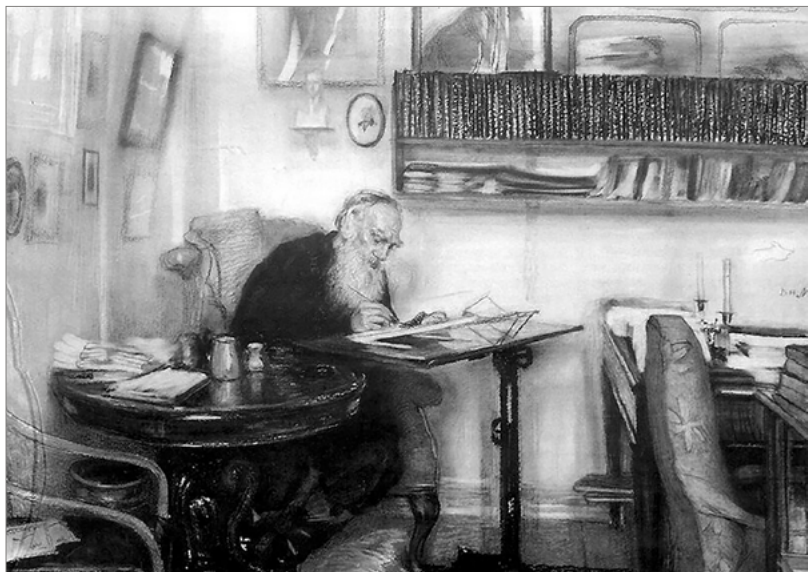
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*А.Н. Толстой и современность:
возвращение в Ясную Поляну*

В литературе о Толстом и его творческом пути, о понимании основных нравственных заветов писателя и их интерпретации, о его частной жизни существует немало разнообразных мифов. Они появились еще в конце XIX в., в связи с огромной известностью Толстого; с течением времени одни мифы опровергались, подвергались демифологизации, другие — возникали как в массовой литературе, так и в серьезных сочинениях. При этом фигура Толстого для наших соотечественников и иностранцев всегда оставалась знаковой и чрезвычайно дорогой.

Толстой давно обрел славу деятеля мирового масштаба, однако для русских людей он особенно дорог как писатель, радевший о своем народе, отстаивавший его права, сумевший показать силу и храбрость русского человека в годы испытаний, много заботившийся о нравственном самоусовершенствовании людей, их взаимном уважении. Хотя с Толстым в нашем представлении непременно ассоциируется дворянская жизнь XIX в., на деле он, всегда гордившийся своей родословной, намного решительнее других русских классиков отвергал богатство и роскошь, осуждал сословное неравенство, угнетение низестоящих на социальной лестнице. Образ писателя в национальном сознании связан с идеей борьбы за правду и справедливость, как, собственно, и образ Ясной Поляны. Семейная усадьба Толстых при жизни Льва Николаевича стала местом массового паломничества, примером дома, где живут мудро и по совести.

Илл. 37. В.Н. Мешков. Л.Н. Толстой за работой
в своем яснополянском кабинете.
Начало XX в. Бумага, печать цветная. 50,3 × 68 см.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

В литературоведении и критике, публицистике и журналистике написано немало заметок, статей и книг о кризисе в семейной жизни Толстых; до сих пор до конца не проясненным, как мы постарались показать в данной книге, остается вопрос о причинах ухода писателя из Ясной Поляны. Между тем стоит подумать о том, необходимо ли нам окончательное его прояснение. Думается, что проблема эта не столь актуальна, как исследование толстовских взглядов на современную ему помещичью жизнь и осмысление видения им идеальной усадьбы, дома будущего, которые мы попытались раскрыть в настоящей монографии.

Необходимо понять, что уход Толстого не отлучил его от родной усадьбы, Ясной Поляны, как церковная анафема не отлучила его от Бога. На протяжении всей жизни связь писателя с родовым именем только крепла, она не могла быть разорвана в силу временного отъезда. Он знал, что в скором времени вернется — если не живым, то в то место имения, которое сам выбрал для своего

упокоения, — на краю оврага, в лесу Старый Заказ, где, по словам старшего брата писателя Николая, была зарыта зеленая палочка, хранившая тайну счастья всех людей.

На протяжении всей своей жизни духовно, физически, энергетически Толстой был прочно связан с Ясной Поляной, которая стала для него лучшим местом творчества. Широко известно, что предметы, обстановка хранят память о владельце и хозяине; для Ясной Поляны это особенно важно и символично, поскольку по мере движения Толстого к жизненному финалу интерьеры в Ясной Поляне становились все проще, а каждая необходимая вещь приобретала все большее значение для писателя.

Литераторы, ставшие преемниками Толстого, в значительной мере ощутили тот факт, что Ясная Поляна прочно связана не только с биографией классика, но и со всеми его произведениями, героями, мыслями о России и мире. В данной книге мы постарались показать, что толстовское видение будущего русской усадьбы было пронесено через весь XX в. и остается живым в веке XXI. Обращение к толстовским усадебным мотивам в советской и постсоветской литературе обосновано их актуальностью, однако не меньший интерес проявлен в книге к самому локусу Ясной Поляны в русской литературе XX–XXI вв. Усадьба-музей приобретает в романах и повестях отечественных писателей самые разные коннотации: благодаря ей русская провинция становится необычайно популярной у искателей чистой и гармоничной жизни. Ясная Поляна нередко выступает и как своеобразная оппозиция финансовым и деловым столицам страны, как место уединения и духовного труда, однако не только ради спасения одной души, но ради блага всего человечества.

*СПИСОК
ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

- Илл. 1.** Левин в поле. Рисунок О.Г. Верейского к роману «Анна Каренина». 1975 г. Бумага, акварель. 40 × 30,3 см.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого 44
- Илл. 2.** Левин на покосе. Рисунок О.Г. Верейского к роману «Анна Каренина». 1975 г. Бумага, акварель. 49,8 × 38 см.
Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого 44
- Илл. 3.** И.Е. Репин. Портрет Льва Толстого. 1916 г.
Линолеум, масло. 115,5 × 85 см.
Частная коллекция. Фото из открытых источников 57
- Илл.** Губернаторская квартира и Благовещенская церковь в г. Томск.
Литография М. Колосова. 1871 г. 172 × 210 см.
Фото из открытых источников 71
- Илл. 5.** Обложка первого издания «Круга чтения» с дарственной надписью Толстого Д.П. Маковицкому.
Фото из открытых источников. 74
- Илл. 6.** И.Е. Репин. Л.Н. Толстой на диване за чтением.
1891 г. Бумага желтая, карандаш. 24 × 33 см.
Государственная Третьяковская галерея 97
- Илл. 7.** И.Е. Репин. Лев Николаевич Толстой на отдыхе в лесу. 1891 г. Холст, масло. 60 × 50 см.
Государственная Третьяковская галерея 105
- Илл. 8.** Большой пруд в Ясной Поляне.
Фото автора. 2025 г. 121
- Илл. 9.** И.Е. Репин. Пахарь. Граф Лев Николаевич Толстой на пашне. 1887 г. Картон, масло. 27,8 × 40,3 см.
Государственная Третьяковская галерея 128
- Илл. 10.** Флигель Кузминских в Ясной Поляне.
Фото автора. 2025 г. 151
- Илл. 11.** Кобыла с жеребенком в усадьбе Толстого Ясная Поляна. Фото автора. 2025 г. 155
- Илл. 12.** Дверь на веранду в яснополянском доме.
Фото автора. 2025 г. 158

Илл. 13. «Прешпект» (березовая аллея, ведущая от башен въезда к дому писателя в Ясной Поляне). Фото автора. 2025 г.	164
Илл. 14. Л.Н. Толстой с внучкой Танечкой Сухотиной. 1907 г. Фото С.А. Толстой. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	173
Илл. 15. Л.Н. Толстой с внучкой Танечкой Сухотиной. 1908 г. Фото В.Г. Чертова. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	173
Илл. 16. Л.Н. Толстой и Д.П. Маковицкий у въездных ворот в Ясную Поляну. 31 января 1910 г. Фото А. И. Савельева. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	179
Илл. 17. Л.Н. Толстой и Д.П. Маковицкий. 1909 г. Фото В.Г. Чертова. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	193
Илл. 18. Л.Н. Толстой и В.Ф. Булгаков. 1910 г. Фото В.Г. Чертова. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	198
Илл. 19. Зал в яснополянском доме. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	201
Илл. 20. Л.Н. Толстой и Н.Н. Гусев в секретарской комнате в Ясной Поляне. 27 марта 1909 г. Фото В.Г. Чертова. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	213
Илл. 21. Ю.И. Игумнова. Л.Н. Толстой верхом у въезда в Ясную Поляну зимой. Начало XX в. Холст, масло. 45,6 × 80,2 см. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	228
Илл. 22. Л.Н. Толстой с семьей на крыльце яснополянского дома. 1892 г. Фирма «Шерер, Набгольц и К°». Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	242
Илл. 23. И.Е. Репин. Толстой по ту сторону жизни. 1912 г. Холст, масло 120 × 88 см. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	274
Илл. 24. Л.Н. Толстой с просителями-крестьянами. 1908 г. Ясная Поляна. Фотография К.К. Буллы. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	303
Илл. 25. О.Г. Верейский. Приезд Долли в имение Вронского Воздвиженское. Рисунок к роману «Анна Каренина». 1979–1981. Бумага, акварель. 19 × 25 см. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	332

Илл. 26. Л.Н. Толстой и С.А. Толстая в яснополянском кабинете. Снимок, сделанный для картины И.Е. Репина «Л.Н. Толстой и С.А. Толстая». Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	344
Илл. 27. Г.А. Расин. Столбы — въезд в усадьбу Л.Н. Толстого Ясная Поляна. Зима. 1949 г. Холст на картоне, масло. 24,7 × 34,9 см. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	362
Илл. 28. М.В. Нестеров. Портрет Льва Николаевича Толстого. 1907 г. Масло, холст. 113 × 102 см. Государственный музей- заповедник Л.Н. Толстого	367
Илл. 29. Л.Н. Толстой в пальто на лавочке под «деревом бедных». 1908 г. Фото П.Е. Кулакова. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	386
Илл. 30. И.Е. Репин. Л.Н. Толстой за работой. 1891 г. Бумага на картоне, карандаш графитный. 32,5 × 23,9 см. © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.	396
Илл. 31. А.В. Моравов. Толстой в своем рабочем кабинете. 1909 г. Холст, масло. 66 × 81 см. Государственный музей- заповедник Л.Н. Толстого	409
Илл. 32. В.С. Баюскин. Ясная Поляна. Крыльцо литературного музея. 1943 г. Бумага на картоне, масло, гуашь. 19 × 23,1 см. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	419
Илл. 33. Обложка книги В.О. Пелевина. Фото из открытых источников . . .	423
Илл. 34. Л.Н. Толстой на скамейке со шляпой в руках. 1903 г. . Фото Ф.Т. Протасевича. Государственный музей- заповедник Л.Н. Толстого	427
Илл. 35. Обложка книги П.В. Басинского. Фото из открытых источников . .	437
Илл. 36. Л.Н. Толстой в Кочетах. Фото В.Г. Черткова. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	447
Илл. 37. В.Н. Мешков. Л.Н. Толстой за работой в своем яснополянском кабинете. Начало XX в. Бумага, печать цветная. 50,3 × 68 см. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого	457

*СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ*

І. Источники

- Авилова Л.А.* Первое горе и другие рассказы. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. 108 с.
- Бердяев Н.А.* Философия неравенства / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. 624 с.
- Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. М.: Худож. лит., 1959.
- Булгаков М.А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 623 с.
- Владимов Г.Н.* Генерал и его армия. М.: НЭБ «Свет», 2021. 408 с.
- Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. 652 с.
- Громека М.С.* О Л.Н. Толстом. Критический этюд по поводу романа «Анна Каренина». М.: Тип. И.Д. Сытина и К., 1893. 212 с.
- Гудериан Х.В.* Воспоминания солдата / пер. с нем. Смоленск: Русич, 1998. 653 с.
- Джордж Г.* Прогресс и бедность / пер. с посл. англ. изд. А.Г. Сахаровой под ред. А.К. Шеллера (Михайлова). СПб.: М.М. Ледерле, 1896. 662 с.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 510 с.
- Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / вступ. ст. С.А. Розановой, подгот. текста и примеч. Т.Н. Волковой. М.: Правда, 1986. 560 с.
- Л.Н. Толстой.* Переписка с русскими писателями: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978.
- Маковицкий Д.П.* Яснополянские записки. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskije-zapiski/index.htm> (дата обращения: 16.01.2026).
- Маковицкий Д.П.* У Толстого, 1904–1910. «Яснополянские записки» (Дневник). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskije-zapiski/index.htm> (дата обращения: 16.01.2026).
- Марков Е.Л.* Грехи и нужды нашей средней школы. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. 131 с.

- Окуджавы Б.Ш.* Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. URL: <https://lib.ru/PROZA/OKUDZHAWA/shipov.txt> (дата обращения: 16.01.2026).
- Пастернак Б.Л.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. 734 с.
- Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982.
- Пелевин В.О.* Т. М.: Эксмо, 2023. 480 с.
- Пришвин М.М.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 679 с.
- Пришвин М.М.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8. 762 с.
- Старой В.В.* Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996.
- Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. 541 с.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.
- Толстой С.Л.* Путешествие с духоборами в Канаду: Дневники и переписка / вступ. ст. А.А. Донскова. М.: Кучково поле; Киммерийский центр, 2017. 320 с.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–2014.
- Фашисты в Ясной Поляне* // Ясная Поляна. Статьи. Документы / сост. С.А. Толстая-Есенина, Э.Е. Зайденшнур, Е.Н. Чеботаревская. М.: Госполитиздат, 1942. С. 143–168.
- Федин К.А.* «Костер» (Материалы к творческой истории романа) / вступ. заметка, коммент. и публ. И. Фединой // Вопросы литературы. 1978. № 12. С. 229–268.
- Федин К.А.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 5: Санаторий Арктур, Первые радости. 431 с.
- Федин К.А.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 7: Костер. Роман. Кн. 1. 366 с.
- Федин К.А.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 8: Костер. Роман. Кн. 2. Очерки. 415 с.
- Фет А.А.* Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Т. 1. 452 с.
- Чехов А.П.* Душечка // *Чехов А.П.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 293–303.
- Чехов А.П.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1986. Т. 10. 498 с.
- Шолохов М.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1985–1986.

II. Исследования

- Абрамова К.В.* Повесть Л.Н. Толстого «Детство» как претекст «Детства Люверс» Б. Пастернака // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 94–105. <https://doi.org/10.17223/18137083/79/7>
- Александров А.С.* Мемуары о Л.Н. Толстом в информационном пространстве начала XX века // Известия смоленского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 24–32.
- Александров И.А.* Образ бани как пространство трансформации героя // Philologos. 2021. № 1 (48). С. 13–19. <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2021-48-1-13-19>
- Алексеева Г.В.* Личная библиотека Л.Н. Толстого как музейная коллекция и как объект научных исследований // Литературные музеи в контексте истории и культуры. М.: Литературный музей, 2019. С. 116–125.
- Алиева В.Р., Назаров Р.Р.* Восток в жизни и творчестве Л.Н. Толстого (читая дневники писателя) // Л.Н. Толстой и русская отечественная мысль о национальном воспитании. Орехово-Зуево: Гос. гуманитарно-технологический ун-т, 2016. С. 40–44.
- Алфёрова О.А.* Л.Н. Толстой и Ф.А. Страхов // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 126–130.
- Андреева В.Г.* «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Кострома: Авантитул, 2012. 296 с.
- Андреева В.Г.* Левин и Вронский в художественном мире романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 119–123.
- Андреева В.Г.* «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л.Н. Толстого и Б.Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>
- Андреева В.Г.* Мир во взгляде из усадьбы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Метафизика И.А. Бунина / под ред. О.А. Бердниковой, О.В. Мазуренко. Воронеж: Изд. дом Воронежского гос. ун-та, 2024. С. 8–16.
- Андреева В.Г.* Мотив путешествия по усадьбному дому в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 185–203. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-185-203>

- Андреева В.Г.* Мотив пути и образ путешественника в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 17–26. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-17-26>
- Андреева В.Г.* О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2016. 492 с.
- Андреева В.Г.* Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 192–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>
- Андреева В.Г.* Образ эпической героини в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Филология и культура. 2021. № 2 (64). С. 68–75. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-64-2-68-75>
- Андреева В.Г.* Эпический роман: к проблеме освобождения термина от псевдосмыслов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 92–101. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-92-101>
- Анисимова Е.Е.* Рецепция русской литературной классики на рубеже XIX–XX веков: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-2 (84). С. 230–233. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.3>
- Асмус В.Ф.* Толстой в дневнике Маковицкого: Эпоха. Мировоззрение. Быт // Литературное наследство. 1979. Т. 90, № 1. С. 11–31.
- Ачкасова Л.С.* Гуманизм в творчестве К. Паустовского. Казань: Казанский ун-т, 1972. 203 с.
- Бабаев Э.Г.* Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд. Моск. ун-та, 1978. 294 с.
- Балашова Ю.Б.* Феномен «дописывания»: социальная и авторефлексивная функция // Русская литература и журналистика в движении времени. 2016. № 1. С. 52–62.
- Балданмаксарова Е.Е.* Литературная классика в диалоге культур Востока и Запада (опыт межкультурного диалога Л.Н. Толстого и буддийского монаха Г. Гомбоева) // Ценности и смыслы. 2018. № 1 (53). С. 7–16.
- Баранов В.П.* М.И. Кутузов — величайший полководец России // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2012. № 4 (74). С. 104–109.
- Басинский П.В.* Десять дней, которые потрясли мир. Сто лет назад в Ясной Поляне случилось событие, открывшее собой XX век // Инициативы XXI века. 2010. № 4–5. С. 112–115.
- Басинский П.В.* Л.Н. Толстой: бегство израя. М.: АСТ, 2011. 366 с.

- Берман Б.И.* Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича. М.: МП «Гендальф», 1992. 205 с.
- Богатырев Д.К., Святославский А.В.* Мифология и поэтика социалистического реализма // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 250–272. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13502>
- Богданова О.А.* Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 560 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 9) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>
- Богданова О.А.* Мотив «утверждения земли» в русской литературе 1917–1920-х гг. Статья первая // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 128–137. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00021>
- Богданова О.А.* Образ рая в русской литературе 1910–1920-х гг.: динамика «усадебного топоса» // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 181–192.
- Богданова О.А.* Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов 1900–1940-х гг.: религиозно-философское осмысление, биографика, психоанализ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 157–195. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-3-157-195>
- Богданова О.А.* «Усадебная культура» в русской литературе XIX – начала XX века. Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. № 2 (13). С. 14–25.
- Богданова О.А.* «Усадебная культура» как основа русской классической литературы XIX века // Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 30–44.
- Богданова О.А.* «Усадебный топос» в романе К.А. Федина «Санаторий “Арктур”»: европейская парадигма и традиция русской классики // Вестник Череповецкого государственного университета. 2026. № 4 (133). (В печати).
- Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. Топика. Динамика. Мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8>
- Бойко С.С.* Проза Булата Окуджавы на исторические сюжеты в историко-литературном контексте // Филологические науки. 2010. № 1. С. 3–13.

- Борисова Н.В.* Лев Толстой в художественном сознании М. Пришвина // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 88–94.
- Булгаков В.Ф.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худож. лит., 1960. 512 с.
- Быков Д.Л.*¹ Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. 600 с.
- Быковская Т.В.* Поэтика дома: образы внутреннего пространства человека // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 402–408.
- Ван К.Л., Краснаярова А.А.* Толстой и культура Китая // Филология в XXI веке. 2018. № 2 (2). С. 102–110.
- Велигорский Г.А.* «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века: монография / отв. ред. В.Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 7) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0701-4>
- Вершинина Н.Л.* Идея порядка в онтологии усадебного быта (на материале русской литературы XIX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 116–119.
- Вершинина Н.Л.* Функция «порядка» в онтологии усадебного текста XVIII–XIX вв. // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2016. № 24. С. 120–134.
- Вишнякова Е.А.* Литературная критика 1930-х годов о традиции Л.Н. Толстого в «Тихом Доне» Михаила Шолохова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1 (75). С. 33–36.
- Вишнякова Е.А.* Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в литературной критике конца 20-х начала 40-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 212 с.
- Власова Е.* Симфония перемен, или досуг в русской усадьбе галантного века // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2016. № 2 (14). С. 88–94.

¹ Дмитрий Львович Быков, 20.12.1967 г. р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» 29.07.2022 г. включен в Реестр иностранных агентов в России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 25.03.2026).

- Воронин В.С.* Этические модели мира в «Войне и мире» Л.Н. Толстого и в «Тихом Доне» М.А. Шолохова // Мир Шолохова. 2023. № 1 (19). С. 42–52.
- Выдрина В.В.* Проблема историзма и исторического романа в творческом сознании А. Пушкина и Б. Окуджавы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 125–131.
- Вяльсова А.П.* Традиции русской прозы и новаторство в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Восточно-Европейский научный журнал. 2017. № 12-4 (28). С. 45–49.
- Гаврилина Н.А.* Взгляды Л.Н. Толстого на социальные проблемы российского общества в 80–90-е гг. XIX в. // Духовное наследие Л.Н. Толстого в современных культурных дискурсах. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2016. С. 254–260.
- Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Саралиева Л.Ш.* Влияние Кавказа на становление литературного творчества и философского мировоззрения Л.Н. Толстого // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 4 (51). С. 33–39. <https://doi.org/10.25744/vestnik.2020.51.4.006>
- Гаспаров Б.М.* Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. С. 241–273.
- Гнатюк К.Д.* «Глубокоочтимый граф Лев Николаевич»: «Письма сочувствия» Л.Н. Толстому о его статье «Не могу молчать» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2018. № 2. С. 61–69.
- Гонзуревский И.А.* Развитие бронетанковых сил в Германии: взгляды и стратегия Гейнца Гудериана // Научный альманах. 2018. № 8-1 (46). С. 200–203. <https://doi.org/10.17117/na.2018.08.01.200>
- Голубков М.М.* О литературе социалистического реализма // Наука о литературе в XX веке: история, методология, литературный процесс: сб. ст. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 245–262.
- Гордович К.Д.* Тема дома, усадьбы, дачи в произведениях А. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Симферополь: Максима, 2012. С. 28–31.
- Городилова Н.И.* Образ города в восприятии Л.Н. и С.А. Толстых (на материале эпистолярных источников семьи) // Национальный ландшафт и зеркале литературы и языка. Коллективная монография. Псков: Псковский гос. ун-т, 2025. С. 118–137.

- Городилова Н.И.* Переписка С.А. Толстой и Т.А. Кузминской: биографический аспект изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 11. С. 4007–4014. <https://doi.org/10.30853/phil20240565>
- Гриневиц О.А.* Динамика функционирования усадебного свертхтекста русской литературы: семантика, синтактика, прагматика // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 1 (49). С. 46–60. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-49-1-46-60>
- Громова А.В.* Интертекстуальность ранней прозы К.Г. Паустовского: постановка проблемы // Русистика и компаративистика. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 2010. С. 205–214.
- Гудзий Н.К.* История писания и печатания «Воскресения» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1935. Т. 33. С. 329–422.
- Гулин А.В.* Декабристы в эпическом отображении Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 96–119. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-96-119>
- Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худож. лит., 1973. 464 с.
- Гусев Н.Н.* Душечка А.П. Чехова // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 42. С. 609–610.
- Гусев Н.Н.* Круг чтения. История писания и печатания // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 42. С. 557–584.
- Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.
- Демидович Т.В.* Г.Н. Владимов: последний роман о Великой Отечественной войне // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 48–52.
- Денисов С.Ф., Денисова Л.В.* Философско-антропологическая специфика эволюции усадьбы (на материале классической русской литературы) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (18). С. 26–30.
- Доманский В.А.* Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 56–60.
- Дубаков Л.В.* Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина «t» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 1 (882). С. 127–132.

- Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Две версии портрета «человека усиленно сознающего»: «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского как творческий отклик на «Отрочество» и «Юность» Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 142–175. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-142-175>
- Едошина И.А. Толстой на страницах «Дневников» Михаила Пришвина // Литературоведческий журнал. 2010. № 27. С. 122–140.
- Жданов В.А. Творческая история романа Л.Н. Толстого «Воскресение». М.: Сов. писатель, 1960. 452 с.
- Журавлев А.Н. Толстовская концепция человека и творчество Бориса Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 155 с.
- Загородникова Т.Н. Письмо из Индии // Азия и Африка сегодня. 2013. № 8. С. 69–70.
- Зайденинур Э.Е. Как создавалась первая редакция романа «Война и мир» // Первая завершенная редакция романа «Война и мир». М.: Наука, 1983. С. 9–66. (Серия «Литературное наследство». Т. 94)
- Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007. 782 с.
- Зинченко Л.Н. Ностальгическая тема усадьбы в русской литературе // Культура и текст. 1997. № 2. С. 50–54.
- Иванова М.Н. Цитаты из биографического мифа в романе Виктора Пелевина «Т» // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 73–80.
- Измайлов А. К.Г. Паустовский — мастер литературного портрета: «портретирование» эпохи как раскрытие сущности человека // Нева. 2022. № 5. С. 194–202.
- Карлик Н.А. Афористика Л.Н. Толстого: сборник мудрых мыслей «Круг чтения». СПб.: Гос. полярная акад., 2012. 225 с.
- Карпенко Л.Б. Образ усадьбы в реминисцентном дискурсе // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм. Коллективная монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 42–55. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0623-9-42-55>
- Квитко Д.Ю. Философия Толстого. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. 227 с.
- Кириллина О.М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин // Художественное образование и наука. 2014. № 1. С. 105–110.
- Клоос Э.В. Воспитание дворянских детей в условиях загородной усадьбы // Смысл истории: журнал историческо-философского общества. 2022. № 4. С. 81–90.

- Кнорре Е.Ю.* Идеал нового «мы» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1914–1928 гг. // Соловьевские исследования. 2015. № 3 (47). С. 130–142.
- Кнорре Е.Ю.* «Китеж советского времени»: образ небесной коммуны в усадебном мире М.М. Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950-х гг.) // Усадьба реальная — усадьба литературная. Векторы творческого преображения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 205–217. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-205-217>
- Кнорре Е.Ю.* Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н.А. Островского «как закалялась сталь» // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9, № 3. С. 328–345. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>
- Колафа С.* Материалы о Толстом в Чехословакии: пражский архив Д.П. Маковицкого // Литературное наследство. 1965. Т. 75, № 1. С. 593–607.
- Колафа С. Д.П. Маковицкий: Биографический очерк* // Литературное наследство. 1979. Т. 90, № 1. С. 32–49.
- Колягина Т.Ю.* Мир детства в «Воспоминаниях» Т.Л. Сухотиной-Толстой // Научный диалог. 2019. № 9. С. 191–205. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-191-205>
- Колягина Т.Ю.* Утрата детства-рая в «Воспоминаниях» Т.Л. Сухотиной-Толстой // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. памяти Б.И. Осипова и М.П. Одинцовой / отв. ред. О.В. Золтнер. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 263–267.
- Кораблев А.А.* Контуры русской литературы в «записках на манжетах» Михаила Булгакова // Донецкие чтения 2024. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2024. С. 233–235.
- Коржова И.Н.* Метарефлексия в неопубликованных главах повести К.Г. Паустовского «Книга скитаний. (На медленном огне)» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 217–229. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-217-229>
- Котова М.А.* Михаил Булгаков в московских редакциях: «Записки на манжетах» // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI вв.: мат. Одиннадцатых и Двенадцатых Междунар. науч. чтений, приуроченных к дню ангела писателя. М.: Гос. бюджетное учреждение культуры г. Москвы «Музей М.А. Булгакова», 2022. С. 50–64.

- Кошелев В.А.* Парадокс «бегства из рая» в русской словесности // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 2. С. 125–139. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.5101>
- Кривошеева И.А.* Апокалиптические мотивы в повести М.А. Булгакова «Записки на манжетах» // Наука сегодня: вызовы и решения. Вологда: Маркер, 2016. С. 118–119.
- Куделько Н.А.* И.С. Тургенев и русская литература XX в. (Б. Зайцев, К. Паустовский, Ю. Казаков). Орел: Орловский гос. ин-т истории культуры, 2001. 189 с.
- Куделько Н.А.* «Не стоит земля без праведника...» Рассказ И.С. Тургенева «Живые мощи» и русская литература XX века (Б. Зайцев, К. Паустовский, Ю. Казаков) // Спасский вестник. 1997. № 4. С. 15–19.
- Кудина А.Ю.* «Текст-продолжение» как разновидность вторичных текстов: к постановке проблемы // Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н.М. Лебедева: Тверь: ООО «СФК-офис», 2017. С. 140–146.
- Кузнецов Ф.Ф.* «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа / науч. ред. А.Л. Гришунин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 864 с.
- Кулешова М.Е.* Русская усадьба как перспективный объект Всемирного наследия ЮНЕСКО: на примере «Ясной Поляны» Л.Н. Толстого // Наследие и современность. 2020. Т. 3, № 4. С. 109–127.
- Курбатова Ю.В.* Хронотопическая организация романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и «Повести о жизни» К.Г. Паустовского // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 83–86.
- Курьянова В.В.* Миф о Л.Н. Толстом в русской литературе начала XX века: дисс. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 2015. 477 с.
- Курьянова В.В.* Толстовский неомиф в творческом сознании А.А. Ахматовой // Наука и школа. 2023. № 1. С. 11–16. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-1-11-16>
- Лакин В.Я.* Мир Михаила Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 5–70.
- Лебедев Ю.В.* Лев Толстой и «толстовство» // Неутомимые странники: сб. науч. ст. к 80-летию юбилею д-ров филол. наук, проф. Костромского гос. ун-та Ю.В. Лебедева и В.В. Тихомирова. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 39–50.
- Левицкий Л.А.* Голос Паустовского // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 292–323.

- Летягин Л.Н.* Судьба усадебного наследия: Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм / сост., отв. ред. и авт. предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 26–41. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0623-9-26-41>
- Лётин В.А., Лётина Н.Н.* Типологические, структурно-функциональные, семантико-символические основания изучения русской усадьбы XVII – начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 4. С. 279–284.
- Лихачев Д.С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие; Тип. «Новости», 1998. 469 с.
- Лихачев Д.С.* Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый мир. 1988. № 1. С. 5–22.
- Лишова Н.И.* Мотив пути в романе М. Пришвина «Кашеева цепь»: композиционно-структурное своеобразие // Philologos. 2011. № 1 (8). С. 48–54.
- Лученецкая-Бурдина И.Ю.* Парадоксы художника. Особенности стиля Л.Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т, 2001. 156 с.
- Лурье Я., Рогинский А., Чудакова М.* Комментарии // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 549–622.
- Мардов И.Б.* Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 432 с.
- Маркина О.Ю.* Лирическое начало в автобиографических повествованиях Б. Зайцева и К. Паустовского о юности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 311–317. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-311-317>
- Марков А.В.* Усадебно-дачный локус в литературе и искусстве социалистического реализма // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 74–87. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-74-87>
- Мартынов А.В.* Воротынцев и Гудериан. К вопросу о некоторых интертекстуальных источниках романа Георгия Владимова «Генерал и его армия» // Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья: (к 95-летию со дня рождения писателя). Рязань: Концепция, 2014. С. 139–148.
- Матюшкина Е.Н.* Авантюризм в исторической прозе Б. Окуджавы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 3. С. 43–49.

- Михновец Н.Г.* Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2025. 928 с.
- Михновец Н.Г.* Роман Л.Н. Толстого как эпический: авторский подход к изображению фактов современности и их оценка // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 132–138. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138>
- Молодяков В.* Нобелевские премии по литературе: «Доктор Живаго» (1958) и «Тихий Дон» (1965) // Родина. 2004. № 4. С. 79–80.
- Морозов Н.Г.* Судьбы крестьянской и дворянской России в прозе А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Шмелева. Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2009. 284 с.
- Нагина К.А.* Жалость и соблазн: Пастернак versus Л. Толстой // Характерологические стратегии в русской литературе / науч. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 265–292.
- Нагина К.А.* «Идея сада» в творчестве Л. Толстого: от «Казаков» в «Воскресении» // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 4. С. 8–17.
- Назирова Р.Г.* История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 9–104.
- Никитина Н.А.* Ясная Поляна. Путешествие с Львом Толстым. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 2002. 208 с.
- Николаева С.Ю.* Ф.И. Тютчев и И.С. Тургенев в восприятии Л.Н. Толстого (книга «Круг чтения») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 41–50.
- Оклянский Ю.М.* Федин. М.: Молодая гвардия, 1986. 350 с.
- Осьмухина О.Ю., Марьюшкина А.П.* Интертекстуальное поле романа В. Пелевина «Т» // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 195–201. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-195-201>
- Павлова Л.В., Романова И.В.* Тема военных преступлений в современном литературном дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1 (41). С. 7–28.
- Парсамов В.С.* Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М.: Алгоритм, 2016. 461 с.
- Петренко Д.И., Штайн К.Э.* Проза А.П. Чехова: метапоэтика и поэтика. Ростов н/Д.: ИП К.Р. Попов; Полиграф-Сервис, 2018. 416 с.
- Петров В.В.* Авторские стратегии интерпретации русской классики в англоязычном сообществе фикрайтеров // Вестник Тюменского государ-

- ственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 100–116.
- Платонова А.А.* Творческие принципы А.Б. Гольденвейзера // Художественное образование и наука. 2020. № 3 (24). С. 98–103. <https://doi.org/10.34684/hon.202003012>
- Подарцев Е.В.* Мир русской усадьбы в творчестве Л.Н. Толстого: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2008. 171 с.
- Подарцев Е.В.* Русская усадьба в произведениях Льва Толстого // Литература в школе. 2010. № 5. С. 16–20.
- Поливанов К.М.* «Доктор Живаго» как исторический роман: дисс. ... д-ра филол. наук. Тарту, 2015. 262 с.
- Попова Е.В.* К вопросу об авторской позиции в рассказе А.П. Чехова «Душечка» // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. № 1 (Специальный выпуск). С. 57–61.
- Попофф А.* О «толстовском аршине» в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 319–329.
- Просвирина А.А.* Изображение имения «Ягодное» в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Русский язык в евразийском культурном пространстве. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2023. С. 107–109.
- Пузин Н.П.* Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 1998. 133 с.
- Рехо К.* Лев Толстой и Восток // Лев Толстой и литературы Востока / отв. ред. К. Рехо. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 5–56.
- Розин В.М.* Воспитание и детство героя Курымушки-Алпатова в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь» // Известия Российской академии образования. 2023. № 1 (61). С. 85–99. http://10.51944/20738498_2023_1_85
- Романов Д.А.* За Константином Фединым по тульской земле: комментированные страницы романа «Костер» (взгляд из XXI века) // Тульский краеведческий альманах. 2017. № 14. С. 216–235.
- Романов Д.А.* Лингвостилистический феномен романа К.А. Федина «Костер» // Университет XXI века: научное измерение. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2017. С. 310–315.
- Романова Н.И.* Маленький и взрослый Иртеньев в повести Л.Н. Толстого «Детство» // Русская речь. 2008. № 1. С. 19–22.
- Савин А.И.* Последние пассажиры «Философского парохода». К истории высылки из СССР религиозных пацифи-

- стов // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 178–193. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-4-178-193>
- Самойлова Г.М.* Провинциальный мир русской дворянки XIX века (по мемуарам Т.А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне») // Культура провинции: сб. науч. ст. Вып. 2. Курган: Курганский гос. ун-т, 2010. С. 62–64.
- Саркисова А.Ю.* Представления об образцовом помещике в творчестве Дж. Остен и И.С. Тургенева // Вестник Северного Арктического федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 133–141. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.3.133>
- Сафонова Т.В.* Усадебная культура в художественном сознании Л.Н. Толстого // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2014. № 3 (11). С. 69–76.
- Свинцова А.* Тема рыцарства в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Достоевский и XX век. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 244–279.
- Седакова О.А.* Два христианских романа: «Идиот» и «Доктор Живаго» // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 177–189.
- Седов А.В.* Осмысление проблем социальной справедливости в «Круге чтения» Л.Н. Толстого // Проблемы социальной справедливости и современный мир. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2016. С. 24–29.
- Семенов К.С.* Музей-усадьба Ясная Поляна. Заповедник. Очерк-путеводитель. Тула: Кн. изд-во, 1956. 96 с.
- Симкина В.С.* Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевина // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: мат. XXIII Шешуковских чтений. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2019. С. 138–144.
- Скоропадская А.А.* Тема рая в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2008. № 1. С. 147–151.
- Скорыходов М.В.* Гимназист Константин Паустовский: становление творческой личности и формирование системы образов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 47–62. <https://doi.org/10.17223/23062061/17/4>
- Скорыходов М.В.* Кандидаты на Ленинскую премию в год 20-летия Победы: К.Г. Паустовский, К.М. Симонов, С.С. Смирнов (по материалам РГАЛИ) // «Они сражались за Родину»: литература и история / отв. ред. Ю.А. Азаров, А.Г. Гачева, Е.М. Трубилова. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 1166–1181. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-1166-1181>

- Скорыходов М.В.* Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е.В. Глухова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0636-9>
- Скорыходов М.В.* Последняя авторская воля? (размышления над версткой «Повести о жизни» К.Г. Паустовского 1968 года) // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 186–206. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-186-206>
- Скорыходов М.В.* Символика вишневого сада: между коммерческим проектом, усадьбой и дачей // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 196–215. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-196-215>
- Скорыходов М.В.* Чтение и библиотека в русской литературной традиции (от помещичьей усадьбы до дачи советского периода) // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 202–217. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-202-217>
- Скрябин И.В.* Правовая культура российского крестьянства в конце XIX века (на примере материалов Тульской губернии) // Правовая культура. 2018. № 2 (33). С. 16–23.
- Сокрута Е.Ю.* Природа // Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении: коллективная монография / под ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014. С. 230–241.
- Солженицын А.И.* Георгий Владимов — «Генерал и его армия» // Новый мир. 2004. № 2. С. 144–151.
- Старков А.* Комментарии // *Федин К.А.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 8. С. 385–412.
- Страхов Н.Н.* Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.
- Строганов М.В.* Ясная Поляна и Ферне // Культура и текст. 2019. № 2. С. 107–120.
- Суханова И.А.* Лейтмотив оврага в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2. С. 20–25.
- Сухих О.С.* «Великий инквизитор» в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 347–354.
- Сухих О.С.* Концептуальная основа системы идей и мотивов романа Г. Владимова «Генерал и его армия» // Грехневские чтения. Н. Новгород: Изд. Ю.А. Николаев, 2008. Вып. 5. С. 142–151.

- Сухих С.И.* Принцип эпической полноты в сюжете и композиции «Тихого Дона» // Мир Шолохова. 2014. № 1. С. 23–27.
- Тимакова А.А.* Категория эпического в творчестве Л.Н. Толстого и М.А. Шолохова: вопросы сопоставительной характеристики // Литература в школе. 2018. № 4. С. 26–27.
- Тимашева О.В.* Критика как роман, или жердочка для попугая // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 63–73.
- Токарев Г.В.* Коммуникативные особенности дневника последнего года жизни Л.Н. Толстого // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. Красноярск; Лесосибирск: Сибирский федеральный ун-т, 2019. Вып. 10 (19). С. 79–83.
- Токарев Г.В.* Характеризация Л.Н. Толстого в мемуарах Т.А. Кузминской // Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (93). С. 91–98.
- Трубецкая Н.А.* Усадьба-санаторий «Узкое» — «приют спокойствия, трудов и вдохновенья» для советской интеллигенции 1920-х гг. // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 417–435. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-417-435>
- Тулякова А.А.* Читатель на распутье: «дублетные сюжеты» в «Круге чтения» Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 39–44. <https://doi.org/10.17223/15617793/430/5>
- Турьшьева О.Н.* Читательский опыт в «Докторе Живаго» // Новый филологический вестник. 2012. № 4 (23). С. 58–77.
- Тюпа В.И.* Нарративная интрига «Доктора Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25). С. 72–91.
- Урюпин И.С.* Евразийский контекст мифологемы искушения земель в прозе Л.Н. Толстого, М.М. Пришвина, А.И. Солженицына // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2019. С. 85–95.
- Фатеев В.А.* Лев Толстой и революция: «религиозная» философия с нигилистической подкладкой // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 325–344.
- Федорова Л.* Адаптация как симптом: русская классика на постсоветском экране. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 368 с.
- Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. 512 с. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022>

- Фирсова А.В.* «Сад Пастернака»: поэтическая матрица в ландшафте // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 174–192. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-174-192>
- Фролова Н.В.* Своя колея: хозяйственно-экономический мир русской усадьбы в воспоминаниях А.А. Фета // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 119–143.
- Христенко Д.Н.* Русские классики и судьба России в произведениях американского писателя Мориса Хиндуса // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 240–257. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-240-257>
- Хусиханов А.М.* К вопросу о целостном исследовании проблем психологизма в художественном наследии К.А. Федина // Известия Чеченского государственного университета. 2017. № 1 (5). С. 57–66.
- Хуторской А.В.* Свободная школа Л.Н. Толстого // Школьные технологии. 2010. № 6. С. 93–96.
- Цвяловский М.А.* История писания и печатания романа «Декабристы» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. С. 469–527.
- Чуваков В.Н.* Кащеева цепь. Комментарии // Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 638–664.
- Чистяков А.В., Денисенко А.В.* Авторская нравственная позиция в романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 2. С. 267–273. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-2-267-273>
- Чуканова Е.А.* Дом и антидом в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Державинский форум. 2020. Т. 4, № 14. С. 120–128.
- Шевченко Е.С.* Ценностные коды усадьбы в русской литературе // Русская литература в России и мире III. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т им. Д. Банзарова, 2024. С. 40–46.
- Шифман А.И.* Воспоминания дочери // Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1976. С. 5–26.
- Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971. 550 с.
- Шкляева Е.Л.* Культура как текст и подтекст мемуаров Т.А. Кузминской // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2002. № 2-2. С. 71–80.

- Штейман М.С.* Исповедальные интенции в «Записках на манжетах» М. Булгакова // *Филоlogos*. 2016. № 31 (4). С. 89–93.
- Шульц Э.Э.* Социалистический реализм как тип культуры // *Наука. Общество. Оборона*. 2024. Т. 12, № 2 (39). С. 15–28.
<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2024-2-15-15>
- Щеблыкин И.П.* Тип художественного повествования в «Тихом Доне» М.А. Шолохова // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки*. 2009. № 1. С. 28–33.
- Юдин Е.Е.* Аристократия и ее владения в двух столицах Российской империи, 1890–1914 гг.: городская собственность как источник благосостояния // *История и архивы*. 2021. № 1. С. 12–36.
<https://doi.org/10.28995/2658-6541-2021-1-12-36>
- Annunziata A.* Tolstoy, Rousseau, and the Russian Estate: The Search for Paradise in Landowner's Morning // *Tolstoy Studies Journal*. 2011. Vol. XXIII. P. 1–10.
- Fortin R.E.* Home and the Uses of Creative Nostalgia in “Doctor Zhivago” // *Modern Fiction Studies*. 1974. Vol. 20, № 2. P. 203–209.
- Frank E.* Georgii Vladimov's “The General and His Army”: The Ghost of Andrei Vlasov // *The Modern Language Review*. 2001. Vol. 96, № 2. P. 437–449.
- Kelly M.M.F.* Cultural Transformation as Transdisfiguration in Pasternak's “Doctor Zhivago” // *Russian History*. 2013. Vol. 40, № 1. P. 68–89.

*СПИСОК
ПРИНЯТЫХ
СОКРАЩЕНИЙ*

АН СССР — Академия наук СССР
ИМЛИ РАН — Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

автореф.	— автореферат	пед.	— педагогический
акад.	— академия	пер.	— перевод
англ.	— английский язык	подгот.	— подготовлено, подгото-
в.	— век		товка
вв.	— века	полн.	— полное (-ый, -ая)
вступ.	— вступительный (-ая)	посл.	— последний (-ее)
вып.	— выпуск	предисл.	— предисловие
г.	— год	примеч.	— примечания
гг.	— годы	проф.	— профессор
гос.	— государственный (-ая)	проч.	— прочее
д-р	— доктор	ред.	— редакция, редактор
дис.	— диссертация	с.	— страница, страницы
др.	— другие	сб.	— сборник
изд.	— издательский	сб. ст.	— сборник статей
изд-во	— издательство	см.	— смотри
илл.	— иллюстрация	собр. соч.	— собрание сочинений
им.	— имени	сост.	— составитель
ин-т	— институт	СПб.	— Санкт-Петербург
канд.	— кандидат	ст.	— статья
коммент.	— комментарий	т.	— том
конф.	— конференция	т.д.	— так далее
Л.	— Ленинград	т.е.	— то есть
М.	— Москва	т.п.	— тому подобное
мат.	— материалы	т-во	— товарищество
междунар.	— международный (-ая)	тип.	— типография
Моск.	— Московский	ун-т	— университет
науч.	— научный	филол.	— филологический
науч.-практич.	— научно-практический (-ая)	фр.	— французский язык
нац.	— национальный (-ая)	р.	— page
нем.	— немецкий язык	vol.	— volume
отв. ред.	— ответственный редак- тор		

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдо М. 135
Абрамова К.В. 265, 466
Авилова Л.А. 77, 85, 464
Азаров Ю.А. 288, 478
Аксаков С.Т. 241, 251
Александр I 319, 320, 329
Александр II 28
Александров А.С. 198, 466
Александров И.А. 329, 466
Александрова В. 221
Алексеева Г.В. 20, 107, 108, 466
Алиева В.Р. 130, 466
Алфёрова О.А. 110, 466
Андреева В.Г. 23, 41, 46, 73, 83,
86, 113, 249, 289, 299, 360, 394,
466, 467, 469, 488, 490
Анисимова Е.Е. 287, 467
Арнаутов И.А. 150
Асмус В.Ф. 188, 467
Ахматова А.А. 237, 424, 474
Ачкасова Л.С. 287, 467
Бабаев Э.Г. 49, 50, 467
Балашова Ю.Б. 314, 335, 337, 467
Балданмаксарова Е.Е. 131, 467
Баллюзек Л.Ф. 132
Бальзак 358, 359, 460
Баранов В.П. 134, 467
Барин А. 130
Барклай Де Толли М.Б. 417
Басинский П.В. 12, 398, 436–453,
462, 467
Баюскин В.С. 419, 462
Бекон Ф. (Бэкон Ф.) 141
Берггольц О. 292
Бердникова О.А. 86
Бердяев Н.А. 43, 44, 464, 466
Беркенгейм Б.М. 98
Берман Б.И. 51, 468
Берс А.Е. 19, 147, 150, 153, 156,
166, 212, 395
Берс Е.А. 31
Бибииков А.Н. 32
Бирюков П.И. 110, 111, 129
Боборыкин П.Д. 18, 124, 125, 464
Богатырев Д.К. 351, 353, 362, 380,
468
Богданова О.А. 36, 37, 56, 59, 95,
124, 181, 247, 248, 263, 307,
328, 342, 371, 372, 376, 378,
381, 382, 429, 435, 468, 472,
475, 481, 489, 490
Бойко С.С. 393, 468
Борисов И.П. 35
Борисова Н.В. 257, 469
Брюллов К.П. 331
Будда 130
Буланже П.А. 101, 111, 129, 184
Булгаков В.Ф. 11, 174, 175,
197–202, 204–208, 210–213,
215–218, 443, 461, 469
Булгаков М.А. 11, 338–350, 464,
473–475, 482
Булла К.К. 303, 461
Бунин И.А. 89, 296, 304, 306, 466,
474, 476
Буренин В.П. 104
Бутурлин А.С. 176
Быков Д.Л. 262, 264, 270, 469
Быковская Т.В. 83, 469
Бьернсон Б. 106, 107
Ван К.Л. 137, 469
Васильева Л.Н. 312

- Вейскопф Ф. 221
 Велигорский Г.А. 23, 469, 489, 490
 Верейский О.Г. 44, 332, 460, 462
 Вершинина Н.Л. 54, 325, 327, 469
 Вивекананда С. 130
 Вигель Ф.Ф. 317
 Вишнякова Е.А. 221, 469
 Владимов (наст. фамилия –
 Волосевич) Г.Н. 12, 102–418,
 420, 464
 Власова Е. 320, 469
 Вогюэ 179
 Волкова Т.Н. 35, 147, 148, 151,
 153, 155, 464
 Волконская В.Ю. 97
 Волконская С.Н. 150
 Волконские 119
 Волконский Н.С. 166
 Воробьев П.Е. 33
 Воронин В.С. 232, 470
 Воронов В.А. 200
 Выдрина В.В. 390, 470
 Вяльсова А.П. 264, 470
 Гаврилина Н.А. 91, 470
 Гамбс Г.Д. 324, 325
 Ганди М. 135
 Ганзен П.Г. 107
 Гапуров Ш.А. 132, 470
 Гапурова М.Ш. 132, 470
 Гаспаров Б.М. 264, 281, 470
 Гачева А.Г. 288, 478
 Ге Н.Н. 94, 207
 Георгиевский С.М. 130
 Герасимов Н.И. 104
 Герцен А.И. 98, 101, 138, 302, 391,
 392
 Гете И.В. 98
 Гинзбург А.И. 389
 Гитлер А. 377, 413, 417
 Гнатюк К.Д. 96, 470
 Голицыны 119
 Голубков М.М. 354, 355, 470
 Гольденвейзер А.Б. 11, 76, 77, 112,
 175, 185, 186, 197, 199–201,
 203–205, 207, 211, 214, 217,
 218, 276, 464, 477
 Гомбоев Г. 131, 467
 Гонзуревский И.А. 417, 470
 Гончаров И.А. 106, 127, 191, 223,
 244, 272, 273, 316, 480
 Горбунов-Посадов И.И. 75, 78, 85
 Гордович К.Д. 80, 470
 Городилова Н.И. 34, 150, 152, 470,
 471
 Горький М. 104, 355
 Грибачев Н.М. 287
 Григорович Д.В. 178
 Гриневич О.А. 397, 471
 Гришунин А.Л. 222, 474
 Громека И.С. 277
 Громека М.С. 277, 464,
 Громковская Л.Л. 136
 Громова А.В. 288, 471
 Гроссман В.С. 310
 Гудериан Х.В. 12, 402–420, 464,
 470, 475
 Гудзий Н.К. 52, 471
 Гулин А.В. 323, 471
 Гумилев Л.Н. 453
 Гусев Н.Н. 11, 73–75, 78, 99, 174,
 175, 187, 196–200, 202–209,
 212–214, 217, 218, 390, 461, 471
 Давыдов Д.В. 416
 Даниэль Ю.М. 389
 Демидович Т.В. 414, 471
 Денисенки 203
 Денисенко А.В. 416, 481
 Денисов С.Ф. 334, 471
 Денисова Л.В. 334, 471

- Джордж Г. 61, 103, 113, 114, 127, 181, 248, 464
 Дзюба Ф.М. 115
 Диккенс Ч. 178, 244
 Долгорукие 275
 Доманский В.А. 339, 331, 471
 Донсков А.А. 369, 465
 Достоевский Ф.М. 123, 127, 223, 244, 262, 263, 273, 275, 276, 289, 305–307, 316, 347, 348, 464, 468, 472, 473, 478, 480
 Дубаков Л.В. 426, 471
 Дьяковы 158
 Евлампиев И.И. 123, 348, 472
 Едошина И.А. 237, 472
 Екатерина II 101
 Ергольская Т.А. 29, 155, 168, 395, 399
 Ернефельт А.А. 207
 Еропкины 119
 Жданов В.А. 66, 472
 Жемчужников А.М. 99, 100
 Журавлев А.Н. 264, 472
 Загородникова Т.Н. 94, 472
 Зайденшнур Э.Е. 403, 407, 414, 419, 465, 472
 Зайцев Б.К. 86, 288, 289, 292, 466, 474, 475
 Звегинцева А.Е. 190, 191, 203, 214
 Зверев А.М. 30, 119, 188, 472
 Зиновьев Н.А. 75
 Зинченко Л.Н. 323, 472
 Зураварди А. 112
 Иванова М.Н. 421, 472
 Игнатьев Н.П. 132
 Игумнова Ю.И. 184, 228, 461
 Измайлов А. 289, 472
 Ильинский И. 389
 Казаков Ю.П. 288, 289, 292, 474
 Карлик Н.А. 89, 472
 Карпенко Л.Б. 95, 472
 Карпов П.И. 108
 Карра А. 104
 Квитко Д.Ю. 142, 472
 Келли М. см. Kelly M.M.F.
 Кириллина О.М. 422, 424, 472
 Киркегор С. 107
 Клименко И.А. 199
 Клоос Э.В. 322, 472
 Кнорре Е.Ю. 237, 238, 255, 376, 473
 Колафа С. 174, 175, 473
 Колосов М. 71, 460
 Колягина Т.Ю. 167, 168, 473
 Конфуций 130
 Кораблев А.А. 350, 473
 Коржова И.Н. 286, 473
 Короленко В.Г. 112
 Котова М.А. 339, 340, 473
 Кочконогов М.П. 200
 Кошелев В.А. 453, 474
 Красноярова А.А. 137, 469
 Кривошеева И.А. 343, 474
 Куделько Н.А. 288, 289, 474
 Кудина А.Ю. 313, 314, 474
 Кузминская (урожд. Бернс) Т.А. 10, 31, 34, 35, 146–159, 166, 191, 460, 464, 471, 478, 480, 481
 Кузминский А.М. 147, 460
 Кузнецов Ф.Ф. 221, 222, 474
 Кулешова М.Е. 20, 400, 474
 Курбатова Ю.В. 296, 304, 474
 Курьянова В.В. 346, 423, 424, 474
 Кутузов М.И. 132–134, 231, 273, 318, 416, 417, 467
 Лакшин В.Я. 339, 474
 Лао-цзы 130, 134
 Лахман Ф.Ф. 107
 Лебедев Н.М. 314, 474

- Лебедев Ю.В. 64, 474
 Левицкий Л.А. 310, 474
 Леонов Л. 354, 355
 Лермонтов М.Ю. 290, 299
 Лётин В.А. 269, 270, 475
 Лётина Н.Н. 269, 270, 475
 Летягин Л.Н. 56, 475
 Лихачев Д.С. 273, 333, 475
 Лишова Н.И. 249, 475
 Лодыженский М.В. 211
 Лозинский Е.И. 112
 Лонгинов М.Н. 104, 105, 120
 Лосев А.Ф. 237
 Лурье Я. 339, 344, 347, 475
 Лученецкая-Бурдина И.Ю. 73, 100, 475
 Мазуренко О.В. 86, 466
 Маковицкий Д.П. 11, 74, 99, 174–195, 204, 207, 345, 439–441, 460, 461, 464, 467, 473
 Мансур 132
 Мардов И.Б. 197, 475
 Мария Федоровна, императрица 332
 Маркина О.Ю. 292, 475
 Марков А.В. 372, 475
 Марков Е.Л. 170, 464
 Маркс А.Ф. 96, 113
 Маркс К. 103
 Мартынов А.В. 403, 475
 Марьюшкина А.П. 429, 476
 Маслов Ф.И. 104
 Матвеева И.Ю. 123, 348, 472
 Матвеевы 194
 Матюшкина Е.Н. 388, 389, 475
 Маяковский В.В. 402
 Мейвор Дж. 448
 Меньшиков М.О. 108
 Мешков В.Н. 457, 462
 Миклухо-Маклай Н.Н. 141
 Микулич-Веселитская Л.И. 98
 Михновец Н.Г. 69, 117, 171, 172, 345, 350, 439, 443, 476
 Молодяков В. 220, 476
 Молоствовая Е.В. 114
 Моод Э. 109
 Мопасан Г. де 98, 104
 Моравов А.В. 409, 462
 Морозов Н.Г. 306, 476
 Мо-цзы 130
 Мэн-цзы 130
 Мюллер М. 130
 Нагина К.А. 65, 67, 264, 476
 Наживин И.Ф. 109
 Назаров Р.Р. 130, 466
 Назиров Р.Г. 55, 476
 Наполеон 134, 273, 406, 414, 416
 Некрасов Н.А. 105, 248, 323, 471
 Нестеров М.В. 367, 462
 Никитина Н.А. 20, 476
 Никифоров Л.П. 103, 106
 Николаев П.П. 112
 Николаев С.Д. 207
 Николаев С.Д. 130, 202
 Николаева С.Ю. 72, 73, 76, 77, 88, 476
 Николай I 329
 Ницше Ф. (Ницше Ф.) 104
 Новиков А.П. 202
 Одоевские 119
 Ожиганов С.Ф. 106
 Оклянский Ю.М. 352, 360, 366, 373, 476
 Окуджава Б.Ш. 12, 388–401, 465, 468, 470, 475
 Орехова М.К. 175
 Остен Дж. 37, 478
 Островский А.Н. 178
 Островский Н.А. 376, 473
 Осьмухина О.Ю. 429, 476

- Павлова Л.В. 403, 406, 407, 413, 476
- Панаев В.А. 178
- Парсамов В.С. 316, 476
- Пастернак Б.Л. 11, 220, 261–285, 465, 466, 469, 470, 475–479
- Паустовский К.Г. 11, 286–311, 465, 467, 471–475, 478, 479
- Пелевин В.О. 12, 421–435, 462, 465, 471, 472, 476, 478
- Петренко Д.И. 80, 476
- Петров В.В. 313, 476
- Платов М.И. 416
- Платонов О.А. 44, 464
- Платонова А.А. 218, 477
- Подарцев Е.В. 20, 46, 93, 477
- Познер В.В. 221
- Поленц В. фон 104
- Поливанов К.М. 264, 477
- Попов Е.И. 94
- Попова Е.В. 80, 81, 477
- Попофф А. 262, 264, 477
- Потапенко И.Н. 108
- Пришвин М.М. 11, 237–260, 465, 469, 472, 473, 475, 477, 480, 481
- Просвирина А.А. 225, 226, 233, 477
- Пругавин А.С. 115
- Пузин Н.П. 20, 477
- Путятин Е.В. 132
- Пушкин А.С. 54, 289, 290, 302, 325, 350, 390, 470
- Рамакришна 130
- Расин Г.А. 362, 462
- Редров А.И. 200
- Репин И.Е. 57, 97, 105, 128, 191, 274, 344, 396, 460–462
- Рехо К. 130, 132–134, 136, 477
- Рогинский А. 339, 344, 347, 475
- Розанова С.А. 35, 147, 148, 153, 155, 464
- Розин В.М. 240, 243, 477
- Рока Т. 136, 137
- Романов Д.А. 356, 357, 366, 368, 378, 477
- Романова И.В. 403, 406, 407, 413, 476
- Романова Н.И. 293, 477
- Руссо Ж.-Ж. 251, 257
- Савин А.И. 217, 477
- Самойлова Г.М. 147, 153, 478
- Саралиева Л.Ш. 132, 470
- Саркисова А.Ю. 37, 478
- Сафонова Т.В. 20, 478
- Сахарова А.Г. 61, 464
- Свинцова А. 263, 478
- Святославский А.В. 351, 353, 362, 380, 468
- Северцева В.П. 101
- Седакова О.А. 273, 478
- Седов А.В. 88, 478
- Селиханович А.Б. 290
- Семенов К.С. 20, 478
- Семенов С.Т. 96, 97
- Серафимович А.С. 207
- Сергеенко П.А. 211
- Симкина В.С. 422, 478
- Симонов К.М. 288, 478
- Синявский А. 389
- Скоропадская А.А. 284, 478
- Скороходов М.В. 24, 45, 114, 286, 288, 290, 342, 371, 374, 374, 381, 383, 435, 468, 478, 479, 489, 490
- Скрябин И.В. 193, 479
- Смирнов С.С. 288, 478
- Сокрута Е.Ю. 282, 479
- Солженицын А.И. 247, 403, 404, 475, 479, 480

- Соловьев В.С. 426
 Солоухин В.А. 292
 Спенсер Г. 103
 Старков А. 354, 355, 479
 Старой В.В. (псевдоним) 11, 312–336, 465
 Старостин А.С. 312
 Стасов В.В. 100, 101
 Стахович С.А. 183, 191
 Столыпин П.А. 128
 Стороженко Н.И. 101
 Страхов Н.Н. 47, 98, 100, 107, 108, 479
 Страхов Ф.А. 110, 466
 Строганов М.В. 94, 95, 479
 Суворов В. 189
 Суханова И.А. 272, 479
 Сухих О.С. 262, 410, 479
 Сухих С.И. 222, 226, 480
 Сухотин М.С. 110, 186, 192, 194, 199, 214–216, 446
 Сухотина-Альбертини Т.М. 172, 173, 461
 Сухотина-Толстая Т.Л. 10, 94, 98, 102, 108, 110, 126, 127, 160–169, 171, 172, 176, 184, 191, 194, 207, 215, 217, 446, 450, 465, 473, 481
 Темур 130
 Тимакова А.А. 235, 236, 395, 480
 Тимашева О.В. 436, 480
 Тищенко Ф.Ф. 109
 Токарев Г.В. 148, 209, 210, 480
 Толстая (урожд. Берс) С.А. 29, 31, 34, 94, 97, 98, 103, 108, 117, 147, 150, 152–156, 158, 161–163, 165, 166, 172, 180, 183, 185, 190–192, 200, 202, 203, 205, 207–210, 213, 340, 341, 343–345, 349, 432, 433, 441, 443, 444, 452, 453, 470, 471
 Толстая (урожд. Дитерихс) О.К. 207
 Толстая А.А. 30, 148, 252
 Толстая А.Л. 76, 183, 187, 190–192, 203, 204, 213, 215, 216, 440, 443, 444
 Толстая М.Л. 94, 163, 165, 176
 Толстая М.Н. 157, 177, 178, 204, 205, 400, 450
 Толстая-Есенина С.А. 403, 414, 419, 465
 Толстой А.Л. 178, 183
 Толстой И.Л. 163, 451
 Толстой Л.Л. 102, 163, 182, 184
 Толстой Н.Н. 30, 178, 458
 Толстой С.Л. 84, 120, 184
 Толстой С.Н. 30, 103, 104, 178
 Толстой Ф.И. 120
 Толстой Ф.П. 331
 Томашевский А.К. 34
 Троянский (Тростянский М.И.) 290
 Трубецкая Н.А. 376, 480
 Трубецкие 119
 Трубилова Е.М. 288, 478
 Тулякова А.А. 87, 480
 Туниманов В.А. 30, 119, 188, 472
 Тургенев И.С. 37–39, 54, 73, 76, 77, 88, 106, 127, 178, 223, 244, 288–290, 316, 325, 465, 474, 476, 478, 480
 Тургенев Н.И. 317
 Турышева О.Н. 271, 281, 282, 480
 Тэн И. 103
 Тюпа В.И. 268, 282, 479, 480
 Тютчев Ф.И. 73, 76, 77, 88, 476
 Уорд Г. 108
 Урюпин И.С. 247, 480

- Фадеев А. 354
 Файнерман И.Б. 111
 Фатеев В.А. 194, 480
 Фаустов А.А. 264, 476
 Федин К.А. 11, 351–387, 465, 468, 476, 477, 479, 481
 Федина И. 353, 367, 465
 Федорова Л. 313, 480
 Фельзен Ю. 221
 Феокритова В.М. 443
 Ферре Н.Н. 75
 Фет А.А. 31–33, 35–37, 48, 68, 98, 299, 340, 465, 481
 Фирсова А.В. 263, 481
 Фортен Р.Э. см. Fortin R.E.
 Фролов П. 200
 Фролова Н.В. 36, 67, 68, 481
 Хаджи-Мурат 141
 Хиндус М. 349, 481
 Христенко Д.Н. 349, 481
 Хусиханов А.М. 380, 481
 Хуторской А.В. 392, 481
 Цявловский М.А. 317, 481
 Чайковский М.И. 100
 Чайковский П.И. 100, 199
 Чеботаревская Е.Н. 403, 414, 419, 465
 Чертков В.Г. 76, 77, 129, 175, 190, 192, 200, 203, 213, 345, 433
 Чертков Дима (Чертков В.В.) 207, 214
 Черткова А.К. 112
 Чертковы 117, 202, 210
 Чехов А.П. 77–84, 104, 254, 255, 273, 290–292, 302, 306, 310, 465, 470, 471, 476, 477, 489
 Чингисхан 130, 138
 Чистяков А.В. 416, 481
 Чичерин Б.Н. 394, 466
 Чуваков В.Н. 241, 251, 258, 481
 Чудакова М. 339, 344, 347, 475
 Чуканова Е.А. 133, 481
 Чхеидзе К. 221
 Шанкара 130
 Шарапова К.И. 106
 Шевченко Е.С. 321, 481
 Шекспир У. 101, 244
 Шелгунов Н.В. 390
 Шеллер (Михайлов) А.К. 61, 464
 Шифман А.И. 129, 136, 137, 165, 169, 481
 Шкляева Е.Л. 151, 159, 481
 Шмелев И.С. 306, 476
 Шмидт М.А. 171
 Шолохов М.А. 11, 220–236, 354, 355, 465, 469, 470, 477, 480, 482
 Шопенгауэр А. 178
 Шоу Б. 109
 Штайн К.Э. 80, 476
 Штейман М.С. 346, 347, 482
 Шульгин Я.Н. 290
 Шульц Э.Э. 356, 482
 Щеблыкин И.П. 233–235, 482
 Щеголев С.И. 413, 414, 420
 Щеголева М.И. 420
 Эйнгорн Н. 130
 Эпиктет 111
 Юдин Е.Е. 275, 482
 Юфан 33
 Якушкин П.И. 130
 Annunziata A. 20, 482
 Fortin R.E. 279, 482
 Frank E. 413, 482
 Kelly M.M.F. 283, 482

Об авторе:

Валерия Геннадьевна Андреева (Москва, Россия) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН).

<https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

About the author:

Valeria G. Andreeva (Moscow, Russia), DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS).

<https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

В серии
«Русская усадьба в мировом контексте»

вышли книги:

Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 288 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1) — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8>

Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 352 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2) — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0623-9>

Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 344 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3) — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7>

Скороходов М.В. Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е.В. Глухова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 272 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4) — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0636-9>

Дмитриева Е.Е. Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы): монография / отв. ред. Г.А. Велигорский. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 768 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 5) — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0637-6>

Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преображения: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 384 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6) — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5>

Велигорский Г.А. «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века: монография / отв. ред. В.Г. Андреева. — М.: ИМЛИ РАН, 2022. — 416 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 7) — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0701-4>

Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2024. — 672 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8) — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8>

Богданова О.А. Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность: монография / отв. ред. М.В. Скороходов. — М.: ИМЛИ РАН, 2024. — 560 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 9). — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0>

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

В.Г. Андреева

*Ясная Поляна до и после ухода Л.Н. Толстого:
жизнь усадьбы в русской литературе XX–XXI вв.*

СЕРИЯ

«РУССКАЯ УСАДЬБА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ»

Вып. 10

Выпускающий редактор

А.Ю. Антонов

Компьютерная верстка

А.З. Бернштейн

В оформлении обложки использована картина
Виктора Павловича Батурина «Дом Л.Н. Толстого в Ясной Поляне» (1911).
Масло, холст. 62 × 92 см. Государственный музей-заповедник Л.Н. Толстого

Подписано в печать 12.08.2026

Формат 60×90^{1/16}

Усл.-печ. л. 31,0

Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
тел. (495)690-05-61

ISBN 978-5-9208-0859-2

9 785920 808592 >

Задача серии — аккумулировать результаты работы по реализуемым в ИМЛИ имени А.М. Горького РАН проектам Российского научного фонда № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (рук. О.А. Богданова) и № 22-18-00051 (№ 22-18-00051-П) «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О.А. Богданова), намечать и открывать перспективы новых исследований в области изучения феноменов усадьбы и дачи в русской и мировой литературе XVIII–XXI вв., доносить до научной общественности достижения современного литературоведческого усадьбоведения.

В течение 2019–2026 гг. в рамках серии вышли десять (включая данный выпуск) индивидуальных и коллективных монографий, в которых были представлены исследования по четырем главным научным направлениям, заложенным в 2018–2025 гг.: историко-литературному, теоретико-методологическому, компаративному и междисциплинарному.

В индивидуальных монографиях О.А. Богдановой, М.В. Скороходова, Е.Е. Дмитриевой, Г.А. Велигорского, В.Г. Андреевой отражены научные открытия их авторов. Коллективные монографии были подготовлены по итогам проведенных в рамках проекта Международных научных конференций: «“Усадебный топос” в русской литературе конца XIX — первой трети XX в.: отечественный и мировой контекст», проходившей в ИМЛИ РАН и в усадьбе-санатории «Узкое» ФНКЦ РР 19–23 июня 2019 г.; «Усадьба реальная — усадьба литературная», проходившей в ИМЛИ РАН и в Государственном музее-заповеднике А.П. Чехова «Мелихово» 25–26 сентября 2020 г.; «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения», проходившей в ИМЛИ РАН и в ГМИРЛИ имени В.И. Даля 22–24 июня 2023 г., — которые собрали докладчиков из разных городов России, а также многих зарубежных стран.